

ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

Вестник МГОУ

ПОЛИТОЛОГИЯ

ФИЛОЛОГИЯ

ПСИХОЛОГИЯ

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Основан в 2010 году

№ 3 / 2020

**Сетевое научное издание, включенное в Перечень ВАК
по следующим научным специальностям:**

- 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки);
- 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки);
- 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки);
- 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки);
- 10.02.19 – Теория языка (филологические науки).

BULLETIN MRSU

Учредитель издания:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Абрамов А.В. – к.пол.н., доц., Московский государственный областной университет

Заместители главного редактора:

Крамаренко Н.С. – д.псих.н., доц., проф. Московский государственный областной университет;

Левченко М.Н. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет.

Раздел «Политология»

Багдасарян В.Э. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Вилков А.А. – д.пол.н., проф., Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского;

Егоров В.Г. – д.и.н., проф., Московский государственный областной университет;

Комлева Н.А. – д.пол.н., проф., Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина;

Манойло А. В. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Маркаров А.А. – д.пол.н., проф., Ереванский государственный университет (Армения); Армянский филиал Института стран СНГ (Ереван);

Мартынов М.Ю. – д.пол.н., доц. Сургутский государственный университет;

Сельцер Д.Г. – д.пол.н., проф., Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина;

Соловьев А.И. – д.пол.н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Федорченко С. Н. – к. п. н., доц., Московский государственный областной университет;

Феофанов К.А. – д.пол.н., проф., Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»;

Ширинянц А.А. – д.пол.н., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Штоль В.В. – д.пол.н., проф., Центрально-Европейский университет в Скалице (Словакия).

Раздел «Психология»

Бауэр Елена Анатольевна – д. псих. н., член-корреспондент РАО;

Карабанова О.А. – д. псих. н., проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;

Носс И.Н. – д.псих.н., проф., Московский государственный областной университет;

Скрипкина Т.П. – д.псих.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет;

Степанов В.Г. – канд. псих.н., проф., Московский педагогический государственный университет;

Суворова О.В. – д.псих.н., проф., Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина;

Толстикова С.Н. – д.псих.н., доц., Московский городской педагогический университет;

Цветкова Н.А. – д.псих.н., доц., Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Раздел «Филологические науки»

Алефиренко Н.Ф. – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Иссерс О.С. – д.филол.н., Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского;

Леденёва В.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Маркова Е.М. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Мокиенко В.М. – д.филол.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет;

Никитин О.В. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет;

Радченко М.В. – д.филол.н., проф., Задарский университет (Хорватия);

Симашко Т.В. – д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Сипко Йосеф – к.филол.н., доктор, проф., Прешовский университет (Словакия);

УДК 32.019.5

Абрамян А. С.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ПОПУЛИЗМА

АННОТАЦИЯ

Целью исследования являются определение основных признаков современного популизма и формулировка авторской дефиниции понятия «популизм».

Процедура и методы. Проведён анализ работ российских и западных политологов, посвящённых популизму и политической практике проявления популизма.

Результаты. Сделан вывод, что в концептуальном плане популизм – беспредметен и является набором методов и средств публичного взаимодействия политика с народом с целью получения общественной поддержки. Популисты также с целью получения власти и давления на эмоции избирателей проводят политические выступления, характеризующуюся эксцентричностью, апелляцией к народным массам, акцентированием внимания на защите интересов народа, противоположным мнению элит. Спрос на популизм обусловлен прежде всего кризисом представительной власти (парламентов и партий), которые не могут дать адекватный ответ на вызовы времени: проблему миграции, снижения уровня жизни населения и т.п. представительной власти – парламентов и политических партий, где важной повесткой является проблема мигрантов в странах ЕС.

Теоретическая и практическая значимость. Проведённое исследование позволяет использовать его материалы и теоретические результаты в разработке специализированных курсов по изучению современных глобализационных процессов, политическому лидерству, развитию партий, а также политики мультикультурализма. Положения и выводы, предложенные в статье, могут применяться для дальнейшего анализа коммуникативных практик, направленных на повышение эффективности взаимодействия органов государственной власти и общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

популизм, политические технологии, политический кризис, США, Европейский Союз

СТРУКТУРА

Введение

Противопоставление народа правящей элите

Плебисцитарность

Игра на публику

Выводы

A. Abramyan

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoi, Mytishi 141014, Moscow Region, Russian Federation

ABOUT SIGNS OF POPULISM

ABSTRACT

Aim. Definition of the main features and properties of populism in the modern world. The article is designed to scientifically answer the questions: what is populism in the modern political world?

Methodology. The study analyzed the work of political scientists on the problem of populism and the political practice of the populism manifestation in Western countries.

Results. The conclusion is that, in a conceptual sense, populism is pointless and is a set of methods and means of public interaction between a politician and the people in order to obtain public support. To gain power and influence on the emotions of voters, populists are pursuing a policy characterized by eccentricity, appeal to the masses, focus on protecting the interests of the people, the opposite of the opinion of the elites. The demand for populism is due to certain factors such as the crisis of representative power – parliaments and political parties, where the problem of migrants in EU is an important issue.

Research implications. The research materials and theoretical results can be used primarily in political studies. They can also be applied in the development of specialized courses on modern globalization processes, political leadership, party development, as well as on the policy of multiculturalism. The provisions and conclusions proposed by the author can be used for further analysis of communicative practices aimed at improving the effectiveness of interaction between government bodies and society.

KEYWORDS

populism, political technology, political crisis, Donald Trump, USA, European Union

ВВЕДЕНИЕ

Избирательные кампании последнего десятилетия характеризуются триумфом популистов. Если в 1990-х гг. они довольствовались 5–7% мест в парламентах европейских стран, то в настоящее время получают около 25% голосов на выборах.

Популизм – явление не новое. Понятие происходит от латинского *populus*, что переводится как «народ».

Британский исследователь М. Канован указывает, что «популизм – это обращение к “народу”, противопоставляемому равно как установленной структуре правительства, так и возвышаемым в обществе ценностям» [7, р. 3]. Таким образом, апелляция к народу – это определённого рода риторический приём.

Российский исследователь А. Малько отмечает, что популизм – это «предложение нереальных, но популярных обещаний для достижения определённых политических целей» [5, с. 104].

Такие исследователи, как Ю. П. Аверин, В. А. Солохин, относили популизм к отрицательным явлениям политической жизни, включающим в себя набор определённых политических методов, прежде всего – демагогии [2].

По словам профессора, доктора политических наук Принстонского университета Я.-В. Мюллера, «популисты обозначают, что они выступают от имени “настоящих людей”»¹. Последнее предполагает критику не программных установок политических оппонентов, но самих оппонентов, которые объявляются нелегитимными, непрофессиональными и коррумпированными.

О популистской демократии пишет классик американской политологии Р. Даль, указывая такие её признаки, как всенародный суверенитет и общественно-политическое равенство, основанное на правлении большинства [3]. Именно большинство устанавливает, кто именно станет господствовать, кому будут доверены рычаги управления страной, республикой, зоной, мегаполисом либо регионом, кто именно станет создавать законы, согласно которым будет необходимо жить обществу.

Как видим, единое устоявшееся определение популизма отсутствует, но чаще всего понятие употребляется в негативном смысле. На основании этого исследователи приходят к мнению, что популизм – феномен противоречивый и неустойчивый [6, р. 490].

Порождаемый демократией, популизм представляет угрозу народовластию, поскольку подменяет решение проблем политической риторикой и может способствовать приходу к власти общественно-политических лидеров с явно выраженными авторитарными тенденциями. По этой причине для противодействия популизму и уменьшения отрицательных результатов воздействия популистов на общественно-политическую жизнь необходимо изучение данного феномена. Началом такого исследования могут стать выявление характерных черт популизма и формулировка рабочего определения понятия. Это и составляет цель настоящей работы.

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ НАРОДА ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЕ

Как показывает политическая практика, первым признаком популистской риторики в представительных демократиях является противопоставление народа правящей элите. В этой связи социологическая концепция популизма представляет собой стратифицирование общества на две однородные и антагонистические группы: «настоящие люди» и «коррумпированная элита». Популисты утверждают, что политика должна быть выражением общей воли народа, и выступают в роли разоблачителей неэффективного меньшинства, похитившего у простых людей власть и право распоряжения национальными богатствами. Другими словами, не бывает популизма без упоминания народа как единого целого. Данное лучше всего иллюстрирует начало пафосной речи Дж. Уоллеса при вступлении

¹ Muller J.-W. Capitalism in One Family [Электронный ресурс] // London review of books. URL: <https://www.lrb.co.uk/v38/n23/jan-werner-muller/capitalism-in-one-family> (дата обращения: 12.02.2020).

в должность губернатора штата Алабама: «От имени величайшего народа, когда-либо существовавшего на Земле, я прокладываю границу в поле...»².

Проблема заключается в том, что, позиционируя себя человеком из народа, популист, как правило, сам является представителем элиты. Примером может служить Президент США Д. Трамп – миллионер, провозглашающий себя рядовым гражданином США.

Популисты целенаправленно культивируют вражду к тем, кто, по их мнению, угрожает интересам простых людей. Помимо так называемой коррумпированной политической элиты, врагами также могут выступать мигранты и иные социальные группы. В условиях роста эмансипации граждан происходит то, что американский политический социолог Р. Инглхарт характеризовал как «когнитивную мобилизацию» [9].

Помимо коррумпированности, популисты обвиняют своих политических соперников (правящую элиту) в безнравственности и развращённости. Из сказанного вытекает, что не поддерживающие популистов граждане не являются настоящим народом. Последний же наделяется качествами высокой нравственности и непогрешимой чистоты. Один из активных сторонников брексита Н. Фарадж во время выборов в Европейский парламент 2014 г. заявлял о «противопостоянии национальной демократии против государственных бюрократов ЕС»³. В другом случае Б. Грилло, лидер итальянской партии «Движение пяти звёзд», объявлял врагом народа «бесчестный политический класс» [8, р. 57]. При этом, как отмечал французский мыслитель К. Лефон, «прежде всего необходимо “извлечь” настоящий народ из общего народа» [4, с. 106].

Таким образом, популистам присущи разделение и противопоставление «хорошего народа» и «плохой элиты», что предполагает критическую оценку правителей. Но, обозначая народ единым целым, популисты исключают из него лояльную элите часть.

ПЛЕБИСЦИТАРНОСТЬ

Вторым признаком популизма является его плебисцитарность. Популисты стараются обходить традиционные политические институты, СМИ и иные структуры, выступающие в роли посредника в общении политика с народом. Популисты апеллируют напрямую к избирателям, используя в качестве каналов коммуникации интернет.

Согласно голландскому политологу К. Мудде, в лице социальных сетей популисты получили ту платформу, где они могут законно представлять

² Inaugural Address of Gover George C. Wallance. January 14. 1963. Montgomery, Alabama [Электронный ресурс] // Alabama Department of Archives and History. URL: <http://digital.archives.alabama.gov/cdm/ref/collection/voices/id/2952> (дата обращения: 23.08.2019).

³ Farage N. Big Banks, Big Business and Big Bureaucrats Run the EU [Электронный ресурс] // UKIP MPs. [15.01.2014]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=I93yjako2j8> (дата обращения: 05.09.2019).

так называемые интересы народа⁴. Такие ресурсы, как Twitter и Facebook, позволяют лидерам партий напрямую общаться с избирателями, отвечать на их запросы. Статистика пользования соцсетями (табл. 1) действительно демонстрирует, что они стали важнейшей коммуникационной площадкой. По мнению популистов, в современную эпоху взаимодействие через социальные сети и есть истинное народовластие.

Таблица 1 / Table 1

Статистика зарегистрированных пользователей в социальных сетях /
Statistics of registered users in social networks

Наименование	Количество зарегистрированных пользователей
Facebook	2.4 млрд
YouTube	1.9 млрд
Instagram	1 млрд
Twitter	330 млн

Источник: Статистика социальных медиа 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.miralinks.ru/2019/12/26/social-media-statistics-2019> (дата обращения: 01.03.2020).

Риторика популистов находит идеального союзника в лице пользователя интернета. В отличие от традиционных средств массовой информации, в социальных сетях отсутствуют ограничения на передачу информации. Кроме того, социальные сети бросают вызов меритократическим ценностям традиционных СМИ. Эта особенность социальных сетей усиливает идеологию популистов против истеблишмента. В силу этого популисты выигрывают сражение в политическом киберпространстве, намного превосходя своих противников.

Потенциальная опасность такого подхода связана с игнорированием традиционных демократических институтов.

ИГРА НА ПУБЛИКУ

Важным признаком популизма является так называемая игра на публику. Определённая часть электората, воспитанная на различных шоу, требует яркости и в политической жизни. Отвечая на запрос граждан, жаждущих ярких эмоций, политики-популисты ведут себя эксцентрично, эпатажно, заявляют то, о чём другие политики молчат. Иначе говоря, желая привлечь электорат на свою сторону, популисты нарушают складывавшиеся годами негласные «правила политической игры».

Примером политика такого рода является С. Берлускони – фигура настолько яркая, насколько же и неоднозначная. К середине 1980-х гг. благода-

⁴ Новая книга Каса Мудде: Как ультраправые стали нормой и что о них нужно знать // Экспертная группа «Европейский диалог»: [сайт]. URL: <http://www.eedialog.org/ru/2019/09/20/novaya-kniga-kasa-mudde-kak-ultrapravye-stali-normoj-i-cto-o-nih-nuzhno-znat> (дата обращения: 05.09.2019).

ря успешному бизнесу в сфере телевидения, рекламы и футбола Берлускони стал одним из самых влиятельных людей Италии. В одной из своих предвыборных кампаний Берлускони заявил, что представляет собой «человека из народа, добившегося всего в жизни собственным трудом и свободным от связей со старой коррумпированной элитой»⁵. Зная секреты организации телевизионных и спортивных шоу, Берлускони одним из первых политиков на Западе смог привести массового зрителя и футбольного болельщика на избирательный участок.

Автор исследования «Глобальный подъём популизма» Б. Мофит отмечает «плохое поведение» как особую черту популистов. Это может проявляться в грубости или в публичных угрозах в адрес оппонента. Так, например, Д. Трамп во время предвыборной гонки часто упоминал о необходимости судебного разбирательства и даже тюремного срока в отношении своего конкурента – Х. Клинтон. Российским примером может выступать В. В. Жириновский, который неоднократно угрожал оппонентам во время дебатов.

Нарушая различные нормы, устраивая шоу, популист старается приблизиться к народу. В стратегии партии «Альтернатива для Германии» 2017 г. прямо записано, что задачами организации выступают разрушение табу, провокации и «привлечение внимания»⁶.

Таким образом, для достижения политических целей политики-популисты стремятся стереть стандартные границы и нарушить устоявшиеся правила, чтобы выделиться из числа традиционных политиков.

ВЫВОДЫ

Проведённое исследование позволяет сделать несколько выводов. Прежде всего популизм не является самостоятельной идеологией и может приобретать свойства как правых, так и левых концепций.

Например, левые популисты, такие как «Непокоренная Франция» и испанское течение «Подemos», акцентируют внимание на «социальном неравенстве», которое необходимо преодолеть с помощью государственного финансирования и привлечения широких слоёв населения к управлению. Объектом критики левых выступают Европейский Союз и правительства конкретных стран, определяемые как марионетки мировой финансовой системы. «Политика жёсткой экономии» и «неолиберализм» – вот ключевые мишени левосторонних популистов [10].

По своему отстаивают интересы «простых людей» и правые популисты. Они объявляют своими противниками, с одной стороны, национальные и европейские элиты, а с другой – мигрантов и беженцев. Маттео Сальвини,

⁵ Сильвио Берлускони // Peoples.ru. URL: http://www.peoples.ru/state/king/italy/silvio_berlusconi (дата обращения: 20.01.2020).

⁶ Leif T. Provokation statt Problemlösung // Tagesschau.de. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/afd-strategiepapier-101.html> (дата обращения: 05.09.2019).

лидер правопопулистской партии «Лига Севера», после назначения на пост министра внутренних дел в своём аккаунте в Twitter цитировал знаменитую фразу Муссолини: «Больше врагов, больше чести»⁷.

Как видно из вышеописанного, популизм не является самостоятельным политическим направлением с устоявшимися программами и идеологической доктриной. В концептуальном плане популизм – беспредметен, так как он является набором методов и средств публичного взаимодействия политика с народом с целью получения общественной поддержки. Популизм, таким образом, представляет собой оболочку, которую можно наполнить любым актуальным идеологическим смыслом, как левым, так и правым [1].

Всё это позволяет сформулировать рабочее определение популизма. С нашей точки зрения, популизм представляет собой политическую риторику, характеризующуюся эксцентричностью, апелляцией к народным массам, акцентированием внимания на защите интересов народа, противоположных мнению элит. Целью такой риторики выступает получение власти на выборах путём максимального давления на эмоции избирателей. Популизм, таким образом, выступает совокупностью политических технологий, включающих в себя своеобразные методы воздействия на избирателей.

Спрос на популизм обусловлен рядом объективных факторов. В своём многолетнем исследовании роста популистских партий Р. Инглхарт и П. Норрис объясняли этот феномен сочетанием социально-экономических причин – стагнации реальной заработной платы и ощущаемой экономической незащищённости граждан – и культурных факторов, таких как противодействие мультикультурализму и космополитизму [9].

К числу объективных причин следует добавить и политические. В частности, кризис представительной власти – парламентов и политических партий. Важным фактором роста популизма является проблема мигрантов в странах ЕС. Ограниченность действий властей в отношении прибывших, неэффективность политики толерантности и мультикультурализма привели к разочарованию коренного населения западных стран в своих традиционных политиках.

Принимая во внимание нерешённые проблемы, политические партии и лидеры, именуемые популистами, подхватывают самые острые темы и играют на чувствах и эмоциях.

Присутствие в европейских правительствах лидеров от популистских партий, победа Д. Трампа в президентских выборах, успех брексита в Великобритании доказывают, что популисты могут успешно использовать в своих целях политическую риторику. Распространение популизма сигнализирует о большой опасности, которой подвергается современное общество:

⁷ Matteo Salvini en Twitter. URL: <https://twitter.com/matteosalvinimi/status/1023500457229070336> (дата обращения: 02.03.2020).

заигрывание с народом, презентация простых решений сложных проблем, игнорирование «правил политической игры» свидетельствуют о кризисе функционирования традиционных институтов демократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамян А. С. Генезис и развитие популизма в западных странах [Электронный ресурс] // Журнал политических исследований. 2019. Т. 3. № 2. URL: <https://naukaru.ru/ru/nauka/issue/1724/view> (дата обращения: 23.08.2019).
2. Аверин Ю. П., Солохин В. А. Особенности формирования популизма в деятельности представительного органа государственной власти: теоретико-методологический анализ // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 1998. № 1. С. 71–86.
3. Даль Р. Введение в теорию демократии / пер. с англ. М.: Наука: Квадрат, 1992. 160 с.
4. Лефор К. Политические очерки (XIX–XX вв.) / пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: РОССПЭН, 2000. 368 с.
5. Малько А. В. Популизм как тормоз демократии // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 104–111.
6. Arter D. The Breakthrough of Another West European Populist Radical Right Party? The Case of the True Finns // Government and Opposition. 2010. Vol. 45. № 4. P. 486–504.
7. Canovan M. Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy // Political Studies. 1999. Vol. 47. № 1. P. 2–16.
8. Corbetta P., Vignati R. Direct Democracy and Scapegoats: the Five Star Movement and Europe // The International Spectator. 2014. Vol. 49. № 1. P. 53–64.
9. Inglehart R. Cognitive mobilization and European identity // Comparative Politics. 1970. Vol. 3. № 1. P. 4–7.
10. Priester K. Wesensmerkmale des Populismus // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2012. № 5–6. P. 3–9.

REFERENCES

1. Abramyan A. S. [Genesis and development of populism in Western countries]. In: *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of political research], 2019, vol. 3, no. 2. Available at: <https://naukaru.ru/ru/nauka/issue/1724/view> (accessed: 23.08.2019).
2. Averin Yu. P., Solokhin V. A. [Features of the formation of populism in the activities of a representative body of state power: theoretical and methodological analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18: Sociology and Political Science], 1998, no. 1, pp. 71–86.
3. Dahl R. A Preface to Democratic Theory (Russ. ed.: *Vvedenie v teoriyu demokratii*. Moscow, Nauka Publ., Kvadrat Publ., 1992. 160 p.).
4. Lefort C. Essais sur le politique : XIXe et XXe siècles (Russ. ed.: Samarskaya E. A., transl. *Politicheskie ocherki (XIX–XX vv.)*. Moscow, Russian political encyclopedia Publ., 2000. 368 p.).

5. Mal'ko A. V. [Populism as a brake on democracy]. In: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 1994, no. 1, pp. 104–111.
6. Arter D. The Breakthrough of Another West European Populist Radical Right Party? The Case of the True Finns. In: *Government and Opposition*, 2010, vol. 45, no. 4, pp. 486–504.
7. Canovan M. Trust the People! Populism and the Two Faces of Democracy. In: *Political Studies*, 1999, vol. 47, no. 1, pp. 2–16.
8. Corbetta P., Vignati R. Direct Democracy and Scapegoats: the Five Star Movement and Europe. In: *The International Spectator*, 2014, vol. 49, no. 1, pp. 53–64.
9. Inglehart R. Cognitive mobilization and European identity. In: *Comparative Politics*, 1970, vol. 3, no. 1, pp. 4–7.
10. Priester K. Wesensmerkmale des Populismus. In: *Aus Politik und Zeitgeschichte*, 2012, no. 5–6, pp. 3–9.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 12.03.2020

Статья размещена на сайте: 19.08.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Абрамян Артём Сергеевич – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: artem.am@mail.ru

Artem S. Abramyan – Postgraduate Student, Department of the Political Science and Law, Moscow Region State University; e-mail: artem.am@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Абрамян А. С. К вопросу о признаках популизма // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Abramyan A. S. About signs of populism. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 94 (575.2) "2020"

Бочарников И. В.

Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности
119571, г. Москва, ул. Плеханова, д. 15, стр. 2, Российская Федерация
Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана
105005, г. Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1, Российская Федерация

Овсянникова О. А.

Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности
119571, г. Москва, ул. Плеханова, д. 15, стр. 2, Российская Федерация
Академия военных наук
119330, г. Москва, Университетский пр-т, д. 14, Российская Федерация

КИРГИЗИЯ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

АННОТАЦИЯ

Цель. Определение основных трендов развития политической и социально-экономической ситуации в Киргизии в условиях влияния различного уровня факторов (глобального – пандемия коронавируса; международного – влияние отдельных международных акторов; локального – внутриполитические процессы), а также состояния и перспектив в формирующейся ситуации российско-киргизских отношений.

Процедура и методы. Посредством факторного анализа рассмотрены основные тренды развития внутриполитической ситуации в Киргизии, межгосударственных отношений с сопредельными странами и членами Евразийского экономического сообщества, а также обеспечения безопасности и стабильности в региональной центральноазиатской системе международных отношений.

Результаты. Подтверждена гипотеза, что в Киргизии постпандемийная ситуация отличается кризисностью, резким снижением показателей социально-экономического развития и усилением зависимости от внешних финансовых регуляторов, а также осложнением отношений с сопредельными странами, особенно с Таджикистаном вследствие неурегулированных пограничных вопросов и Казахстаном из-за проблем таможенного регулирования. Очевидной является также чрезмерная активность в Киргизии различного рода международных неправительственных организаций и структур, работающих как с органами государственной власти, так и с оппозицией. Пройдя опыт государственных переворотов в Киргизии (2005 и 2010 гг.), осуществлённых при непосредственном участии этих структур, их деятельность на территории Киргизии предопределяет необходимость учёта при реализации центральноазиатской политики России.

Теоретическая и/или практическая значимость. Положения статьи, а также выводы и рекомендации могут быть использованы аналитическими структурами для оценки ситуации и выработки предложений по корректировке политического курса в отношении Киргизии и в целом политики России в Центрально-Азиатском регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Центрально-Азиатский регион, пандемия коронавируса, социально-экономическая ситуация, внутриполитическая стабильность, трудовые мигранты, внешние взаимодействия, приграничные конфликты, российско-киргизские отношения

СТРУКТУРА

Введение

Экономическое положение Киргизии

Мигранты и протестный потенциал

Приграничные конфликты

Российско-киргизские отношения

Отношения с США, Турцией и Китаем

Заключение

I. Bocharnikov*Research Center for National Security Problems**15, str. 2, Plekhanova ul., Moscow 119571, Russian Federation**Bauman Moscow State Technical University**5, str. 1 2-ya Baumanskaya ul., Moscow 105005, Russian Federation***O. Ovsyannikova***Research Center for National Security Problems**15, str. 2 ul. Plekhanova, Moscow 119571, Russian Federation**Academy of Military Sciences**14 Universitetskii prosp., Moscow 119330, Russian Federation***KYRGYZSTAN AFTER THE PANDEMIC: THE MAIN TRENDS OF DEVELOPMENT****ABSTRACT**

Aim. To determine the main directions of the political and socio-economic situation development in Kyrgyzstan under the influence of various levels of factors (global – the coronavirus pandemic; international – the influence of individual international actors; and local – domestic political processes), as well as the state and prospects in the emerging situation of Russian-Kyrgyz relations.

Methodology. Through factor analysis, the main trends in the development of the domestic political situation in Kyrgyzstan, interstate relations with neighboring countries and members of the Eurasian economic community, as well as ensuring security and stability in the regional Central Asian system of international relations are considered.

Results. The hypothesis is confirmed that the post-pandemic situation in Kyrgyzstan is characterized by a crisis, and a sharp decline in socio-economic development indicators and increased dependence on external financial regulators. Besides, the complication of relations with neighboring countries, especially with Tajikistan, due to unresolved border issues, and Kazakhstan-due to problems of customs regulation are among the crisis indicators. The excessive activity of various international non-governmental organizations and structures working with both state authorities and the opposition in Kyrgyzstan is also obvious. Taking into account the practice of state coups in Kyrgyzstan (of 2005 and 2010), carried out with the direct participation of these structures, their activities on the territory of Kyrgyzstan predetermine the need to take into account the implementation of Russia's Central Asian policy.

Research implications. The provisions of the article, as well as conclusions and recommendations, can be used by analytical structures to assess the situation and develop proposals for adjusting the political course towards Kyrgyzstan and Russia's overall policy in the Central Asian region.

KEYWORDS

Central Asian region, coronavirus pandemic, socio-economic situation, internal political stability, labor migrants, external borrowing, border conflicts, Russian-Kyrgyz relations

ВВЕДЕНИЕ

Кризис, вызванный распространением COVID-19, оказал значимое влияние на состояние и тенденции развития социально-экономической ситуации и политических процессов в Киргизской Республике.

В экономическом плане чрезвычайно значимыми являются вопросы преодоления стагнации и резкого спада производства, в том числе сельскохозяйственного и промышленного.

По мнению экспертов, республики Центральной Азии, включая Киргизию, ожидают рост инфляции, появление большего количества бедных и крайне бедных, снижение доходов среднего класса и покупательной способности национальных валют¹. Следует ожидать и роста безработицы. Вместо заложенного в прежний вариант 5% роста ВВП снизился уже на 5,3%². А это худший предварительный показатель среди всех стран региона.

Промышленное производство Киргизии, согласно прогнозам, снизится на 4,7%, сфера услуг потеряет 9%, а инфляция разгонится вдвое, почти до 11%.

В социальном плане чрезвычайно актуализируются вопросы удовлетворения основных жизненно важных потребностей населения, исключения роста напряжённости на почве резкого обнищания населения и роста безработицы, в том числе на фоне массового возвращения трудовых мигрантов, лишившихся работы в России и других странах.

По прогнозам, среднемесячная зарплата в ближайшей перспективе сократится с почти 18 тыс. до 17,3 тыс. сомов, а прожиточный минимум, наоборот, вырастет. С 5,8 до 7,3% увеличится и уровень безработицы. В дальнейшем в Киргизии, по признанию правительства, могут возникнуть проблемы с выплатой пенсий и зарплат³.

В политическом плане следствием пандемии и последовавшего социально-экономического кризиса является усиление протестных настроений. С учётом опыта и практики цветных переворотов рост протестности в Киргизии может напомнить о существующей здесь традиции силовой смены власти.

Помимо этого кризисное развитие социально-экономической ситуации и необходимость финансовых влияний предполагают усиление зависимости Киргизии от внешних и международных финансовых регуляторов, тем самым снижая уровень суверенности политического руководства Киргизии при принятии решений по вопросам внешней и внутренней политики.

В связи с вышеизложенным целью исследования является определение основных трендов развития политической и социально-экономической ситуации в Киргизии в условиях влияния различного уровня факторов (глобального – пандемия коронавируса; международного – влияние отдельных международных акторов; локального – внутривнутриполитические процессы), а также состояния и перспектив в формирующейся ситуации российско-киргизских отношений.

¹ Экономические последствия пандемии коронавируса для стран ЕАЭС // Клуб региональных экспертов «Пикир»: [сайт]. URL: <http://pikir-klub.kg/sobytiya/2165-ekonomicheskie-posledstviya-pandemii-koronavirusa-dlya-stran-eaes.html> (дата обращения: 06.07.2020).

² Кудрявцева Т. Секвестированный бюджет. На что будет жить Кыргызстан // ИА «24.kg»: [сайт]. URL: https://24.kg/ekonomika/152653_sekvestirovannyiy_byudjet_nachto_budet_jit_kyrgyzstan (дата обращения: 06.07.2020).

³ Каримов Д. Испытание пандемией. Как Киргизия, интегрированная в Евразийский союз, перестраивает свою экономику // Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2020/05/20/pandemii-vynudit-kirgiziiu-peresmotret-model-razvitiia-strany.html> (дата обращения: 06.07.2020).

Для реализации данной цели используется факторный анализ, позволяющий определить основные тренды развития внутривнутриполитической ситуации в Киргизии, межгосударственных отношений с сопредельными странами и членами Евразийского экономического сообщества, а также обеспечения безопасности и стабильности в региональной центральноазиатской системе международных отношений.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КИРГИЗИИ

Важнейшим фактором, определяющим динамику развития социально-экономических процессов, является снижение доходной части бюджета.

По официальным данным, дефицит государственного бюджета Киргизии только за 4 месяца 2020 г. (январь – апрель) достиг 10 млрд 540,9 сомов (10 млрд 110 млн руб.).

Вызванные пандемией трудности руководство Киргизии предполагает решать посредством:

- корректировки (секвестра) бюджета;
- обращения за новыми кредитами;
- жёсткой экономии, предусматривающей резкое сокращение госрасходов.

8 июня 2020 г. вступил в силу закон⁴, в соответствии с которым республиканский бюджет утверждён по доходам в сумме 135 346,8 млн сомов и расходам в сумме 163 млрд 039,0 млн сомов, предельный размер дефицита республиканского бюджета на 2020 г. установлен в сумме 27 млрд 692,2 млн сомов. Таким образом, предусматривается четырёхкратное возрастание дефицита бюджета⁵.

Параметры республиканского бюджета на 2020 г. пересмотрены с учётом текущего исполнения республиканского бюджета и изменения показателей социально-экономического развития республики в связи с карантинными мерами, направленными на борьбу с коронавирусом.

Помимо этого столь резкие изменения в бюджете обусловлены прогнозируемым снижением доходов (налоги и таможенные сборы) на 30,8 млрд сомов и составят 132,9 млрд. Это предопределило сокращение расходов на 10 млрд 344,3 млн сомов (табл. 1).

⁴ Закон «О внесении изменений в Закон Кыргызской Республики «О республиканском бюджете Кыргызской Республики на 2020 год и прогнозе на 2021–2022 годы» // Законодательство стран СНГ: [сайт]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=125346 (дата обращения: 21.06.2020).

⁵ Из-за пандемии дефицит бюджета Киргизии вырастет в 4 раза [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2940871.html> (дата обращения: 21.06.2020).

Таблица 1 / Table 1

Сокращение (оптимизация) расходов бюджета Киргизии 2020 г. (млрд сомов) / Reduction (optimization) of budget expenditures of Kyrgyzstan in 2020 (billions of soms)

Статьи расходов	Размер сокращений
Капитальные вложения	1 млрд
Мероприятия по развитию регионов	1,1 млрд
Целевые трансферты и стимулирующие (долевые) гранты	1,2 млрд
Неприоритетные расходы министерств и ведомств	5,9 млрд
Софинансирование международных программ и проектов со стороны правительства	0,494 млрд
Другие общегосударственные мероприятия и выплаты	1,6 млрд

Источник: Кудрявцева Т. Секвестированный бюджет. На что будет жить Кыргызстан // ИА «24.kg»: [сайт]. URL: https://24.kg/ekonomika/152653_sekvestirovannyiy_byudjet_nachto_budet_jit_kyrgyzstan (дата обращения: 06.07.2020).

Помимо этого предполагается сокращение финансирования деятельности аппаратов президента, правительства, Жогорку Кенеш (парламента) и других государственных структур. Экономить также решено за счёт таких сфер, как образование, социальная защита и т. д. Исключением являются здравоохранение, чьё бюджетное финансирование увеличивается с 4,5 до 6,5 млрд сомов, а также правоохранительная деятельность.

Кроме секвестирования бюджета, правительство объявило о ряде других антикризисных мер. Так, в частности, увеличен выпуск государственных казначейских облигаций и векселей, принято решение о создании антикризисного фонда для льготного кредитования бизнеса. Предполагается также легализация капитала и имущества так называемого теневого сектора с тем, чтобы вовлечь их в экономический оборот.

Все эти решения лишь отчасти снимают напряжённость в финансово-экономической сфере. Поэтому основной акцент в преодолении кризиса и стагнации руководство Киргизии делает на внешние заимствования. Помощь у международных институтов была запрошена практически сразу после введения в ряде крупных городов и густонаселённых районов чрезвычайного положения из-за угрозы распространения COVID-19.

В результате уже в апреле 2020 г. международные финансовые институты и донорские организации пообещали предоставить властям Киргизии 456 млн долл. (33,6 млрд руб.) в качестве поддержки в период пандемии коронавирусной инфекции (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Обещанная Киргизии иностранная помощь /
Foreign aid promised to Kyrgyzstan

Организация	Сумма в сомах
Международный валютный фонд	19,6 млрд
Азиатский банк развития	4,1 млрд
Евразийский банк развития	8,2 млрд

Источник: Почти полмиллиарда долларов пообещали дать Киргизии международные доноры // Seldon.News: [сайт]. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/228816751> (дата обращения: 06.07.2020).

Привлечённые средства предполагается направить на поддержку экономики, системы здравоохранения и на реализацию других мер, призванных снизить негативные последствия распространения инфекции.

Помимо этого предполагается получение средств от Германского банка развития (30 млн долл.), Европейского Союза (33,8 млн долл.), Всемирного банка (21,1 млн долл.) и Исламского банка развития (15 млн долл.). В настоящее время также идут переговоры с Европейским банком реконструкции и развития о предоставлении порядка 100–150 млн долл⁶.

Заимствованные средства предполагается направить на заработную плату бюджетникам, пособия по социальному обеспечению и оказание социальной помощи населению, приобретение медицинских товаров и услуг, а также продуктов питания для населения, оказавшегося в трудной жизненной ситуации из-за введённых ограничений в целях борьбы с коронавирусом.

Таким образом, расходование этих средств предполагает решение острейших социальных проблем. В то же время усиливается риск увеличения зависимости Киргизии от внешних заимствований и, соответственно, внешних и международных финансовых доноров.

Республике придётся вернуть долг с набегавшими процентами. Усиление нагрузки произойдёт уже в 2020 г.

В пересмотренном бюджете объём средств, направляемых на обслуживание госдолга, увеличивается с 28,8 до 32,8 млрд сомов.

В настоящее время размер государственного долга Киргизии превышает 4 млрд 606,1 млн долл., или 48,2% прогнозного объёма ВВП страны за 2020 г. Из этой суммы на внешний долг республики приходится около 3 млрд 860,9 млн долл. (более 297 млрд 447 млн руб.), или 40,4% ВВП, а на внутренний долг – более 745,2 млн долл. (57 млрд 416 млн руб.), или 7,8% ВВП.

Больше всего денег Киргизия по-прежнему остаётся должна Экспортно-импортному банку Китая – свыше 1 млрд 793,2 млн долл. (около 138 млрд

⁶ Власти Киргизии надеются получить от международных доноров более \$462 млн // Regnum.ru. URL: <https://regnum.ru/news/2964989.html> (дата обращения: 16.07.2020).

155 млн руб.), или 46,4% от общей суммы своих внешнедолговых обязательств. Имеются и другие кредиторы (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Крупнейшие кредиторы Киргизстана / Largest Kyrgyzstan creditors

Организация	Сумма долга (долл.)
Экспортно-импортный банк Китая	1 млрд 793,2 млн
Международная ассоциация развития (группа Всемирного банка)	651,7 млн
Азиатский банк развития	577,6 млн
Японское агентство международного сотрудничества	237,8 млн
Международный валютный фонд	163,1 млн

Источник: Госдолг Киргизии снизился до \$4 млрд 606 млн [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.rambler.ru/realty/44068686> (дата обращения: 06.07.2020).

Обслуживание долга оказывает значительную нагрузку на бюджет – на эти выплаты уходит около 20% доходов страны. При этом объёмы платежей растут – в 2018 г. на обслуживание долга ушло 20,6 млрд сомов, в 2021 г. эту сумму планируется увеличить до 36,5 млрд.

Пик выплат по государственному долгу Киргизии придётся на 2025 г., когда необходимо будет выплатить 400 млн долл. (более 25,5 млрд руб.).

Данная проблема – проблема значительного внешнего долга страны – является одной из ключевых и может оказывать непосредственное влияние на степень самостоятельности руководства республики в принятии стратегических решений. Проблемы, связанные с погашением долгов, могут стать причиной или серьёзных конфликтов, или значительных уступок зарубежным кредиторам. Несмотря на это Киргизия продолжает брать новые кредиты.

Для того чтобы минимизировать риск зависимости от внешних кредиторов, с 2010 г. руководство страны старается привлекать так называемые грантовые средства – безвозмездную помощь. Однако данная форма заимствований чревата возможностью их нерационального использования и злоупотреблений.

Среди наиболее значимых заимствований подобного рода, осуществлённых в последнее время, следует отметить выделение в мае 2020 г. гранта в размере 10 млн долл. (723,9 млн руб.) Азиатского банка развития⁷.

Эти деньги киргизское правительство должно будет потратить на финансирование небольших мероприятий по строительству и реабилитации

⁷ Штаб-квартира АБР в Маниле (Филиппины). Президентом АБР с 17 января 2020 г. является Масацугу Асакава. Крупнейшими акционерами АБР являются Япония (15,62% акционерного капитала), США (15,51%), КНР (6,45%), Индия (6,34%), Австралия (5,79%), Индонезия (5,45%), Канада (5,24%), Южная Корея (5,04%) и ФРГ (4,33%).

систем водоснабжения и канализации в городах Ош и Каракол, в сёлах Нарынской области и Базар-Коргонского района Джалал-Абадской области.

Значимость реализации данного проекта определяется тем, что только треть сёл в Киргизии имеет круглосуточный доступ к чистой питьевой воде, 13% получают её по 4–12 часов в сутки, а в 22% населённых пунктов чистой воды нет вообще. Более половины сельского населения республики получают воду из водопроводных сетей, в том числе: 38,3% – из уличных водоразборных колонок и 21,6% – из внутридомовых колонок, – а остальные 40,1% берут воду из родников, рек и каналов или же пользуются привозной водой. Согласно данным Института омбудсмана Киргизии, в настоящее время около 1 млн жителей страны (каждый шестой) лишены достаточного доступа к чистой питьевой воде⁸. При этом Киргизия является одной из богатейших водными ресурсами стран Центрально-Азиатского региона.

Таким образом, выделенный Азиатским банком развития грант имеет важное социальное значение. В то же время гуманитарный характер данного гранта не гарантирует в последующем исключения попыток влияния руководства банка, а также аффилированных с ним структур на политику не только в области развития сельского хозяйства, но и в такой острой для региона сфере, как использование водных ресурсов.

Проектом с далеко идущими следствиями является и строительство в Киргизии школ на средства Саудовского фонда развития. В декабре 2019 г. в селе Ново-Вознесеновка Иссык-Кульской области Киргизии было начато строительство первой из 27 школ, на возведение которых Саудовским фондом был выделен кредит. Стоимость её строительства оценивается в 84 млн сомов (77,47 млн руб.). В целом же кредит в сумме 30 млн долл. (около 2 млрд руб.) получен под 1% годовых сроком на 25 лет, из которых пять лет – льготный период.

Не вызывает сомнения, что кредиторы в последующем будут определять не только архитектуру и дизайн школы, но и содержание образовательных программ. С учётом того, что Саудовская Аравия является проводником идей исламского фундаментализма, следует ожидать, что эти идеи получат развитие и в Киргизии. Таким образом, будут созданы условия для экспорта идей радикального ислама в другие страны Центрально-Азиатского региона, а также в Россию с учётом значительной диаспоры, формируемой трудовыми мигрантами [4].

МИГРАНТЫ И ПРОТЕСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Пандемия COVID-19 создала серьёзные проблемы для киргизских трудовых мигрантов. По официальным данным, за рубежом работают 735 тыс. трудовых мигрантов из Киргизии. Из них 640 тыс., или 87%, трудятся в России.

⁸ Каждый шестой кыргызстанец не имеет доступа к чистой питьевой воде: спецдоклад омбудсмана // Kabar: [сайт]. URL: <http://kabar.kg/news/kazhdyi-shestoi-kyrgyzstanec-ne-imeit-dostupa-k-chistoi-pit-evoi-vode-spetcdoklad-ombudsmena> (дата обращения: 25.06.2020).

В январе – марте 2020 г. в Киргизию поступило только 343 млн долл. (24,4 млрд руб.) денежных переводов от трудовых мигрантов, находящихся за рубежом. Эта сумма на 19% меньше той, что была переведена за аналогичный период 2019 г. Уменьшение объёма денежных переводов негативно влияет на покупательную способность жителей Киргизии, что приведёт к замедлению роста потребления товаров населением.

В результате реализации ограничительных мер без работы оказались порядка 20% киргизских трудовых мигрантов в России. По информации Государственной службы миграции Киргизии, работы лишились мигранты, трудившиеся на стройках, в кафе, ресторанах и других заведениях общепита, в промышленной сфере, а также в фирмах, предоставлявших услуги уборки жилья и других помещений⁹.

Руководство России приняло ряд мер по смягчению негативных последствий ограничений пандемии для трудовых мигрантов. Так, согласно опубликованному в апреле Указу Президента РФ, на период с 15 марта по 15 июня 2020 г. им автоматически продлеваются разрешения жить и работать в России, а работодатели смогут брать мигрантов на работу независимо от наличия действующего патента¹⁰.

Тем не менее ситуация для трудовых мигрантов и их семей, оставшихся в странах пребывания, достаточно сложная. Общий объём переводов из России в 2020 г. может сократиться на 30–40% и даже больше. Очевидно, что на экономике Киргизии это скажется крайне негативно в силу того, что денежные переводы мигрантов из России составляли порядка 2,5 млрд долл. в год. Эти деньги играли существенную роль в таких сферах, как торговля, строительство, образование, транспорт, услуги. Кроме того, за счёт этих средств поддерживалась деятельность финансового сектора и, соответственно, укреплялась национальная валюта по отношению к доллару, ведь переводы осуществлялись в иностранной валюте.

С учётом того, что неопределённая ситуация из-за коронавируса может затянуться минимум на два года, отсутствие работы для мигрантов в России окажется серьёзным риском для социально-политической и социально-экономической ситуации в Киргизии. Страна, как отмечают эксперты, «не умеет и не знает, как жить без денежных переводов мигрантов»¹¹.

⁹ Пандемия оставила без работы не менее 20% киргизских мигрантов в России // Regnum.ru. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2931968.html> (дата обращения: 25.06.2020).

¹⁰ Указ Президента РФ от 18.04.2020 № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Законодательство стран СНГ: [сайт]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=123907 (дата обращения: 25.06.2020).

¹¹ Таджикистан и Кыргызстан быстро беднеют без денежных переводов мигрантов // Махалла: [сайт]. URL: <https://maxala.org/sosedstvo/76961-tadzhikistan-i-kyrgyzstan-bystro-bednejut-bez-denezhnyh-perevodov-migrantov.html> (дата обращения: 06.07.2020).

Очевидным следствием потери поступлений станет давление на курс национальной валюты, поскольку денежные переводы мигрантов обеспечивали баланс импорта (5 млрд долл.) и экспорта (2 млрд долл.). Значительную часть 3 млрд долл. дефицита валюты составляли денежные переводы мигрантов и лишь частично иностранные инвестиции¹².

В отличие от займов и инвестиций переводы мигрантов оставались в стране и способствовали развитию местного бизнеса, обслуживающего население. Прекращение денежных переводов мигрантов негативно отразится на экономике, выразится в росте безработицы и развитии других кризисных явлений и процессов.

По мнению киргизских экспертов, занятость мигрантов была «подушкой безопасности» для социально-экономической и общественно-политической ситуации, т. к. у значительной части населения был стабильный источник доходов. Утрата ими работы и вынужденное возвращение домой будут способствовать эскалации внутривнутриполитической напряжённости и активизации протестных акций. По прогнозам специалистов, вернуться в Киргизию в течение ближайшего времени предстоит порядка 80–100 тыс. трудовых мигрантов. Общее количество незанятого населения составляет порядка 800 тыс. человек. Помимо этого в России находится ещё порядка полумиллиона выходцев из Киргизии с российскими паспортами, многие из которых также в условиях пандемии оказались в кризисной ситуации¹³.

Всё это являет собой достаточно серьёзный фактор, который могут использовать разные политические силы.

Ухудшение ситуации закономерно сопровождается ростом протестных акций. Особое место в эскалации напряжённости в Киргизии занимает деятельность движения «Чон казат» («Великий поход»), которое поднимает население на протесты под лозунгом «Грабь богатых».

Движение возникло в январе текущего года и становится чрезвычайно популярным в социальных сетях. Возглавляют его бывшие силовики и представители судебного корпуса, действующие адвокаты.

Обращает на себя внимание тот факт, что движение не исключает реализации силового сценария достижения своих целей. Так, в частности, по словам одного из руководителей движения, бывшего сотрудника прокуратуры С. Жапыкеева, к настоящему времени составлен список из 20 олигархов, которых надо «раскулачить». С учётом же того, что, как отмечают киргизские аналитики, у каждого олигарха есть вооружённая охрана¹⁴, очевидно, что

¹² Таджикистан и Кыргызстан быстро беднеют без денежных переводов мигрантов // Махалля: [сайт]. URL: <https://maxala.org/sosedstvo/76961-tadzhikistan-i-kyrgyzstan-bystro-bednejut-bez-denezhnyh-perevodov-migrantov.html> (дата обращения: 06.07.2020).

¹³ Таджикистан и Кыргызстан быстро беднеют без денежных переводов мигрантов // Махалля: [сайт]. URL: <https://maxala.org/sosedstvo/76961-tadzhikistan-i-kyrgyzstan-bystro-bednejut-bez-denezhnyh-perevodov-migrantov.html> (дата обращения: 06.07.2020).

¹⁴ В Киргизии призывают «раскулачивать» олигархов // Pravda.ru. URL: <https://www.pravda.ru/>

вероятность вооружённых столкновений достаточно высока. Это подтверждают и события августа 2019 г., связанные с попыткой вооружённого захвата резиденции экс-президента Киргизии А. Атамбаева.

Помимо этого в Киргизии функционирует развитая сеть различного рода НКО/НПО, большая часть которых находится под патронажем американских и европейских структур. В 2019 г. в Минюсте Киргизии было зарегистрировано более 32 тыс. НПО. По мнению киргизских экспертов, «НПО в Киргизии в настоящее время имеют гораздо больше влияния и авторитета, нежели политические партии, многие из которых дискредитировали себя связями с криминалом и коррупционными делами»¹⁵.

ПРИГРАНИЧНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Чрезвычайно острой проблемой для Киргизии являются неразрешённые вопросы делимитации и демаркации границ с сопредельными странами: Казахстаном, Узбекистаном и Таджикистаном.

Наиболее острой является ситуация на *киргизско-таджикской границе*. Общая граница Киргизии и Таджикистана составляет 970 км. В годы советской власти рубежам республик часто не придавали большого значения. Они чертились без учёта этнического фактора, а исходя из неких хозяйственных соображений. После обретения независимости у новых государств появилось множество претензий друг к другу. До сих пор несогласованным между Киргизией и Таджикистаном остаётся 451 км границы, о принадлежности 70 участков ведутся споры. Чаще всего разногласия возникают из-за этнической чересполосицы или претензий на элементы инфраструктуры, например на отрезки дорог, водозаборы, каналы¹⁶.

Попытки органов государственной власти двух стран согласовать позиции по спорным территориям безуспешны. Это является дополнительным фактором эскалации напряжённости в приграничных зонах в отношении как населения, так и органов власти двух стран.

Истоки текущего обострения относятся к событиям 16 сентября 2019 г., когда во время разгоревшегося конфликта между жителями приграничного киргизского села и таджикскими пограничниками на спорном участке границы в районе погранзаставы в Баткенской области Киргизии, поблизости от таджикского эксклава Ворух, погибли четыре человека, десятки жителей с

world/1502178-Kyrgyzstan/ (дата обращения: 25.06.2020).

¹⁵ Карабеков К., Соловьев В. Мероприятельские отношения. Россия и Киргизия будут дружить годами подальше от Запада // Коммерсантъ: [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4268883> (дата обращения: 25.06.2020).

¹⁶ Принципиально важно то, что Киргизия входит в ЕАЭС, а Таджикистан – нет. Помимо обычных товаров через территорию Таджикистана в Киргизию и далее транзитом в Россию везут наркотики из Афганистана. Из Киргизии в Таджикистан контрабандой поступают ГСМ. См.: Таджикистан и Киргизия опишут 114 км границы // Regnum.ru. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2829491.html> (дата обращения: 25.06.2020).

той и другой стороны были ранены.

Очередной конфликт на спорном участке границы между Киргизией и Таджикистаном в Баткенской области произошёл 16 декабря 2019 г.

Поводом для конфликта, по информации киргизских официальных источников, послужила попытка таджикистанцев установить забор вдоль магазина вблизи условной линии границы. С тем, чтобы не допустить перехода конфликта в более острую стадию, в тот же день состоялась встреча пограничных представителей Киргизии и Таджикистана с участием губернаторов Баткенской и Согдийской областей, итогом которой стало решение о прекращении работ на спорных участках до определения линии границы межправительственной комиссией по делимитации и демаркации государственных рубежей.

С новой силой конфликт между киргизстанцами и таджикистанцами разгорелся уже в 2020 г.

11 января произошла стычка между жителями киргизского села Кок-Таш и таджикского села Майское. Начало конфликта между жителями киргизских и таджикских приграничных сёл было положено ещё 18 декабря 2019 г., когда около мечети села Кок-Таш подрались киргизстанцы с таджикистанцами, а затем забросали друг друга камнями, разбив машину гражданина Киргизии и повредив крыши нескольких домов.

13 января 2020 г. сотрудники милиции Киргизии задержали четырёх жителей села Кок-Таш по подозрению в организации массовых беспорядков и в хулиганстве.

14 января состоялась встреча вице-премьеров двух стран Ж. Разакова и А. Иброхима, по итогам которой было принято решение о создании рабочей группы по делимитации границы. До 1 марта рабочая группа должна была представить свои предложения, в том числе по возможному обмену территориями между Баткенским районом Баткенской области Киргизии и таджикским городом Исфара. Кроме того, стороны решили усилить совместное патрулирование наиболее конфликтных участков границы пограничниками двух стран. Министерства внутренних дел двух стран получили распоряжение выявлять и наказывать зачинщиков приграничных конфликтов¹⁷.

Участники встречи договорились установить освещение и камеры наблюдения на улицах приграничных населённых пунктов. Для анализа ситуации в случае возникновения конфликтов записи с этих камер должны быть предоставлены обеим сторонам. Уличным освещением также должен быть обеспечен участок трассы Ош – Баткен – Исфана на территории Жака-Орук в Киргизии, где она пересекается с дорогой Исфара – Ворух в Таджикистане.

Эпидемия коронавируса на некоторое время заглушила разногласия жителей приграничных территорий, но уже в мае 2020 г. обстановка на границе Киргизии и Таджикистана вновь обострилась.

¹⁷ Таджикистан и Киргизия опишут 114 км границы // Regnum.ru. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2829491.html> (дата обращения: 25.06.2020).

8 мая произошёл конфликт между жителями приграничных районов Киргизии и Таджикистана, поводом для которого стал вопрос об использовании 50 соток участка Чек, расположенного в Баткенской области Киргизии. Прибывшие на место происшествия киргизские и таджикские погранотряды произвели несколько предупредительных выстрелов в воздух, разогнав конфликтующих граждан.

24 мая на таджико-киргизской границе произошла перестрелка между пограничниками. Согласно утверждению киргизской стороны, конфликт начался из-за таджикстанцев, которые пасли скот не на своей территории. Таджикские власти, в свою очередь, заявили, что ответственность за инцидент лежит на плечах пограничников, которые вступили в конфликт с жителями села Пули Офтобруя.

27 мая в районе спорных участков границы произошёл ещё один конфликт, в ходе которого огнестрельное ранение плеча получила 25-летняя гражданка Республики Таджикистан в результате огня, произведённого со стороны жителя киргизского села¹⁸. 2 июня был обстрелян уже гражданин Киргизии.

Ситуация на киргизско-таджикской границе не может не вызывать озабоченности у руководства России в силу того, что речь идёт о конфликтных отношениях двух союзников по ОДКБ. При этом Киргизия состоит ещё и в ЕАЭС, Таджикистан – нет. В самой России находятся сотни тысяч трудовых мигрантов из этих стран. При этом их численность может резко подскочить. Высока и вероятность вторжения боевиков из Афганистана по двум направлениям – в Таджикистан с выходом на Ферганскую долину или в Туркменистан с выходом к Каспийскому морю и далее на север. Это вполне возможная угроза, и в этих условиях Россия пытается решить конфликты между двумя членами ОДКБ, имеющими опасное соседство с Афганистаном.

Вследствие этого министр иностранных дел РФ С. В. Лавров в ходе заседания совета глав МИД стран ОДКБ 26 мая 2020 г. заявил о готовности России выступить посредником в урегулировании пограничных споров между Киргизией и Таджикистаном.

Это предложение вызвало неоднозначную реакцию со стороны Таджикистана. МИД РТ направил ноту протеста, в которой говорилось, что вопросы делимитации и демаркации границ – это внутреннее и двустороннее дело Кыргызстана и Таджикистана и в посторонней помощи страны не нуждаются. Более сдержанной была реакция киргизского МИДа, в официальном заявлении которого была выражена благодарность России в формате ОДКБ за работу и за предложение помощи. Но при этом было отмечено, что «Кыргызская Республика исходит из того, что данный вопрос должен быть решён только

¹⁸ Стрельба на границе Киргизии и Таджикистана: ранена женщина // EADaily: [сайт]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/05/27/strelba-na-granice-kirgizii-i-tadzhikistana-ranena-zhenshchina> (дата обращения: 25.06.2020).

мирным путём в самые возможно короткие сроки с учётом обоюдных интересов сторон»¹⁹.

Столь неоднозначное восприятие предложения о посредничестве России вызвано, по мнению таджикских аналитиков, тем, что Россия не сможет быть объективной в силу разной степени союзнических отношений с этими странами²⁰.

На самом же деле, очевидно, речь идёт о стремлении руководства Таджикистана позиционировать себя как абсолютно независимого и самодостаточного, способного проводить разновекторную внешнюю политику.

На *киргизско-узбекской границе* также имеют место неурегулированные проблемы. Протяжённость границы Киргизии с Узбекистаном составляет 1 378 км, из которых согласовано 1 170 км. Оставшиеся 208 км всё ещё не делимитированы. Спорными являются 58 участков границы. Большинство из них на данный момент согласованы, а спорные моменты всегда разрешаются мирным путём. В то же время на отдельных участках имеют место конфликтные отношения.

Так, в частности, 31 мая в Кадамджайском районе Баткенской области случился крупный конфликт между жителями кыргызского села Чечме и узбекского села Чашма анклава Сох, ссора у источника воды Чечме-Булак переросла в столкновения. Жители поссорились во время совместного очищения источника, подрались, закидали друг друга камнями. Позже ситуация усугубилась до того, что противоборствующие стороны попытались поджечь дома соседей по спорной территории. Пострадали, по данным Минздрава КР, 25 кыргызстанцев. Есть пострадавшие и с узбекской стороны – по данным администрации Сохского района²¹ Ферганской области, госпитализированы 187 человек с различными травмами.

В тот же день в местности Тогуз Булак в Ошской области Киргизии произошёл инцидент, в ходе которого киргизские пограничники применили оружие и ранили гражданина Узбекистана.

Данные происшествия были восприняты как экстраординарные и, в отличие от подобных ситуаций на киргизско-таджикской границе, стали предметом обсуждения высших должностных лиц двух стран.

1 июня 2020 г. состоялись телефонный разговор глав государств, а также встреча глав правительств с целью урегулирования конфликтной ситуации.

Было решено также активизировать усилия по урегулированию имеющихся вопросов двусторонних отношений и определению новых точек ро-

¹⁹ Ажиев А. Кому нужно такое пограничное состояние // Вечерний Бишкек: [сайт]. URL: https://www.vb.kg/doc/388771_komy_nyjno_takoe_pogranichnoe_sostoianie.html (дата обращения: 29.06.2020).

²⁰ Таджикистан отказался от услуг РФ в урегулировании ситуации с Киргизией // Аргументы и факты: [сайт]. URL: https://aif.ru/politics/tadzhikistan_otkazalsya_ot_uslug_rf_v_uregulirovanii_situacii_s_kirgiziei (дата обращения: 06.07.2020).

²¹ Сохский район – это анклав на территории Киргизии. Подобными анклавами в Баткенской области также являются узбекистанский посёлок Шахимардан и таджикистанский посёлок Ворух.

ста практического сотрудничества прежде всего в торгово-экономической, инвестиционной и транспортно-коммуникационной сферах. Решено провести очередные заседания совместной Межправительственной комиссии и Совета руководителей администраций приграничных областей Узбекистана и Кыргызстана.

В целом же в отношениях Киргизии и Узбекистана не просматривается конфликтность. Проблемными являются вопросы, связанные с намерением правительства Киргизии продать частным инвесторам четыре пансионата на озере Иссык-Куль, находящихся в собственности четырёх коммерческих банков Узбекистана²².

Потенциальную конфликтность определяет также решение руководства Киргизии в феврале 2020 г. самостоятельно начать строительство Камбар-Атинской ГЭС с мощностью порядка 1 860 МВт с ежегодной выработкой 6 млрд кВт/ч. В период президентства Ислама Каримова Узбекистан выступал резко против строительства Камбар-Атинской ГЭС и предупреждал о возможности региональных конфликтов из-за воды²³.

На территории Киргизии (как и Таджикистана) запасы водных ресурсов огромны, так как здесь находятся верховья рек и гидроэлектростанции с водохранилищами. В то же время ниже по течению, в Узбекистане, Туркменистане и Казахстане, воды не хватает. Порядка 77% воды в Узбекистан поступает извне, в том числе из Киргизии. В настоящее время вопрос участия в строительстве Камбар-Атинской ГЭС на территории Киргизии руководством Узбекистана прорабатывается. Если же не будет достигнута договорённость, то, очевидно, следует ожидать обострения отношений между двумя странами уже по данному вопросу.

На *казахско-киргизской границе* одной из наиболее значимых проблем является транзит китайских товаров. Значимость и масштабы конфликта таковы, что стороны решили привлечь к разрешению своих торговых противоречий Всемирную торговую организацию [4].

По утверждению киргизской стороны, конфликт, вызванный осложнениями и задержками при пропуске автомобильных фур с товарами через казахстанскую границу, тянется как минимум с марта 2019 г. Но в активную фазу, связанную с взаимной подачей жалоб в ВТО, он перешёл лишь в начале 2020 г. По данным Минэкономики Киргизии, действия казахстанской стороны привели к появлению на границе «пробок» из грузовых автомобилей длиной до 10 км, а количество грузовых автомашин, простаивающих на границе и в специализированных зонах, достигает 250 единиц. В итоге действия

²² Речь идёт о АО «Национальный банк внешнеэкономической деятельности Республики Узбекистан», который являлся собственником и управлял пансионатом «Рохат-НБУ», АКБ «Асака» – пансионатом «Дилором», АКБ «Узпромстройбанк» – пансионатом «Бустон», АО «Ташкентский механический завод» – пансионатом «Золотые Пески».

²³ В 2016 г. такой конфликт развернулся вокруг Орто-Токойского (или Касансайского, как его называют в Узбекистане) водохранилища.

Казахстана наносят вред как внешней торговле Киргизии в целом, так и всем без исключения грузоперевозчикам.

Казахстанская сторона в ответ обвинила Киргизию в плохом таможенном администрировании, которое приводит к большим потерям бюджета Казахстана и других государств ЕАЭС от неуплаты НДС и таможенных пошлин. Речь, в частности, идёт о том, что киргизские перевозчики оформляют следующие через территорию республики грузы как предназначенные для России, а на деле оставляют их в Казахстане. Таким образом, на территории Казахстана образуется «серый» импорт, не облагаемый таможенными сборами.

Проблема нелегального транзита китайских товаров киргизскими перевозчиками актуальна не только для Казахстана, но и для всего Евразийского Союза. По оценкам специалистов, доля контрабанды в поставках товаров из Китая в Киргизию достигает 65–70%, что эквивалентно 3,5–4 млрд долл. в год. По подсчётам казахстанских аналитиков, разница между стоимостью поставленных в республику китайских товаров, зарегистрированных таможенными КНР, с одной стороны, и самой Киргизией – с другой, за 20 лет составила 50 млрд долл. За счёт «серого импорта» живёт контролирующая его киргизская элита, которая в ликвидации источников своих доходов вовсе не заинтересована. Поэтому никаких изменений в сфере контроля над торговыми потоками между КНР и ЕАЭС со стороны Киргизии и не происходит²⁴.

Следует отметить, что проблема китайской контрабанды существует отнюдь не только в Киргизии. В самом Казахстане объём «серого» импорта за 2017 г. оценивался в 6 млрд долл., вдвое превышая соответствующие показатели по Киргизии, а 2018 г. – в 4 млрд. Тем не менее данная проблема – проблема «серого импорта» – пока остаётся наиболее значимой во взаимоотношениях Казахстана и Киргизии. В перспективе осложнение отношений возможно на фоне несогласованного использования водных ресурсов, поступающих в Казахстан с территории Киргизии.

РОССИЙСКО-КИРГИЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Российско-киргизские отношения на протяжении всего постсоветского периода отличались, с одной стороны, лояльностью, а с другой – попытками руководства Киргизии после своего утверждения на волне «цветных революций» (2005 и 2010 гг.) дистанцироваться от России. Это было характерно как для К. Бакиева, так и для А. Атамбаева. В результате позиции России в Киргизии были уязвимы по сравнению с более выгодными позициями США и КНР.

В период президентского срока А. Атамбаева акцент был сделан на развитие киргизско-китайских отношений. В результате все наиболее значимые проекты – строительство дорог, модернизация ТЭЦ, прокладка линий элек-

²⁴ Шустов А. Казахстан – Киргизия: яблоко раздора – китайские товары // Ритм Евразии: [сайт]. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2020-03-02--kazakhstan-kirgizija-jabloko-razdora-kitajskie-tovary-47769> (дата обращения: 29.06.2020).

тропередач и др. – реализовывались китайскими инвесторами. Киргизия в этот период стала одним из самых крупных должников Эксимбанка Китая, получив на различные проекты больше 1 млрд долл. Следует упомянуть о проекте строительства железной дороги Китай – Киргизия – Узбекистан – железнодорожной магистрали, призванной соединить китайские железные дороги с Узбекистаном и далее через Афганистан, Иран и Турцию с европейской сетью железных дорог. По сути, на территории союзников России по ОДКБ и членов ЕврАзЭС предполагается создать транспортную магистраль в обход России.

Ослабляет позиции России в Киргизии (особенно в финансово-экономической сфере) отсутствие российских банков, хотя только переводы трудовых мигрантов составляют почти 2,5–3 млрд долл. в год. В то же время активно в стране работают турецкие, китайские и швейцарские банки.

Действующий Президент Киргизии С. Жээнбеков, в отличие от своих предшественников, открыто позиционирует пророссийский внешнеполитический курс страны и ориентирован на развитие стратегического партнёрства.

В результате только за 2018 г. российско-киргизский товарооборот вырос более чем на 17%, а экспорт киргизской продукции в Россию увеличился сразу на 22% [2, с. 26].

В 2019 г. товарооборот России с Киргизией составил 1 866 268 802 долл., уменьшившись на 0,93% (17 464 691 долл.) по сравнению с 2018 г. Экспорт России в Киргизию в 2019 г. составил 1 550 053 522 долл., уменьшившись на 5,22% (85 354 461 долл.) по сравнению с 2018 г. Импорт России из Киргизии в 2019 г. составил 316 215 280 долл., увеличившись на 27,34% (67 889 770 долл.) по сравнению с 2018 г. Доля Киргизии во внешнеторговом обороте России в 2019 г. составила 0,2800% против 0,2738% в 2018 г. По доле в российском товарообороте в 2019 г. Киргизия заняла 51 место (в 2018 г. – 49 место)²⁵.

Наиболее значимыми направлениями экономического сотрудничества являются:

1. Передача в январе 2019 г. 125 единиц различных спецмашин и оборудования для укрепления внешних границ Евразийского Союза. Пограничники КР получили автомобили высокой проходимости для перевозки людей и грузов, экскаваторы-погрузчики, автокраны, санитарные автомобили и установки для бурения.

2. Согласование в декабре 2019 г. объёмов беспошлинных поставок нефти и нефтепродуктов из России в Киргизию на 2020 г. Предполагается экспортировать в Киргизию 50 тыс. т сырой нефти и сырых нефтепродуктов, 460 тыс. т бензина, 485 тыс. т дизтоплива, 100 тыс. т авиатоплива и 40 тыс. т нефтяного битума, освобождённых от оплаты таможенных пошлинных сборов.

²⁵ Торговля между Россией и Киргизией в 2019 году // Внешняя торговля России: [сайт]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-kirgiziyev-2019-g> (дата обращения: 29.06.2020).

Киргизия ежемесячно импортирует в среднем около 100 тыс. т горюче-смазочных материалов. При этом потребности республики в нефтепродуктах на 90% покрываются за счёт поставок из России и соседнего Казахстана. Остальные 10% обеспечиваются за счёт производства ГСМ на местных нефтеперерабатывающих заводах. В результате данных беспошлинных поставок нефти Киргизия сэкономила 27,2 млн долл.

3. Реализация программы «Интегрированное развитие Ошской области Киргизии». В период 2016–2019 гг. на её реализацию было выделено 3 млн долл. (191,8 млн руб.). В рамках этой программы при техническом содействии ПРООН было запущено 173 проекта в сферах создания социально-экономической инфраструктуры и бизнеса, среди которых мобильный госпиталь МЧС, центр финансовой грамотности в Оше, центр предоставления муниципальных услуг по принципу «единого окна» и Центр семейной медицины в Узгенском районе.

4. Предоставление Россией 1 млн долл. (более 63,9 млн руб.) на проект «Развитие цифровых навыков и возможностей для занятости молодежи в цифровой экономике», в рамках которого до 2021 г. в Киргизии будет подготовлено более тысячи молодых специалистов в сфере информационных технологий.

5. Завершение в конце 2020 г. проекта «Укрепление устойчивости к изменению климата в Баткенской области через внедрение “климатически умных систем орошения и защиты от солей”», бюджет которого составляет 900 тыс. долл. (57,5 млн руб.). Этот проект направлен на внедрение новых технологий в сельском хозяйстве.

Все эти проекты носят локальный характер и не в полной мере обеспечивают экономические интересы России в регионе.

Более эффективно решаются вопросы гуманитарного характера, а также сотрудничества в области обеспечения региональной безопасности.

В 2020 г. в рамках перекрёстного года Киргизии и России планируется провести около 100 политических, экономических и культурно-гуманитарных мероприятий.

На юге Киргизии в г. Ош в 2020 г. планируется открытие филиала Московского государственного университета. Принимаются меры по сохранению русского языка и обеспечению его свободного использования. В ряд районов Киргизии приглашены учителя русского языка, а также русскоязычные учителя по физике, химии, математике и другим предметам.

В гуманитарном плане обращает на себя внимание позиция президента страны С. Жээнбекова, что Киргизия не планирует переходить на латиницу, как это сделано в Азербайджане и Узбекистане, планируется в 2024–2025 гг. – в Казахстане. Таким образом, в гуманитарном плане Киргизия по-прежнему остаётся в сфере влияния России.

ОТНОШЕНИЯ С США, ТУРЦИЕЙ И КИТАЕМ

Внешнеполитическая ситуация для Киргизии определяется интересами ведущих глобальных и региональных акторов, прежде всего США, Китая, Турции и отчасти Евросоюза.

Внешнеполитические приоритеты Киргизии определены Концепцией внешней политики, утверждённой президентом страны 11 марта 2019 г.

В Концепции подчёркивается особая роль Кыргызской Республики в Центральной Азии в качестве моста между Европой и Азией. Основными национальными приоритетами республики во внешней политике названы защита суверенитета и территориальной целостности, сохранение мира и стабильности, построение правового государства с парламентской демократией, сохранение единства многонационального народа, укрепление национальной и экономической безопасности и др.²⁶. Несмотря на декларацию о многовекторности и равноудалённости во внешнеполитических приоритетах, в реальной политике руководство Киргизии вынуждено учитывать интересы крупнейших мировых акторов, взаимодействующих с ней.

Прежде всего речь идёт о США, отношения с которыми на протяжении последних двух десятилетий претерпевали различные метаморфозы: от стратегического партнёрства и предоставления своей территории под авиабазу «Манас» до дистанцирования и прекращения функционирования этой чрезвычайно значимой для американцев базы.

Причиной столь резких колебаний в восприятии США политическим руководством Киргизии является вовлечённость американских неправительственных организаций (НПО) во внутривнутриполитические процессы в Киргизии. Работают данные структуры не только с официальным руководством страны, но и с оппозиционными организациями и движениями. Так было во времена президентства и А. Акаева, и К. Бакиева, и А. Атамбаева. Продолжается подобная практика и в настоящее время.

Последнее «охлаждение» в отношениях относится к 2017 г., когда Президент Киргизии обвинил американские НПО в дестабилизации ситуации в регионе и провоцировании обострения киргизско-узбекских отношений из-за «водной проблемы», а также во вмешательстве во внутренние дела и формировании ситуации «управляемого хаоса» в Киргизии.

В настоящее время в связи со сменой политического руководства Киргизии акцент делается на возобновлении отношений с США. Площадкой для взаимодействия непосредственно в самом регионе является созданный по инициативе США формат встреч министров иностранных дел стран региона и США – «C5+1».

Важнейшим же направлением внешнеполитической стратегии США в регионе в целом и в Киргизии в частности является воздействие на миро-

²⁶ Концепция внешней политики Кыргызской Республики от 11.03.2019 // Министерство юстиции Кыргызской Республики: [сайт]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/430045> (дата обращения: 29.06.2020).

воззревание молодёжи. В Киргизии была создана разветвлённая сеть неправительственных организаций, среди которых – фонд «Сорос – Киргизстан», Коалиция за демократию и гражданское общество и др.

Регулярно проводятся различного рода мероприятия с целью создания позитивного имиджа США и реализуемой ими политики, в том числе в данном регионе. Одним из таких мероприятий является ежегодно проводимый (с 2017 г.) Американским университетом в Центральной Азии²⁷ международный турнир по дебатам «Network Cup». Его целью, как определено в пресс-релизе, является «объединение прогрессивной молодёжи ЦА для обсуждения острых проблем регионального и международного уровня. Турнир также нацелен на укрепление взаимоотношений и создание эффективных коммуникативных площадок для будущих лидеров»²⁸.

По официальной информации американского посольства, с момента обретения независимости более 5 тыс. граждан Кыргызстана приняли участие в финансируемых США программах профессионального и образовательного обмена в Соединённых Штатах Америки.

Реализуются программы для молодых лидеров, такие как «Открытый мир» и «Решения сообщества». Существуют и иные программы в организациях типа Фонда Сороса, USAID, Internews Network, а также программы ОБСЕ, финансируемые США.

По сути, идёт реализация концепции «мягкой силы» Дж. Ная с целью формирования проамериканской политической элиты. То, что США успешно реализовано на Украине, в Грузии и в некоторых других постсоветских и восточноевропейских странах [3].

Ещё одно направление деятельности, на которое США не жалеют денег, – издание учебников. Так, только в 2019 г. в рамках этой программы USAID предоставил более 421 тыс. книг на кыргызском языке более чем в 2 тыс. государственных школ и библиотек²⁹.

На этом фоне возможности и эффективность деятельности пророссийских образовательных и просветительских организаций и структур, в том числе Киргизско-Российского Славянского университета, выглядят более чем скромно. Это означает, что уже через 10–15 лет мы получим русофобскую политическую элиту уже в Киргизии.

Активно вовлечена в политические процессы и *Турция*. Титульное население Киргизии относится к так называемой тюркской группе народов, лидерство в которой на себя возложила Турецкая Республика. Начиная с 90-х гг. XX

²⁷ Американский университет в Центральной Азии (АУЦА) – университет свободных искусств, расположенный в Бишкеке. Создан в 1997 г.

²⁸ Американский университет в Центральной Азии [Электронный ресурс] // VK. URL: https://vk.com/wall-137849949_4 (дата обращения: 29.06.2020).

²⁹ Рыжов И., Бородин М. Основные приоритеты внешней политики Кыргызстана [Электронный ресурс]. URL: https://www.imemo.ru/files/File/magazines/rossia_i_novay/2019_03/Osnovnye_Ryfov.pdf (дата обращения: 29.06.2020).

столетия, в Турции активно реанимируются идеи пантюркизма – объединения под её эгидой всех тюркоязычных стран, в том числе в Центральной Азии.

Турция была первой страной, признавшей независимость Киргизии в декабре 1991 г. и установившей с ней дипломатические отношения. В силу её значительного влияния в Центральной Азии сотрудничество с Турецкой Республикой стало одним из важнейших и приоритетных направлений внешней политики Киргизии [5, с. 330].

Значимым событием в отношениях двух стран было создание Высшего совета по стратегическому сотрудничеству между Кыргызстаном и Турцией в 2011 г. с целью выработки согласованной стратегии межгосударственных отношений в политической, военной, экономической, торговой, энергетической, транспортной, сельскохозяйственной, туристической, культурной, научной и гуманитарной сферах, а также в областях безопасности и здравоохранения.

Какая бы политическая элита не находилась в руководстве Киргизии, она всегда будет трепетно относиться к состоянию и развитию киргизско-турецких отношений. Позицию руководства Киргизии по данному вопросу достаточно образно выразил экс-президент А. Атамбаев: «Для нас, кыргызов, Турция – это далёкая прекрасная звезда в ночном небе. И даже если небо заволочло тучами, мы знаем, что за тучами горит яркая звезда – это братская Турция!»³⁰. Думается, что это не только красивая фраза, но и официальная позиция.

Новый импульс киргизско-турецкие отношения получили после прихода к власти действующего Президента Киргизии С. Жээнбекова.

Турция стала первой страной дальнего зарубежья, куда С. Жээнбеков отправился в качестве главы Киргизии. В ходе визита был подписан ряд документов по расширению сотрудничества двух стран. По инициативе С. Жээнбекова в столице Киргизии в 2018 г. был проведён саммит Совета тюркоязычных государств. Таким образом, отношения Киргизии и Турции развиваются достаточно эффективно, не обусловлены какими-либо преференциями в экономическом или ином плане.

Важнейшим аспектом внешней политики для Кыргызстана являются отношения с *Китайской Народной Республикой*. Приоритетность Китая во внешней политике Бишкека определяется его возрастающим весом в мировом и региональном масштабе, значительным экономическим и демографическим потенциалом, а также непосредственной близостью к Кыргызстану.

Согласно официальной статистике правительства Киргизии о деятельности компаний с иностранным капиталом на территории республики, Китай занимает одно из ведущих мест по количеству предприятий с иностранным капиталом, действующих на территории страны, а также лидирует по количеству предприятий с полным участием иностранного капитала.

³⁰ Кыргызстан и Турция сближаются – каковы интересы сторон? // Ислам в СНГ: [сайт]. URL: <http://www.islamsng.com/kgz/news/3880> (дата обращения: 01.07.2020).

В настоящее время КНР является одним из крупнейших инвесторов экономики Кыргызстана. Наиболее значимыми инвестиционными проектами, осуществлёнными в Кыргызской Республике на кредитные средства КНР, стали: строительство линии электропередачи «Датка – Кемин» (389 млн долл.), нефтеперерабатывающего завода «Джунда» (300 млн долл.), реконструкция ТЭЦ г. Бишкека, которая проводится китайской компанией TBEA (386 млн долл.) [6, с. 29].

Немаловажную роль в киргизско-китайском сотрудничестве играет идея Китая по созданию Нового Шёлкового пути. Воплощение в жизнь стратегии «Экономический пояс Великого Шёлкового пути» позволит преодолеть транспортную изоляцию Кыргызстана, обеспечить прямой доступ его на региональные и мировые рынки, существенно нарастить объёмы торговли. Республика получит возможность стать крупной транзитной зоной для поставок энергоресурсов и товаров [6, с. 29].

Однако в последние два года в Киргизии отмечается рост антикитайских настроений, которые сопровождаются протестными движениями среди местного населения. В требованиях значатся и мораторий на выдачу китайцам киргизских паспортов, и депортация китайских граждан, и запрет на регистрацию смешанных браков, а также проверка целесообразности займов, полученных Кыргызстаном у КНР.

Ситуация настолько обострилась, что в январе 2020 г Президент Киргизии выступил с официальным обращением, в котором определил значение для социально-экономической стабильности Киргизии³¹ инвестиционной политики Китая, являющегося, по сути, крупнейшим финансовым донором Киргизии. Не исключено, что антикитайские настроения целенаправленно формируются, в том числе, в рамках торговой войны США и КНР.

Помимо России, США, Китая и Турции, Киргизия является объектом внешнеполитических интересов и других государств и международных структур, но их влияние не носит определяющего характера и обусловлено предоставляемой им указанными акторами возможностью реализации своих интересов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом развитие внутри- и внешнеполитической ситуации в Киргизии характеризуется неустойчивостью и способностью к резким изменениям под воздействием комплекса факторов. Данную неустойчивость необходимо учитывать в выстраивании отношений с Киргизией и в реализации на её территории различного рода военно-политических, социально-экономических и иных проектов.

³¹ Жээнбеков: мы должны быть благодарны Китаю за сотрудничество и помощь // Sputnik: [сайт]. URL: <https://ru.sputnik.kg/politics.html> (дата обращения: 29.06.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Т. А. Теория международных отношений как политическая философия и наука: учебное пособие. М.: Аспект-Пресс, 2019. 608 с.
2. Бахрамжанова Н. М. Современные межгосударственные и социально-экономические отношения между Россией и Кыргызстаном // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 2–1 (60). С. 26–28.
3. Бочарников И. В. О евразийской геополитической стратегии России // Международные отношения. 2016. № 1. С. 80–85.
4. Бочарников И. В. Развитие современных глобализационных процессов: перспективы, проблемы и риски // Современная Россия в мировом политическом процессе: глобальное и региональное измерение: материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. А. Я. Касюка, И. К. Харичкина. М., 2019. С. 171–182.
5. Внешняя политика стран СНГ: учебное пособие / под ред. Д. А. Дягтерева, К. П. Курылева. М.: Аспект-Пресс, 2019. 496 с.
6. Чунься Лу. Проблемы сотрудничества экономических отношений Кыргызстана и Китая в рамках проекта «Экономический пояс Великого Шелкового пути» // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2018. Т. 18. № 3. С. 27–31.

REFERENCES

1. Alekseeva T. A. *Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii kak politicheskaya filosofiya i nauka* [Theory of international relations as political philosophy and science]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2019. 608 p.
2. Bakhramzhanova N. M. [Modern interstate and socio-economic relations between Russia and Kyrgyzstan]. In: *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economics and business: theory and practice], 2020, no. 2–1 (60), pp. 26–28.
3. Bocharnikov I. V. [On the Eurasian geopolitical strategy of Russia]. In: *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International relationships], 2016, no. 1, pp. 80–85.
4. Bocharnikov I. V. [Development of modern globalization processes: prospects, problems and risks]. In: Kasyuk A. Ya., Kharichkin I. K., eds. *Sovremennaya Rossiya v mirovom politicheskom protsesse: global'noe i regional'noe izmerenie: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Modern Russia in the world political process: global and regional dimension: materials of the international scientific and practical conference]. Moscow, 2019, pp. 171–182.
5. Dyagterev D. A., Kurylev K. P., eds. *Vneshnyaya politika stran SNG* [Foreign policy of the CIS countries]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2019. 496 p.
6. Chunxia Lu [Problems of cooperation of economic relations between Kyrgyzstan and China in the framework of the “Economic Belt of the Great Silk Road” project]. In: *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta* [Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University], 2018, vol. 18, no. 3, pp. 27–31.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 07.07.2020

Статья размещена на сайте: 08.09.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Бочарников Игорь Валентинович – доктор политических наук, руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, профессор кафедры информационной аналитики и политических технологий МГТУ имени Н. Э. Баумана, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса; e-mail: nic.bezopasnost@yandex.ru

Овсянникова Ольга Александровна – кандидат педагогических наук, доцент, исполнительный директор Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности, член-корреспондент Академии военных наук; e-mail: olga.owsyannickowa@yandex.ru

Igor V. Bocharnikov – Dr. Sci. (Political Sciences), Head of the Research Center for National Security Issues, Prof., Department of Information Analytics and Political technologies, Bauman Moscow State Technical University, Full State Adviser of the Russian Federation, 3rd class; e-mail: nic.bezopasnost@yandex.ru

Olga A. Ovsyannikova – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Executive Director, Research Center for National Security Issues, Corresponding Member, Academy of military sciences; e-mail: olga.owsyannickowa@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Бочарников И. В., Овсянникова О. А. Киргизия после пандемии: основные тренды развития // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Bocharnikov I. V., Ovsyannikova O. A. Kyrgyzstan after the pandemic: the main trends of development. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 321.01/02

Егоров В. Г., Рекк Д. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

КЛАНЫ В АКТУАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

АННОТАЦИЯ

Цель. Авторский ракурс исследования клановой организации постсоветских стран Центральной Азии сосредоточен вокруг идентификации традиционных институтов, их актуализации в современном политическом процессе и вариантах их социально-политической эволюции.

Процедура и методы. Авторы предлагают расширенное понимание сущности клановой организации, распространяющей консолидирующие направления лояльности как по горизонтали в пределах кровнородственных сообществ, так и по вертикали, воспроизводящей иерархию связей от элитных верхов до рядовых участников объединений. Используются методы контент-анализа, вторичного анализа социологических данных, событийного анализа.

Результаты. Основными факторами, актуализирующими клановую организацию в социально-политическом процессе постсоветских стран Азии, являются рост общественного движения, самосознания и общественное разочарование в попытке воспроизводства западной модели общественного развития.

Практическая значимость заключается в сохранении актуальности феномена кланов в социально-политическом процессе республик постсоветской Центральной Азии. Авторы приходят к выводу о том, что противоречия с элитной верхушкой, порождаемые традиционным вектором эволюции кланов, неизбежно инициируют «регионализацию» кланов, их консолидацию вокруг повестки, замыкающуюся на местных проблемах. Такой «разворот» клановых сообществ может иметь деструктивные последствия, в том числе потенциально ведущие к сецессии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

постсоветское пространство, Центральная Азия, кланы, социально-политический процесс, регионализация, конкуренция элит, фрагментация

СТРУКТУРА

Введение

Сущностные качества Центральноазиатских кланов

Кланы и актуальный центральноазиатский политический процесс

Направления социально-политической мобильности центрально-азиатских кланов

Выводы

V. Egorov, D. Rekk

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoi, Mytishi 141014, Moscow Region, Russian Federation

CLANS IN THE CURRENT POLITICAL PROCESS OF THE POST-SOVIET COUNTRIES OF CENTRAL ASIA

ABSTRACT

Aim. The author's perspective of the study of the clan organization of Central Asia post-Soviet countries is focused on the identification of traditional institutions, their actualization in the modern political process and their socio-political evolution variants.

Methodology. The authors offer an expanded understanding of the essence of a clan organization, in which consolidating loyalty is directed both horizontally within consanguineous communities, and vertically, reproducing the hierarchy of ties from the elite top to ordinary members of associations. Methods of content analysis, secondary analysis of sociological data, event analysis were used

Results. The main factors that actualize the clan organization in the socio-political process in Asian post-Soviet countries are the growth of social movement, self-awareness and public disappointment in an attempt to reproduce the Western model of social development.

Research implications. The study confirms preservation of the relevance of the clan phenomenon in the socio-political process of the republics of post-Soviet Central Asia. The authors come to the conclusion that the contradictions with the elite, generated by the traditional vector of the evolution of clans, inevitably initiate the "regionalization" of clans, their consolidation around the agenda, which is focused on local problems. Such a "reversal" of clan communities can have destructive consequences, including potential trend to secession.

KEYWORDS

post-Soviet space, Central Asia, clans, socio-political process, regionalization, competition of elites, fragmentation

ВВЕДЕНИЕ

Политический процесс и клановая организация постсоветской Центральной Азии, являвшиеся объектом пристального внимания политологов в 1990-е гг. и начале 2000-х гг., постепенно уходят из круга наиболее востребованной исследовательской проблематики. Такая метаморфоза связана с несколькими обстоятельствами.

Во-первых, после революционных коллизий начала 1990-х гг. прошлого века политический процесс новых независимых государств приобрёл относительную стабильность и больше не привлекает исследователей, предпочитающих в качестве предмета своего анализа «острые» сюжеты.

Во-вторых, публичное политическое пространство постсоветской Азии, как и глобальный политический ландшафт, превратился в элитную «территорию», не доступную описанию учёных.

В-третьих, политологи, тратившие массу интеллектуальных усилий на аргументацию либерально-демократической перспективы общественного

развития новых независимых государств вынуждены признать её неадекватность постсоветской политической реальности. Описываемая политологами, принадлежащими к этой плеяде, клановая организация представлялась исключительно со знаком «минус» как рудимент, переживший советский период и доставшийся социально-политическому процессу бывших союзных республик в качестве контрпродуктивного наследства, подлежащего искоренению. Однако общественная практика дала основание по-новому оценить место и роль традиционных институтов в современном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии. Очевидно, что, обретая новые сущностные качества, азиатские кланы становятся актуальным социально-политическим феноменом.

О роли неформальных институтов, в том числе кланов в Центральной Азии, казахстанский политолог Данияр Ашимбаев пишет таким образом: «Для всех среднеазиатских республик характерен симбиоз новых практик управления с традиционными системами рекрутирования элит – землячество, кумовство, родство, связи по школьной парте, контакты в рамках делового партнёрства. Такова характерная особенность азиатских стран постсоветского пространства: какая бы политическая модель ни была зафиксирована в правовых актах, существует крайне устойчивая традиционная, неформальная система взаимоотношений между элитами. При этом президент в республике должен заботиться не только о своей семейно-родственной группе, но и выступать в качестве верховного арбитра для всех остальных кланов, позиционируя себя “отцом нации”» [2, с. 59].

В связи с особой значимостью клановой системы для центральноазиатского политического процесса её исследование является целью настоящей статьи. При этом авторский ракурс исследования проблемы сконцентрирован вокруг идентификации традиционных институтов, их актуализации в современном политическом процессе и вариантах их социально-политической эволюции. Следует заметить, что клановая организация, инкорпорируемая в политический процесс, способна активно влиять на выбор социальной перспективы развития новых независимых государств. В этой связи детального научного анализа заслуживает проблема определения факторов, обуславливающих устойчивость и жизнеспособность кланов.

СУЩНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ КЛАНОВ

Современная клановая организация Центральной Азии значительно отличается от традиционной, уходящей корнями в глубокое прошлое. Модернизация кланов в значительной мере изменила их облик и целеполагание. Структура современных неформальных сообществ вертикально иерархизирована. В основании клановой «пирамиды» располагаются «большие семьи», объединённые по горизонтали кровнородственными, племенными и земляческими отношениями. Обязательным атрибутом «первой ступени»

иерархии, интегрирующей простых «общинников», членов патриархальных коллективов, являются местные лидеры из числа наиболее уважаемых знатных представителей рода, напоминающих «патеров» прежних традиционных кровнородственных объединений. Нередко таковыми в наше время становятся религиозные авторитеты, объединяющие умму.

Первая или нижняя ступень клановой иерархии в наибольшей степени ангажирована традиционными ценностями: справедливость, почитание старших, нормы ислама и т. д.

Верхний уровень иерархии клановой вертикали занимают выходцы из родовых коллективов, продвинувшиеся в государственной службе благодаря поддержке знатных родственников и занимающие место связующего звена между рядовыми родственниками и клановой верхушкой.

Как правило, верх клановой пирамиды занимает малопроницаемый слой или элитная группа, консолидированная вокруг одной сильной личности, обладающей достаточным административным (властным) ресурсом, чтобы обеспечить доступ к определённом сегменту ренты и финансовых потоков.

Стержневой структурой клановой организации является центральная власть, вынужденная сохранять баланса клановых интересов¹.

Таким образом, современная клановая организация стран Центральной Азии представляет собой сложноструктурированную систему, интеграция которой по вертикали и горизонтали обусловлена разными мотивами и приоритетами. Именно в силу сложности и гетерогенности клановые сообщества находятся в динамичном состоянии, определяемом изменениями расстановки политических сил в высшем эшелоне власти, конкуренцией элитных групп с лидерами местных сообществ за влияние на «общинную массу», степенью социализации кланов.

В научной литературе встречаются попытки редуцировать клановую организацию постсоветской Азии до патрон-клиентских отношений или исключительно патриархальных сообществ, «ориентированных на родство образований» [4]. Клань как «региональную сеть» характеризует исследователь казахстанских неформальных сообществ С. Ф. Стар [7].

Эксперт католического университета Левенса Жанна Хегай, понимая под азиатскими кланами союз «нескольких семей, связанных друг с другом на основе родства», тем не менее, говорит о том, что таковые «даже если превращаются в регионально объединённые альянсы, могут существенно влиять на политические, социальные, экономические процессы в пяти странах» Центральной Азии [5, с. 8].

Наиболее продуктивной представляется точка зрения Кэтлин Коллинз, по мнению которой клановая лояльность распространяется как по горизонтали (как правило, между членами, связанными кровным родством), так и по вертикали, связывая элитные и неэлитные уровни иерархии. «Элитные чле-

¹ Особенно на первом этапе суверенизации бывших союзных республик.

ны кланов, предоставляя возможности или помощь участникам соответствующих сетей, взамен рассчитывают на их личную лояльность и уважение для того, чтобы поддержать свой статус» [5, р. 142].

КЛАНЫ И АКТУАЛЬНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

Современный политический процесс постсоветских азиатских республик, интегрирующий клановые сообщества, характеризуется двумя основными обстоятельствами. Во-первых, очевидностью нерелевантности либерально-демократической перспективы, продиктованной желанием политической элиты этих стран воспроизвести западный опыт общественного развития. Весной 2018 г. Президент Республики Казахстан Н. Назарбаев, при обсуждении учебников, создаваемых в соответствии с проектом «Новое гуманитарное знание. 100 новых учебников на казахском языке» заявил, что Казахстан идёт к демократии по особенному пути развития. «Я с самых первых дней независимости возглавляю эту страну, оправдываю доверие народа. Сколько раз с Запада говорили: «Внедрите демократию как у нас, как в Америке, как на Западе». Мы казахи, мы не американцы, не немцы, не англичане»².

В связи с осознанием иллюзорности «третьей волны демократии» (в терминологии С. Хантингтона), которая должна была универсализировать политическое пространство азиатских постсоветских государств, актуализировались традиционные ценности, фундирующие кровнородственные сообщества и создающие возможность использования в политической модернизации конструктивного потенциала кланов. На такую возможность, ссылаясь на движение кенийских кланов «Харамби», указывает ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова (Казахстан) Б. М. Сужиков. Он пишет: «Гуманитарии наших дней, включая зарубежных историков, пытаются каким-то образом реставрировать феномен групп, основанных на родственных связях, сделав формой социальной организации и политической жизни современности. Их схемы выстраиваются по лекалам, например, движения «Харамби» в Кении, когда кланы мобилизуют свои ресурсы для достижения определённых целей, или методом адаптации родоплеменной идентичности к современным условиям на основе «корпоративности»... В политической истории Степи действительно наличествует достаточно иллюстраций стройной правовой организации консорции и взаимовыручки в казахском обществе. Как отмечала американский исследователь казахского права XIX века Виржиния Мартин, «это был «живой» организм, состоявший из норм и процедур, формировавших понятия справедливости, ответственности, морали...»³.

² Назарбаев вспомнил о недемократичных страницах истории США // Sputnik : [сайт]. URL: <https://ru.sputniknews.kz/society/20180412/5262024/usa-nazarbaev-demokratiya.html> (дата обращения: 16.12.2019).

³ «Наблюдать пространство в бытии...» // «Республиканская газета «Казахстанская правда» :

В 2012 г. Н. Назарбаев заявил о необходимости построения в Казахстане общества Всеобщего труда как альтернативы западному обществу потребления⁴.

Невозможность укоренения либерально-демократического порядка западного образца и необходимость консервативной модернизации центрально-азиатских политических режимов обуславливалось отсутствием в постсоветской реальности его основного элемента, а именно правового пространства. Уважение к закону формировалось на Западе в неразрывной связи с формированием института частной собственности. На эту особенность формирования западной цивилизации обращали внимание ещё представители австрийской школы политэкономии [3, с. 33–34]. В отсутствии правового порядка в республиках Центральной Азии гарантом прав и свобод граждан становилась авторитарная персонифицированная власть (не противоречащая обычаям и традициям азиатских народов) и традиционные институты, в том числе и кланы, которые, особенно на начальных этапах становления независимости, в значительной мере восполняли недостаток управляемости социумов.

Казахстанский правозащитник Е. Жовтис, выступая на ежегодной конференции обществ изучения центральной Евразии (Central Eurasian Studies Society), организованной в октябре 2014 г. в Колумбийском университете в г. Нью-Йорке, сказал: «В современных обществах эволюция экономических и юридических основ частной собственности способствовала выработке представлений о личных правах и свободах. В постсоветских странах данный процесс не прижился» [1]. А другой западный эксперт М. Ларуэль заметил, что правовые институты Центральной Азии являются не самостоятельными и только «имитируют необходимый антураж легитимации квазисистемы» [6, р. 7].

К. Коллинз иллюстрирует важность кланового механизма управления социумами данными оригинального социологического исследования жителей сельской местности Киргизии и Узбекистана (табл. 1).

[сайт]. URL: <https://www.kazpravda.kz/news/obshchestvo/nabludat-prostranstvo-v-bitii> (дата обращения: 17.05.2020).

⁴ Назарбаев Н. Социальная модернизация Казахстана. Двадцать шагов к обществу Всеобщего труда // МИА «Казинформ» : [сайт]. URL: https://www.inform.kz/ru/social-naya-modernizaciya-kazahstana-dvadcat-shagov-k-obschestvu-vseobshego-truda_a2478336 (дата обращения: 17.05.2020).

Таблица 1 / Table 1

Мнение сельских жителей Киргизии и Узбекистана о возможных источниках помощи (% от общего числа респондентов) / Opinion of rural residents of Kyrgyzstan and Uzbekistan about possible sources of support (% of the total number of respondents)

Страны	Банки	Государственные агентства	Мечеть	Сельская община (колхоз)	Родственные, клановые сообщества
Если Вам нужна финансовая помощь, куда Вы обратитесь?					
Киргизия	1%	2%	0	4%	93%
Узбекистан	2%	3%	0	3%	92%
Когда вам нужно разрешить конфликт, куда Вы обратитесь за помощью					
	Суды				
Киргизия	0	0	0	3%	97%
Узбекистан	0	0	2%	2%	96%

Источник: Collins K. The Political Role of Clans in Central Asia // Comparative Politics. 2003. Vol. 35. № 2. P. 171–190. P. 178.

Приведённые в таблице 1 данные говорят о том, что кланы Центральной Азии остаются действенным механизмом социальной организации. Кроме того, согласно исследованиям К. Коллинз в разрешении конфликтов 97% сельских жителей в Киргизии и 96% в Узбекистане предпочитают в качестве единственного источника правового порядка поддержку со стороны собственного клана. В связи с необходимостью смены политической повестки клановой организации Центральной Азии, очевидно, наметился разлом между интересами в большей степени вестернизированной элитной верхушки и рядовыми членами традиционных сообществ.

Во-первых, в этой связи многие исследователи отмечают реинтеграцию клановых сообществ вокруг региональных лидеров, способных предложить консолидирующие идеи, лежащие даже вне легального пространства.

Во-вторых, политический процесс новых независимых государств Центральной Азии характеризуется новой динамикой и качественными трансформациями, связанными с ростом общественного самосознания и нарастанием политической активности граждан этих стран. Волна протестного движения буквально захлестнула Центральную Азию.

Общественные акции, инициируемые тяжёлым материальным положением населения, происходят с завидной периодичностью и по любому поводу. Достаточно указать на всплеск общественных выступлений, связанных с переименованием столицы Казахстана, волнения 2019 г. в узбекском Ургенче. В Киргизии и Таджикистане народное возмущение выливается в

массовые акции, спонтанно и каждый раз грозит перерасти в вооруженные конфликты⁵.

Кланы, составляющие органическую часть политической надстройки, испытывают, как и центральная власть, необходимость в социализации.

Как показывает общественная практика, существует возможность социальной мобильности клановой организации как в направлении, определяемом форматом партикулярных интересов вестернизированных элитных групп, так и потенциальной консолидации клановых сообществ вокруг общенациональной повестки. В актуализации второго варианта социальной перспективы критически важная роль принадлежит центральной власти, которая с целью самовоспроизводства вынуждена адаптироваться к условиям возросшей общественной активности и обратить усилия на презентацию повестки, способной преодолеть клановую разобщённость социумов.

Имея в виду наличие самых различных групп влияния, стремящихся обрести социально-политический статус за счёт «укоренения» в клановой организации: олигархического, экстремистского, религиозного, прозападного и т. д., перспектива кланов Центральной Азии выглядит неоднозначно.

Согласно данным казахстанского агентства «365info» (август 2019 г.), почти половина респондентов (45%) считают, что нарастание дестабилизационных процессов в стране будет продолжаться, чему способствует «высокий уровень неформальных патрон-клиентских отношений»⁶.

НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИХ КЛАНОВ

Таким образом, динамика социально-политического процесса в постсоветских азиатских республиках неизбежно порождает их подвижность, не имеющую однозначного варианта развития.

Нарастание общественного скепсиса по поводу «проекта» вестернизации новых независимых государств актуализируется разломом клановой иерархии по линии, отделяющей элитный и «общинный» уровни. Элитные группы, находящиеся на «вершине» клановой пирамиды и использующие влияние на традиционные сообщества с целью укрепления собственного

⁵ См.: «Люди устали». Протесты в 2019 году: причины и последствия // Радио Азаттык : [сайт]. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-2019-year-protests-sauses-and-consequences/30351048.html> (дата обращения 17.01.2020); Волнения в Ургенче. Что произошло? // Annor.uz. URL: <https://www.annor.uz/society/volneniya-v-urgench-cto-proizoshlo> (дата обращения 28.07.2020); По данным генерального прокурора в Таджикистане в 2019 г. было совершено 1060 преступлений экстремистской направленности, что на 306 случаев больше, чем в 2018 г. См.: В Таджикистане за попытку организации бунтов к новым срокам приговорены 70 заключенных // Sputnik Таджикистан : [сайт]. URL: <https://tj.sputniknews.ru/country/20200127/1030607755/genprokuror-tajikistan-statistika-osuzhdennye-bunt.html> (дата обращения 27.01.2020).

⁶ Что ждёт Казахстан в ближайшие 5 лет? – эксперты // 365info.kz. URL: 365info.kz/2019/09/cto-zhdet-kazahstan-v-blizhajshie-10-let-ekspertry (дата обращения: 11.12.2019)

статуса, гарантирующего доступ к административному и материальному ресурсу, пытаются «развернуть»⁷ вектор общественной мобильности кланов в теряющее популярность направление либерально-демократических трансформаций, а точнее сказать, его имитацию.

В свою очередь неизбежная социализация традиционных институтов актуализирует их конструктивный потенциал, а именно консолидации вокруг общенациональных ценностей справедливости, сохранения культурной самобытности, традиций и обычаев.

Наличие указанного «разлома» проецируется в разновекторности политического процесса стран Центральной Азии. Например, весной 2019 г. в столице Казахстана прошли две протестные акции с совершенно отличающимися социально-политическими ориентирами: выступление женщин под лозунгом «Жильё нашим детям!», призванное обратить внимание властей на жилищную проблему, усугубляющуюся по мере роста неравенства в стране, и молодёжные акции А. Тулесовой и Б. Толыжбековой «От правды не убежишь», направленные на срыв избирательной кампании президента страны. По оценкам экспертов, имеется достаточно оснований полагать, что молодёжные протесты инициированы элитными группами, стремящимися реализовать собственные амбиции⁸.

Безусловно, молодёжная среда в большей степени, чем остальное гражданское сообщество, подвержена влиянию разнонаправленных политических сил, в том числе определяющих инициацию социальной мобильности кланов. О наличии разнонаправленных предпочтений молодёжи стран постсоветской Центральной Азии говорят результаты контент-анализа содержания популярных блогов (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Результаты контент-анализа тематики популярных блогов в некоторых странах Центральной Азии (%) / Results of content analysis of popular blogs topics in some Central Asian countries

Тематика	Казахстан	Киргизстан	Узбекистан	Таджикистан
Либерально-демократический порядок (как на Западе)	64%	34%	31%	18%
Хочу, чтобы в стране реально правил народ	30%	46%	37%	34%
Поддерживаю власть	6%	10%	32%	48%

⁷ В большей степени, чем другие граждане, испытывавшие влияние модернизационных процессов.

⁸ Примаков Е. Нынешние протесты, интеллигенция, элиты и революция // Вести.ru. URL: vesti.ru/doc.html?id=3179585 (дата обращения: 17.08.2020).

Источник: составлено авторами по: Что могут блогеры в современном Узбекистане // Stan Radar : [сайт]. URL: stanradar.com/news/full/38713-chto-mogut-blogery-v-sovremennom—uzbekistane.html (дата обращения: 17.03.2020). Методом случайной выборки на каждой из указанных сносок было выбрано по 5 популярных молодёжных блогов, имеющих массовое посещение. На основе анализа мессенджей по вопросам политической повестки страны были квалифицированы мнения респондентов.

1. Узбекистан. См.: «Юксалиш» назвал топ-30 общественных активистов // Газета.uz. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2019/10/23/community-activists> (дата обращения: 24.10.2019).

2. Казахстан. См.: TOP 30 самых популярных казахстанских знаменитостей в Instagram // Pandaland : [сайт]. URL: <https://pandaland.kz/articles/semya/raznoe-i-poleznoe-270/top-30-samyh-populyarnyh-kazahstanskih-znamenitostej-v-instagram> (дата обращения: 07.06.2020).

3. Кыргызстан. См.: Топ-10 популярных кыргызстанских пользователей Instagram. Кто они // Sputnik.kg. URL: <https://ru.sputnik.kg/society/20181103/1041846416/Kyrgyzstan-instagram-akkaunty-populyarnost.html> (дата обращения: 24.10.2019).

4. Таджикистан. См.: 6 перспективных таджикских блогеров, которых интересно смотреть // limu.tj URL: https://www.limu.tj/main/vseti/6_perspektivnykh_tadzhikskikh_bloggerov_kotorykh_interesno_smotret/ (дата обращения: 03.07.2019)..

5. Туркменистан – нет информации.

Разнонаправленные социальные ориентиры, демонстрируемые результатами контент-анализа, в полной мере отражают возможные векторы канализации клановой эволюции. Подтверждением вариативности такой эволюции может служить опыт общественного развития, например, Турции, в полной мере реализовавшей путь вестернизации, и Ирана, движущегося в направлении имплементации традиционных ценностей.

Вместе с тем отрыв кланов постсоветской Центральной Азии от «руководящего и направляющего» влияния элитных групп несёт в себе не только конструктивный потенциал. Разворот в сторону традиционного этоса неизбежно сопровождается ростом влияния местных религиозных родоплеменных лидеров, целеполагание политической деятельности которых далеко не всегда совпадает с общенациональными интересами. Мало того, существует опасность использования кланов местными авторитетами в нелегальных целях или сепаратистских устремлениях, ведущих к фрагментации стран.

Подтверждением сказанного может служить, например, история с выборами акима (главы района) Аксыйского района Джалл-Абадской области Киргизии, которым препятствовали представители местных «уважаемых аксакалов». Об этой ситуации 6 марта 2019 г. заявил первый вице-премьер страны Кубайтбек Боронов: «По акиму Аксыйского района очень много предложений и споров. Скажем откровенно: в том числе споры из-за племенного деления. Почему бы не говорить об этом открыто? Будем и дальше молчать? Мы должны открыто говорить о наших болячках»⁹.

⁹ Выборы акима Аксы. Правительство заявило о родо-племенном делении // Радио Азаттык : [сайт]. URL: <https://rus/azattyk.org/a/Kyrgyzstan-aksy-akim.-elekction.29808151.html> (дата обращения: 16.04.2020).

ВЫВОДЫ

Таким образом, феномен кланов сохраняет актуальность и жизнеспособность в социально-политическом процессе республик постсоветской Центральной Азии. Актуальности клановых сообществ, в том числе, способствует динамика происходящих в этих странах трансформаций, прежде всего связанных с ростом общественной активности и самосознания и проявлением нерелевантности «проектов» вестернизации новых независимых государств.

В условиях динамичных изменений социально-политической реальности постсоветских стран Азии клановая организация испытывает влияние разнонаправленных векторов эволюции, определяемых либерально-демократической и традиционно ориентированной стратегиями общественного развития.

Важнейшую роль в окончательном укоренении кланов в одном из направлений социальной динамики играет, прежде всего, способность центральной власти государств постсоветской Азии генерировать повестку национальной консолидации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кто попирает право частной собственности в центральной Азии? // За рубежом : [сайт]. URL: <https://www.zarubejom.ru/news/show/14357.html> (дата обращения: 10.01.2020).
2. Матрица постсоветской элиты // Expert Online. URL: <https://expert.ru/expert/2019/45/matritsa-postsovetskoj-elityi/> (дата обращения: 05.11.2019).
3. Мизес Людвиг фон. Социализм. Экономический и социальный анализ. Москва: Cattallaxy, 1994. 930 с.
4. Рогожина Г. А. Клиентализм в рекрутировании политических элит в Российской Федерации и постсоветских государствах Центральной Азии : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2010. 241 с.
5. Collins K. Clans, Pacts, and Politics in Central Asia // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. № 3. P. 137–152.
6. Kazakhstan: Nation-branding, Economic Trials, and Cultural Changes / ed. M. Laruelle. Washington: The George Washington University. 2017. 87 p.
7. Starr S. F. Clans, Authoritarian Rulers and Parliaments in Central Asia / Central Asia-Caucasus Institute and Silk Studies Program. Uppsala : Uppsala University, 2006. 28 p.

REFERENCES

1. [Who Tramples on Private Property Rights in Central Asia?]. In: *Za rubezhom [Abroad]*. Available at: <https://www.zarubejom.ru/news/show/14357.html> (accessed: 10.01.2020).
2. [The matrix of the post-Soviet elite]. In: *Expert Online*. Available at: <https://expert.ru/expert/2019/45/matritsa-postsovetskoj-elityi/> (accessed: 11.05.2019).
3. Ludwig von Mises. Socialism (Russ. ed.: *Sotsializm. Ekonomicheskii i sotsial'nyi analiz*. Moscow, Cattallaxy Publ., 1994. 930 p.).

4. Rogozhina G. A. *Klientalizm v rekrutirovanii politicheskikh elit v Rossiiskoi Federatsii i postsovetikh gosudarstvakh TSentral'noi Azii : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Clientelism in recruiting political elites in the Russian Federation and the post-Soviet states of Central Asia : abstract of PhD thesis in Political sciences]. Moscow, 2010. 241 p.
5. Collins K. Clans, Pacts, and Politics in Central Asia. In: *Journal of Democracy*, 2002, vol. 13, no. 3, pp. 137–152.
6. Laruelle M. ed. *Kazakhstan: Nation-branding, Economic Trials, and Cultural Changes*. Washington, The George Washington University Publ., 2017. 87 p.
7. Starr S. F. *Clans, Authoritarian Rulers and Parliaments in Central Asia / Central Asia-Caucasus Institute and ilk Studies Program*. Uppsala, Uppsala University Publ., 2006. 28 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 07.07.2020

Статья размещена на сайте: 22.09.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Егоров Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: korrka@mail.ru

Рекк Дмитрий Александрович – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета; e-mail: 100100200@bk.ru

Vladimir G. Egorov – Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Economics), Prof., Departmental Head, Department of Political Science and Law, Moscow Region State University; e-mail: korrka@mail.ru

Dmitrii A. Rekk – Postgraduate Student, Department of Political Science and Law, Moscow Region State University; e-mail: 100100200@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Егоров В. Г., Рекк Д. А. Клань в актуальном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Egorov V. G., Rekk D. A. Clans in the current political process of the post-soviet countries of Central Asia. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 316.654-053.88

Кецба В. И.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4, Российская Федерация*

Кецба Б. И.

*Российская таможенная академия
140015, Московская обл., г. Люберцы, Комсомольский пр-т, д. 4, Российская Федерация*

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявление политического образа своей страны в массовом сознании граждан Российской Федерации в возрасте от 56 лет.

Процедура и методы. Работа основана на результатах социологических опросов, проведённых кафедрой социологии и психологии политики МГУ имени М. В. Ломоносова (в Москве, Тыве, республике Дагестане, Саратовской, Брянской, Смоленской, Томской и Челябинской областях). Для интерпретации полученных данных использовались качественные и количественные методы исследования (фокусированные полустандартизированные интервью, рисуночный тест и кодировка полученных данных), при помощи которых авторы сумели выявить политический образ России в массовом сознании старшего поколения.

Результаты. Исследование показало, что политико-психологический образ России в сознании респондентов содержит в большей степени привлекательные, нежели негативные характеристики. Позитивные компоненты образа российской государственности и народа занимают доминирующее положение в сознании граждан России и практически нивелируют такие негативные ассоциации, как коррупция, плохие дороги и т. д. При этом образ страны не совсем целостный и имеет незначительные отличия на рациональном и неосознаваемом уровнях восприятия. На рациональном уровне политическая власть России в представлении респондентов менее негативна, чем на бессознательном уровне.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования, описанные в статье, представляет особую практическую ценность для политических психологов и представителей власти, так как любая государственная стратегия малоэффективна, если не учитывает настроения общества и не получает от него поддержки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

образ страны, образ власти, образ лидера, образ народа, политическое восприятие

СТРУКТУРА

Введение

Рациональные компоненты политического образа России

Неосознаваемые характеристики образа России в массовом сознании граждан от 56 лет.

Закключение

V. Ketsba

*Lomonosov Moscow State University
27 korp. 4 Lomonosovsky pr-t, Moscow 119991, Russian Federation*

B. Ketsba

*Russian Customs Academy
4 Komsomol'sky pr-t, Lyubertsy 140015, Moscow Region, Russian Federation*

POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL IMAGE OF MODERN RUSSIA IN THE MASS CONSCIOUSNESS OF THE GENERATION

ABSTRACT

Aim. To identify the political image of Russia as it exists in the mass consciousness of its citizens within the age group of 56 and over.

Methodology. This study is based on the results of sociological surveys conducted by the Department of Sociology and Psychology of Politics of Moscow State University. The surveys were conducted in Moscow, Tyva, the Republic of Dagestan, Saratov, Bryanskaya, Smolensk, Tomsk and Chelyabinsk regions. Both qualitative and quantitative methods were used to interpret the gathered data (focused semi-standardized interviews, drawing test and coding of the gathered data). Through those methods the author has identified the image of Russia as it exists in the mass consciousness of Russian citizens.

Results. This study showed that the political and psychological image of Russia in the minds of respondents contains more attractive than negative characteristics. The positive components of the image of Russian statehood and people occupy the dominant position in the minds of Russian citizens and practically neutralize such negative associations as corruption, bad roads, etc. Moreover, the image of the country is not completely holistic and has slight differences at a rational and unconscious level of perception. At the rational level, the political power of Russia in the opinion of respondents is less negative than at the unconscious level.

Research implications. The research results described in this article are of particular practical value for political psychologists and government officials, since any state strategy is ineffective if it does not take into account the mood of society and does not receive support from it.

KEYWORDS

image of the country, image of power, image of the leader, image of the people, political perception

ВВЕДЕНИЕ

В современной политической психологии одной из самых интересных и сложных тем является политическое восприятие страны разными возрастными группами. Сложность заключается в том, что страна как объект вмещает в себя множество составных частей, влияющих на процесс восприятия: географические особенности страны, политический контекст и мн. др. Существуют факторы, связанные с субъектом восприятия (респондентами), которые оставляют на нём отпечаток, а именно: уровень образования, гендерная

принадлежность, социальный статус и то, что вызывает определённый научный интерес, – поколенческие (возрастные) особенности восприятия [10, с. 26–44]. То, как воспринимают нынешнюю Россию её граждане в возрасте от 56 лет, заставшие времена Советского Союза, вызывает особый интерес у политических психологов.

Характеристика исследования. Выявить то, как воспринимают свою страну российские граждане от 56 лет, помог социологический опрос, проведённый кафедрой социологии и психологии политики МГУ имени М. В. Ломоносова в рамках проекта «Образ страны в российском обществе: политико-психологический анализ» [11, с. 51]. В данном опросе приняли участие 139 представителей старшего возраста от 56 лет из Москвы, Тывы, республики Дагестана, Саратовской, Брянской, Смоленской, Томской и Челябинской областей. Данное исследование проводилось в два этапа. Первые опросы были проведены в сентябре 2017 г., а второй этап опросов осуществлялся в декабре 2018 г.

Политический образ страны формируется на рациональном и неосознаваемом уровнях восприятия [8, с. 109]. Для того чтобы выявить, какой образ России сформирован в сознании граждан на рациональном уровне восприятия, респондентам задавались не вызывающие затруднения вопросы. Чтобы выявить образ России в массовом сознании граждан на неосознаваемом уровне восприятия, использовался рисуночный тест [3, с. 60]. Гражданам представилась возможность нарисовать свой народ и то, как они видят политическую власть Российской Федерации и представляют Россию.

Теоретико-методологическая часть данного исследования опирается на разработки политических психологов, основывающиеся на теории политического восприятия, а также на работы политических географов, в основе которых лежит представление о территории своей страны в сознании граждан [7, с. 108].

Политические географы изучают образ России, опираясь на территориальные особенности страны. По мнению известного российского политического географа Д. Н. Замятина, изучение образа страны невозможно без выявления знаний гражданина о её территории [4, с. 39–40]. Похожей позиции придерживается западный исследователь Г. Трубридж, считая, что географический образ страны в сознании граждан базируется на их представлении о её масштабах и границах [13, с. 88]. В отличие от политического образа власти, образа политического лидера и т. д. в образе территории невозможно выявить неосознаваемые компоненты, а также параметры «привлекательности, силы и активности» [11, с. 53].

Зарубежные и отечественные политические психологи придерживаются той позиции, что политический образ складывается на рациональном и неосознаваемом уровнях восприятия [5, с. 136], включающими в себя параметры «привлекательности, силы и активности». Политические психологи, в том числе известный российский исследователь Е. Б. Шестопал, считают, что

образ страны вмещает в себя:

- образ политической власти;
- образ политического лидера;
- образ народа;
- образ территории [2, с. 42].

РАЦИОНАЛЬНЫЕ КОМПОНЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗА РОССИИ

Для того чтобы понять отношение респондентов к России, им предоставили возможность раскрыть следующее утверждение: «Россия для меня – это...». Полученные ответы были разделены на вмещающие в себя: «позитивный, негативный, нейтральный и амбивалентный эмоциональный знаки» [6, с. 116]. Из 139 человек на данный вопрос 36% респондентов дали ответы, содержащие в себе эмоционально-положительный знак. Среди ответов, содержащих эмоционально-позитивный знак, были подобные заявления: «Россия для меня является родным домом», «...моей Родиной», «страной, которая дала мне все, что я имею» и т. д. Что касается заявлений, содержащих эмоционально-негативный знак, то их сделали 3,82% респондентов – это малый показатель, свидетельствующий о том, что граждане любят свою Родину. Однако на первом месте находятся ответы, содержащие эмоционально-нейтральный знак (59% заявлений). В качестве примера можно привести следующие ответы граждан: «страна, в которой я живу», «государство» и т. д. Для получения более целостного представления о том, какой образ России находится в массовом сознании граждан, необходимо понять, что именно вызывает чувство гордости и чувство стыда у респондентов. В связи с этим рассмотрим основные компоненты, вызывающие у граждан чувство гордости. В таблице 1 показано распределение наиболее частых ответов.

Таблица 1 / Table 1

Что вызывает гордость, когда речь идёт о России /
What causes pride when it comes to Russia

Предметы гордости	Частота	Проценты
История	41	29,3%
Люди и их личностные качества	26	18,8%
Политическая сила	35	25,2%
Ничего, нет ответа	19	13,83%
Территория	8	5,77%

В первую очередь чувство гордости по отношению к своей стране у граждан возникает, если речь идёт об истории России. Например, женщина, 62 года, заявила: «Горжусь Россией из-за её богатой истории и культуры». Полученные ответы респондентов в 25,2% случаев свидетельствуют о том,

что чувство гордости у граждан вызывает политическая сила страны. Представители старшего поколения получают удовлетворение от сознания того, что Российская Федерация является мощным и влиятельным государством.

Полученные результаты свидетельствуют о высоком показателе респондентов (13,83%), которые оставили данный вопрос без ответа. Это может быть связано с тем, что они просто не хотели делиться своим мнением по данному поводу или действительно считают, что в России нечем гордиться.

В связи с этим можно перейти к анализу характеристик России, вызвавших у старшего поколения чувство стыда. Таблица 2 отражает распределение частых ответов.

Таблица 2 / Table 2

Что вызывает стыд, когда речь идёт о России /
What causes shame when it comes to Russia

Основания для стыда	Частота	Проценты
Социальные проблемы	55	39,6%
Ни за что, нет ответа	27	19,5%
Коррупция	23	16,5%
Неэффективное управление	18	13,2%
Культурный упадок	16	12,2%

Наибольшее чувство стыда у представителей данной возрастной когорты вызывает социальная сфера. 39,6% ответов из общего числа полученных свидетельствуют, что граждане недовольны общеэкономическим развитием. Мужчина, 67 лет, г. Брянск, заявил: «В век высоких технологий в провинциях основные социальные, бюджетные и иные структуры не развиты. Люди живут без газа, поликлиник, дорог, света, денег и элементарно чистой и горячей воды». Данное высказывание отражает недовольные настроения в обществе. Люди обращают внимание на то, что при большом количестве ресурсов в России пенсионерам в регионах живётся трудно, из-за чего у граждан ухудшается отношение к политической власти страны.

Политический образ власти – это система представлений о власти в обществе, включающая понятия о её сущности, функциях, структуре, а также ожидания от власти определённых социально-политических действий [9, с. 169]. Для того чтобы понять, какой образ политической власти находится в массовом сознании российских граждан старшего возраста, им был задан вопрос: «Как Вы могли бы охарактеризовать власть в современной России?». 43,4% полученных ответов содержали негативный эмоциональный знак. Респонденты часто выражали отношение к власти следующими высказываниями: «Власть в России коррумпированная», «...авторитарная», «...безразличная по отношению к людям». При этом образ власти в представлении граждан

значительно изменился: если обратить внимание на её политический образ в 1990-х гг. и начале 2000-х гг., то заметно, что образ стал менее негативным [1, с. 24–25].

Из 139 респондентов 19,1% граждан считают, что политическая власть Российской Федерации: «сильная, структурированная», «сильная и стабильная». Однако большая часть ответов представляет собой когнитивно бедные формулировки и свидетельствует о том, что у граждан слабое представление о политике и политической власти страны. Кроме того, высок процентный показатель респондентов (20,5%), проявивших нейтрально эмоциональный знак, описывая политическую власть в России.

Образ политического лидера. Чтобы выявить, кто является политическим лидером для граждан, им предлагалось назвать «трёх современных влиятельных российских политических лидеров». Частота упоминания российских политических лидеров респондентами представлена в виде диаграммы (рис. 1).

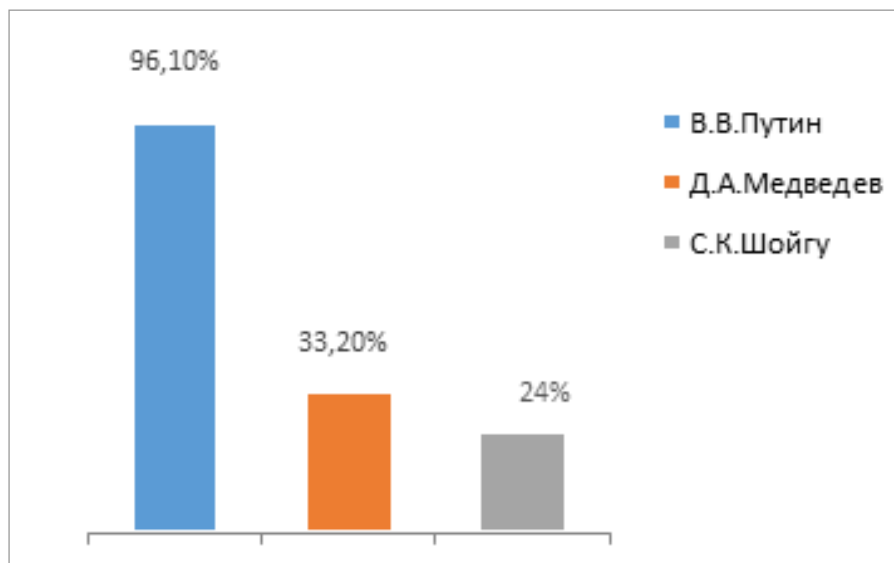

Рис. 1 / Fig. 1. Самые влиятельные политические лидеры России в представлении граждан / The most influential political leaders in Russia as seen by citizens

Бесспорным политическим лидером для россиян является Президент В. В. Путин, влиятельность которого не подлежит никакому сомнению. Граждане также упоминали В. В. Зюганова, В. В. Жириновского и т. д., но низкая частота их упоминания (менее 5%) свидетельствует о том, что к влиятельным политическим лидерам страны респонденты их практически не относят.

Интересно, что представления граждан старшего возраста о влиятельности того или иного политика отличаются от уровня доверия к нему. Так, согласно результатам опроса, политическими деятелями, которые россияне в наибольшей степени доверяют являются В. В. Путин (49,5%), С. В. Лавров (18,2%) и С. К. Шойгу (15%). Доверие граждан к политическим лидерам отражает привлекательность образа политика [12, с. 735–737].

Образ своего народа в массовом сознании респондентов позволил выявить задаваемый им вопрос: «Какими качествами обладают граждане России?». Ответы представителей старшего поколения России в 83,6% случаев вмещают в себя привлекательные характеристики. Подавляющее большинство ответов были шаблонными и совпадали по смыслу. Самыми распространёнными качествами, о которых говорили респонденты, являются: «терпение», «сила духа», «трудолюбие» и т. д., – что отражает привлекательность образа народа. Анализ полученных ответов свидетельствует о том, что респонденты в позитивном ключе воспринимают народ России, относясь к нему с любовью и трепетом. Тем не менее некоторые ответы содержали в себе негативные характеристики.

Представители старшего возраста в 2,2% случаев приписывали своему народу негативные качества: «лень», «безответственность», «инфантильность» «культурный упадок» и т. д.). Но подобные ответы встречались очень редко, в связи с чем позитивное отношение к своему народу является явно выраженным.

Образ территории в сознании респондентов на рациональном уровне позволил определить задаваемый им вопрос: «Какими пределами для Вас ограничивается Россия?». Для подавляющего большинства респондентов их страна ограничивается государственными границами Российской Федерации. Респонденты также считают, что её границы в ближайшем будущем не изменятся. Из 139 респондентов один заявил, что не совсем привык к тому, что Крым является территорией России, и поэтому считает крымчан не совсем россиянами. Данный факт является любопытным, поскольку представители старшего поколения России большую часть своей жизни знали, что Крым – территория Украины, и пока не смогли привыкнуть к настолько резким переменам.

НЕОСОЗНАВАЕМЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБРАЗА РОССИИ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ГРАЖДАН ОТ 56 ЛЕТ.

Для выявления неосознаваемых характеристик образа России у респондентов им дали возможность нарисовать, как они представляют себе Россию.

Анализ рисунков свидетельствует о том, что представители старшего поколения положительно относятся к своей стране, испытывая гордость за её обширные территории, за то, что Россия является сильным государством, – об этом говорят изображения военной техники, как видно на рисунке 2.

Рис. 2 / Fig. 2. Внешнеполитический образ России (мужчина, 57 лет, высшее образование, Томская область) / Foreign policy image of Russia (male 57 years old, higher education, Tomsk region)

Положительную характеристику содержат в себе 33,9% рисунков, из чего следует, что на неосознаваемом уровне восприятия образ России более позитивный, чем на рациональном. Кроме этого, были рисунки, изображавшие негативные, нейтральные и амбивалентные характеристики. Негативные компоненты России присутствовали в 13,7% случаев, что свидетельствует о том, что на неосознаваемом уровне восприятия образ России привлекательный.

Образ политической власти Российской Федерации в массовом сознании российских граждан от 56 лет выявлен при помощи рисуночного теста. Респондентам представилась возможность нарисовать политическую власть России. Анализ полученных рисунков власти показывает, что отношение к ней на рациональном и неосознаваемом уровнях восприятия практически совпадает. Образ политической власти в сознании респондентов непривлекательный.

Из общего количества респондентов 48,1% граждан наделяют политическую власть России негативными характеристиками, об этом говорят рисунки, отражающие неравенство представителей власти и народа (рис. 3).

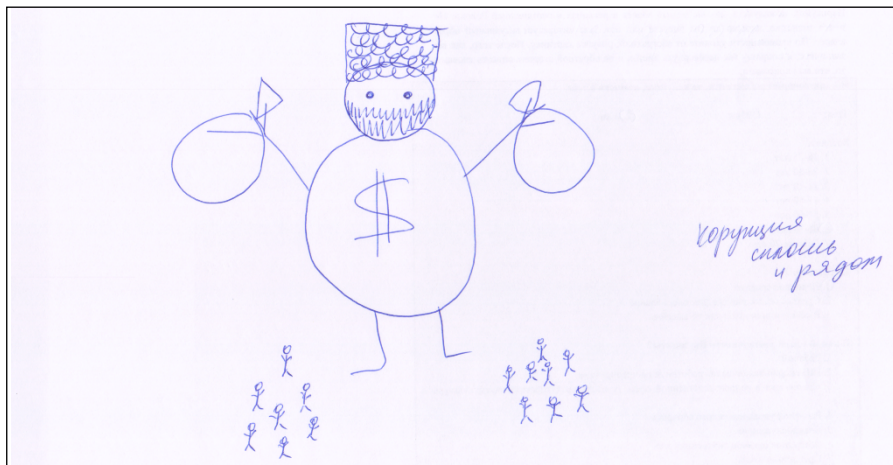

Рис. 3 / Fig. 3. Образ российской власти (мужчина, 65 лет, высшее образование, республика Дагестан) / The image of the Russian government (male, 65 years old, higher education, the Republic of Dagestan)

На примере рисунка 3 видно, что в понимании граждан представители власти нацелены на своё обогащение, а интересы народа, по мнению респондентов, не попадают в поле зрения чиновников. Кроме этого, стоит отметить, что образ политической власти Российской Федерации в большинстве случаев лишён субъектности.

Образ политического лидера, в качестве которого выступает В. В. Путин, на неосознаваемом уровне восприятия является позитивным и привлекательным. Представители старшего поколения в 57,8% случаев воспринимают президента страны позитивно. Анализ полученных рисунков свидетельствует о том, что В. В. Путина воспринимают как политического деятеля, заинтересованного в отстаивании интересов Российской Федерации на международной политической арене. Для респондентов Владимир Путин является личностью с волевым характером и человеком, который не боится решать проблемы государства.

Образ своего народа в массовом сознании респондентов на неосознаваемом уровне восприятия является позитивным. В 88,3% случаев на рисунках изображён российский народ, показанный сплочённым и сильным, уважающим и почитающим старшее поколение. Изображения российского народа часто встречаются в виде сильной армии, что свидетельствует об активном и сильном образе своего народа в массовом сознании респондентов. Изображения, показывающие негативные характеристики, при этом составляют колоссальное меньшинство (2%), на них показан культурный упадок общества, проявляющийся в пристрастии к алкоголю.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом политический образ России в массовом сознании граждан является позитивным и привлекательным. Представители старшего поколения получают удовлетворение от сознания своей причастности к жизни в великой державе, сильное государство внушает им чувство гордости. Для представителей данной возрастной группы важными также являются территориальные особенности страны, её ресурсы, за счёт которых можно поддерживать уровень сильной державы.

Образ страны в сознании граждан на рациональном и бессознательном уровнях восприятия практически конгруэнтен. Очевидно, что рисунки содержат негативные характеристики, если на них отображены социальные моменты, такие как некачественные автодороги, социальное неравенство и т. д. Позитивные характеристики заложены в тех изображениях, где представлены народ, сильное государство и т. д. Образ России в сознании граждан также содержит и негативные компоненты, в чаще возникающие в представлениях о политической власти страны.

Образ власти в большинстве случаев получил негативную оценку у респондентов в данной возрастной группе. Стоит заметить и то, что по сравнению с предыдущими подобными исследованиями в настоящий момент власть воспринимается менее негативно, чем раньше. При этом становится очевидным, что власть не вызывает доверия у граждан. Образ политической власти на неосознаваемом и на рациональном уровнях восприятия практически совпадает, что проявляется в негативном отношении к ней. Образ политической власти Российской Федерации в массовом сознании старшего поколения является стереотипированным и по большей части лишённым субъектности.

Образ политического лидера, которым является Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин, выступает привлекательным как на рациональном, так и на неосознаваемом уровнях восприятия. Для старшего поколения В. В. Путин является политиком, которому можно доверять.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белых Т. В. Особенности восприятия образа власти гражданами в зрелом возрасте // Социум и власть. 2010. № 2 (26). С. 24–25.
2. Джгамадзе К. Б. Теоретико-методологические особенности изучения образа страны в массовом сознании // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). С. 40–44.
3. Евгеньева Т. В. «Свои» и «Чужие»: Образы зарубежных государств в контексте восприятия России ее гражданами // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2018. № 2. С. 57–75.
4. Замятин Д. Н. Политико-географические образы российского пространства // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 34–45.
5. Комбаев А. В., Шияева А. Н., Табинаева Е. Д. Образы России в массовом сознании граждан Китайской Народной Республики // Вестник Бурятского

- государственного университета. 2015. № 6–1. С. 135–140.
6. Музыка Е. В. Гендерные особенности восприятия власти в современной России : дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2016. 240 с.
7. Пищева Т. Н., Виноградова Н. С., Недова А. Д. Образ России под углом зрения политических коммуникаций // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 107–121.
8. Психология политического восприятия в современной России: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2013. № 6. С. 106–126.
9. Романович Н. А. Образ власти как отражение российской политической культуры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 169–172.
10. Шестопал Е. Б., Смутькина Н. В. Факторы восприятия постсоветских стран в современном российском обществе // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 26–44.
11. Шестопал Е. Б., Смутькина Н. В. Какой видят свою страну сегодня российские граждане? // Политика. 2018. № 2 (89). С. 51–68.
12. In the eye of the beholder: Leader images in Canada / S. D. Brown, R. D. Lambert, B. J. Kay, J. E. Curtis // Canadian Journal of Political Science. 1988. Vol. 21. No. 4. P. 729–755.
13. Trowbridge G. On fundamental methods of orientation and «Imaginary maps» // Science. 1913. Vol. 88. P. 888–897.

REFERENCES

1. Belykh T. V. [Peculiarities of the image of power as perceived by older citizens]. In: *Sotsium i vlast'* [Society and Power], 2010, no. 2 (26), pp. 24–25.
2. Dzhgamadze K. B. [Theoretical and Methodological Features of Studying the Country's Image in the Mass Consciousness]. In: *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2015, no. 3 (63), pp. 40–44.
3. Evgenieva T. V. [“Friend or Foe”: Images of foreign countries in the context of Russia's perception by its citizens]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences], 2018, no. 2, pp. 57–75.
4. Zamyatin D. N. [Political and geographical images of Russian space]. In: *Vestnik Evrazii* [Bulletin of Eurasia], 2003, no. 4, pp. 34–45.
5. Kombaev A. V., Shilyaeva A. N., Tabinaeva E. D. [Images of Russia in the mass consciousness of citizens of the People's Republic of China]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Buryat State University], 2015, no. 6–1, pp. 135–140.
6. Muzyka E. V. *Gendernye osobennosti vospriyatiya vlasti v sovremennoi Rossii : dis. ... kand. polit. nauk* [Gender characteristics of the perception of power in modern Russia : PhD thesis in Political sciences]. Moscow, 2017. 240 p.
7. Pischeva T. N., Vinogradova N. S., Nedova A. D. [The image of Russia from the perspective of political communications]. In: *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political research], 2010, no. 4, pp. 107–121.

8. Psychology of political perception in modern Russia: materials of the round table. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences], 2013, no. 6, pp. 106–126.
9. Romanovich N. A. [The image of power as a reflection of Russian political culture]. In: *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], 2010, no. 1, pp. 169–172.
10. Shestopal E. B., Smulkina N. V. [Factors impacting the perception of post-Soviet countries in modern Russian society]. In: *Polis. Political Studies*, 2018, no. 1, pp. 26–44.
11. Shestopal E. B., Smulkina N. V. [How do Russian citizens see their country today?]. In: *Politiya* [Polity], 2018, no. 2 (89), pp. 51–68.
12. Brown S. D., Lambert R. D., Kay B. J., Curtis J. E. In the eye of the beholder: Leader images in Canada. In: *Canadian Journal of Political Science*, 1988, vol. 21, no. 4, pp. 729–755.
13. Trowbridge G. On fundamental methods of orientation and «Imaginary maps». In: *Science*, 1913, vol. 88, pp. 888–897.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 25.05.2020

Статья размещена на сайте: 09.09.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Кецба Валерий Игоревич – аспирант кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, e-mail: ketsba17061994@mail.ru

Valery I. Ketsba – Postgraduate Student, Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University, e-mail: ketsba17061994@mail.ru

Кецба Бата Игоревич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела исследования проблем в теории и практике таможенного контроля, товарной номенклатуры, экспертизы и торговых ограничений научно-исследовательского института Российской таможенной академии; e-mail: ketsba94@mail.ru

Bata I. Ketsba – Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Department of Research of Problems in Theory and Practice of Customs Control, Commodity Nomenclature, Expertise and Trade Restrictions, Research Institute, Russian Customs Academy; e-mail: ketsba94@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Кецба В. И., Кецба Б. И. Политико-психологический образ современной России в массовом сознании старшего поколения от 56 лет // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Ketsba V. I., Ketsba B. I. Political and psychological image of modern Russia in the mass consciousness of the older generation over 56. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 32.019.51

Малышева Г. А.

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
116218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, стр. 5, Российская Федерация

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАНДЕМИИ В ОБЩЕСТВЕ ЦИФРОВОЙ СЕТЕВИЗАЦИИ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить особенности цифросетевой трансформации российского общества в условиях пандемического кризиса. Внимание сосредоточено на социально-политической сфере и роли в ней цифровых информационно-коммуникационных технологий.

Процедура и методы. Вторичный анализ социологических данных и контент-анализ российских социальных медиа рассматриваемого периода.

Результаты. Определена взаимосвязь медиапотребления россиян и социально-политических рисков информационного сопровождения пандемии: показано, что ограничение физических контактов превращает онлайн-сети в основное пространство коммуникации и солидаризации граждан. Они также могут быть использованы в мониторинге общественных настроений и реализации задач антикризисного управления. Подчеркивается неоднозначный характер усиления цифровых контролирующих функций государства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлены цифросетевых трендов, которые могут быть учтены при разработке стратегий реагирования на биосоциальные угрозы в будущем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

пандемия Covid-19, сетевизация общества, цифровая трансформация, СМИ и социальные медиа, коммуникация риска, инфодемия, цифровой контроль, новая нормальность

СТРУКТУРА

Введение

Цифровая трансформация в контексте пандемии

Коммуникация риска: информационно-сетевой аспект

Доверие к СМИ и цифровая инфодемия

Цифровой контроль и сетевая солидарность

Заключение

G. Malysheva

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Khrzhanovskogo ul., 24/35, str. 5, 117218, Moscow, Russian Federation*

SOCIO-POLITICAL ASPECTS OF THE PANDEMIC IN THE DIGITAL NETWORK SOCIETY: THE RUSSIAN EXPERIENCE

ABSTRACT

Aim is to find out the specific features of the digital network transformation in the Russian society caused by the pandemic crisis. Focus is made on the socio-political sphere and the role of digital information and communication technologies in it.

Methodology consists of a secondary analysis of sociological data and a content analysis of Russian social media during the period under review.

Results. The connection between the media consumption of Russians and the socio-political risks of information support of the pandemic was identified. It was shown that the restriction of physical contacts makes online networks the major space for communication and solidarity of citizens. They can also be used to monitor public sentiment and implement crisis management measures. Focus is made on the ambiguous nature of strengthening the digital control functions of the state.

Research implications. Generalization of empirical data allowed specifying digital network trends that can be taken into account when developing strategies of response actions to biosocial threats in the future.

KEYWORDS

Covid-19 pandemic, networkization of society, digital transformation, mass media and social media, risk communication, infodemic, digital control, new normal

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия вируса Covid-19, радикально изменившая жизнь россиян и населения всей планеты, поставила перед исследователями новые задачи. Необходимо осмыслить социальный опыт последних месяцев, прежде всего для того, чтобы определить подходы и выработать модели реагирования на подобные ситуации в будущем, а также понять, как он укладывается в канву общественного развития нашего времени. На данном этапе преждевременно говорить об общих выводах, можно лишь наметить в происходящем те или иные тенденции и – что является задачей данной статьи – попытаться подойти к ним с позиций политологии и политической социологии.

Вряд ли надо доказывать, что проявления пандемии не ограничиваются сферой медицины и здравоохранения. Это комплексный гуманитарный феномен, который затрагивает практически все стороны общественного бытия. Не вызывает сомнения также и то, что коронавирусный кризис следует трактовать как явление политического характера, поскольку его масштабы потребовали решений на высшем государственно-политическом уровне и получили резонанс в массовых общественных настроениях. Опыт пандемии

изменил течение социально-политической жизни, обнаружив не только её скрытый потенциал, но и новые, неизведанные ранее вызовы и риски.

В последние десятилетия среда обитания человека подверглась коренным изменениям, главным триггером которых стали прорывные технологии нового типа. Прогресс в области цифровых средств массовой коммуникации проявил сетевой характер социального развития. В связи с этим возник термин «цифросетевое общество», отражающий качественную характеристику социума на этапе цифровой трансформации. Это даёт нам основания определить современное нам общество как «общество цифровой сетевизации» [8, с. 80].

Режим самоизоляции ожидаемо увеличил роль онлайн-ового сетевого пространства в повседневной жизни людей. Многие её сферы были частично или полностью перенесены в виртуальную среду. Оговоримся сразу, что в рамках данной статьи мы не будем подробно останавливаться на таких значимых темах, как спровоцированные пандемией сдвиги в области трудовых отношений, потребительских услуг, систем образования и здравоохранения. Хотя очевидно то, что они получили мощный импульс к дальнейшему цифровому переформатированию, анализ этих изменений требует отдельной исследовательской работы. Нас интересует в первую очередь вопрос о том, как испытание коронавирусом повлияло на общественно-политическую жизнь России, и в какой степени это затрагивает социальную функцию цифросетевых информационно-коммуникационных технологий.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ

Пандемия Covid-19 совпала с активной фазой глобальной цифровизации и придала ей новое ускорение. Цифровой инструментарий стал еще более востребован в жизненно важных секторах, включая онлайн-коммуникации, торговлю и финансы, образование и медицину, электронное правительство и многое другое. Для миллионов людей в наши дни мобильные мессенджеры, социальные сети и платформы интернета служат не только одним из главных информационных источников, но и основным каналом связи с друзьями, родственниками и коллегами по работе [10].

В России по данным на апрель 2020 г. в цифровую среду были вовлечены 82% жителей, причём 71% из них пользовался интернетом ежедневно, главным образом для общения с близкими и получения новостей о стране и мире. С наступлением пандемии изменились масштаб и характер российских интернет-практик. Значительная часть работников перешла в режим хоум-офисов, большинство госуслуг было переведено в цифровой формат, в два раза увеличился спрос на удалённый формат учёбы. Существенно возросла роль онлайн-сервисов в таких отраслях, как торговля и финансы¹.

¹ Сеть как спасение // ВЦИОМ : [сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10221> (дата обращения 19.06.2020); Три сферы, которые могут полностью перейти в онлайн // Проект коронаФОМ. URL: <https://covid19.fom.ru/post/tri-sfery-kotorye-mogut-polnostyu-perejti-v-onlajn> (дата

Коронавирусная технологическая трансформация изменила потребительские привычки жителей нашей страны, подвергнув масштабной оцифровке их повседневные поведенческие паттерны. Самоизоляция и ограничение физических контактов привели к тому, что офлайн-межличностные связи были сокращены до минимума. Однако при этом расширилось онлайн-коммуникационное пространство, и взаимодействие людей через виртуальные сети стало гораздо более интенсивным. Россияне начали заметно больше (до 19%) времени проводить в социальных интернет-сервисах, причём среди молодёжи этот показатель был заметно выше и достигал 27%. Даже граждане старшего возраста в период карантина увеличили продолжительность своего пребывания в соцсетях на 7–12%².

Наиболее посещаемые платформы социальных медиа («ВКонтакте», «Одноклассники», Facebook, YouTube, Instagram и TikTok) стали для россиян одним из главных источников новостей коронавирусном кризисе. Тема пандемии сразу же вышла на первое место в Рунете, а хештеги #coronavirus, #covid19 и #карантин стремительно набрали популярность. Только в течение марта в соцсетях о самоизоляции было написано около 3,7 млн постов³. Появились специализированные интернет-ресурсы с разнообразной информацией о Covid-19, включая интерактивные карты распространения пандемии в России (информпорталы coronavirus-monitor.ru, coronavirus-control.ru, столичный сервис coronavirus-online.moscow и другие). Заработал официальный правительственный сайт стопкоронавирус.рф и его аккаунты в социальных сетях и мессенджерах.

КОММУНИКАЦИЯ РИСКА: ИНФОРМАЦИОННО-СЕТЕВОЙ АСПЕКТ

Говоря о роли информационного сопровождения пандемии, следует упомянуть, что в рекомендациях Европейского центра профилактики и контроля заболеваний (ECDC), а также в ряде документов ВОЗ привлечено особое внимание к функциям СМИ и цифровых сетей в системе подготовки к массовым эпидемическим заболеваниям и оценки их социальных последствий. При этом акцент делается на понятии «коммуникация риска», в котором приоритеты общественного доверия увязываются с «поведенческими аспектами того, как люди реагируют на информацию и советы, которые они получают не только от властей, но и из других источников (средств массовой информации и социальных сетей)»⁴.

обращения: 19.06.2020).

² Динамика индикатора 31. «Проводят больше времени в соцсетях» // Проект коронаФОМ : [сайт]. URL: https://datastudio.google.com/u/0/reporting/1KHbVjcE85wVloGZFEPnZlw4fnM_btlZJ/page/UyhNB (дата обращения: 19.06.2020).

³ Оставайтесь дома! Реакции в соцсетях на самоизоляцию // Vc.ru: бизнес, технологии, идеи, модели роста, стартапы : [сайт]. URL: <https://vc.ru/social/117120-ostavaytes-doma-reakcii-v-socsetyah-na-samoizolyaciyu> (дата обращения: 19.06.2020).

⁴ Европейский центр профилактики и контроля заболеваний. Руководство по пересмотру

Как известно, СМИ и социальные медиа не только отражают общественно-политическую реальность, но и в известной степени формируют её. Это в полной мере относится к массовым представлениям об эпидемиях и связанными с ними социальным фобиями [4, с. 6]. Методы, которые широко используются в таргетизированной компьютерной пропаганде, строятся в том числе на эксплуатации коллективных и индивидуальных страхов и обеспечивают воздействие на целевые группы в цифровых сетях. Онлайн-медиа – к примеру, видеопрезентации на каналах YouTube – обладают широким спектром влияния на пользователей благодаря их оперативности, гибкости и увеличивающейся технологической доступности. С одной стороны, они могут служить эффективной альтернативой классическим СМИ в деле донесения до общественности ключевой информации по вопросам пандемии. Однако видеоролики, заряженные негативистским и манипулятивным контентом, напротив, способны спровоцировать людей на деструктивные, социально безответственные действия [15, с. 4].

Для властных структур онлайн-медийные инструменты являются важным ресурсом в политике управления социально-эпидемическими рисками. Они могут быть использованы с целью просвещения и повышения эпидемиологической грамотности граждан, а также для мониторинга общественных настроений в кризисный период [11, с. 6]. С этой точки зрения важно учитывать различия в информационных потребностях людей, предпочтения, которые они отдают тем или иным коммуникационным моделям, а также социально-технологическую доступность альтернативных медиа-каналов. В частности, поведение потребителей социальных медиа, где циркулирует неподконтрольный официальным органам информационный контент, может быть фактором, корректирующим эффективность государственных мер реагирования на вызовы массовых инфекционных заболеваний.

В этой связи следует обратиться к вопросу о том, как изменился формат медиапотребления – или, в более широком смысле, медиаповедения [3, с. 49] – у россиян последних лет. В медийном сегменте потребительских практик наших сограждан происходит определённая реконфигурация: онлайн-медиа постепенно отвоёвывают позиции у традиционных СМИ и начинают составлять им реальную конкуренцию, а информационный контент становится более многообразным с точки зрения его источников и дифференцированным в зависимости от возрастных характеристик аудитории.

Телевидение всё ещё остаётся наиболее востребованным информационным каналом для трёх четвертей (76%) жителей страны, но в то же время почти половина россиян (48%) называет одним из основных источников

плана подготовки к пандемии гриппа. Уроки, вынесенные из пандемии гриппа A(H1N1) 2009 г. Стокгольм: ECDC; 2017. С. 9 [Электронный ресурс]. URL: http://www.euro.who.int/__data/assets/pdf_file/0003/373242/pandemic-preparedness-rus.pdf (дата обращения: 19.06.2020).

информации интернет⁵. Приверженность к телевизионной информации сохраняют в основном люди старших поколений, тогда как молодежь в поисках новостей предпочитает обращаться к онлайн-ресурсам – соцсетям, видеоблогам, новостным сайтам, популярным Telegram-каналам⁶. Надо заметить, что в коронакризисный период произошло некоторое возрождение интереса к ТВ-каналам как к наиболее массовому и доступному поставщику новостей в режиме самоизоляции [6, с. 41]. Хотя это несколько замедлило нисходящий тренд в использовании телевизионного информпродукта, но, по-видимому, вряд ли сможет переломить общую тенденцию эволюционирования медийной сферы в направлении её виртуализации и цифровой трансформации, к переходу новостного контента в онлайн и укреплению позиций социальных медиа.

ДОВЕРИЕ К СМИ И ЦИФРОВАЯ ИНФОДЕМИЯ

Очевидно, что медиапотребление, параметры которого обусловлены в том числе факторами доступа к кибер-среде, соотносится с такими категориями, как цифровой разрыв и социотехнологическое неравенство граждан, однако этим его социальные и политические эффекты не ограничиваются.

Поскольку коммуникация риска предполагает не только информационный обмен, но и социальную интеракцию [1], применительно к нашей теме можно говорить о значимости двух элементов риск-коммуникативного процесса: доверия потребителей к получаемой информации и достоверности самого информационного контента.

В российском обществе доверие к медиа традиционно является невысоким – половина населения страны не доверяет СМИ [9, с. 285]. Этот показатель коррелирует с целым рядом других факторов, среди которых – доверие граждан большинству публичных институтов, а оно, по оценке социологов, в последние годы также остается на низком уровне⁷. За время пандемии отношение россиян к СМИ продемонстрировало отрицательную динамику: согласно некоторым данным, большинство (54%) стало доверять им еще меньше, чем до начала кризиса⁸.

⁵ Индекс развития медиасферы – 2018. Динамика институционального развития средств массовой информации в субъектах РФ верхнего уровня в 2015–2018 гг. С. 33. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/75c/otchet-msindex-2018_final-na-sajt.pdf (дата обращения: 19.06.2020).

⁶ Волков Д., Гончаров С. Российский медиа-ландшафт 2019: телевидение, пресса, интернет и социальные сети. Аналитический отчет. Москва: Левада-Центр, 2019. С. 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/cp/wp-content/uploads/2019/08/LevadaMedia2019.pdf> (дата обращения: 19.06.2020).

⁷ Российское общество после президентских выборов-2018: запрос на перемены. Информационно-аналитический доклад. Москва: ФНИЦС РАН, 2018. 55 с. С. 34–36.

⁸ ОМИ и Платформа: Социология кризиса. Выпуск 12 // Платформа: центр социального проектирования : [сайт]. URL: <https://pltf.ru/2020/05/26/omi-i-platforma-sociologija-krizisa-3> (дата обращения: 19.06.2020).

Кроме того, исследования показывают, что восприятие официальной информации детерминировано медийными предпочтениями граждан: чем больше люди вовлечены в онлайн-сети, тем меньше они доверяют официальным информ-каналам и тем меньшую поддержку выражают действиям властей⁹. Возможность сопоставлять сведения из альтернативных медиа-источников позволяет формировать плюралистичную информационную картину событий. Модели информационного потребления вырабатывают ту или иную степень критицизма в отношении происходящего в стране и, таким образом, потенциально имеют проекцию на социальные и политические настроения россиян.

Специфика социальных медиа заключается в интерактивном принципе формирования информпотоков, в отличие от одностороннего транслирования информации традиционными СМИ. Пользователи соцсетей могут создавать собственные риск-коммуникативные стратегии, оперируя в том числе методами манипулирования и дезинформации контрагентов.

В эпидемический период вопрос о достоверности информационного контента стоит особенно остро, поскольку затрагивает сферу витальных интересов как отдельных граждан, так и общества в целом. Фейковые новости и дезинформация в социальных медиа переходят в разряд проблем, которые требуют подхода с позиций социальной и политической безопасности. Именно этим была продиктована необходимость законодательных мер (поправок в УК РФ), предусматривающих уголовную ответственность за распространение заведомо ложной информации о коронавирусе¹⁰. В российском обществе нет иммунитета к феномену фейк-ньюс. Лишь половина (49%) россиян считает, что способны отличить фальшивые, вымышленные новости от настоящих¹¹. Примечательно также, что знание об их опасности не сказывается на уровне доверия пользователей к информации, получаемой из онлайн-сетей и поисковиков [3, с. 61].

В короновирусном сценарии фальшивые новости образуют медийную зону особого риска. Информация, предоставляемая веб-сервисами, в большинстве случаев не соответствует стандартам научно обоснованного медицинского контента, а пользователи, как правило, не имеют возможности либо вовсе не склонны оценивать её критически. Возникает обвалный процесс распространения недостоверных либо умышленно искаженных сведений об инфекционном заболевании, который производит резонансные эффекты в социально-политической сфере и обозначается термином «инфодемия».

⁹ Динамика индикаторов // Проект коронаФОМ : [сайт]. URL: <https://covid19.fom.ru/iskk> (дата обращения: 19.06.2020).

¹⁰ Вводится наказание за распространение фейков о коронавирусе // Российская газета [сайт]. 31.03.2020. URL: <https://rg.ru/2020/03/31/vvoditsia-nakazanie-za-rasprostranenie-fejkov-o-koronaviruse.html> (дата обращения: 19.06.2020).

¹¹ Фейк-ньюс: мнение россиян о новом законе // ВЦИОМ [сайт]. 20.05.2019. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9603> (дата обращения: 19.06.2020).

В условиях пандемического кризиса наплыв фейков является одним из факторов роста социального напряжения, поскольку под воздействием дезинформации потребители меняют своё онлайн-овое и офлайн-овое поведение. Оценивая инфодемические угрозы в России, необходимо иметь в виду, что существует прямая зависимость между восприимчивостью общества к домыслам и слухам об эпидемии и степенью недоверия к институтам власти и исходящей от них информации [5, с. 72, 74].

На фоне дефицита институционального и информационного доверия цифросетевая медиа-среда заполняется альтернативными лидерами мнений, которые продуцируют контент псевдомедицинского и алармистского характера, вынуждая официальные органы на ответную реакцию. Возникает ситуация, когда формально неполитические сетевые игроки образуют параллельные властным иерархиям узлы влияния и участвуют в формировании общественно-политической повестки, тем самым вмешиваясь в процесс принятия государственно-управленческих решений. Инфодемия, таким образом, демонстрирует черты технологического веб-популизма [7], что можно считать особенностью цифросетевого информационного контекста пандемии.

Вместе с тем, как следует из международных исследований, по мере развития эпидемии распространяется и стихийный фактчекинг: люди становятся менее склонны доверять сетевым инфлюенсерам и стремятся к поиску надежных источников профессиональной информации, в результате чего в обществе вырабатываются своеобразные «информационные антитела» [15, с. 8]. Аналогичная тенденция характерна и для российской аудитории цифросетевых медиа¹². Специалисты видят пути по борьбе с инфодемией прежде всего в повышении медийной грамотности граждан и максимальном продвижении в традиционных и социальных медиа адаптированной научной информации об эпидемических заболеваниях. Для этих целей рекомендовано использование всего арсенала цифросетевых технологий, включая компьютерные программы-боты, которые обычно служат главными распространителями фейков [12, с. 7].

ЦИФРОВОЙ КОНТРОЛЬ И СЕТЕВАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

В российской цифросетевой пандемической парадигме интересно сочетание двух разнонаправленных тенденций – иерархизированного контроля и горизонтальной солидаризации.

Как было сказано, риски инфодемии и инфодемического цифрового популизма диктуют необходимость контроля и регулирования медиа-контента

¹² Об этом, в частности, шла речь на секции «Covid & Media: доверие против хайпа» в рамках Международного онлайн-форума «Мир после коронавируса: взгляд из сердца Евразии». Уфа. 28 апреля 2020. См.: Доверие против хайпа: коронавирус заставил россиян скептически относиться к информации из блогов // Комсомольская правда [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27123/4207592> (дата обращения: 19.06.2020).

в классических СМИ и интернете в качестве ответа на требования информационной безопасности и обеспечения социально-политической стабильности. Проблема в том, что серьёзные эпидемические заболевания традиционно несут в себе потенциал «переопределения моделей политических симпатий и лояльности» населения, усугубляют политические антагонизмы и влияют на динамику легитимности власти [13, с. 7].

В режиме ограничений и физического дистанцирования основным пространством общественного противостояния выступают цифровые сети. Онлайн-медиа-среда становится той сферой, где формируются политические предпочтения граждан, и канализируется социальное недовольство. В России коронавирусная реальность ознаменовалась появлением новой модели протестной активности – «бесконтактных» виртуальных акций, которые прошли в ряде городов страны 20 апреля 2020 г. Технологической базой онлайн-митингов послужили веб-сервисы «Яндекс.Карты» и «Яндекс.Навигатор»¹³. Любопытно, что акции гражданского протеста, но уже в офлайн-режиме, примерно в то же время состоялись и во многих других странах мира¹⁴. Несмотря на различия в локальных графиках распространения вируса, трансграничная протестная волна выглядела синхронизированной и развивалась по сетевому принципу.

Общим поводом для недовольства граждан послужили ограничительные меры, которые были введены властями, чтобы воспрепятствовать росту эпидемии, а также возникшие в связи с этим экономические трудности. По мнению исследователей, одним из следствий дефицита институционального доверия является то, что «антиэпидемиологические меры воспринимаются одновременно как избыточные и неадекватные», а репрессивная политика властей рассматривается населением как «противодействие государства практикам солидаризации, характерным для чрезвычайных ситуаций» [5, с. 75].

Отмечено, что российский социум обладает «значительным ресурсом консолидации и единения» в критические моменты истории, который опирается на «вековые традиции и ментальные основания» граждан¹⁵. Большинство населения (74%) убеждено, что Россия относится к странам, где люди склонны помогать друг другу¹⁶. Пандемическая угроза стала мощным

¹³ В российских городах прошли виртуальные митинги // Коммерсантъ [сайт]. № 72. 21.04.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4327058> (дата обращения: 19.06.2020).

¹⁴ Митинги из-за карантина прошли в России, США, Израиле и Бразилии // TJ – новости интернета. 23 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://tjournal.ru/analysis/160969-mitingi-iz-za-karantina-proshli-v-rossii-ssha-izraile-i-brazilii-kak-eto-bylo-i-chego-hoteli-protestuyushchie> (дата обращения: 19.06.2020). В России офлайн-акции состоялись во Владикавказе 20 апреля и на Чаяндинском нефтегазоконденсатном месторождении в Якутии 28–30 апреля 2020 г.

¹⁵ Академик РАН Михаил Горшков. COVID-19 в контексте социальной диагностики // Портал «Научная Россия». 18 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/akademik-ran-mihail-gorshkov-covid-19-v-kontekste-sotsialnoj-diagnostiki> (дата обращения: 19.06.2020).

¹⁶ Проект К-ФОМ. COVID-солидарность. Практики взаимопомощи во время пандемии. URL:

стимулом к социальной мобилизации, реализуемой посредством цифровых онлайн-сетей. В период самоизоляции они послужили россиянам для проявления разнообразных форм солидарности и взаимоподдержки. К примеру, в социальном сервисе «Яндекс.Район» были введены хештеги #нужна-помощь и #хочупомочь, которые объединяли действия многочисленных добровольцев, стремившихся поддержать соседей, маломобильных граждан и тех, кто оказался в группе риска, в решении повседневных бытовых проблем.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что тренд солидаризации и сотрудничества характеризуется главным образом как принадлежность социальной сферы; на расхождения в идейно-политических ориентациях россиян коронавирусный форс-мажор не оказал минимизирующего воздействия. Цифровое пространство остается неотъемлемой частью противоречивой картины политической жизни современной России, и разногласия онлайн-оппонентов не менее остры, чем конфликты и столкновения в физическом мире российской политики. Пожалуй, одним из редких примеров политического единения граждан в исследуемый период стала акция «Бессмертный полк», которая также прошла в инновационном, виртуально-сетевом формате. Таким образом, мы можем констатировать две разновекторные тенденции в социальном и политическом онлайн-измерениях: социальная ковид-солидарность развивается на фоне сохраняющегося политического разрыва, который присущ российскому обществу последних десятилетий.

Ужесточение цифрового контроля – биометрического и геолокационного – стало одним из наиболее ощутимых и социально травматичных следствий пандемии. Так, в России были применены системы слежения за гражданами, инфицированными Covid-19 (программа «Социальный мониторинг») и контроля над передвижением населения (электронные пропуска, внедренные в 21 регионе страны). Хотя из социологических данных следует, что россияне, как и большинство жителей планеты, в целом готовы поступиться своими правами ради безопасности и устранения угроз общественному и личному здоровью¹⁷, рост контрольно-полицейских функций государства в новой цифровой парадигме вызывает известные опасения.

Помимо вопроса, насколько оправданы масштабные ограничения гражданских прав и свобод в ситуациях пандемического типа, возникает необходимость политической оценки данного феномена ковидной и пост-ковидной реальности. Создается прецедент дозированных, параметрических свобод, которые зависят от заданных условий и могут быть скорректированы во имя нужд общественной безопасности. Примечательно и то, что «коронави-

<https://covid19.fom.ru/post/covid-solidarnost> (дата обращения: 19.06.2020).

¹⁷ Ромир/Гэллп интернешнл: насколько жители Земли готовы жертвовать своими правами в рамках борьбы с COVID-19. 20.04.2020. URL: <https://romir.ru/studies/romirgellap-interneshnl-naskolko-jiteli-zemli-gotovy-jertvovat-svoimi-pravami-v-ramkah-borby-s-covid-19> (дата обращения: 19.06.2020).

русная диктатура» парадоксальным образом базируется на добровольном мониторинге населения, осуществляемом с помощью интеллектуальных цифровых устройств. Несмотря на осуществляемую в наши дни оцифровку плебисцитарных механизмов и других форм демократического участия россиян, в пандемическом мобилизационном сценарии работа большинства административных цифровых платформ строится на консьюмеристских началах, когда граждане выступают не как полноценные партнеры общественно-государственного взаимодействия, а исключительно как реципиенты электронных услуг и инициатив власти [10, с. 13–14].

Всё это формирует почву для подозрений, что в контексте пандемии происходит подмена общественных интересов интересами узких деловых и властных элит, которые используют массовые социальные страхи для достижения собственных неявных политических целей. Хотя глобальная практика борьбы с распространением вируса показала, что для антикризисного менеджмента оптимальной была бы некая симбиотическая модель, которая соединяла бы управленческие инструменты демократического и авторитарного типа [14], рассуждения о цифровом тоталитаризме, тем не менее, ложатся в русло негативистских прогнозов о неизбежной сверхконцентрации власти в политических системах пост-ковидного мира. Неопределённость видения социальных стандартов будущего настолько велика, что позволила реанимировать термин «новая нормальность», характеризующий модель длительного выхода из кризиса, к которой неприменимы уже «сложившиеся теоретические обоснования» [2, с. 2].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эпидемия вируса Covid-19 проявляет актуальные тенденции общественного развития как на глобальном, так и на национальном уровнях, к которым мы относим процессы сетевизации и цифровизации социума. Пандемия служит своеобразным стресс-тестом, который помогает уяснить, как общемировые тренды цифровой трансформации соотносятся с логикой развития российского общества и его основными социально-политическими характеристиками, включая медийное поведение граждан, их социальные и политические предпочтения, систему властно-общественных отношений и многое другое, и какая взаимосвязь прослеживается между этими сдвигами и состоянием информационно-коммуникационной сферы.

Как свидетельствует опыт коронавирусного периода, реальность виртуальных сетей сегодня вошла в число первостепенных жизненных потребностей и стала столь же необходимой частью существования людей, сколь и реальность их физической жизнедеятельности. Кроме того, очевидно, что по мере погружения граждан в мир цифровых сетей возрастает и взаимообусловленность биологических, информационных и социально-политических рисков пандемии. Эпидемия в сочетании с цифровой инфодемией должна

расцениваться как одна из важнейших угроз социальной и политической стабильности.

Анализ пандемического кризиса показывает, что в условиях физической разобщённости и дистанцирования виртуальные цифровые сети служат целям социальной коммуникации и солидаризации россиян, но одновременно позволяют выявлять и наиболее опасные признаки общественно-политического напряжения и конфликтности. С точки зрения государственно-управленческих стратегий урок пандемии заключается в том, что эффективные действия на онлайн-сетевом поле являются необходимым условием и ключевым элементом политического менеджмента в ситуациях биосоциальной аномалии.

Оценивая значимость пандемии как уникального исторического опыта, необходимо признать, что благодаря ему мы получили возможность скорректировать наши подходы к цифровой трансформации общества, переосмыслить её социально-политическое наполнение и снова сконцентрировать внимание на гуманитарных и технологических приоритетах этого процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барг А. О. Риск-коммуникация в сфере здоровья как вид социальной коммуникации // Дискуссия. 2017. № 1 (75). С. 50–55.
2. Брагина Е. А. Новая нормальность // Мировое и национальное хозяйство. 2012. № 4 (23). URL: <https://mirec.mgimo.ru/2012-04/novaa-normalnost> (дата обращения: 19.06.2020).
3. Задорин И. В., Сапонова А. В. Динамика основных коммуникативных практик россиян // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2019. Т. 4. № 3. С. 48–68.
4. Инфодемия: как рождаются паника и фейки во время эпидемий / Н. Петров, А. Архипова, В. Спиридонов, Б. Пейгин // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 8 (110). С. 70–77.
5. Кросскультурный мониторинг образов инфодемии и пандемии. Антропологические последствия пандемии / А. Асмолов, Г. Солдатова, С. Чигарькова, Т. Малева, С. Сорокина, Т. Алдошина // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 12 (114). С. 40–48.
6. Кузнецов Г. С., Соколова Е. Н. Современный технологический популизм: стратегический доклад. Москва: ЭИСИ, 2017. 84 с.
7. Михайленок О. М., Малышева Г. А. Политические отношения в контексте цифровых сетей // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3. С. 79–87.
8. Назаров М. М., Иванов В. Н., Кублицкая Е. А. Медиа, институты и доверие российских граждан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 2. С. 277–288. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-277-288.
9. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? / А. В. Абрамов, В. Э. Баг-

дасарян, С. О. Бышок, С. В. Володенков, Д. Г. Евстафьев, В. Г. Егоров, Н. А. Комлева, Н. С. Крамаренко, А. В. Манойло, О. М. Михайлёнок, А. И. Петренко, В. Ф. Прокофьев // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. URL: <https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/1001> (дата обращения: 19.06.2020). DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1001.

10. Тропинова Е. А. Сетевые дизайны цифрового публичного управления: единство стратегий и вызовы управляемости // Информационный бюллетень «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости». 2020. № 1 (22). С. 13–15.

11. Цифровая повестка и инициативы в области цифровых технологий в условиях COVID-19 (обзор практик Европейского союза, Организации экономического сотрудничества и развития, а также других стран). Москва : НИУ ВШЭ, 2020. 19 с.

12. An “Infodemic”: Leveraging High-Volume Twitter Data to Understand Public Sentiment for the COVID-19 Outbreak / R. J. Medford, S. N. Saleh, A. Sumarsono, T. M. Perl, C. U. Lehmann // medRxiv preprint. 2020. Available at: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.04.03.20052936v1.full.pdf> (accessed: 19.06.2020). DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.04.03.20052936>.

13. Aaltola M. COVID-19 – A Trigger for Global Transformation? Political Distancing, Global Decoupling and Growing Distrust in Health Governance // FIIA working paper. 2020. Available at: https://www.fia.fi/wp-content/uploads/2020/03/wp113_covid-19_a-trigger-for-global-transformation.pdf (accessed: 19.06.2020).

14. Ang Y. Y. When COVID-19 meets centralized, personalized power // Nature Human Behaviour. 2020. Vol. 4.. Available at: <https://www.nature.com/articles/s41562-020-0872-3.pdf> (accessed: 19.06.2020). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0872-3>.

15. Assessing the risks of “infodemics” in response to COVID-19 epidemics / R. Gallotti, F. Valle, N. Castaldo, P. Sacco, M. De Domenico. medRxiv preprint. 2020. Available at: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.04.08.20057968v2> (accessed: 19.06.2020). DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.04.08.20057968>.

16. Preventive Behaviors Conveyed on YouTube to Mitigate Transmission of COVID-19: Cross-Sectional Study / C. H. Basch, G. C. Hillyer, Z. C. Meleo-Erwin, C. Jaime, J. Mohlman, C. E. Basch // JMIR Public Health Surveill. 2020. Vol. 6. № 2. Available at: <https://publichealth.jmir.org/2020/2/e18807/pdf> (accessed: 19.06.2020). DOI: 10.2196/18807.

REFERENCES

1. Barg A. I. [Risk communication in the field of health as a type of social communication]. In: *Diskussiya* [Discussion], 2017, no. 1 (75), pp. 50–55.
2. Bragina E. A. [New Normality]. In: *Mirovye i nacional'noe hozyajstvo* [World's and nation's economy], 2012, no. 4 (23). Available at: <https://mirec.mgimo.ru/2012-04/novaa-normalnost> (accessed: 19.06.2020).

3. Zadorin I. V., Saponova A. V. [Dynamics of the main communicative practice of the Russians]. In: *Kommunicatcii. Media. Design* [Communications. Media. Design], 2019, vol. 4, no. 3, pp. 48–68.
4. Petrov N., Arhipova A., Spiridonov V., Peigin B. [Infodemia: how panic and fakes are born during epidemics]. In: *Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy social'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of social and economic development], 2020, no. 8 (110), pp. 70–77.
5. Asmolov A., Soldatova G., Chigar'kova S., Maleva T., Sorokina S., Aldoshina T. [Cross-cultural monitoring of images of infodemic and pandemic. Anthropological consequences of the pandemic]. In: *Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy social'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of social and economic development], 2020, no. 12 (114), pp. 40–48.
6. Kuznetsov G. S., Sokolova E. N. *Sovremennyy tekhnologicheskij populizm: strategicheskij doklad* [Modern technological populism: a strategic presentation]. Moscow, Expert Institute for Social Research Publ., 2017. 84 p.
7. Mihal'onok O. M., Malysheva G. A. [Political relations in the context of digital networks]. In: *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economy, culture], 2019, no. 3, pp. 79–87.
8. Nazarov M. M., Ivanov V. N., Kublitskaya E. A. [Media, institutions and trust of Russian citizens]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology], 2019, vol. 19, no. 2, pp. 277–288. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-277-288.
9. Abramov A. V., Bagdasaryan V. E., Byshok S. O., Volodenkov S. V., Evstaf'ev D. G., Egorov V. G., Komleva N. A., Kramarenko N. S., Manoilo A. V., Mikhailenok O. M., Petrenko A. I., Prokof'ev V. F. [Pandemia COVID-19: The end of the familiar world?]. In: *Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2020, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru URL: <https://evestnik-mgou.ru/ru/Articles/Doc/1001> (accessed: 19.06.2020). DOI: 10.18384/2224-0209-2020-2-1001.
10. Tropinova E. A. [Digital Public Administration Network Designs: Unity of Strategies and Challenges of Governance]. In: *Informacionnyj byulleten' «Politicheskaya ontologiya cifrovizatsii: issledovanie institucional'nyh osnovanij cifrovyyh formatov gosudarstvennoj upravlyaemosti»* [Newsletter "Political Ontology of Digitalization: A Study of the Institutional Foundations of Digital Formats of State Governance"], 2020, no. 1 (22), pp. 13–15.
11. *Cifrovaya povestka i iniciativy v oblasti cifrovyyh tekhnologij v usloviyah COVID-19 (obzor praktik Evropejskogo soyuza, Organizatsii ekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitiya, a takzhe drugih stran)* [Digital Agenda and Initiatives in the field of digital technologies in the context of COVID-19 (overview of practices of the European Union, the Organization for Economic Cooperation and Development, as well as other countries)]. Moscow, Higher School of Economics: National Research University Publ., 2020. 19 p.
12. Medford R. J., Saleh S. N., Sumarsono A., Perl T. M., Lehmann C. U. An "Infodemic": Leveraging High-Volume Twitter Data to Understand Public Sentiment

for the COVID-19 Outbreak. In: *medRxiv preprint*, 2020. Available at: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.04.03.20052936v1.full.pdf> (accessed: 19.06.2020). DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.04.03.20052936>.

13. Aaltola M. COVID-19 – A Trigger for Global Transformation? Political Distancing, Global Decoupling and Growing Distrust in Health Governance. In: *FIIA working paper*, 2020. Available at: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2020/03/wp113_covid-19_a-trigger-for-global-transformation.pdf (accessed: 19.06.2020).

14. Ang Y. Y. When COVID-19 meets centralized, personalized power. In: *Nature Human Behaviour*, 2020, vol. 4. Available at: <https://www.nature.com/articles/s41562-020-0872-3.pdf> (accessed: 19.06.2020). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0872-3>.

15. Gallotti R., Valle F., Castaldo N., Sacco P., De Domenico M. Assessing the risks of “infodemics” in response to COVID-19 epidemics. In: *medRxiv preprint*, 2020. Available at: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2020.04.08.20057968v2> (accessed: 19.06.2020). DOI: <https://doi.org/10.1101/2020.04.08.20057968>.

16. Basch C. N., Hillyer G. C., Meleo-Erwin Z. C., Jaime C., Mohlman J., Basch C. E. Preventive Behaviors Conveyed on YouTube to Mitigate Transmission of COVID-19: Cross-Sectional Study. In: *JMIR Public Health Surveill*, 2020, vol. 6, no. 2. Available at: <https://publichealth.jmir.org/2020/2/e18807/pdf> (accessed: 19.06.2020). DOI: 10.2196/18807.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 29.06.2020

Статья размещена на сайте: 09.09.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Малышева Галина Анатольевна – научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; e-mail: lamaga2007@yandex.ru

Galina A. Malysheva – Researcher, Center of political science and political sociology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences; e-mail: lamaga2007@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Малышева Г. А. Социально-политические аспекты пандемии в обществе цифровой сетевизации: российский опыт // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Malysheva G. Socio-Political Aspects of the Pandemic in the Digital Network Society: the Russian Experience. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 327

Манойло А. В.

Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии наук
119333, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 3, Российская Федерация

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация

ЦЕПНЫЕ РЕАКЦИИ КАСКАДНОГО ТИПА В СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ ВИРУСНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ»

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследование «фейковых новостей», «вирусных» технологий их распространения, механизмов «заражения» и модификации, а также методов выявления и противодействия.

Процедура и методы. Исследованы механизмы модификации вирусных фейков при трансляции их «эмоционального кода» через СМИ и мессенджеры, известные как «цепные реакции» и зондирующие информационные импульсы, используемые для эмпирического исследования сетевых структур и сообществ. Механизм вирусного распространения фейков рассмотрен с помощью метода case-study.

Результаты. Последовательная активизация управляющих «закладок» в фейке описана на примере двухфазной модели воздействия вирусной информации. Отмечается, что наиболее эффективными методами противодействия фейкам (в том числе фейкам вирусного типа) являются такие методы, как «удар на упреждение» (используется, если фейковая атака только готовится), перехват информационной повестки (используется, если атака уже началась) и внедрение собственной информационной повестки (если перехват повестки уже осуществлён), задающей собственные правила информационной «игры».

Теоретическая и/или практическая значимость. Информация о механизме вирусного распространения «фейковых новостей» может быть использована в контексте исследования постправды, а также будет полезна политологам, политтехнологам и специалистам по противодействию деструктивным политическим технологиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

политика, фейк, фейковые новости, постправда, информация, безопасность, политический процесс, политическая кампания, политическая коммуникация

СТРУКТУРА

Введение

Фейки и технологии их распространения

Вирусная информация и механизм формирования доверия к ней

Вирусный эффект

Механизм распространения («ретрансляции») вирусной информации

Двухфазная модель воздействия вирусной информации

(активизация управляющих «закладок»)

Цепные реакции

Как работают цепные реакции: Case Study

Информационные «волны»,
или метод резонансного информационного зондирования

Главные ошибки органов власти, возникающие при попытках организовать
сопротивление фейкам

Заключение

A. Manoilo

*Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
3 ul. Dmitry Ulyanov, Moscow 119333, Russian Federation*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskiye Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

CASCADE CHAIN REACTIONS IN MODERN TECHNOLOGIES OF VIRAL SPREAD OF “FAKE NEWS”

ABSTRACT

Aim is to study “fake news”, “viral” technologies for their distribution, mechanisms of “infection” and modification, as well as methods of detection and counteraction.

Methodology. The mechanisms of modification of viral fakes when broadcasting their “emotional code” through the media and messengers, known as “chain reactions”, and probing information impulses used for empirical research of network structures and communities, have been investigated. The mechanism of the viral spread of fakes is examined using the case-study method.

Results. The sequential activation of the control “tabs” in the fake is described on the example of a two-phase model of the impact of viral information. It is noted that the most effective methods of countering fakes (including viral-type fakes) are the following ones: “preemptive strike” (used in case a fake attack is just being prepared), interception of the information agenda (used in case the attack has already begun) and implementation own information agenda (if the agenda has already been intercepted), which sets its own rules for the information “game”.

Research implications. Information about the mechanism of the viral spread of “fake news” can be used in the context of post-truth research, and will also be useful to political scientists, political strategists and specialists in countering destructive political technologies.

KEYWORDS

politics, fake, fake news, post-truth, information, security, political process, political campaign, political communication

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время так называемые поддельные новости (фейки, фейковые новости) не просто прочно вошли в качестве термина в научный лексикон, но и получили статус одного из самых опасных явлений (и политических инструментов) современности. Переломным моментом в их восприятии стала президентская избирательная кампания 2016 г. в США, в ходе которой фейки, соединившись с т. н. «вирусными» технологиями их распространения, едва не поставили точку в восходящей политической карьере Д. Трампа, вынужденного яростно отбиваться от атаковавших его разнообразных «фейк ньюс» (CNN и др.). Высокая проникающая способность фейковых новостей, уникальная способность практически мгновенно охватывать большие аудитории, овладевать сознанием людей и управлять им, заставила отнести фейковые новости в разряд «абсолютного оружия»: в 2016 г. фейковые атаки

вызывали только панику – никто не знал, как им противостоять, выверенных инструментов противодействия фейкам не было.

Сегодня, спустя четыре года с момента окончания президентской кампании, давшей США одного из самых необычных президентов, уже накоплен определённый (пока ещё очень скудный) опыт противодействия фейкам и технологиям их распространения (как на прикладном инструментально-технологическом, так и на законодательном уровнях ряда стран). Но при этом по-прежнему понятие «фейк» остаётся дискуссионным: единого устоявшегося определения фейка нет.

Так, например, Дэвид Кляйн и Джошуа Вюллер в статье «Поддельные новости: правовая перспектива» утверждают, что «поддельные новости» – это онлайн-публикации с заведомо ложными фактами [9].

Сандра Марко Колино в своей статье «Brexit, политика постистины и торжество грязного видения демократии над технократией», исследуя причины выхода Соединённого Королевства из ЕС, утверждает, что граждане Великобритании голосовали под воздействием «поддельных новостей», сфабрикованных «ботами» в социальных сетях. При этом автор фиксирует действие «поддельных новостей» (фейков), но не объясняет природы и механизмов их воздействия на сознание людей. Данный феномен, по мнению автора, указывает лишь на «переход общества в эпоху технократии» [10].

В свою очередь, Оскар Баррера Родригес, Сергей Гурьев, Эмерик Генри и Екатерина Журавская в своей статье «Факты, альтернативные факты и проверка фактов во времена пост-правдивой политики» задаются вопросом, насколько всё-таки эффективна проверка фактов при «сопротивлении» «фейковым новостям», вводящим в заблуждение людей. Для проверки своих предположений авторы провели онлайн-эксперимент во время президентской избирательной кампании во Франции 2017 г. и пришли к выводу, что присутствующие в фейковых новостях «альтернативные факты» очень убедительны, а контрпропаганда – малоэффективна [5].

В научном плане большой интерес представляет исследование «фейковых новостей» и технологий их распространения в контексте т. н. феномена «постправды». Данный феномен описывает процесс психологического воздействия на сознание и подсознание человека, в ходе которого мнение человека по поводу того или иного уже состоявшегося значимого общественно-политического события (и, что важно, уже получившего определённую оценку в обществе) может существенным образом измениться. Происходит это в результате вторичной интерпретации как самого события, так и его отдельных деталей, на которые прежде просто не обращали внимание. Вброс отдельных интерпретаций в публичное информационное пространство и их проникновение в общественное сознание сопровождаются появлением управляющих маркёров-маршрутизаторов – «фейков», выдаваемых за факты (проверенные новости); домыслов и слухов, выдаваемых за версии; автори-

тетных мнений известных «экспертов», «модных» блогеров и журналистов, отвечающих за точную доставку «постправды» в коллективное сознание конкретных целевых аудиторий и в индивидуальное сознание каждого их члена в отдельности. Изменение мнения человека под влиянием «постправды» может также повлечь за собой и изменение его гражданской позиции.

Так, Йозеф Дрексл в своей статье «Экономическая эффективность и демократия: о потенциальной роли конкурентной политики в регулировании цифровых рынков в эпоху пост-правдивой политики» [6] утверждает, что гражданам «для принятия политических решений» всё чаще полагаются на новости, распространяемые интернет-посредниками и агрегаторами, такими как Facebook, Twitter или Google. По мнению автора, распространение новостей через социальные сети негативно влияет на демократический процесс, способствуя распространению «ложных утверждений», «поддельных новостей» и не поддающихся проверке «теорий заговора» («фейковых» версий и слухов) в закрытых сообществах. Что в конечном итоге приводит к радикализации и разделению общества по политическим и идеологическим признакам.

Другие исследователи, Глеб Ципурский и Фабио Вотта, в своей статье «Борьба с фальшивыми новостями и политикой пост-правды с поведенческой наукой: обещание про-правду» отмечают, что сегодня не только базовые либерально-демократические ценности общества, но и сами «демократические принципы» находятся под угрозой из-за «политики постправды», инструментом которой являются фейковые новости [12]. Происходит это главным образом потому, что «в условиях быстрых технологических изменений» граждане «теряют способность отделять правду от лжи» (т. е. распознавать ложь и обман). Об этом также пишет в своей статье «Глубокие подделки, боты и разрозненные судьи: американский закон о выборах в мире после истины» и другой исследователь – Ричард Л. Хасен [8], отмечающий, что «в эпоху после истины» избирателям становится всё труднее отделять правдивую информацию от ложной (от фейков), особенно если эта информация имеет прямое отношение к избирательным кампаниям.

Интересную точку зрения на восприимчивость сознания человека к фейковым новостям, подаваемым в контексте «постправды», высказывает Х. Фридман: в своей статье «Опасности самоуверенности и абсолютной уверенности в эпоху пост-истины, ненужной науки и высокомерия» он исследует опасность иллюзии определённости, порождаемой «вакуумом» информации, утверждая, что «люди, слишком уверенные в своём мнении, на самом деле больше всего подвержены риску оказаться под влиянием “поддельных (фейковых) новостей”» [7].

В российских источниках феномен «постправды» также уже получил определённую научную оценку. Так, А. Ю. Гарбузняк в своей статье «Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе» определяет «коммуникативный аспект» феномена «постправды» как «трансформацию полити-

ческой реальности» за счёт «медийного нарратива», способного «подменить факты субъективными интерпретациями» [2]. Отсюда следует технология сборки «постправдивого» контента: для получения эффекта «постправды» из реальной новости изымаются факты и на их место помещаются «фейки» нарративного содержания (типа), взрывным образом воздействующие на эмоциональную сферу человека, разрушая устоявшиеся представления, ценности и стереотипы [2].

В своей статье «Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества» А. В. Абрамов, С. Н. Федорченко и К. П. Курылев отмечают, что постправда нередко является «удобной и желаемой для лиц, формирующих “проблемное поле” политики» – реально-сти, «возникающей под влиянием социальных сетей интернета, где накапливается масса непроверенной информации» [1]. При этом постправда «“взламывает” прежнюю интерпретацию политического, этнического, религиозного, культурного и социального, приводя к исчезновению прежних смыслов, когда важно уже не то, правдиво новостное сообщение или нет, а активное переживание, обсуждение содержания этого сообщения» [1].

Несмотря на существенные расхождения в трактовках и толкованиях термина «фейковые новости», авторами словаря английского языка «Collins Dictionary» в 2017 г. понятие «fake news» было признано «словом года»¹.

ФЕЙКИ И ТЕХНОЛОГИИ ИХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ

Фейковая новость (фейк) – это информационный вброс, содержащий в себе специально подготовленную информацию заведомо провокационного и резонансного характера. При этом сам фейк может содержать как заведомо ложную, так и истинную (проверяемую) информацию, вырванную из контекста конкретной беседы, разговора или выступления.

Цель фейковой новости – создание ажиотажа вокруг мнимого информационного повода с помощью вброса провокационной информации, имеющей резонансный характер. Никакой другой цели у фейка нет.

При этом основной задачей фейковой новости становится перехват информационной повестки и замыкание её на себя с тем, чтобы содержание фейка на некоторое время стало навязчивой идеей, подчиняющей себе сознание и волю человека, подпавшего под влияние данной фейковой «новости».

Механизмы распространения фейковых новостей предельно просты: фейки, содержащие информацию заведомо провокационного характера, оказывающую сильное («взрывное») влияние на эмоциональную сферу граждан, распространяются в обществе так называемым «вирусным» способом – благодаря эффекту «эмоционального заражения». При этом основным инструментом распространения фейковых новостей становятся так называемые

¹ См.: Названо слово года // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20171102/1508075796.html> (дата обращения: 04.06.2020).

«вирусные» технологии, отвечающие за передачу эмоционально окрашенной информации, преобразованной в так называемый «эмоциональный код». При этом сами фейки могут облекаться в форму слухов и распространяться по каналам коммуникации, характерным для слухов и сплетен (таким как пресловутое «сарафанное радио» или анонимные телеграмм-каналы). Фейковые новости также могут быть использованы в операциях информационной войны (информационных операциях) с целью перехвата информационной повестки у противника и подчинения сознания противника своей воле.

В основе вирусных технологий лежат способы и приёмы так называемого «вирусного» маркетинга – особого класса технологий управления массовым сознанием и поведением граждан, основанных на эффекте «эмоционального заражения», который данные технологии используют для быстрой передачи стимулирующей / управляющей информации от одного пользователя маркетинговой сети к другому.

При этом распространение информации идёт от одного человека к другому (через его ближний и дальний круг общения) в геометрической прогрессии, быстро охватывая множество людей подобно биологической эпидемии вируса (отсюда и сами термины – «вирусные» технологии, «вирусный» эффект и т. д.). В этой цепочке главными распространителями вирусной информации становятся сами получатели, «заразившиеся» ею (т. е. перешедшие в результате воздействия этого информационного «вируса» в определённое возбуждённое, пограничное психоэмоциональное состояние, требующее немедленно поделиться своими эмоциями с другими людьми).

Основными признаками фейка является особая форма подачи информации – в виде эмоционального кода: призывов, посылов, лозунгов, апеллирующих не к разуму, а исключительно к сфере чувств и эмоций. Это, в свою очередь, обеспечивает срабатывание основного механизма распространения фейка – механизма «эмоционального заражения». Большинство фейков имеют вирусный характер и вбрасываются в расчёте на то, что воспринявший их человек перейдёт в крайне возбуждённое состояние (под наплывом эмоций утратив контроль над реальностью) прежде, чем успеет эту информацию перепроверить через другие источники. «Убей бобра – спаси дерево!», «Голосуй или проиграешь!», «Купи себе еды в последний раз!» – всё это вирусные фейки, несущие в себе иррациональный по своей природе эмоциональный заряд (или, как ещё говорят, «эмоциональный код»). По этому признаку фейки в основном и распознаются (детектируются).

ВИРУСНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ К НЕЙ

Сама же вирусная информация представляет собой сведения, данные, факты, детали, преобразованные в эмоциональный код (данные в виде набора эмоциональных реакций, посылов, стимулов, призывов и мотиваций), и она способна (подобно биологическому вирусу) жить и распространяться в

глобальных информационных сетях (интернет, в традиционных и новых медиа, в коммуникаторах мобильной связи и т. д.) самостоятельно, без участия его создателя.

При этом вирусам верят, потому что в основе формирования доверия к подобного рода информации лежит особый психологический механизм «обеспечения иллюзии достоверности»: доверие пользователей сети к вирусному контенту обеспечивается тем, что «заразившийся» им пользователь делится со своими друзьями, товарищами, родственниками (близкими ему людьми) не самой информацией напрямую, а своим эмоциональным отношением к ней, тем самым передавая эту информацию в виде эмоционального кода. Эмоции, которые транслирует «заразившийся» вирусным контентом пользователь, не могут быть ложью – они истинны (подсознание человека, отвечающее за эмоции, врать не может), и именно этот факт обеспечивает доверие других пользователей к самой информации, передаваемой на языке эмоций и чувств (в виде особого эмоционального состояния, порождённого действием вируса).

Этот эффект был подмечен ещё в начале 1990-х гг., когда американский маркетолог Дуглас Рашкофф в своей книге «Медиа вирус» (1994) [4] впервые сказал о том, что «заражённый» пользователь, как правило, отправляет письма со ссылками на вирусный контент со своими личными доверительными комментариями (в которых он комментирует не саму «рекламу», а свои эмоции, которые истинны и действительно им владеют, – т. е. тот реально существующий объект, которому можно доверять).

ВИРУСНЫЙ ЭФФЕКТ

В результате воздействия на психику подвергнувшегося вирусной атаке человека вирусная (фейковая) информация через передачу эмоционального состояния, порождённого вирусом, начинает распространяться, как эпидемия, «заражая» вирусной информацией и содержащимися в ней мотивационными посланиями окружающих (контактёров из ближнего, среднего и дальнего кругов общения первого «заразившегося» пользователя), которые также становятся ретрансляторами данной «новости», добровольно и абсолютно неосознанно передавая организаторам вирусной атаки свои личные доверительные каналы коммуникации с близкими людьми.

Как отмечает А. Р. Кожаринова, «благодаря эмоциональным составляющим, апелляциям к бессознательному, необязательности логического осмысления, информационные паттерны медиавирусов активно внедряются в сознание представителей массовой аудитории, формируя их взгляды и поведенческие реакции»; при этом «непрямое воздействие медиавирусов (на подсознание человека – А. М.) многократно увеличивает шансы на успех манипуляций» [3].

Вирусные технологии воздействуют на подсознание человека (которое сознанием не контролируется), передавая по цепочке контактов эмоциональное состояние, ассоциативно связанное с информацией, его вызвавшей (поро-

дившей), т. е. сознание (воля, разум) человека не может вирусную информацию заблокировать (если человек под влиянием эмоций уже «потерял голову»).

МЕХАНИЗМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ («РЕТРАНСЛЯЦИИ») ВИРУСНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Человек, подвергшийся атаке вируса, под воздействием вирусной информации возбуждается, переходит в особое «пограничное» психоэмоциональное состояние и в этом состоянии начинает работать как ретранслятор, стремясь как можно быстрее поделиться этой «новостью» с другими людьми – тем самым «заражая» их своими эмоциями, но при этом совершенно не уделяя внимания детальному анализу самой информации, эти эмоции вызвавшей.

Это связано с тем, что:

- 1) под влиянием эмоций способность человека критично и рационально оценивать происходящее существенно снижается;
- 2) активность личности оказывается направленной на немедленное удовлетворение возникшей под влиянием вируса новой жизненно-важной потребности – поделиться «новостью» с окружающими (тем самым обеспечив себе эмоциональную разрядку и возвращение в нормальное состояние).

ДВУХФАЗНАЯ МОДЕЛЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВИРУСНОЙ ИНФОРМАЦИИ (АКТИВИЗАЦИЯ УПРАВЛЯЮЩИХ «ЗАКЛАДОК»)

Дальнейшее действие вируса на психику (сознание и подсознание человека) происходит по следующей схеме.

Когда через некоторое время возбуждение спадает и психологическое состояние человека стабилизируется, он по обратной ассоциативной связи (от эмоций – к источнику, их породившему) возвращается к самой вирусной информации и «включает» сознание для её анализа, что, в свою очередь, приводит к её прямому действию на сознание «заражённого» человека.

Таким образом, «заразившись» информационным вирусом, пользователь сети последовательно проживает две эволюционные фазы:

- на *первой* стадии «заражения» его критическое сознание (под наплывом эмоций) отключается, и он работает только как ретранслятор «вирусной инфекции», заражая ею окружающих (в том числе благодаря быстрой передаче вируса по своим личным доверительным каналам общения);
- на *второй* стадии «заражения» возвращение человека в нормальное (невозбуждённое) состояние ведёт к активизации в его сознании самого «вируса» и тех программных (ценностных, идеологических и поведенческих) установок, которые в нём заложены его создателями (диверсионных управляющих «закладок»).

ЦЕПНЫЕ РЕАКЦИИ

Фейки как разновидность вирусной информации обладают не только способностью «жить своей жизнью» (распространяться в открытых информа-

ционных сетях без участия их создателя), но и способностью к модификации – к изменению своего кода в процессе охвата всё новых и новых аудиторий. «Заразив» очередного носителя, вирус не просто охватывает новые аудитории путём получения фактического доступа к списку контактов «заразившегося», он изменяется, так как человек-ретранслятор, пропуская вирус через свои органы чувств и собственные эмоции, нередко искажает, изменяет или достраивает исходный эмоциональный код. В результате исходный вирус «мутирует»: пройдя через несколько этапов ретрансляции, он сохраняет исходное ядро, порождающее резонансный эффект, но при этом цепляет к нему всевозможный эмоциональный мусор, засевший в головах у «передающих звеньев» в виде реакции на испытываемый ими шок, стресс или иные крайние формы эмоционального возбуждения. Чаще всего под влиянием этих эмоций «заразившийся» ретранслятор, передавая вирус своим доверительным контактам, добавляет к исходному коду несколько своих собственных умозаключений, стремясь, таким образом, выглядеть более информированным, чем другие «распространители» вируса. Так фейковый вирус приобретает способность к самомодификации и, как следствие, к адаптации к конкретным условиям коммуникативной обстановки (функцию самонастройки).

С каждым новым этапом «заражения» вирусом новых аудиторий число таких модификаций не просто накапливается – они выстраиваются в логически связанное повествование, в цепочку утверждений, каждое из которых логически вытекает из предыдущей модификации вирусного кода и становится основой для строительства новых фейковых предположений, домыслов, версий. В результате резонансный фейк порождает не просто волну «заражения», но цепную реакцию: с каждой новой ретрансляцией фейка на новые аудитории его ядро модифицируется путём присоединения к ядру деталей, дополнительно усиливающих резонансный эффект исходной «новости». Таких этапов (или каскадов) модификации в жизни фейка может быть несколько; каждая из таких модификаций может поднимать собственную резонансную информационную волну. При этом при каждой новой модификации все предыдущие воспринимаются уже как часть ядра (исходного эмоционального кода) и не подвергаются сомнению (воспринимаются как констатация факта); в фокусе внимания всегда оказывается только самая последняя модификация, поднимающая вторичную, третичную, четвертичную резонансные волны.

Каждая новая модификация стимулирует пользователей добавить в вирусный фейк какой-нибудь новый «инсайд» – уже от себя; это, в свою очередь, вызывает «цепную реакцию»: «инсайд», добавленный в фейк предыдущим его ретранслятором, пугает последующих «заражённых», и каждый из них перед тем, как передать эту «новость» другим, под воздействием этого испуга добавляет в фейк свою эмоциональную реакцию, в которой все страхи получают своё сюжетное продолжение (дорисовываются, дооформляются, созревают и превращаются в нечто ужасное, подаваемое при этом как

новый «достоверный инсайд»). Цепная реакция обеспечивает не только модификацию фейковой новости, но и её дальнейшую эволюцию.

КАК РАБОТАЮТ ЦЕПНЫЕ РЕАКЦИИ: CASE STUDY

В качестве типичного примера четырёхактовой «цепной» модификации исходной фейковой новости можно привести новость о визите В. Суркова и А. Манойло в Донецк, появившуюся в сетях в самом конце октября 2019 г. Благодаря первоначальному резонансу, вызванному вбросом новости в связанный с руководством ДНР телеграмм-канал, исходный код фейка был 4 раза модифицирован, причём все 4 раза – украинской стороной, усомнившейся, что одновременный приезд Манойло и Суркова в Донецк – не более чем совпадение. При этом каждая модификация кода добавляла резонансности исходному событию (а именно приезду Манойло и Суркова в Донецк по отдельности), создавая вокруг него ажиотаж и окружая его вымышленными деталями, событиями и основанными на заведомо ложных предположениях не менее фантастическими интерпретациями, выдаваемыми за версии.

23 октября 2019 г. В. Ю. Сурков (на тот момент – советник Президента РФ и куратор ЛНР и ДНР) прибыл с официальным визитом в Донецк. Приезд Суркова нигде не афишировался – изначально его планировалось сохранить в тайне. Одновременно с В. Ю. Сурковым в Донецк прибыл профессор МГУ А. В. Манойло (по поручению ректора МГУ В. А. Садовничьего для участия в форуме). Даты приезда Суркова и Манойло случайно совпали – ни о какой координации и тем более взаимной увязке визитов не было и речи. Однако сам факт одновременного прибытия в столицу ДНР двух достаточно известных лиц породил слухи о том, что всё это – не случайно. Это, в свою очередь, породило четыре волны фейковых новостей, в которых «возможная взаимоувязка миссий» В. Суркова и А. Манойло с каждым разом обрастала все новыми подробностями. Исходной же точкой для генерации фейков стала «новость», опубликованная в своей ленте донецким Telegram-каналом «Охранитель».

Первый вброс («фактура»):

*«Сурков и Манойло – в Донецке; цель приезда – неизвестна;
Манойло – кадровый разведчик»*

Так, 24 октября 2019 г. донецкий Telegram-канал «Охранитель» поместил в своей ленте новостей следующую информацию: «Просочилась инфа, что в республике Владислав Сурков. Также заехал в ДНР известный в определённых кругах как специалист по информационным операциям кадровый разведчик ... Андрей Манойло»² (рис. 1). Эту «новость» мы здесь и в дальнейшем будем называть исходным информационным кодом.

² См.: Охранитель: Telegram-канал [Электронный ресурс]: публ. от 24.10.2019 22:18. URL: <https://t.me/s/rusmonstr/4537> (дата обращения: 01.07.2020).

Охранитель

Зачастили в Донецк из Москвы гости. Просочилась инфа, что в республике **Владислав Сурков**. Также заехал в ДНР известный в определенных кругах как специалист по информационным войнам, кадровый разведчик, член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации **Андрей Манойло**.

Визит их как-то "случайно" совпал по времени с активной фазой информационной атаки на главу ДНР Дениса Пушилина, которую устроили украинские СМИ и анонимные донецкие и псевдодонецкие каналы.

Манойло провел закрытые лекции по стратегии и тактике информационных войн в Донецке и Енакиево. С кем встречался Владислав Юрьевич, кроме главы ДНР, пока неясно.

Рис. 1 / Fig. 1. Новость о визите Суркова и Манойло в Донецк. 24 октября 2019 г., Telegram-канал «Охранитель» / News about the visit of Surkov and Manoilo to Donetsk. October 24th, 2019, Telegram Channel "Guardian"

В данном сообщении впервые появилась информация о приезде В. Суркова в Донецк (до этого момента его приезд держался в тайне) и были вброшены некоторые данные о текущем статусе А. Манойло («кадровый разведчик», «известный специалист по информационным войнам», «член совета при Совете безопасности РФ»), призванные сформировать к нему определённое отношение. В этом контексте указываемые «Охранителем» дополнительные сведения об активности А. Манойло в ДНР («провёл закрытые лекции по стратегии и тактике информационных войн в Донецке и Енакиево» – значит, приехал не просто так) были призваны ещё больше усилить подозрения по поводу неслучайности одновременного приезда В. Суркова и А. Манойло в ДНР: видимо, объяснением этого факта могут служить только общая цель или приказ вышестоящего руководителя (при этом задачи у В. Суркова и А. Манойло могут быть, разумеется, разные). Осталось только установить истинную причину этого загадочного совпадения.

«Охранитель» – Telegram-канал, тесно связанный с руководством ДНР. Об этом знают и в непризнанных республиках, и в России, и на Украине. Новость, появившаяся в его ленте, была мгновенно прочитана и подхвачена украинскими СМИ. При этом украинские СМИ не только подхватили новость, вброшенную «Охранителем», но и существенным образом её модифицировали, запустив цепную реакцию.

Второй вброс (уточнение статуса фигурантов дела):

«Манойло напрямую связан с ФСБ; хорошо это или плохо для Суркова – пока не ясно»

25 октября 2019 г. новость о приезде В. Суркова и А. Манойло в ДНР размещают сначала Obozrevatel³, а затем (в 9:29) и УНИАН (рис. 2.1)⁴. Украинское национальное информационное агентство УНИАН перепечатывает сообщение Telegram-канала «Охранитель» дословно, без изменений, но в конце статьи приводит биографические данные «кадрового разведчика» А. Манойло: «... был призван на службу в ФСБ России, в академии которой окончил факультет подготовки руководящих кадров по специальности “оперативная деятельность”»; сейчас является профессором Московского государственного университета⁵, которые должны усилить ощущение того, что прибытие этого узкопрофильного специалиста в ДНР вместе с В. Сурковым не случайно, а часть одной большой оперативной игры.

УНИАН также сообщает, что, в отличие от визита В. Суркова, о прибытии А. Манойло сообщили официальные СМИ ДНР (рис. 2.2).

Рис. 2.1 / Fig. 2.1. «В Донецк Сурков приехал не один...». УНИАН. 25 октября 2019 г. / "Surkov has come to Donetsk not alone UNIAN. October 25th, 2019.

³ Украинское информационно-аналитическое издание (СМИ), тесно связанное с СБУ (сайт издания заблокирован Роскомнадзором РФ).

⁴ С.м.: В «ДНР» сообщили о приезде в Донецк кремлевского куратора Суркова // УНИАН: [сайт]. [25.10.2019]. URL: <https://www.unian.net/war/10731144-v-dnr-soobshchili-o-priezde-v-doneck-kremlevskogo-kuratora-surkova.html> (дата обращения: 01.07.2020).

⁵ В «ДНР» сообщили о приезде в Донецк кремлевского куратора Суркова // УНИАН: [сайт]. [25.10.2019]. URL: <https://www.unian.net/war/10731144-v-dnr-soobshchili-o-priezde-v-doneck-kremlevskogo-kuratora-surkova.html> (дата обращения: 01.07.2020).

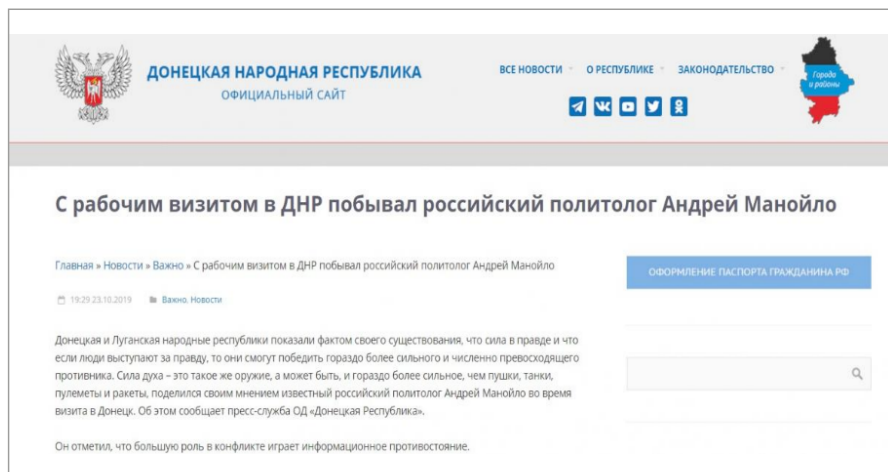

Рис. 2.2 / Fig. 2.2. «О прибытии Манойло сообщили официальные СМИ ДНР». УНИАН. 25 октября 2019 г. / “The DPR official media reported on Manoilo’s arrival”. UNIAN. October 25th, 2019.

*Третий вброс (первая версия – «срывание покровов тайны»):
«Манойло – спец ФСБ»; «Манойло прибыл надзирать за Сурковым», «...
выяснить, что тот задумал»; «Манойло приехал в Донецк не таясь, чтобы
помощник президента РФ об этом знал и нервничал»; «Башни шатаются»*

В тот же день, 25 октября, в 14:00 в украинском интернет-издании «Деловая столица» (ДС, dsnews.ua) публикуется статья обозревателя В. Гирмана «Визит без шума»⁶ (рис. 3.1), в которой автор приводит уже полноценную, полностью сформировавшуюся версию, объясняющую причины и цели тайного визита В. Суркова в Донецк, а также роль в этих событиях другого «московского гостя» – А. Манойло. Происходит «срывание покровов» с «интриг» «кремлёвских кураторов» ДНР – и это мгновенно привлекает внимание широких кругов украинской общественности. При этом исходное сообщение донецкого «Охранителя» получает новую жизнь – оно самым серьёзным образом достраивается и модифицируется.

⁶ Визит без шума. Сурков приехал в Донецк, чтобы научить Пушилина нравиться Макрону // Деловая столица: [сайт]. [25.10.2019]. URL: <https://www.dsnews.ua/world/zachem-surkov-nagryanul-v-okkupirovannyy-donetsk-25102019220000> (дата обращения: 01.07.2020).

Рис. 3.1 / Fig. 3.1. «Манойло прибыл для того, чтобы надзирать за Сурковым». Деловая столица. 25 октября 2019 г. / "Manoilov has come to supervise Surkov". Business capital. October 25th, 2019.

По мнению В. Гирмана, визит В. Суркова в ДНР призван стать «посланием» властям и народу непризнанной республики: «Москва вас не оставит»; в этом – главная цель его личной поездки в Донецк. При этом Гирман отмечает, что данный «месседж» предназначен не только ДНР, но и «Украине с Западом» – это намёк и угроза одновременно.

Но затем В. Гирман меняет линию рассуждения и обращает внимание на «внутрироссийский контекст появления В. Суркова на Донбассе»: ведь в Донецк он, Сурков, «прикатил не сам»; «параллельно с ним» туда прибыл «выпускник академии ФСБ и впоследствии её сотрудник Андрей Манойло». Гирман отмечает, что «в публичной плоскости же он [Манойло] якобы профессор Московского государственного университета и политолог, эксперт по международным отношениям и конфликтологии», и «в то же время известен как специалист по ведению информационной войны».

В поведении Манойло Гирмана настораживает один факт: известно, что по своём приезде «Манойло провёл закрытые лекции на тему информационных войн» в Донецке и Енакиеве; но, по мнению Гирмана, «очевидно, лекции были не столь "закрытыми", как совещания при участии Суркова, потому как о вояже Манойло писали СМИ сепаратистов». Отсюда В. Гирман делает нетривиальный вывод: «это, в свою очередь, может свидетельствовать о том, что поездка Манойло не должна была стать секретом; спец ФСБ по информационным войнам мог отправиться в "ДНР" вдогонку, а не вместе с Сурковым, дабы проконтролировать и выяснить, что тот задумал». Причём, по мнению В. Гирмана, «абсолютно не таясь, так, чтобы помощник президента РФ об этом знал и нервничал».

На основании этих умозаключений В. Гирман делает следующий вывод: «Следовательно, аппаратная грызня в Москве продолжается – башни шатаются»; т. е. между различными группировками в самом Кремле идёт борьба за контроль над ЛДНР. Манойло и Сурков, по мнению украинского обозревателя, очевидно, принадлежат к разным «башням»: Манойло, исходя из его бэкграунда, – к силовикам, которые Суркова недолюбливают; у Суркова же – собственная группировка («башня»). Одновременный приезд представителей двух различных «башен» в ДНР – это результат внутренней борьбы между «сурковцами» и «силовиками», в которой «Сурков пытается подтвердить свой статус: он патрон “ЛДНР”, и лишь он один», а Манойло ему мешает.

На этом этапе происходит несколько очень важных модификаций исходной «новости», опубликованной в донецком Telegram-канале «Охранитель» и подхваченной затем украинской прессой:

- во-первых, подчёркивается, что одновременный приезд Суркова и Манойло в ДНР – не случайное совпадение, а результат оперативной игры «башен Кремля» и российских спецслужб (это очевидный проверенный факт);

- во-вторых, констатируется, что Манойло – действующий сотрудник («спец») ФСБ, причём, судя по характеру его миссии, высокопоставленный (поскольку представляет в ДНР «башню Кремля», якобы конкурирующую с т. н. «сурковцами»);

- в-третьих, указывается истинная цель приезда Манойло: ему поставлена задача контролировать Суркова, надзирать за ним, выяснить, что он на самом деле задумал, отслеживать любые его действия и о любых его «проколах» сразу же докладывать в Москву;

- в-четвёртых, Манойло поставлена задача своим внезапным появлением в ДНР (о котором Суркова, разумеется, не уведомили) напугать Суркова, заставить его нервничать (как сделал бы любой на его месте, узнав, что он «под колпаком») и, как следствие, совершать ошибки; не менее важен фактор психологического давления, которому будет подвергаться человек, узнав, что к нему приставлен «надзиратель»;

- в-пятых, этот одновременный визит эмиссаров двух «башен» свидетельствует о том, что «башни» теряют контроль над непризнанными республиками: «Башни шатаются».

В результате этой модификации исходный вброс практически полностью утрачивает своё первоначальное содержание и превращается в фейковую конспирологическую «версию», будоражащую сознание и воображение, но при этом не основанную ни на одном достоверно известном или проверенном факте – кроме, разумеется, самого прибытия Суркова и Манойло в Донецк 23 октября 2019 г. (с разницей в несколько часов). Исходная новость, опубликованная «Охранителем», в изложении ДС превращается в вирусный фейк, способный «заразить» читателей ДС и через них перекинуться на другие аудитории.

*Третий вброс (финальная модификация –
«сакральная связь с руководством РФ»):
«Их послал Путин»; «Путин заставил Суркова и Манойло работать вместе»*

Однако на этом В. Гирман не останавливается: он продолжает рассуждать о том, что «если всё же Манойло и Сурков действовали скоординировано, то такое сотрудничество могло случиться лишь только потому, что их вынудили», «а единственным, кто может это сделать, является, понятно, Владимир Путин»; «дрессировка им обитателей разных “башен Кремля” говорит о крайней степени заинтересованности президента РФ в украинском вопросе и, соответственно, готовности лично вмешиваться в процессы» (рис. 3.2).

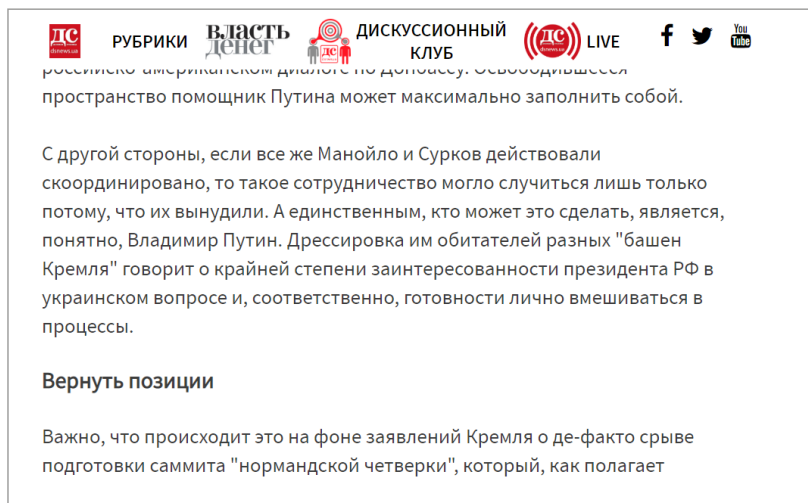

Рис. 3.2 / Fig. 3.2. «Они выполняют прямой приказ Путина». Деловая столица. 25 октября 2019 г. / "They are following a direct order from Putin". Business capital. October 25th, 2019.

На этом этапе вброс, превратившийся в фейковую конспирологическую версию, оказался достроен до связи с «вышшими силами» (конкретными представителями высшего руководства РФ), которые не только делегировали вышеупомянутых граждан в Донецк, но и заставили их работать вместе (совместно решать поставленные перед ними задачи). Появляется «высшая сила», которая отправила двух столь непохожих функционеров в Донецк – Президент РФ, а «миссия» Манойло и Суркова становится «одобренной свыше». Фейк замыкается на сакральную фигуру на самой вершине властной пирамиды РФ и оттого становится более убедительным (смахивающим на правду, которую «от нас скрывают»).

С этого момента фейк приобретает завершённый вид (исчерпывает пределы своей модификации) и в дальнейшем уже не дорабатывается.

Четвёртый вброс («уточнение цели и вида деятельности в формате “постправды”»): «цель визита Манойло и Суркова – очередная проверка»; «Сурков приехал, потому что боится, что милиция ДНР выйдет из-под контроля»; «от Манойло можно ожидать новых информационных провокаций»

29 октября 2019 г. в украинской интернет-газете «Жизнь» появляется статья с резонансным (претендующим на инсайд) заглавием: «Что делали Сурков и Манойло в ДНР» (рис. 4)⁷. В ней почти дословно (с минимальными стилистическими изменениями) перепечатывается часть исходного сообщения с ленты «Охранителя» («в Донецк из Москвы приехали уважаемые гости; просочилась инфа, что Владислав Сурков и известный специалист по информационным войнам, кадровый разведчик, член научного совета при Совете безопасности Российской Федерации Андрей Манойло посетили ДНР...»), но при этом в конце фразы добавляется важная приписка: «...с очередной, так называемой, проверкой». С этого момента становится ясна цель тайного визита Суркова и Манойло в Донецк – «проверка» руководства непризнанной республики. Тем самым подчёркивается, что руководство ДНР не самостоятельно и приезд двух статусных «гостей» из Москвы связан с недовольством его работой со стороны «московских кураторов».

Зачем же нужна эта поверка? Журналисты украинского издания объясняют это так: «по закрытой информации, Сурков посещал Горловку и встречался с Приходько», который конфликтует с главой ДНР Д. Пушилиным (об этом конфликте известно далеко за пределами ДНР): «российская сторона», оказывается, «боится, что [из-за конфликта Приходько с Пушилиным] боевики народной милиции ДНР могут выйти из-под контроля». Манойло же приехал для того, чтобы организовать против украинской стороны (и, возможно, против «внутренней оппозиции» в лице Приходько) серию информационных атак (в оригинале – «новых провокаций»). Что, в принципе, звучит логично: он же «известный специалист» именно в сфере информационных операций.

⁷ Что делали Сурков и Манойло в ДНР // Жизнь: интернет-газета. [29.10.2019]. URL: https://lifedon.com.ua/special_project/life_thoughts/47406-что-делали-surkov-i-manoylo-v-dnr.html (дата обращения: 01.07.2020).

Что делали Сурков и Манойло в ДНР

0 13 384 Спецпроект / Жизненные мысли 29-10-2019

В Донецк из Москвы приехали уважаемые гости. Просочилась инфа, что в-газ-комнаты-на-но.

Рис. 4 / Fig. 4. Цель приезда Суркова и Манойло в Донецк («проверка»). Интернет-газета «Жизнь» (укр.). 29 октября 2019 г. / The purpose of Surkov and Manoilo's visit to Donetsk ("checking"). Internet newspaper "Life" (Ukrainian). October 29th, 2019.

Ссылаясь на собственные «секретные источники», в издании заявили, что точно знают цель приезда «гостей из Москвы» (проверка), и объяснили причины их одновременного появления – уже в стиле «постправды» (к этому моменту «гости из Москвы» уже покинули ДНР).

*Пятый вброс (затухание первой волны фейков):
«И снова неустановленный Манойло»*

30 октября 2019 г. в украинском издании Диалог.UA было опубликовано сообщение о совещании, проведённом В. Сурковым с руководством ДНР в vip-комнате отеля «Донбасс Палас» 26 октября 2019 г.: «26.10.19 В. Сурков проводил совещание с узким кругом денеэровского руководства: Пушилин, министр финансов «ДНР», Кулемзин – мэр Донецка, Ананченко – председатель совета министров «ДНР», Синенков – оперативный командующий командования «ДНР»...» (рис. 5.1)⁸. Указывается также, что в совещании приняло участие «неустановленное лицо из числа граждан России, скорее всего, известный в России специалист по информационным технологиям Манойло» (рис. 5.2).

⁸ Открылись новые подробности визита Суркова в Донецк: «Был слышен даже в фойе». // Диалог.UA. [30.10.2019]. URL: https://www.dialog.ua/ukraine/193549_1572458506 (дата обращения: 01.07.2020).

Открылись новые подробности визита Суркова в Донецк: "Был слышен даже в фойе"

Главная / Украина

30 октября 2019, 20:17

26 октября в оккупированном Донецке с секретным визитом находился советник президента РФ Владислав Сурков. Руководство "народной республики", включая Дениса Пушилина, было сильно

Рис. 5.1 / Fig. 5.1. Совещание 26 октября 2019 г. в «Донбасс Палас». Диалог.UA. 30 октября 2019 г. / Meeting on October 26th, 2019 at Donbass Palace. Dialogue.UA. October 30th, 2019.

Известно, что 26.10.19 в Vip-комнате гостиницы "Донбас палас" В.Сурков проводил совещание с узким кругом денеэзовского руководства: Пушилин, министр финансов "ДНР", Кулемзин- мэр Донецка, Ананченков - председатель совета министров "ДНР", Синенков - оперативный командующий командования "ДНР", и неустановленное лицо из числа граждан России, скорее всего, известный в России специалист по информационным технологиям Манойло.

Рис. 5.2 / Fig. 5.2. «Неустановленное лицо из числа граждан России». Диалог.UA. 30 октября 2019 г. / "Unidentified person from among the citizens of Russia". Dialogue.UA. October 30th, 2019.

С этого момента начинается затухание информационной волны, поднятой первоначальным вбросом: все вопросы по одновременному приезду Суркова и Манойло в Донецк сняты (есть довольно правдоподобно выглядящая версия, всё исчерпывающим образом объясняющая, – см. статью обозревателя В. Гирмана) и фейк уже не нуждается в модификации – он ис-

черпал свои возможности по самоподдержанию резонансности на должном уровне. Теперь (после 26 октября 2019 г.) его используют в основном как доказанный факт – с целью восполнения информационных «пробелов» в другой публикуемой украинскими СМИ «инсайдерской» информации. Так, стал известен перечень участников совещания в «Донбасс Палас»; в этом списке все участники установлены поимённо, кроме одного единственного «неустановленного гражданина РФ». Кем может быть этот гражданин? Кто ещё вхож на «закрытое» совещание столь высокого уровня, участников которого проверяют «приехавшие из Москвы сотрудники группы “Каскад”»? Конечно, это Манойло: по мнению украинских журналистов, уже взбудораженных одновременным приездом Манойло и Суркова в Донецк, по статусу и уровню доступа это может быть только он. Так фейк органично заполняет пробелы в информации украинских журналистов (а, возможно, и украинских спецслужб).

Этапы модификации исходного кода вброса

В таблице 1 приведён перечень модификаций, которым подверглась исходная новость, размещённая телеграмм-каналом «Охранитель» :

Таблица 1 / Table 1

№	Дата вброса	Статус визита	Статус Суркова	Статус Манойло	Цель визита Манойло	Цель визита Суркова	Совпадения	Кто послал Суркова и Манойло в Донецк
1	24.10.2019 «Охранитель»	визит Суркова – тайный, официальный; визит Манойло – статус неясен (нет информации)	куратор ЛДНР	«кадровый разведчик», «известный специалист по информационным войнам», «член Научного совета при Совете безопасности РФ»	закрытые лекции по стратегии и тактике информационных войн в Донецке и Енакиеве	неизвестна	1. Приехали в один и тот же день, но разными колоннами. 2. «Их визит случайно совпал» с инф. атакой на Д. Пушилина	не ясно
2	25.10.2019, 9:29 УНИАН	визит Суркова – тайный, официальный; визит Манойло – официальный, но по линии другого ведомства (ФСБ)	тот же	сотрудник ФСБ, профессор МГУ	в контексте связи Манойло со спецслужбами РФ – неизвестна	неизвестна	Возможно, визиты Суркова и Манойло связаны между собой	не ясно

№	Дата вброса	Статус визита	Статус Суркова	Статус Манойло	Цель визита Манойло	Цель визита Суркова	Совпадения	Кто послал Суркова и Манойло в Донецк
3	25.10.2019, 14:00 ДС dsnews.ua	оба визита — официальные, но по линии разных «башен»	тот же, но уже «под коллаком» у «силови-ков» (Манойло)	Манойло — «спец ФСБ» и куратор «миссии» Суркова от «силови-ков» («смотрящий»)	1. Манойло — «спец ФСБ», куратор «миссии» Суркова от «силови-ков»: «прибыл надзирать за Сурковым». 2. «... выяснить, что тот [Сурков] задумал», отслеживать любые его действия и о любых его «проколах» сразу же докладывать в Москву. 3. Непугать Суркова и все время держать его «в тонусе»: «... приехал в Донецк не таясь, чтобы помощник президента РФ об этом знал и нервничал»	1. «Послание» ДНР и ЛНР: «Москва вас не оставит!». 2. Борьба за контроль над ЛДНР	1. Одновременный приезд Суркова и Манойло в ДНР — не случайное совпадение, а результат оперативной игры «башен Кремля» и российской спецслужб. 2. Манойло отправили «вдогонку» наблюдать за Сурковым	1. Президент РФ В. В. Путин (лично послал обоих). 2. Манойло послали «силовики» — конкурирующая с Сурковым «башня» Кремля
4	29.10.2019 Газета «Жизнь»	оба визита — официальные	тот же, что и в п. 1	тот же, что и в п. 1	организация серии информационных атак (против Украины и главы Горловки Приходько)	очередная проверка; встреча с главой Горловки Приходько и урегулирование его конфликта с главой ДНР; проверка лояльности «народной милиции» ДНР	тот же, что и в п. 2, но уже в контексте совместной борьбы с Приходько	«мо-сковские кураторы» ДНР
5	30.10.2019 Диалог.UA	тот же	тот же	Участник закрытого совещания Суркова с руководством ДНР	не установлено	«Разбор полетов» и приведение рук-ва ДНР «в чувство» (совещание с руководством ДНР 26 октября)	«неустановленным лицом из числа граждан РФ» мог быть только Манойло, «контролирующий поездку Суркова» в ДНР	те же, что и в п. 3–4

При этом эволюцию исходного текстового кода можно проследить по тому, как с течением времени изменялись его основные параметры. Таких параметров в данном деле насчитывается как минимум семь:

- статус визита (Суркова и Манойло) в Донецк;
- текущий статус Суркова;
- текущий статус Манойло;
- цель визита Суркова;
- цель визита Манойло;
- совпадения;
- кто именно послал Суркова и Манойло в Донецк.

Разберём их в порядке очерёдности.

1. Статус визита Суркова в период с 24 по 30 октября меняется незначительно: если 23–24 октября он ещё воспринимается как тайный и, возможно, поэтому совершённый в частном порядке (это объясняет, почему визит не анонсировали), то 25 октября в официальном статусе визита Суркова уже никто не сомневается. Что касается визита Манойло, здесь присутствует больше вариативности: если 24 октября статус пребывания Манойло в Донецке не ясен (нет подтверждений тому, что визит официальный), то 25 октября уже все СМИ убеждены, что визит – официальный, но по линии другого ведомства («башни»).

Таким образом, за три вброса в сознании авторов этих «фейковых новостей» статус визитов Суркова и Манойло изменился от частного до официального, но осуществляемого по линии различных ведомств.

2. Статус Суркова в этот же период также меняется весьма интересным образом. 23–24 и утром 25 октября Сурков проходит по всем вбросам как «куратор ДНР»; однако уже во второй половине дня 25 октября выясняется, что Сурков, возможно, находится «под колпаком» у «силовиков», приславших вдогонку к нему своего наблюдателя. Всесильный «куратор», сам находящийся «под колпаком», – это что-то новое в восприятии Суркова: это и комедия, и интрига, и «разрыв шаблона» одновременно.

Что касается Манойло, его статус в период 24–25 октября меняется стремительно: если 24 октября он проходит в СМИ как «кадровый разведчик», связанный с Совбезом РФ, то к утру 25 октября уже полностью оформляется убеждение в том, что Манойло – высокопоставленный сотрудник ФСБ, использующий работу профессором политологии в МГУ как прикрытие, а в этот же день после обеда к «спецу ФСБ» добавляется ещё и статус «куратора миссии Суркова» (выполняющего надзорные функции), действующего смело, решительно и демонстративно (цель приезда – заставить В. Суркова «нервничать»). С 30 октября Манойло становится ещё и участником т. н. тайных и секретных совещаний Суркова с руководством и силовиками ДНР (участие Манойло в этих совещаниях вычисляется по косвенным признакам).

Таким образом, за указанный период (23–30 октября 2019 г.) статус Суркова изменился от почти всесильного «куратора» непризнанных республик, приехавшего «устроить разнос» руководству ДНР, до «проверяющего», находящегося к тому же «под колпаком» «силовиков». Что касается Манойло, его статус изменился от частного лица, имевшего в своём бэкграунде, помимо действующего профессора МГУ, ещё и «кадрового разведчика» и Академию ФСБ, до действующего сотрудника российских спецслужб, осуществляющего надзор за миссией Суркова (который с этого момента становится «под колпаком») в ДНР, и участника всех «секретных» совещаний последнего.

3. Цель визита Суркова до 14 ч. 25 октября неизвестна: везде говорится, что визит – «тайный», но предположения о том, что это была «внеплановая проверка», появляются в СМИ только 29 октября – уже после завершения визита. Только в 14 ч. 25 октября появляются первые предположения об «истинной» цели приезда Суркова в Донецк: речь идёт о некоем «мессендже» («послании», сигнале), направленном руководству и элитам ДНР и ЛНР («Москва вас не оставит»), а также – Украине и ЕС. Высказывается также предположение о том, что визит связан с «борьбой за контроль над ДНР» (также имеющее право на существование). Все остальные предположения о целях приезда Суркова в ДНР появляются в украинских СМИ уже после его возвращения в РФ и поэтому носят характер типичной «постправды»: конфликт с Приходько (мэром Горловки, бывшим водителем); «разбор полетов» отдельных руководителей ДНР и т. д. Звучат эти версии вполне логично (действительно, не на обзорную же экскурсию он приехал, а для того, чтобы кому-то устроить нереальный разнос), но не подкрепляются никакими конкретными фактами. Нехватку фактов украинские СМИ восполняют вставками «шокирующих подробностей», вызывающими к эмоциям, которым факты и доказательства не нужны: «стулья летали над их головами», «крик и ор был слышен даже на улице» и т. д.

Таким образом, цель визита Суркова за пять вбросов меняется от благородной миссии «дать понять ЛДНР, что Москва их не забудет» до карательной – образцово-показательной экзекуции: условно непубличного (осуществлённого в присутствии подчинённых) разноса руководства ДНР на совещании в «Донецк Плаза» (и, возможно, на более ранних совещаниях 23–24 октября).

Что касается Манойло, цель его приезда в Донецк оценивается по-разному: так, 24 октября о ней ещё ничего не известно (даже предположений нет) и указываются только факты – возможно, «чтение закрытых лекций» в Донецке и Енакиеве? Утром 25 октября украинские СМИ констатируют, что цель приезда Манойло в контексте его связей с российскими спецслужбами (для которых он, видимо, что-то делает) по-прежнему остаётся неизвестной; однако уже во второй половине дня появляется целый ряд нарративов, утверждающих, что Манойло – сотрудник ФСБ (действующий), высококлассный «спец», «куратор» «миссии Суркова» от «силовиков» и что он «прибыл

надзирать за Сурковым». Это самое крупное «разоблачение» «высокопоставленного агента ФСБ» и «срывание покровов» с его «секретной миссии» – пик фейковой конспирологии украинских СМИ. При этом указываются две основные задачи, поставленные Манойло со стороны его истинных руководителей (в спецслужбах):

- «...выяснить, что Сурков задумал», отслеживать любые его действия и о любых его «проколах» сразу же докладывать в Москву;
- напугать Суркова и всё время держать его «в тонусе» (дословно: «...приехал в Донецк не таясь, чтобы помощник президента РФ об этом знал и нервничал»).

В этом виде цель визита Манойло и сохраняется вплоть до 29 октября 2019 г., когда к ней ещё добавляют «организацию серии информационных атак против Украины» и почему-то против того же Приходько, оппозиционно настроенного к Пушилину. Это понятно: Сурков уехал, курировать больше некого. 30 октября появляется информация о возможном участии Манойло в выволочках, устроенных Сурковым руководству ДНР, но ни о какой активной роли Манойло в этом деле речь не идёт (просто наблюдал как представитель одной из «башен» и, возможно, самим фактом своего присутствия сдерживал ярость Суркова).

В результате этих вбросов «истинная» цель приезда Манойло в ДНР изменилась от «чтения лекций» до осуществления почти полицейского «надзора» за Сурковым.

4. При этом интересны «совпадения», найденные авторами вбросов даже там, где их не было, и основанные на этих (обнаруженных «методом пристального глаза») «совпадениях» далекоидущие выводы и заключения. Так, первое совпадение в визитах Манойло и Суркова обнаруживает «Охранитель»: он указывает, что данные господа приехали в ДНР в один и тот же день, но разными колоннами и что «их визит случайно совпал с информационной атакой на Д. Пушилину». «Может ли это быть случайностью?» – как бы спрашивает «Охранитель» у своих читателей. И специально оставляет этот вопрос без ответа, намекая, что ответ на него – настолько очевиден, что не нуждается в артикуляции.

К утру 25 октября в среде украинских СМИ (УНИАН и др.) появляется уверенность в том, что визиты Суркова и Манойло связаны между собой, но как именно, ещё не ясно. Ответ на этот вопрос возникает в 14 ч., когда в эфире появляется «инсайд» о том, что:

- приезд Суркова и Манойло в ДНР – не случайное совпадение, а результат оперативной игры «башен Кремля» и российских спецслужб;
- Манойло отправили «вдогонку» за Сурковым – наблюдать за тем, что он будет делать в ДНР;
- попутно обоим поставлена сугубо частная задача «разделаться» с Приходько.

В дальнейшем связь Суркова с Манойло настолько укореняется в сознании журналистского сообщества Украины, что, когда на проведённом Сурковым (в «Донбасс Палас») «секретном совещании с руководством ДНР» неожиданно обнаруживают «неустановленное лицо из числа граждан РФ», ни у кого даже сомнений не вызывает то, что этим лицом может быть только Манойло, «контролирующий поездку Суркова» в ДНР, – только он и никто иной.

Таким образом, за пять вбросов их авторы находят множество «совпадений» (в основном там, где их нет), которые они практически сразу признают неслучайными. В результате случайно совпавший приезд Манойло и Суркова в Донецк признаётся неслучайным, Манойло и Суркову придумываются взаимосвязанные миссии и, на конечном этапе мифотворчества, в чисто конспирологическом ключе выстраивается иерархия отношений: указывается, что Сурков «под колпаком» у неких загадочных «силовиков» (украинские СМИ, впрочем, прямо указывают, кто они), а функцию надзора за ним выполняет Манойло.

5. После окончательного установления истинных целей визитов Суркова и Манойло в Донецк перед авторами вбросов остаётся нерешённым только один (правда, самый главный) вопрос: кто же послал этих граждан в Донецк? Этот вопрос – ключевой: в нём кроется интрига, возникшая вокруг одновременного приезда этих граждан. Однако на первом этапе – 24 и вплоть до обеда 25 октября – этот вопрос не затрагивается: внимание сконцентрировано не на том, кто послал, а на том, с какой целью приехал (Сурков). По умолчанию, видимо, считается, что Сурков может сам (без предварительного согласования со своим начальником, что на самом деле не так) приехать в Донецк – такое право у него есть. И только в 14 ч 25 октября ответ на вопрос о том, кто приказал Суркову и Манойло приехать в Донецк, наконец, приобретает точные очертания: выясняется, что Манойло и Сурков приехали в ДНР по личному приказу Президента РФ – это он заставил двух антагонистов работать вместе. Кроме того, Манойло в Донецк послали ещё и «силовики» – конкурирующая с В. Сурковым «башня» Кремля. С этого момента событие, связанное с приездом обоих граждан в Донецк, приобретает глобальный размах и типично фейковый «вирусный» резонанс.

К моменту возвращения обоих фигурантов фейков в РФ (к 29–30 октября) на волне затухания интереса к событию и отсутствия резонансных сдвигов в руководстве ДНР (отставок, посадок, замены на новых людей, прибывших в «обоз» Суркова или Манойло) украинские СМИ успокаиваются и смягчают тон до неких «московских кураторов ДНР», которыми могут быть лица второго или даже третьего звена в руководстве РФ. Это, в свою очередь, вызывает странное чувство: на момент приезда В. Суркова в Донецк (23 октября) «московским куратором ДНР» и был В. Сурков; к моменту же его отъезда из республики украинские СМИ отделяют «московских кураторов» от личности В. Суркова (т. е. в их понимании В. Сурков уже не куратор ЛДНР) и выделяют

их в особую категорию чиновников – своеобразную «управленческую надстройку», возвышающуюся над самим В. Сурковым и его аппаратом помощников. В этом проявились первые признаки будущей отставки В. Суркова с поста помощника Президента РФ, возникшие на тот момент на уровне догадок и интуиции. Достоверно знать о том, что спустя всего лишь три месяца после визита в ДНР (ставшего для него, видимо, не очень удачным) В. Сурков подаст заявление об отставке (27 января 2020 г.), а спустя ещё три недели Президент РФ её примет, в октябре 2019 г. никто ещё, разумеется, не мог.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ «ВОЛНЫ», ИЛИ МЕТОД РЕЗОНАНСНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ

Каждый раз, когда в научной литературе заходит речь об изучении открытых информационно-коммуникационных сетей и происходящих в них процессов (в том числе связанных с распространением «фейковых новостей»), возникает законный вопрос: можно ли вообще получать достоверные данные о сети и состояниях сетевых сообществ? И если да, то каким должен быть метод измерения этих состояний и процессов? Ведь известно, что классические социологические опросы в сетях не действуют: можно опросить сколь угодно большое количество пользователей, но при этом так и не узнать, кто именно скрывается за сетевыми аватарами: респонденты, действительно интересующие социолога, или случайные люди, выдающие себя не за тех, кем они являются на самом деле. Если бы пользователи сетей получали доступ к сервисам и аккаунтам по паспорту – тогда другое дело. Но при всеобщей анонимности провести оперативную установку всех участников опроса и проверку заявленных ими личных данных просто не представляется возможным.

Другое дело, когда те или иные сегменты, структуры, «ярусы», «слои» сети изучают как сплошную среду – с помощью резонансных информационных импульсов, содержащих будоражащую сознание пользователей вирусную информацию. В этом случае вброшенный информационный импульс порождает информационную волну, которая, проходя сквозь сеть (её узлы, структуры, сообщества), вызывает резонансный отклик у «обитателей» этих сегментов, которые, будучи при этом не только активными пользователями, но и ньюсмейкерами (ведь у каждого из них при себе есть ноутбук, смартфон, камера – производители информационного контента), придают этой волне новый импульс, пропуская сквозь себя и при этом модифицируя её информационный код. В этом случае максимальная реакция на волну наблюдается именно в тех сегментах и сообществах сети, в которых эта волна «цепляет», задевает за живое, вскрывает реально существующие проблемы, дефекты, интриги и конфликты – т. е. вступает с ними в «эмоциональный» резонанс. Получается что-то вроде эффекта магнитного резонанса, использующегося, например, в томографии: вступая в резонанс с различными узлами сети, ис-

ходный зондирующий импульс модифицируется и обрастает новыми деталями и подробностями, несущими информацию о структуре зондируемых объектов (личностей, групп, сообществ) и об их состоянии. Резонанс при этом наступает в тех случаях, если зондирующий импульс точно попадает (или угадывает) в «болевую точку» (порождающую скрытые напряжения и расколы в сетевом сообществе), в тщательно скрываемый факт или в не менее напряжённое ожидание близости наступления каких-либо знаковых событий или сдвигов.

В итоге, когда многократно отражённая от таких «узлов» (и модифицированная ими) волна вернётся обратно к своему источнику, она принесёт полную информацию о состоянии того сегмента сети, сквозь который она прошла, передаваясь от одного узла коммуникаций к другому «вирусным» способом (с помощью «эмоционального заражения»). При этом любые новые сведения, внесённые в исходный информационный код, будут соответствовать тем самым точкам, где исходная зондирующая информация вступила в резонанс с теми или иными лидерами мнений, группами или сообществами пользователей – т. е. проявила их скрытую структуру, скрытые или скрываемые настроения, мотивы или намерения. В этом и заключается метод информационного резонансного зондирования (или метод волнового зондирования): при использовании данного метода сеть можно сканировать слой за слоем, используя зондирующие импульсы различной проникающей способности – т. е. проникающие на различную глубину сетевой структуры. При этом содержание зондирующего импульса (вброса) можно подобрать таким образом, чтобы он без существенного ослабления или модификации проник до искомой зоны (сектора, сегмента) сети и только там, в этом сегменте, полностью отразился (модифицировался). В роли зондирующих импульсов может выступать любая информация резонансного характера, в том числе и фейки.

Описанная выше история об информационной волне, порождённой одновременным приездом в Донецк в октябре 2019 г. В. Суркова и А. Манойло, является типичным примером использования именно такого метода:

- ведь 24 октября в сеть «ушёл» всего лишь сам факт приезда Суркова и Манойло в Донецк (приехавших в один и тот же день, но не вместе, а по отдельности);

- а обратно вернулась уже полная версия, детально не только объясняющая цели и задачи приезда обоих фигурантов (в том числе раскрывающая всю внутреннюю «кухню» их взаимоотношений друг с другом и с «башнями» Кремля), но и точно указывающая на тех, кто именно их в Донецк послал.

А послал их, оказывается, В. В. Путин (не больше и не меньше), так как только он один может заставить этих людей, якобы «люто ненавидящих» друг друга, «работать вместе».

ГЛАВНЫЕ ОШИБКИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПОПЫТКАХ ОРГАНИЗОВАТЬ СОПРОТИВЛЕНИЕ ФЕЙКАМ

Первое, с чем сталкивается общество при появлении фейков, – это запоздалая реакция органов власти: между появлением фейка и первой реакцией на него всегда проходит как минимум несколько часов или даже дней. Вместо того чтобы сразу брать инициативу в свои руки и не давать завладеть ею фейку, власть молчит – в странной надежде на то, что возникшая проблема, может быть, сама рассосётся.

Между тем фейк, умело вброшенный в СМИ и сети, создаёт инцидент; инцидент порождает скандал, в считанные часы взбудораживающий массы людей; скандал порождает ажиотаж и одновременно ведёт к появлению целой волны «резонансных разоблачений», основанных на всё той же эмоциональной убеждённости в безусловной виновности конкретных лиц, уже «назначенных» фейком на роль ответчиков; «разоблачения» накручивают и без того уже до предела накаченное адреналином общество и побуждают его требовать быстрой и немедленной расправы над виновниками всего того, в чём их обвиняют неизвестные авторы «фейковой новости». В одних случаях результатом действия фейка становится паника, нередко перерастающая в массовые беспорядки (с погромами, грабежами, поджогами и насилием), в других случаях – не менее массовые расправы над конкретными лицами, способные дать начало бунту, государственному перевороту или цветной революции. Вброшенный в нужный, точно вычисленный момент фейк может быть чрезвычайно опасен; но это не значит, что с ним невозможно бороться. В плане противодействия здесь как раз всё ровно наоборот: с фейками не только нужно, но и можно эффективно бороться, но для этого требуется только одно условие – мгновенная реакция.

Однако на практике наблюдается совершенно другая картина. Вместо того чтобы немедленно отреагировать и сбить «на взлёте» нарастающую волну ажиотажа и паники, руководители органов госвласти всех уровней, как правило, занимают позицию ожидания ценных руководящих указаний от своих «шефов», нередко с самого верха. В течение всего этого времени инцидент предпочитают не замечать, следуя «тактике страуса» – делая вид, что ничего ровным счётом не произошло; а в случае выдвижения каких-либо обвинений в свой адрес – немедленно уходят в «решительное отрицание» какой-либо своей причастности к тем событиям или фактам, в которых их обвиняют. Запоздалая реакция на вброс (отложенная на несколько часов или дней) даёт время фейку завладеть сознанием массовой аудитории и в нём укорениться.

При этом, когда представители власти всё же предъявляют общественности официальное заявление, грамотно и профессионально составленное, наполненное цифрами, согласованное со всеми вышестоящими инстанциями, дающее полное и исчерпывающее представление о самом породившем

ажитаж инциденте, его истинных причинах и последствиях, вдруг выясняется, что это заявление уже никому не нужно и не интересно: в тот момент, когда люди были взбудоражены происшествием и остро нуждались в любой уточняющей информации, эту информацию им дал фейк. Потому что других источников информации об инциденте на тот момент не было. И эта информация была воспринята людьми как единственно верная, как тот самый инсайд, который официальные источники якобы «пытаются замолчать».

Причина этого – в том, что потребность в получении детальной информации об инциденте возникает у людей в тот самый момент, когда они об инциденте узнали (у всех есть смартфоны, круглосуточно подключенные к сети) – узнали и испугались; и эта жизненно важная потребность, диктуемая страхом внезапно оказаться перед лицом неизвестной угрозы, требует своего удовлетворения немедленно – здесь и сейчас. В свою очередь, сама потребность формируется подсознанием человека, которое не знает, что такое фактор времени: подсознание нельзя уговорить подождать, пока официальные уполномоченные органы не дадут, наконец, официальный же комментарий. Если такой комментарий не появляется в первый час после возникновения инцидента, его место в сознании и подсознании людей занимает фейк, слух или домысел. В этом плане фейк часто содержит ответы на многие вопросы, которые возникают в голове у сильно напуганного человека, балансирующего на грани паники. И именно фейк удовлетворяет жизненно важную потребность в уточняющей информации, которая возникает у людей в первые же минуты после того, как они узнали об инциденте, выступая тем самым основным источником оперативного удовлетворения данной потребности. После того, как фейк эту потребность удовлетворил, она исчезает совсем или перестаёт быть жизненно важной, уходя на второй (третий, десятый) план, и появившееся с заметным опозданием официальное заявление органов власти уже не будет никому интересно. В этом – главная причина того, почему запоздалым комментариям официальных лиц никто не верит и почему спустя несколько часов после инцидента они уже никому не нужны.

Руководителей региональных и федеральных ведомств также можно понять: они не всегда имеют право делать публичные заявления до того, как проекты этих заявлений пройдут все инстанции и будут согласованы на самом верху (пока на него не легли все разрешительные резолюции). А на согласование нужно время. Фейку же не нужны согласования вышестоящих инстанций – от момента его разработки до вброса в публичное пространство может пройти час, а может, и того меньше. Но при том важно понимать, что бездействие и даже просто промедление уполномоченных чиновников в условиях фейковой атаки – это такой же должностной проступок и признак неполного служебного соответствия, как преступная халатность или преступная неосторожность. Ничего не делать в ситуации, когда надо действовать быстро и стремительно, – это тоже преступление, имеющее состав, предусмотренный

УК РФ (преступная халатность, преступная неосторожность, преступное легкомыслие, совершённое умышленно или по неосторожности и др.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существует несколько способов (тактических схем) эффективного противодействия фейкам (включая фейки вирусного типа). Все они довольно простые.

1. *Удар на упреждение (если атака только готовится)*. Если информационная атака только готовится (и у органов власти есть информация об этом), лучший способ сделать так, чтобы эта атака так и не началась – нанести удар на упреждение: сбить фокус внимания граждан с будущего информационного инцидента (повода), вокруг которого будет создаваться ажиотаж. Если перед самым началом атаки переключить внимание граждан на другой резонансный повод (или сразу несколько поводов), атака так и не начнётся.

2. *Перехват информационной повестки (если атака уже началась)*. Начинается с немедленной публикации в СМИ и сетях официальной позиции компетентного органа власти, вносящей полную ясность в инцидент и не оставляющей пространства для инсинуаций; затем – регулярное динамичное насыщение информационного пространства сухими фактами, цифрами, которые можно проверить.

3. *Внедрение собственной информационной повестки (если перехват повестки уже осуществлён)*. Если повестку удалось перехватить, следующим шагом становится внедрение в массовое сознание граждан собственной информационной повестки, задающей в том числе и собственные правила информационной «игры».

В информационных операциях и оперативных комбинациях более высокого уровня (многоходовых) все три указанных выше метода используются в сочетании (комбинированно). Классическим примером такой операции, реализующей всю цепочку – «удар на упреждение» → «перехват повестки» → «внедрение собственной повестки» → «управление информационной деятельностью противника» – являются так называемые «Скрипальские чтения», организованные 3–4 марта 2019 г. – в день годовщины скандально известного инцидента в Солсбери [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов А. В., Федорченко С. Н., Курылев К. П. Сетевая природа международного терроризма и возможности консолидации российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 738–748. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-738-748
2. Гарбузняк А. Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 184–192. DOI: 10.17805/zpu.2019.1.14

3. Кожаринова А. Р. Медиавирусы как носители идеологических кодов // Знание. Понимание. Умение: [сайт]. 2013. № 5. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/5/Kozharinova_Media-Viruses (дата обращения: 05.07.2020).
4. Рашкофф Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / пер. с англ. Д. Борисова. М.: УльтраКультура, 2003. 368 с.
5. Facts, Alternative Facts, and Fact Checking in Times of Post-Truth Politics [Электронный ресурс] / O. Barrera Rodriguez, S. Guriev, E. Henry, E. Zhuravskaya // Journal of Public Economics, Forthcoming. 2019. October. URL: <https://ssrn.com/abstract=3004631> (дата обращения: 22.07.2020).
6. Drexel J. Economic Efficiency versus Democracy: On the Potential Role of Competition Policy in Regulating Digital Markets in Times of Post-Truth Politics: Max Planck Institute for Innovation & Competition Research Paper. No. 16–16 [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2881191 (дата обращения: 22.07.2020).
7. Friedman H. The Dangers of Overconfidence and Absolute Certainty in the Age of Post-Truth, Junk Science, and Arrogance [Электронный ресурс]. [06.08.2017]. URL: <https://ssrn.com/abstract=3014352> (дата обращения: 22.07.2020).
8. Hasen R. L. Deep Fakes, Bots, and Siloed Justices: American Election Law in a “Post-Truth” World // St. Louis University Law Journal. 2019. Vol. 64. P. 535–568.
9. Klein D., Wueller J. Fake News: A Legal Perspective [Электронный ресурс] // Journal of Internet Law. 2017. Vol. 20. No. 10. URL: <https://ssrn.com/abstract=2958790> (дата обращения: 22.07.2020).
10. Marco Colino S. Brexit, Post-Truth Politics and the Triumph of a Messy Vision of Democracy over Technocracy [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2871027 (дата обращения: 22.07.2020).
11. Manoilo A. Skripal Readings as an Example of a Special Operation to Intercept the Information Agenda. The Latest Practice of Modern Information Warfare and Psychological Operations // Medium: [сайт]. 2020. No. 6. URL: <https://medium.com/@andreimanoilo/skripal-readings-as-an-example-of-a-special-operation-to-intercept-the-information-agenda-dd55b3dab908> (дата обращения: 22.07.2020).
12. Tsipursky G., Votta F. Fighting Fake News and Post-Truth Politics with Behavioral Science: The Pro-Truth Pledge [Электронный ресурс] // Behavior and Social Issues. 2018. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3138238> (дата обращения: 22.07.2020).

REFERENCES

1. Abramov A. V., Fedorchenko S. N., Kurylev K. P. [The network nature of international terrorism and the possibilities of consolidating the Russian society]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations], 2017, vol. 17, no. 4, pp. 738–748. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-4-738-748

2. Garbuznyak A. Yu. [Post-truth phenomenon: devaluation of fact in media discourse]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2019, no. 1, pp. 184–192. DOI: 10.17805/zpu.2019.1.14
3. Kozharinova A. R. [Media viruses as carriers of ideological codes]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2013, no. 5. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/5/Kozharinova_Media-Viruses (accessed: 07.05.2020).
4. Rushkoff D. Media Virus! Hidden Agendas in Popular Culture (Russ. ed.: Borisov D., transl. *Mediavirus. Kak pop-kul'tura taino vozdeistvuet na vashe soznanie*. Moscow, Ul'traKul'tura Publ., 2003. 368 p.).
5. Barrera Rodriguez O., Guriev S., Henry E., Zhuravskaya E. Facts, Alternative Facts, and Fact Checking in Times of Post-Truth Politics. In: *Journal of Public Economics, Forthcoming*, 2019, October. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3004631> (accessed: 22.07.2020).
6. Drexel J. Economic Efficiency versus Democracy: On the Potential Role of Competition Policy in Regulating Digital Markets in Times of Post-Truth Politics: Max Planck Institute for Innovation & Competition Research Paper. No. 16–16. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2881191 (accessed: 22.07.2020).
7. Friedman H. The Dangers of Overconfidence and Absolute Certainty in the Age of Post-Truth, Junk Science, and Arrogance, 06.08.2017. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3014352> (accessed: 22.07.2020).
8. Hasen R. L. Deep Fakes, Bots, and Siloed Justices: American Election Law in a “Post-Truth” World. In: *St. Louis University Law Journal*, 2019, vol. 64, pp. 535–568.
9. Klein D., Wueller J. Fake News: A Legal Perspective. In: *Journal of Internet Law*, 2017, vol. 20, no. 10. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2958790> (accessed: 22.07.2020).
10. Marco Colino S. Brexit, Post-Truth Politics and the Triumph of a Messy Vision of Democracy over Technocracy. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2871027 (accessed: 22.07.2020).
11. Manoilo A. Skripal Readings as an Example of a Special Operation to Intercept the Information Agenda. The Latest Practice of Modern Information Warfare and Psychological Operations. In: *Medium*, 2020, no. 6. Available at: <https://medium.com/@andreimanilo/skripal-readings-as-an-example-of-a-special-operation-to-intercept-the-information-agenda-dd55b3dab908> (accessed: 22.07.2020).
12. Tsipursky G., Votta F. Fighting Fake News and Post-Truth Politics with Behavioral Science: The Pro-Truth Pledge. In: *Behavior and Social Issues*, 2018. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3138238> (accessed: 22.07.2020).

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 26.07.2020

Статья размещена на сайте: 15.09.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Манойло Андрей Викторович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки ЦНИИ глобальных и региональных проблем Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор кафедры российской политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

Andrey V. Manoilo – Dr. Sci. (Political Sciences), Leading Researcher, Department of Europe and America, Central Research Institute of Global and Regional Problems, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Department of Russian Politics, Lomonosov Moscow State University; e-mail: cyberhurricane@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Манойло А. В. Цепные реакции каскадного типа в современных технологиях вирусного распространения «фейковых новостей» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Manoilo A. V. Cascade chain reactions in modern technologies of viral spread of “fake news”. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 32.019.5

Щенина О. Г.

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Российская Федерация

СО-ИНФОРМИРОВАННОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

АННОТАЦИЯ

Целью исследования является попытка концептуализации понятия «со-информированность» в ракурсе изучения новой социальной реальности информационно-сетевого общества (на примере пандемии Covid-19).

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ феномена со-информированности с использованием методов контент-анализа, дискурс-анализа, системного анализа источников по проблемам информированности граждан, взаимодействия государства и граждан.

Результаты. Проведённый анализ показал: понятие «со-информированность» универсально и применимо в разных областях социально-гуманитарного знания. Оно выступает как эквивалент всеобщей информированности, как сопряжение информации и деятельности человека, предполагающее изменение его поведения в процессе получения и усвоения им информации.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье обобщён новый материал по исследуемой теме в условиях пандемии Covid-19, в научный оборот введено понятие «со-информированность». Эта категория может быть использована в качестве оценки потенциала «обратной связи» между государством и гражданами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информационно-сетевое общество, пандемия Covid-19, со-информированность, информация, государство, граждане

СТРУКТУРА

[Введение](#)

[Актуализация понятия «со-информированность»](#)

[Сущностные признаки со-информированности](#)

[Со-информированность в период пандемии Covid-19](#)

[Закключение](#)

O. Shchenina

*Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
24/35, build. 5 Krzhizhanovskogo ulitsa, Moscow 117218, Russian Federation*

CO-AWARENESS IN THE RUSSIAN SOCIETY IN THE PERIOD OF THE COVID-19 PANDEMIC

ABSTRACT

Aim. Is to conceptualize the notion of “co-awareness” in the context of studying the new social reality of an information and network society (using the COVID-19 pandemic as an example).

Methodology. The main scope of the research consists in the analysis of the co-awareness phenomenon using methods of content analysis, discourse analysis, system analysis of sources on the problems of citizens’ awareness, the interaction of the state and citizens.

Results. The analysis showed that the concept of “co-awareness” is universal and applicable in various areas of social and humanitarian knowledge. It serves as an equivalent of general awareness, as well as integration of information and human activity, suggesting a change in human behavior in the process of receiving and assimilating the information.

Research implications. The article summarizes the new data on the subject under study amid the Covid-19 pandemic; the concept of co-awareness was introduced into scientific discourse. This category can be used as an assessment of the potential for “feedback” between the state and citizens.

KEYWORDS

information and network society, the Covid-19 pandemic, co-awareness, information, state, citizens

ВВЕДЕНИЕ

В условиях информационно-сетевого общества учёные всё чаще обращаются к идее всеобщей связанности в исследовании социально-гуманитарного ракурса взаимодействия власти и общества. Основываясь на идеях М. Маклюэна (средство коммуникации является сообщением), Г. Лассуэлла (коммуникативный цикл на основе обмена информацией), П. Лазарсфельда (социально-политическая роль медиапространства, концепция массовой коммуникации), Ч. Мерриам (концепция политической власти), М. Кастельса (власть коммуникаций), Ю. Хабермаса (теория коммуникативного действия), очевидно, что происходящие в социально-политической реальности изменения неразрывно связаны с информацией.

Однако изучение феномена всеобщей связанности в контексте «информация – коммуникация – информированность – действия» представляет, на наш взгляд, особый интерес. В этой связи стоит отметить, что в условиях социально-политической реальности информационно-сетевого общества формируются новые тенденции, свидетельствующие об изменении его политического ландшафта. Кроме того, изменяется ракурс изучения новой социальной реальности

информационно-сетевого общества. В частности, современный французский философ Ж.-Л. Нанси, автор философской концепции «бытия-вместе», предлагает анализ событийной реальности в ракурсе «со-обществ» и «со-бытия».

В статье предпринята попытка концептуализации понятия «со-информированность», рассматриваемого в качестве релевантного признака современного информационно-сетевого общества и выражающегося в усвоении людьми информации, обладание которой оказывает существенное влияние на их жизнедеятельность. Субъектами со-информированности как общественного явления будут выступать государство и граждане. Показано, что со-информированность является проявлением многоуровневых связей в информационных, социальных, политических сетях, т. е. проявлением сетевых отношений. Понятие «со-информированность» будем рассматривать как эквивалент всеобщей информированности, как сопряжение информации и деятельности человека, предполагающее изменение его поведения в процессе получения и усвоения им информации.

Методологической основой исследования выступают: теория информационного общества; теория массовых коммуникаций; теория рационального выбора; акторно-сетевая теория Б. Латура; постмодернистская теория сообществ Ж.-Л. Нанси; ряд политологических концепций власти и политического участия.

Попытка введения в научный оборот понятия «со-информированность» связана с недостаточной степенью его изученности. Однако заметим, что в научной литературе существует большой массив работ, посвящённых изучению информированности граждан в самых разных сферах – в экономическом, правовом, политическом аспектах, в ракурсе взаимодействия государства и граждан. Тематика исследований роли информации и её влияния на современное общество также чрезвычайно обширна, как и проблема коммуникативных связей и отношений в современном мире.

Описание исходного понятия «со-информированность» дано с помощью следующих индикаторов: характеристика, признаки, критерии, показатели, индикаторы измерений, виды, уровни, методы. Отмечается, что понятие «со-информированности» универсально и применимо в разных областях социально-гуманитарного знания.

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ «СО-ИНФОРМИРОВАННОСТЬ»

Проводя анализ современного этапа общественного развития, возможно предположить, что его информационной составляющей является со-информированность, характеризующая коммуникативный компонент системы политических отношений. В процессе политических коммуникаций при наличии множества коммуникативных связей происходит координация деятельности государства, гражданского общества и граждан на основе доверия либо недоверия по отношению к получаемой информации. Доверие составляет основу для организации диалога гражданского общества и государства.

Ведь «...политические коммуникации представляют собой разновидность связующих процессов, отражающих роль внутренне солидарных контактов» [10, с. 268]. Кроме того, «сетевой принцип организационно-публичного и правового взаимодействия государства и граждан следует рассматривать как форму организации государственной и муниципальной управленческой деятельности», которая позволяет «решать практические проблемы взаимодействия государства и общества при сохраняющихся традиционных формах и технологиях управления» [2, с. 115].

Несомненно, со-информированность людей существовала на всех этапах развития общества и формировалась на основе обязательности выполнения государственных велений гражданами (отношения господства – подчинения). Властные отношения должны обеспечивать согласованность в действиях граждан и государства и реализацию функций государства. Соответственно, можно утверждать, что в со-информированности находит выражение реализация ряда внутренних функций государства, например интегративной, а также функции координации государственного управления.

Условием формирования со-информированности выступает обмен информацией между субъектами коммуникаций, таким образом в политической сфере со-информированность становится результатом взаимодействия государства и граждан.

Со-информированность приобретает новые грани и свойства в информационно-сетевом обществе в связи с увеличением масштабов информации и каналов её распространения, а также выступает проявлением сетевых отношений. В этой связи уместно вспомнить определение политических сетей Т. Берцель: «Политическая сеть представляет собой набор относительно стабильных взаимоотношений по природе иерархических и взаимозависимых, связывающих многообразных акторов, которые разделяют относительно политики общие интересы и которые обмениваются ресурсами для того, чтобы продвинуть эти интересы, признавая, что кооперация является наилучшим способом достижения общих целей» [цит. по: 9, с. 241]..

Таким образом, одно из свойств анализируемого понятия – сетевой характер, всеобщая связанность (в коллективе, социальной группе, обществе в целом), в основе которой – обладание информацией. Ведь «электронные медиа позволили осуществить всемирную коммуникацию в реальном времени, что дает нам ощущение вездесущности. Все, то происходит в мире, имеет теперь отношение и к нам, и все мы с помощью радио, телевидения и Интернета заняты созданием социального смысла глобального единства» [1, с. 98].

Основная функция со-информированности – это обеспечение единства (подлинного или мнимого) социальной общности в контексте обладания информацией, на этой основе происходит организация совместной деятельности либо формирование общественного мнения по каким-либо вопросам или проблемам общественной жизни. В процессе анализа уместно использовать

идею Б. Латура с его акторно-сетевой теорией, который характеризует сеть «как ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник» [4, с. 181]. Ведь «сети формируют новую систему взаимодействий, в которой множественность контрактов приводит к новому качеству, описываемому как политическое сотрудничество» [9, с. 243]. Соответственно, политическое поведение людей, политическое участие, политические действия связаны с со-информированностью и осуществляются на основе, как правило, рационального выбора. Однако «...рациональное поведение имеет пределы двоякого рода: процедурные, которые ограничивают процесс принятия решений, и содержательные, влияющие на сам выбор» [8, с. 114].

Со-информированность предполагает действие (или бездействие) на основе наличия информации, являющейся значимым ресурсом взаимодействия общества и власти. Следовательно, в рассматриваемом понятии отражаются происходящие изменения политической реальности.

Один из авторов постмодернистской теории сообществ Жан-Люк Нанси, рассматривая вопросы «со-бытия», «со-сущности», «со-существования» («бытия-вместе»), формулирует квинтэссенцию «со-» следующим образом: «Со- как раз определяет единство и единичность того, что есть в целом» [7, с. 69]. В данном контексте человек выступает как часть сообщества, социальной группы или общества в целом, как «единичное множественное: подобно тому как единичность каждого неотделима от его бытия – со-многими, и потому что, на самом деле, и в целом единичность неотделима от множественности» [7, с. 60].

Мир современного человека можно по праву назвать антропо-инфо-центрическим, предполагая, что влияние информации на человека будет только возрастать, ведь уже сегодня происходит фактически переформатирование сознания под влиянием информационных потоков. «Наибольший интерес, следовательно, представляют те “когнитивные фильтры”, через которые акторы воспринимают информацию об окружающей действительности, выстраивая соответствующим образом своё поведение...» [8, с. 122].

Очевидно, что со-информированность, рассматриваемая нами в том числе и как состояние общественного сознания, динамична, подвижна и изменчива, поскольку подвергается «переформатированию» непрерывными потоками информации в информационно-сетевом обществе. Наряду с этим «...сегодня сетевизация составляет существенную характеристику общества, не только связывая акторов и меняя характер отношений между ними, но и создавая другое пространство осуществления жизненных ценностей» [9, с. 254].

СУЩНОСТНЫЕ ПРИЗНАКИ СО-ИНФОРМИРОВАННОСТИ

Остановимся на характеристике сущностных признаков со-информированности. В широком смысле со-информированность можно отнести к свойствам любых живых систем, имея в виду такие их составляющие, как саморегуляция, целостность и дискретность.

В процессе анализа понятия «со-информированность» следует учитывать множество параметров: каналы коммуникаций; коммуникативное взаимодействие (эффективность коммуникаций); коммуникативную компетентность; доступность информации; открытость информации; обладание информацией или её отсутствие; субъективность восприятия информации и её оценки; право человека на информацию; проблему интерпретации полученной информации; усвоение общего смысла информации; вовлечённость в обсуждения; групповую солидарность; совместный характер деятельности; контактность как готовность к сотрудничеству; по связям / контактам внутри группы – непосредственные и опосредованные; эмоциональная включённость; согласованные действия. Таким образом, рассматриваемое понятие включает различные аспекты: социальные, психологические, коммуникативные, правовые, технологические.

К методам исследования со-информированности могут быть отнесены: наблюдение, социологические опросы, анкетирование, фокус-группы, контент-анализ, кейс-стади и др.

Как уже отмечалось выше, со-информированность находится в постоянном развитии, она изменчива и поэтому может приобретать новые качества и свойства. Хотелось бы отметить сложность в измерении со-информированности из-за отсутствия неких стандартов. Представляется, что это трудно фиксируемая величина, однако в попытках её измерения необходимо учитывать не только наличие или отсутствие анализируемой информации, но и корреляцию объёмов информации и степени информированности граждан (определяемую на основе ряда индексов).

Для измерения со-информированности возможно выделить индикаторы: уровень и степень информированности; отношение к получаемой информации, а также её принятие или отторжение; удовлетворённость – неудовлетворённость объёмом информации; мотивы деятельности на основе полученной информации. Таким образом, основным признаком наличия со-информированности в социальной общности или группе видится регуляция либо организация действий людей на основе получаемой ими информации. А её критериями выступают понимание информации и оценка, выражающаяся, например, в рейтингах доверия политикам.

Очевидно, что само понятие «со-информированность» связано с информированностью граждан. Информированность как социальное явление достаточно хорошо изучена прежде всего в контексте теорий информационного общества. А также в коммуникативистике, психологии и ряде других социально-гуманитарных наук. Информирование в ряде словарей трактуется как оповещение, извещение, сообщение, уведомление, передача сведений.

Информирование граждан осуществляется органами государственной власти и органами местного самоуправления в соответствии со ст. 24 Конституции РФ, которая гарантирует каждому гражданину, что «органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица

обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы»¹.

Во многих сферах общественной жизни сегодня используются индексы информированности населения, выделяемые, как правило, на основе нескольких параметров. Например, индекс информированности, применяемый ВЦИОМ, используется в исследованиях общественного мнения. Что же касается определения индекса со-информированности, в качестве методологического инструментария уместно, на наш взгляд, использовать индекс сплочённости – разобщённости в группе Дж. Морено, а также индекс групповой сплочённости К. Э. Шисора (осведомлённость представлена в конкретных показателях).

Однако в процессе исследования информированности специалистами учитываются «...ограниченные способности человека в том, что касается информации, включая ошибочное восприятие, недооценку, ограниченную обработку накопленной информации и ограниченный диапазон внимания» [8, с. 114].

Анализ видов рассматриваемого понятия позволяет предположить, что оптимальными основаниями для их выделения являются следующие: по длительности существования; по реальности или виртуальности существования (реальная и условная); по видам деятельности; по каналам информации (официальная и неофициальная).

Развитие видов, типов и форм со-информированности наряду с информированностью связано с прогрессом в области информационно-коммуникационных технологий: усложнением средств массовой коммуникации, средств трансляции информации. В этой связи хотелось бы отметить позицию ряда исследователей, которые считают, что «чем дальше, тем больше организация государственной власти, характер политической системы зависят от технических средств передачи сведений» [10, с. 269]. Подтверждением этой точки зрения является стремительная цифровизация социума наряду с процессами сетевизации и информатизации, в том числе и его политической сферы.

Таким образом, в информационно-сетевом обществе со-информированность проявляется практически во всех сферах жизнедеятельности общества: политике, экономике, социальной сфере, культуре, образовании, здравоохранении, бытовом обслуживании и т. д. Однако возникает ряд вопросов, на которые ещё предстоит найти ответ. Предполагает ли со-информированность сотрудничество и взаимную ответственность? Насколько эффективна деятельность на основе со-информированности? Как лидеры мнений влияют на уровень со-информированности?

Особый интерес для исследователей представляют механизмы формирования со-информированности, а также причины, приводящие к её трансформации. Возможно, изменение уровня со-информированности, сегментирование либо разрушение связаны с некими информационными точками

¹ Новый текст Конституции с поправками 2020 // Государственная дума: [сайт]. URL: <http://duma.gov.ru/news/48953> (дата обращения: 05.07.2020).

бифуркации, когда под влиянием чрезвычайно значимой для общества информации происходят качественные изменения во многих областях жизни. Так пандемия Covid-19, охватившая весь мир в 2020 г., оказалась для человечества тем «единичным решающим событием» [5, с. 198] – «чёрным лебедем» (по Н. Талебу), которое изменило все стороны жизни социума.

СО-ИНФОРМИРОВАННОСТЬ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Всего за несколько месяцев по этой проблеме в СМИ было представлено немало точек зрения и позиций, высказано множество идей, даны порой противоречивые комментарии и экспертные оценки текущей ситуации. Обзор публикаций по этой проблематике позволяет предположить, что основным фактором, затрудняющим процессы управления и прогнозирования в условиях мирового кризиса (коронакризиса), являются неопределённость и нелинейность происходящих процессов.

Именно поэтому изменения в деятельности и поведении миллионов людей в период пандемии Covid-19, рассматриваемые в контексте всеобщей связанности, особенно интересны. Попытаемся выделить лишь некоторые грани понятия со-информированности в новой социальной ситуации самоизоляции. Когда на первое место по их значимости для огромного числа людей неожиданно вышли цифровые платформы, обеспечивающие удалённый доступ для работы и обучения. И в этих условиях со-информированность (как проявление одной из форм сотрудничества – совместные согласованные действия на основе владения информацией, осведомлённости) была тем самым фактором, который создавал условия для эффективности социальных контактов в социуме.

Достаточно уникальная ситуация в обществе потребовала от миллионов людей быстрого освоения навыков работы с цифровыми платформами, например перехода школ всей страны на дистанционное обучение, перевода сотрудников многих фирм на работу на удалённом доступе. Она выявила ряд проблем: качество технологических взаимодействий требует от пользователя определённых навыков, в этом возникали сложности у ряда категорий пользователей; а также психологическая готовность либо неготовность к выполнению своих обязанностей в новом формате для различных категорий работников.

Кроме того, в качестве новых наблюдений можно отметить принудительное изменение (ограничение) активности человека либо его деятельности, и это потребовало пересмотра привычных для человека в повседневной жизни моделей поведения. Например, с одной стороны, резкое сокращение социальных контактов в условиях самоизоляции приводит к их дискретности, зачастую и к разрыву, что порождает у людей чувство одиночества, а значит, возникают психологические проблемы, ведь «...существовать – значит быть воспринимаемым» [1, с. 109–110].

Однако со-информированность людей в различных ситуациях может способствовать и разобщённости, и сплочённости (например, появление хештега #МыВместе возможно воспринимать как проявление совместного «бытия-вместе» по Ж.-Л. Нанси). При этом происходил быстрый и достаточно массовый, причём для большинства людей вынужденный, переход в виртуальный мир (из реального пространства в виртуальное), который сопровождался утратой у ряда пользователей чувства реальности в условиях самоизоляции.

Метаморфозы кризисного состояния общества в условиях пандемии Covid-19 привели к негативным изменениям общественного сознания, проявляющимся в нестабильном психологическом состоянии части населения, снижении индекса социальных настроений и изменении многих других параметров оценки состояния социума.

Вместе с тем учёные отмечают, что «...в российском обществе за прошедшее время, особенно в 1990-е годы, накопился значительный социально-психологический ресурс консолидации и единения в трудных ситуациях, опирающийся на вековые традиции и ментальные основания россиян, которые всегда их объединяли и мотивировали на профессиональные и чисто человеческие душевные усилия, не редко оказывавшиеся на грани возможного» [3]. Т. е. в сложных для общества, порой критических ситуациях на первый план выходят гуманизм и человечность по отношению друг к другу, к тем, кто нуждается в помощи (волонтёрство как одно из его проявлений, ежедневный самоотверженный труд врачей).

Новые смыслы, сформированные в сознании людей в условиях пандемии Covid-19, отразили не только изменения привычного образа жизни для миллионов людей, но и поиски новых ответов на важнейшие смысложизненные вопросы. Осуществляется, вероятнее всего, некая переоценка их значимости в жизни человека – ценностей самой жизни, семьи, работы, поиски смысла жизни и др. В этой связи представляется возможным предположить, что в кризисной ситуации происходят изменения социокультурного кода, социальных практик. Ещё одной стороной этих процессов является тот факт, что чрезвычайно быстрыми темпами под влиянием внешних условий возникает новая цифровая культура населения. Наверняка проблематика повседневности в научных исследованиях получит новый импульс развития после окончания пандемии Covid-19.

В текущих условиях пандемии Covid-19 со-информированность формировалась под влиянием СМИ, транслировавших решения органов власти в зависимости от складывающейся ситуации с распространением коронавируса. Её проявление нашло отражение в действиях и поступках людей, вынужденном радикальном изменении поведения миллионов людей: самоизоляция как главный признак со-, требования соблюдения социальной дистанции, обязательного использования в общественных местах медицинских масок и перчаток, цифровые пропуска и т. д. Введение властью режима самоизоляции

и его ежедневный контроль позволяли осуществлять запретительные меры. В крупных городах был введен индекс самоизоляции, который фиксировал активность передвижения людей в городах и рассчитывался на основе анализа количества людей на улицах городов в диапазоне от 0 до 5. Показатели индекса самоизоляции свидетельствовали о количестве людей на улицах: от 0 до 2,4 – на улицах очень много людей, от 4 до 5 – на улицах почти никого нет. Фактически этот индекс можно рассматривать как отражение уровня соинформированности населения о темпах распространения коронавирусной инфекции и необходимости соблюдения строгих мер карантина. Несомненно, этот фактор учитывался в практиках госуправления в период пандемии, при реализации и корректировке информационной политики.

Хотелось бы отметить, что в условиях кризиса происходит возрастание доверия населения к предоставляемой властью через СМИ информации, а также возрастание меры социальной ответственности перед обществом самих СМИ за предлагаемую ими информацию. «Доверие к источнику информации стимулирует к тому, чтобы его использовать» [1, с. 109]. Ведь не случайно были введены новые наказания со стороны государства за распространение фейков и заведомо ложной информации. В кризисных условиях значительно проще становится для государства иметь возможность манипулирования общественным сознанием с помощью интернет-технологий и СМИ, отсюда и комментарии ряда специалистов о возможном переходе к цифровому или информационному тоталитаризму.

Созданные в короткие сроки цифровые платформы позволили сформировать, по мнению ряда экспертов, систему всеобъемлющего контроля, которая может рассматриваться как сетевая организация управления в период пандемии Covid-19. Были введены новые цифровые платформы, прежде всего в Москве и Подмосковье как наиболее многочисленных регионах по числу инфицированных Covid-19. Получение цифровых пропусков (средств, необходимых для передвижения) означало появление новых фильтров активности людей и дополнительных средств, технологий контроля над их перемещениями.

Отсюда и возрастающий интерес к проблеме доверия, ведь «доверие и недоверие – это базовые свойства человеческой личности, необходимые для функционирования наших когнитивных способностей, так и способности принимать решения. Даже в очевидно безнадёжных ситуациях все мы стремимся сохранить доверие к окружающему миру и другим людям» [12, с. 288]. Ведь «для стабильного существования социума требуется опора на нечто общее» [6, с. 129].

Необходимо отметить, что значительных изменений в общественном сознании не произошло, пандемия Covid-19 в большей степени сплотила, как это ни парадоксально, через разъединение, чем разъединила людей. Достаточно вспомнить, что в марте – апреле 2020 г. наблюдалось преобладание позитива в общественных настроениях – об этом свидетельствуют многочис-

ленные мемы в социальных сетях, видеоролики и т. д. Однако социальные настроения подвижны, мобильны, переменчивы, особенно в нынешних кризисных условиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Маркером новой ситуации в стране и мире, сложившейся в связи с пандемией Covid-19, является со-информированность людей, представляющая собой «сложное множество соглашений» [9, с. 242] и проявляющаяся в том, что под влиянием информации, поступающей прежде всего из СМИ, происходят изменения в сознании и поведении человека. Т. е. информирование людей о текущей ситуации становится регулятором их поведения, внедряя в сознание человека новые паттерны.

Сетевой характер распространения, стремительно возрастающие масштабы, обсуждение информации в процессе коммуникаций и на этой основе принятие политических решений позволяют рассматривать её в качестве одного из ключевых факторов развития современного мира. Наряду с этим понятие «информация» относится к числу наиболее распространённых, оно содержит целый ряд интерпретаций и коннотаций, включает множество фактов событий, явлений, процессов. В зависимости от научного фокуса интереса специалистов в процессе исследований вычленяются её разные стороны и аспекты, в том числе происходит обогащение понятийного аппарата социально-политических наук новыми дефинициями.

Пандемия Covid-19 изменила мир. И осознание этого приходит к нам постепенно, поскольку внешнее состояние кризиса социума очевидно, но его глубинные смыслы проявятся позднее. Вероятнее всего, по окончании пандемии Covid-19 «усилится осознание плюрализма человеческих ценностей и озабоченность их существованием» [11, с. 317]. И в этом ракурсе со-информированность выступает как один из признаков современности и проявления всеобщей связанности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Больц Н. Размышление о неравенстве. Анти-Руссо / пер. с нем. И. А. Женина; под ред. Я. Н. Охонько. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. 272 с.
2. Вилков А. А., Шестов Н. И. Российские регионы в политическом измерении (обзор Международной конференции) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2014. Т. 14. №. 3. С. 112–119.
3. Кравчук М. Академик РАН Михаил Горшков. COVID-19 в контексте социальной диагностики // Научная Россия (электронное периодическое издание). URL: <https://scientificrussia.ru/interviews/akademik-ran-mihail-gorshkov-covid-19-v-kontekste-sotsialnoj-dagnostiki> (дата обращения: 23.06.2020).
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014. 384 с.

5. Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом / пер. с англ. К. Бандуровского; под ред. А. Смирнова. М.: Издательский дом ВШЭ, 2017. 208 с.
6. Михайленок О. М. Стратегическая культура как системообразующий фактор общественно-политического согласия // Россия реформирующаяся. Вып. 11: ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2012. С. 125–141.
7. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное / пер. с франц. В. В. Фурс; под ред. Т. В. Щитцовой. Минск: Логвинов, 2004. 272 с.
8. Патрушев С. В., Филиппова Л. Е. Институционализм и неоинституционализм // Современная политическая наука. Методология / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 101–137.
9. Сморгун Л. В. Сетевая теория политики и управления // Современная политическая наука. Методология / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. М.: Аспект Пресс, 2019. С. 233–261.
10. Соловьев А. И. Коммуникативизм в исследованиях политики // Современная политическая наука. Методология / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин. Москва: Аспект Пресс, 2019. С. 262–292.
11. Терборн Й. Мир: Руководство для начинающих / пер. с англ. Е. М. Горбуновой, Л. Г. Титаренко; под ред. С. М. Гавриленко. М.: Издательский дом ВШЭ, 2017. 336 с.
12. Хоскинг Дж. Доверие: История / пер. с англ. П. С. Бавина, Е. С. Володиной, Л. Ю. Пантиной, А. Ю. Петрова. М.: РОССПЭН, 2016. 296 с.

REFERENCES

1. Bolz N. Diskurs ueber die Ungleichheit. Ein Anti-Rousseau (Russ. ed.: Zhenin I. A., transl. *Razmyshlenie o neravenstve. Anti-Russo*. Moscow, Higher School of Economics University Publ., 2014. 272 p.).
2. Vilkov A. A., Shestov N. I. [Russian regions in the political dimension (Review of the international conference)]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology], 2014, vol. 14, no. 3, pp. 112–119.
3. Kravchuk M. [RAS Academician Mikhail Gorshkov. COVID-19 in the context of social diagnostics]. In: *Nauchnaya Rossiya (elektronnoe periodicheskoe izdanie)* [Scientific Russia (electronic periodical)]. Available at: <https://scientificrussia.ru/interviews/akademik-ran-mihail-gorshkov-covid-19-v-kontekste-sotsialnoj-diagnostiki> (accessed: 23.06.2020).
4. Latour B. Reassembling the social: an introduction into actor-network-theory (Russ. ed.: Polonskaya I., transl. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. Moscow, Higher School of Economics University Publ., 2014. 384 p.).
5. Mann M. Power in the 21st Century: Conversations with John Hall (Russ. ed.: Bandurovsky K., transl. *Vlast' v XXI stoletii: besedy s Dzhonom A. Khollom*. Moscow, Higher School of Economics University Publ., 2017. 208 p.).
6. Mikhailenok O. M. [Strategic culture as a system-forming factor of social and political harmony]. In: *Rossiya reformiruyushchayasya. Vyp. 11* [The reforming Russia. Iss. 11]. Moscow, New chronograph Publ., 2012, pp. 125–141.
7. Nancy J.-L. Être singulier pluriel (Russ. ed.: Furs V. V., transl. *Bytie edinichnoe mnozhestvennoe*. Minsk, Logvinov Publ., 2004. 272 p.).

8. Patrushev S. V., Filippova L. E. [Institutionalism and neo-institutionalism]. In: Gaman-Golutvina O. V., Nikitin A. I., eds. *Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya* [Modern political science. Methodology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2019, pp. 101–137.
9. Smorgunov L. V. [Network theory of policy and management]. In: Gaman-Golutvina O. V., Nikitin A. I., eds. *Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya* [Modern political science. Methodology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2019, pp. 233–261.
10. Solov'ev A. I. [Communicationism in political research]. In: Gaman-Golutvina O. V., Nikitin A. I., chief eds. *Sovremennaya politicheskaya nauka. Metodologiya* [Modern political science. Methodology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2019, pp. 262–292.
11. Therborn G. The world: a beginner's guide (Russ. ed.: Gorbunova E. M., Titarenko L. G., transl. *Mir: Rukovodstvo dlya nachinayushchikh*. Moscow, Higher School of Economics University Publ., 2017. 336 p.).
12. Hosking G. Trust: history (Russ. ed.: Bavin P. S., Volodina E. S., Pantina L. Yu., Petrov A. Yu., transl. *Doverie: Istoriya*. Moscow, Russian political encyclopedia Publ., 2016. 296 p.).

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 29.06.2020

Статья размещена на сайте: 21.09.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Щенина Ольга Геннадьевна – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; e-mail: oschenina@mail.ru

Olga G. Shchenina – Cand. Sci. (Political sciences), Leading Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; e-mail: oschenina@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Щенина О. Г. Со-информированность в российском обществе в период пандемии Covid-19 // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Shchenina O. G. Co-awareness in the Russian Society in the period of the Covid-19 Pandemic. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 316.46

Бабурова Н.Б.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ЛИДЕР VS ЖЕРТВА: ФОРМИРОВАНИЕ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ЛИДЕРА ПОСРЕДСТВОМ ГОНЕНИЙ

АННОТАЦИЯ

Цель. Осветить механизм и причины формирования поведения жертвы у лидера, а также зафиксировать наличие роли жертвы в социальной роли лидера.

Процедура и методы. Автором проведён анализ теоретических взглядов на структуру качеств лидера и эксперимент с 30 группами студентов различных специальностей, обучающихся по направлению педагогическое образование в МГОУ, по выявлению стереотипных представлений об идеальном лидере, а также анализ взглядов на формирование поведения жертвы, эксперимент был проведён в 2018–2019 и 2019–2020 учебных годах и содержал вопрос о представлении студентов о характеристиках идеального лидера.

Результаты. Проведённый анализ показал, что представления о лидере являются кросс-культурным и кросс-временным явлением. Ситуация, в которой активизируется потребность в лидерстве, связана с кризисом в группе, являющимся необходимым условием для появления гонительских стереотипов, которые могут быть применены против лидера группы, виктимизируя его. Автором представлена трансформация лидерских черт под воздействием изменившихся обстоятельств в модель поведения жертвы. В результате исследования предложена модель формирования виктимного поведения у лидера и обоснована включённость компонента жертвы в социальную роль лидера.

Теоретическая и практическая значимость. Обоснование лидера как динамической социальной роли, под воздействием негативных обстоятельств трансформирующаяся в модель поведения жертвы. Возможность использования полученных результатов в курсе «Методика преподавания лидерства».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

лидер, лидерские качества, стереотипы гонений, жертва, модель поведения жертвы

СТРУКТУРА

Введение

О лидерах

О гонениях

О жертве

Закключение

N. Baburova

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoi, Mytishi 141014, Moscow Region, Russian Federation

LEADER VS VICTIM: FORMATION OF VICTIM BEHAVIOR IN THE LEADER THROUGH PERSECUTION

ABSTRACT

Aim. The aim of the study is to describe the mechanism and reasons for developing victim behavior in the leader, as well as the presence of the victim role in the social role of the leader.

Methodology. The author analyzes the theoretical views on the leadership qualities structure as well as an analysis of views on the formation of victim behavior and the results of an experiment, which involved 30 groups of students of various specialties studying pedagogics. The purpose of the experiment conducted in 2018-2019 and 2019-2020 academic years, was to identify stereotype ideas about the ideal leader, the students had to describe the characteristics of an ideal leader.

Results. The analysis showed that the image of a leader is a cross-cultural and cross-temporal phenomenon. The situation in which the need for leadership is activated is connected with a crisis in the group, which is a necessary condition for the appearance of persecuting stereotypes that can be used against the group leader, victimizing him. The author presents the transformation of leadership traits under the influence of changed circumstances into a model of victim behavior. As a result of the research, a model for the formation of victim behavior in the leader is proposed and the inclusion of the victim component in the social role of the leader is justified.

Research implications. The theoretical value of the research is defining the leader as a dynamic social role, which under the influence of negative circumstances transforms into a model of victim behavior. The practical significance of the research is the possibility of using the results in the course "Methods of teaching leadership".

KEYWORDS

leader, leadership qualities, stereotypes of persecution, victim, victim behavior model

ВВЕДЕНИЕ

Понятие лидерство исключительно широко употребляется, имеет множество коннотаций, значений, образов, сильно мифологизировано и даже вульгаризировано. Лидером назовут президента и школьного заводилу, менеджера высшего звена и главаря преступной группировки, капитана футбольной команды и главу семьи – образы, стоящие за поименованными ролями, различны, но объединены словом лидер, что позволяет определить

позицию лидера в качестве социального статуса, то есть положения, которое занимает человек в системе социальных связей. Размытость и многоликость понятия лидер сформировали большое количество теорий¹, призванных объяснить различные аспекты лидерства, начиная от становления лидера до повышения его эффективности.

Современные исследователи приходят к выводу о навыках лидерского поведения и однозначной недостаточности опоры только на качества личности, определяющие способность к лидированию, что делает необходимым освоение знаний и навыков лидирования, которые будут отвечать ожиданиям со стороны группы. Таким образом, лидерство предстает в форме социальной роли. Возможность и необходимость обучения социальной роли лидера, её непостоянству и изменчивости актуализирует исследования не только в контексте становления эффективного лидера, но и в контексте негативного развития роли лидера, на что не нацелены теории эффективности лидерства. Это же формирует и практическую ценность представленного исследования. Основной целью исследования является раскрыть динамичность социальной роли лидера и предпосылки и методы её трансформации в модель поведения жертвы. Для достижения цели необходимо раскрыть стереотипность в ожиданиях со стороны группы по отношению к лидеру, стереотипность характеристик лидера и стереотипность в гонительском поведении группы.

Для раскрытия этой позиции методологической базой будет теория черт (или качеств), которую на различных этапах разрабатывали Э. Богардус, О. Тид, К. Бирд, Р. Стогдилл, Р. Манн, У. Беннис, У. Норман [см.: 1; 6]. Это наиболее старая и отчаянно критикуемая теория, объясняющая лидерство. В данном случае она вызывает наибольший интерес, так как содержит стереотипные представления о сущности и образе лидера, который выступает маркером этой социальной роли для каждого из нас, и позволяет провести сравнение со стереотипом гонений и виктимизации.

О ЛИДЕРАХ

Интересно, что мы все по какой-то причине точно знаем содержание социальной роли лидера и выдвигаем предельно похожие требования к человеку в этом статусе. Подтвердить это высказывание мне помог эксперимент. Целью эксперимента являлась необходимость выявить представление о характеристиках идеального лидера. Задача эксперимента – подтвердить стереотипность восприятия социальной роли лидера. Метод эксперимента – устный опрос с открытым вопросом.

Эксперимент был проведён с 30 группами студентов выпускных курсов различных специальностей, обучающихся по направлению педагогическое

¹ К основным теориям, объясняющим лидерство, относятся: теория «Великого человека», теория черт (или качеств), поведенческий подход, подход власти и влияния, ситуационная теория, трансформационная и транзакционная оппонирующие теории, харизматическая теория.

образование в МГОУ, в 2018–2019 и 2019–2020 учебных годах в ходе семинаров по дисциплинам «Лидерство» и «Методика преподавания лидерства», общей численностью 600 человек. В ходе эксперимента я прошу своих студентов представить себе образ идеального лидера и описать его характеристики, я не задаю наводящих вопросов и только записываю на доске их предложения. Мои студенты с удивительной настойчивостью предлагают мне один и тот же список черт и качеств своего идеального лидера, хотя, безусловно, есть различия: списки содержали разное количество пунктов и был более подробными или более схематичными. Я называю этот список «Стереотипные представления об образе лидера», который совпадает с позитивными качествами лидера, описанными М. Ван Вюгтом и А. Ахуджа [3, с. 179–213]:

- Честность;
- Щедрость;
- Справедливость;
- Дипломатичность или такт;
- Решительность или уверенность;
- Интеллект или ум;
- Компетентность или профессионализм;
- Видение или целеустремленность;
- Умение убедить, а не заставить;
- Ораторское искусство;
- Харизматичность;
- Внешняя привлекательность;
- Хорошо сложенный, подтянутость;
- Статный или высокий;
- Возраст от 35 до 40;
- Мужчина.

Примерно на середине списка обязательно одна из студенток, пытаюсь образумить прочих, сообщает, что это образ идеального мужа (до мужчины мы ещё обычно не добрались), а не лидера, тут же группа приходит к выводу об отсутствии разницы между ролями. Вопрос о половой принадлежности идеального лидера вызывает дискуссии, кто-то из студенток, заявляет, что это не важно, но сдаётся под натиском прочих – группа решает, что это мужчина. Это короткий список, который предоставляют мне мои студенты.

Более длинный список моих студентов совпадает с другим списком лидерских качеств, который был предложен Р. Стогдиллом [11] в 1948 г.:

- Возраст;
- Господство;
- Рост;
- Инициативность, настойчивость, честолюбие, желание преуспеть;
- Вес;

Телосложение, энергия, здоровье;
 Ответственность;
 Внешний вид;
 Честность и убежденность;
 Беглость речи;
 Уверенность в себе;
 Интеллект;
 Счастье, чувство юмора;
 Академические результаты;
 Эмоциональная стабильность и контроль;
 Квалифицированность, профессиональность;
 Социально-экономическое положение;
 Решительность;
 Социальная активность и мобильность;
 Понимающий (себя, других, широкое окружение);
 Энергия, смелость и предприимчивость;
 Креативность;
 Социальные навыки (коммуникабельность, такт);
 Приспособляемость;
 Популярность, престиж;
 Интроверсия-Экстраверсия;
 Сотрудничество.

Повторение списков моих студентов, Стогдилла, Ван Вюгта указывает на то, что образ идеального лидера для различных групп, народов и времен одинаковый. Предположу, что он не менялся ни одно столетие и вряд ли имеет шансы измениться в ближайшем будущем.

Списки стереотипного представления о лидерских качествах указывают нам ожидания, которые группа предъявляет к социальной роли лидера. Кроме того, группа выбирает лидера из своего состава, того, кто «свой» и похож на каждого члена группы, сохраняет принцип гомогенности группы, но отличается (и это важно). Отличается как раз совпадением своей квалификации с социальной ролью лидера, которая предоставляет ему авторитет среди членов группы. Авторитет лидера создает его позицию «лучший из нас», но ненамного, а иначе он перестает быть «своим». Слишком «лучший» не сможет оправдывать ожидания последователей, так как его интересы могут находиться за пределами интересов членов группы, а его инициативы недоступны для реализации группой [8, с. 78].

Основная функция лидера состоит прежде всего в защите членов группы, защите их прав, возможностей и свобод. Также группа от лидера ожидает разумного управления и обеспечения организации группы, лидер должен обеспечить аккумуляцию и перераспределения ресурсов группы для достижения ею общей цели.

Чаще всего мы стремимся говорить об успехах и победах, эффективности лидера, но возможны и неудачи. Потребность в лидере в группе возникает не спонтанно, а в связи с кризисом. Решение стандартных, рутинных, стереотипных задач группой не нуждается в лидерстве, так как каждый член группы точно знает свою роль в групповой деятельности и выполняет ее в соответствии с ожиданиями членов группы [9, с. 378–380]. Появление же нестандартной задачи, угроза извне или внутри группы становятся кризисной ситуацией, и тогда группа вынуждена искать лидера. Группа быстро объединяется и готова к следованию за лидером и ей необходимо всего только 25 секунд для того, чтобы его определить [3, с. 26]. Но не всегда лидер способен справиться с решением кризиса, и тогда это история не успеха, а поражения.

В. П. Шейнов приводит функции, которые по своей сути скорее являются ликами лидерства, его ситуативно-функциональными особенностями, обусловленными системой факторов конкретного социального взаимодействия. Среди функций он выделяет следующую: «Лидер как “козел отпущения”». Насколько лидер может быть объектом положительных чувств в случае достижения группой поставленных целей, настолько же он может служить мишенью для агрессии со стороны членов группы в случае неудачи. Когда группа находится в состоянии фрустрации, лидер может оказаться, тем замещающим объектом, на которого «все шишки валятся»» [8, с. 81]. В. П. Шейнов также отмечает, что возможны случаи, когда группа разочаровывается в своем выборе лидера, видя, что его истинные цели не совпадают с групповыми, или личностные качества не соответствуют социальной роли лидера.

Группа не готова простить лидеру деспотичность, несоответствие социальной роли личности и опору на доминирование, как биологически обусловленную форму поведения в борьбе за влияние. Применительно к лидерству обсуждается понятие «тёмная триада», включающее нарциссическую самовлюбленность, макиавеллизм и вероломство, психопатическую импульсивность.

Вопрос о нарциссическом лидере осветил М. Маккоби [10]. Он привёл яркие привлекательные стороны нарциссического лидера, которые буквально приковывают к нему последователей: великое видение, основанное не на расчётах или программах, а на собственном представлении о мире, и большое количество последователей, приобретаемых благодаря умению произносить речи, воодушевляющие слушателей. Однако отрицательных сторон нарциссического лидера куда больше: такие люди чувствительны к критике, что приводит к эмоциональной изоляции и резкости в поведении с группой; плохие слушатели, так как не желают слышать критику, им не нужны советники, им нужны те, кто всегда готов с ним согласиться; у них отсутствует эмпатия, они не проявляют сочувствия к членам группы, но в ответ требуют сочувствия к себе; они испытывают отвращение к наставничеству, и не учат никого рядом с ними и не учатся сами у кого-то, предпочитают рисковать;

испытывают интенсивное желание соревноваться, создавая конкурентную среду в группе, но видят врагов даже среди друзей. Сочетание таких личностных свойств делает нарциссического лидера крайне неприятной фигурой во главе группы. И если корпорации ради экономических выгод и создания трендов готовы мириться с нарциссическими лидерами, то небольшие группы – нет.

Второй элемент «темной триады», макиавеллизм, тоже не располагает симпатизировать лидеру с этими качествами, так как они манипулируют группой, достигая собственных интересов и не считаясь с издержками членов группы, высокомерны и порождают недоверие в свой адрес. Третий элемент – психопатия – порождает бесстрашие. Такие лидеры способны оказывать влияние на других даже в опасной для них самих ситуации, но они эгоистичны, интересы других людей для них безразличны, они лишены эмпатии, могут быть безразличными и жестокими. Все три элемента «Тёмной триады» ведут к деспотизму лидера и проявлению доминирования с искажением социальной роли лидера. Группа не готова мириться с таким положением дел и прибегает к следующим мерам давления лидера [3, с. 133–134]:

- сплетни, о жадности, низости, сексуальных извращениях;
- публичные дискуссии, о принятии важных для всей группы решений;
- сатира с острой критикой в адрес лидера, передергивание фактов;
- неповиновение, отказ выполнять приказы, смещение лидеров, изгнание;
- убийство, в иных случаях прямое физическое уничтожение, но может быть и социальная смерть.

О ГОНЕНИЯХ

Функция лидера «козел отпущения» ведёт к стереотипам групповых гонений, изложенных Р. Жираром [4, с. 28–45]. Сами по себе гонения, по мнению Жирара, являются ответом со стороны общества на переживаемый им кризис. Сам же кризис и есть первый стереотип гонения, который связан с обезличиванием, эгоистичностью, взаимными репрессиями, разобщённостью. Второй стереотип – обвинения в совершении насильственных действий по отношению к самому неприкосновенному: символам власти, беззащитным; совершение религиозных или сексуальных преступлений. Третий стереотип гонений – жертва принадлежит к меньшинству или обладает особыми свойствами или качествами, не принадлежит к социальным слоям, формирующим норму, например, богатый или власть имущий, равно как нищий. Четвёртый стереотип гонения – насилие, которое и является истинной причиной гонений.

Лидер «козёл отпущения» либо не справился с кризисом, либо сформировал его. Кризис как первый стереотип гонения раскрывает возможности для анализа как черт лидера, так и мер давления на него со стороны группы.

Эгоистичность лидера, связанная с кризисом, взаимные обвинения, разобщенность укладываются в описание черт «тёмной триады», каждый элемент которой помечен эгоистичностью, неэмпатичностью, давлением и манипуляциями. Когда-то лидер с этими чертами привлёк группу и выполнял свои функции к удовольствию группы, но удовольствие группы не относится к главным целям таких лидеров, поэтому они, отходя от общегрупповых целей и интересов, медленно формируют кризис. В случае если лидер не справился с решением кризиса, то обвинить его в эгоизме, недостаточном рдении о деле и прочем не составит труда для членов группы, которые ищут выход страху, так как виновный должен быть, а иначе возникнут сомнения в наличие причинно-следственных связей в общественной жизни. Как мера давления на лидера применяются публичные дискуссии и неповиновение.

Второй гонительский стереотип на лидера «козла отпущения» раскрывается через насильственное действие по отношению к власти. Само его прикосновение к власти, использование её, причинение посредством её использования вреда группе является насильственным преступлением, а также одновременно религиозным и сексуальным, поскольку посягает на таинство и священность феноменологической власти, а лидер ассоциируется с отцом или сексуальным партнёром [2, с. 255–291; 7]. Вместо того чтобы осуществлять свои непосредственные функции (защиту, управление, организацию), нарциссический или макиавеллистский лидер, обманом получивший этот статус, подвергает опасности группу, разобщает ее и манипулирует, таким образом, ставя под сомнение целостность группы или даже выживание. В качестве мер давления группа использует сплетни и сатиру, которые могут ужасать своей фантазией.

Третий гонительский стереотип в полном объёме соответствует признакам, по которым группа выбирает лидера: он должен быть членом группы, но особенным (гонительский стереотип заставляет забыть, что он член группы, а инаковость остаётся), лучшим, но не великолепным (останется только великолепие, то есть особая отметина, стигмат), должен реализовывать интересы группы, а не собственные и, наконец, он лидер (то есть власть имущий). Таким образом, лидер, приняв эту социальную роль, уже приобретает предрасположенность к одному из гонительских стереотипов вне зависимости от его добросовестности.

Активизация гонительских стереотипов в группе запускает также процесс виктимизации (то есть приобретение человеком физических, психических и социальных черт и признаков, которые, могут сделать его предрасположенным к превращению в жертву [5, с. 13]) лидера, превращение лидера в жертву. Гонения или травля как тип насилия, воздействуя на личность лидера, формируют поведение жертвы. Поведение жертвы также хорошо известно группе, как и лидерские качества, поэтому группа может не только определить стереотип поведения жертвы, но и провоцировать его.

О ЖЕРТВЕ

Типичная модель поведения жертвы включает по И. Малкиной-Пых [5, с. 124–126]:

- трудность в принятии решений
- стремление опереться на совет
- делают неприятные для них, но необходимые для других вещи
- беспомощность в ответ на критику и неодобрение
- проявление инициативы сопровождается чувством страха
- подавленные эмоции прорываются злостью и агрессивностью
- зависимы от оценки окружающих
- страх одиночества
- отсутствует чувство внутренней значимости.
- отношения «прилипания» к другому
- отсутствие границ
- не умеют переживать свои эмоции
- берут ответственность за чувство, состояние другого человека
- угадывание желаний окружающих и удовлетворение их
- проявление заботы об окружающих, играют роль «мученика»
- установка себя в центр событий с постоянным, непомерным расширением ответственности, когда их трудно в чём-либо убедить, предложить альтернативу
- нечестность
- отсутствие контакта с собственными чувствами.

На первый взгляд лидерские качества и черты совершенно не соотносятся с моделью поведения жертвы. Не стоит забывать, что ни лидерские качества, ни модель поведения жертвы не являются постоянными характеристиками человека. Лидер – социальная роль, которую человек выполняет при необходимости и требовании ситуации, а жертва – это состояние, которое требует терапии, то есть изменения. Следовательно, переход от проявления лидерских черт до формирования позиции жертвы весьма возможен и не так уж удивителен. Также необходимо принять во внимание уязвимость лидеров нарциссического типа, описанного М. Маккоби, так как их негативные особенности делают их уязвимыми для гонений со стороны группы.

Ниже приведена составленная автором на основе результатов эксперимента таблица перехода качеств лидера в характерные особенности поведения жертвы (табл.1), она не является исчерпывающей и представляет собой модель возможных перемен. Она была обсуждена с группами студентов, участвовавших в эксперименте по выявлению стереотипных представлений о качествах и характеристиках идеального лидера. Несоответствия поведения лидера требованиям его социальной роли помогло раскрыть ответные реакции группы на это несоответствие.

Таблица 1 / Table 1

Соответствие качеств лидера и особенностей поведения жертвы /
Compliance of the qualities of the leader and the characteristics of the victim's
behavior

Черты лидера	Поведение жертвы
Решительность	Трудность в принятии решений
Господство	Выражено стремление опереться на совет
Инициативность, настойчивость, честолюбие, желание преуспеть	Делают неприятные для них, но необходимые для других вещи
Энергия, смелость и предприимчивость	Беспомощность в ответ на критику и неодобрение.
Социальная активность и мобильность	Проявление любой инициативы сопровождается чувством страха
Эмоциональная стабильность и контроль	Подавленные эмоции прорываются в виде злости и агрессивности
Приспособляемость	Зависимость от оценки окружающих
Интроверсия-Экстраверсия	Страх одиночества
Популярность, престиж	Отсутствует чувство внутренней значимости
Сотрудничество	Отношения «прилипания» к другому
Уверенность в себе	Отсутствие границ
Счастье, чувство юмора	Не умеют переживать свои эмоции
Ответственность	Постоянно, непомерно расширяет ответственность
Честность и убежденность	Нечестность — стремятся создать видимость отсутствия проблем, кризиса
Понимающий (себя, других, широкое окружение)	Отсутствие контакта с собственными чувствами

Разбирая соответствие качеств лидера и особенностей поведения жертвы, отметим, что группа, применяя механизмы, ограничивающие деспотичность, блокирует принятие решение лидером, что провоцирует нерешительность. Стремление группы к совещательным коллективным методам принятия решений вынуждает лидера сменить господство на постоянный поиск опоры и совет, чтобы удержать социальную роль лидера. В этих условиях сотрудничество вынужденно преобразуется в «прилипание» к другому члену группы, оказывающему поддержку лидеру.

Удержание позиций и власти лидером приводит к трансформации ответственности за достижение групповой цели в ответственность за судьбу членов группы, расширяя её Насмешки, сплетни подтачивают уверенность в себе, приводя к стиранию границ между личностью лидера и группой, пре-

ображают инициативность, энергию в необходимость делать неприятные, но должные и необходимые для группы вещи, формируют беспомощность в ответ на критику.

Лидер в попытке предотвратить гонения отходит от принципов честности и лжет группе, стремясь создать видимость отсутствия проблем и кризиса, но это уже не может привести к положительным результатам, и пойманный на лжи лидер подвергается еще большим гонениям. Лидер теряет популярность и престиж, чувство внутренней значимости, становится зависимым от мнения окружающих, скрывает переживаемые эмоции, агрессивно реагирует на вызовы и окончательно закрывается, становясь жертвой группы. Вопрос о дальнейшей судьбе лидера группы остается на решение группы – он может стать как рядовым членом группы, так и быть изгнан из неё.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стереотипность ожиданий со стороны группы по отношению к характеристикам лидера, подтвержденная в ходе эксперимента, провоцирует также стереотипные, то есть заранее известные всем членам группы элементы гонения, такие как кризис, обвинения, жертва и насилие, что приводит к желаемым особенностям поведения жертвы у лидера, которые тоже заранее известны всем членам группы.

Таким образом, социальная роль лидера, будучи весьма привлекательной и необходимой для группы, содержит в себе элементы деактивации лидера при ошибке выбора со стороны группы. Также в социальной роли лидера выявлены структуры, останавливающие диктатуру и деспотизм в группах посредством формирования поведения жертвы у лидера группы, что раскрывает и подтверждает динамичность и изменчивость социальной роли лидера. Социальная роль лидера группы изначально содержит в себе потенциал жертвы, так как роль лидера выделяет человека из группы, а необходимость защиты группы и наделение его возможностью принимать решения и авторитетом создает предпосылки к стереотипам гонения и дальнейшей виктимизации поведения лидера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеев П. С. Психология лидерства. От теории к практике. М.: Издательские решения, 2018. 408 с.
2. Бендас Т. В. Психология лидерства : учебник и практикум для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 450 с.
3. Ван Вюгт М., Ахуджа А. Избранные. Эволюционная психология лидерства / пер. с англ. Д. Стороженко. М.: Карьера Пресс, 2012. 304 с.
4. Жирар Р. Козел отпущения / перевод с французского: Г. М. Дашевский. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010. 336 с.
5. Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. СПб.: Питер, 2017. 832 с.

6. Савинова С. Ю., Васильева Е. Н. *Лидерство в бизнесе : учебник и практикум для академического бакалавриата*. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2019. 280 с. (Бакалавр. Академический курс).
7. Сосланд А. И. Харизматическая личность в психотерапии // *Консультативная психология и психотерапия*. 1997. Т. 5. № 3. URL: <https://psyjournals.ru/mpj/1997/n3/> (дата обращения: 02.04.2020).
8. Шейнов В. П. *Психология лидерства, влияния, власти*. Минск : Харвест, 2008. 656 с.
9. Kerr S., Jermier J. M. Substitute for leadership: their meaning and measurement // *Organizational Behavior and Human Performance*. 1978. № 23 (3). P. 375–403.
10. Maccoby M. Narcissistic Leaders: The Incredible Pros, the Inevitable Cons [Электронный ресурс] // *Harvard Business Review*. URL: <https://hbr.org/2004/01/narcissistic-leaders-the-incredible-pros-the-inevitable-cons> (дата обращения: 03.04.2020).
11. Stogdill R. M. Personal Factors Associated with Leadership: A Survey of the Literature // *Journal of Psychology*. 1948. № 25. P. 35–71.

REFERENCES

1. Avdeev P. S. *Psikhologiya liderstva. Ot teorii k praktike* [Leadership psychology. From theory to practice]. Moscow, Izdatel'skie resheniya Publ., 2018. 408 p.
2. Bendas T. V. *Psikhologiya liderstva* [Leadership Psychology]. Moscow, Yurait Publ., 2017. 450 p.
3. Van Vugt M., Ahuja A. Naturally Selected. The Evolutionary Science of Leadership (Russ. ed.: Storozhenko D., transl. Izbrannye. Evolyutsionnaya psikhologiya liderstva. Moscow, Kar'era Press Publ., 2012. 304 p.).
4. Girard R. Le Bouc émissaire (Russ. ed.: Kozel otpushcheniya. St. Petersburg Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2010. 336 p.).
5. Malkina-Pykh I. G. *Viktimologiya. Psikhologiya povedeniya zhertvy* [Victimology. Victim psychology]. St. Petersburg, Piter Publ., 2017. 832 p.
6. Savinova S. Yu., Vasil'eva E. N. *Liderstvo v biznese* [Business Leadership]. Moscow, Yurait Publ., 2019. 280 p.
7. Sosland A. I. [Charismatic personality in psychotherapy]. In: *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Counseling psychology and psychotherapy], 1997, vol. 5, no. 3. Available at: <https://psyjournals.ru/mpj/1997/n3/> (accessed: 02.04.2020).
8. Sheinov V. P. *Psikhologiya liderstva, vliyaniya, vlasti* [Psychology of leadership, influence, power]. Minsk, Kharvest Publ., 2008. 656 p.
9. Kerr S., Jermier J. M. Substitute for leadership: their meaning and measurement. In: *Organizational Behavior and Human Performance*, 1978, no. 23 (3), pp. 375–403.
10. Maccoby M. Narcissistic Leaders: The Incredible Pros, the Inevitable Cons. In: *Harvard Business Review*. URL: <https://hbr.org/2004/01/narcissistic-leaders-the-incredible-pros-the-inevitable-cons> (accessed: 03.04.2020).
11. Stogdill R. M. Personal Factors Associated with Leadership: A Survey of the Literature. In: *Journal of Psychology*, 1948, no. 25, pp. 35–71.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.04.2020

Статья размещена на сайте: 08.09.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бабурова Надежда Борисовна – кандидат политических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета; e-mail: baburova.nadezhda@gmail.com

Nadezhda B. Baburova – Cand. Sci. (Political sciences), Assoc. Prof., Department of History of Russia of the Middle ages and Modern times, Moscow Region State University; e-mail: baburova.nadezhda@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Бабурова Н. Б. Лидер vs жертва: формирование виктимного поведения у лидера посредством гонений // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Baburova N. B. Leader vs victim: formation of victim behavior in the leader through persecution. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 159.9.07; 004.8

Воронин А. Н., Кубрак Т. А.

Институт психологии Российской академии наук
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1, Российская Федерация

Смирнов И. В., Станкевич М. А.

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук
119333, г. Москва, ул. Вавилова, д. 44/2, Российская Федерация

ОЦЕНКА СУБЪЕКТНОСТИ СЕТЕВОГО СООБЩЕСТВА ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ АВТОМАТИЧЕСКОГО РЕЛЯЦИОННО- СИТУАЦИОННОГО АНАЛИЗА ЕГО КОНТЕНТА

АННОТАЦИЯ

Цель. Представление исследования, посвящённого разработке регрессионных моделей субъектности сетевых сообществ по автоматически определяемым показателям реляционно-ситуационного анализа (РСА) его контента.

Процедура и методы. Для построения моделей был проанализирован контент 64 сетевых сообществ различной тематической направленности из открытого сегмента социальных сетей: Facebook, «ВКонтакте», «Одноклассники», Pikabu, Telegramm и др. Тексты сообществ были подвергнуты психолингвистическому анализу с помощью ранее разработанного перечня дискурсивных маркеров, по итогам которого были вычислены показатели субъектности. Автоматический реляционно-ситуационный анализ текстов осуществлялся с помощью машины РСА, разработанной в Институте системного анализа РАН.

Результаты. В результате проведённого анализа для всех показателей субъектности удалось построить исчерпывающие регрессионные модели с удовлетворительным качеством.

Теоретическая и/или практическая значимость. Использование полученных регрессионных моделей позволит осуществлять мониторинг различных секторов Рунета в автоматизированном режиме и проводить оценку субъектности контента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

интернет, субъектность сетевых сообществ, дискурсивные маркеры, цифровые следы, интеллектуальный анализ текстов, реляционно-ситуационный анализ текстов, регрессионные модели

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 18-00-00606 (К), 18-00-00233 и 18-00-00605

СТРУКТУРА

Введение

Процедура и методы исследования

Результаты и обсуждение

Выводы

A. Voronin, T. Kubrak

*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences
13 korp. 1 Yaroslavskaya ul., Moscow 129366, Russian Federation*

I. Smirnov, M. Stankevich

*Federal Research Center "Computer Science and Management"
of the Russian Academy of Sciences
44/2 Vavilova ul., Moscow 119333, Russian Federation*

ASSESSMENT OF THE NETWORK COMMUNITY SUBJECTIVITY BY INDICATORS OF CONTENT AUTOMATIC RELATIONAL-SITUATIONAL ANALYSIS

ABSTRACT

Aim. Presentation of regression models of the subjectivity of network communities based on automatically determined indicators of the content relational situational analysis (RSA).

Methodology. To develop these models 64 network communities of various thematic focus from the open segment of social networks (Facebook, VKontakte, Odnoklassniki, Pikabu, Telegramm, etc.) were analyzed. The networks communities texts were subjected to psycholinguistic analysis using a previously developed list of discourse markers, and the results allowed to identify indicators of subjectivity. Automatic relational situational analysis of texts was performed using an RSA machine developed at the Institute for System Analysis of the Russian Academy of Sciences.

Results. Comprehensive regression models of satisfactory quality were constructed for all indicators of subjectivity.

Research implications. The use of the obtained regression models will allow to monitor various sectors of the Runet in an automated mode and to assess the subjectivity of the content.

KEYWORDS

internet, network community subjectivity, discourse markers, text mining, digital trails, relational-situational analysis of text, regression models

ACKNOWLEDGMENTS

The reported study was funded by RFBR under the research project № 18-00-00606 (K), 18-00-00233 и 18-00-00605

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние общества характеризуется перемещением значительной доли общественных отношений в интернет-пространство. В социальных сетях образуются новые связи, формируются группы, разворачивается внутригрупповое и межгрупповое взаимодействие. Интернет-контент воспроизводит существующие этические нормы и правила его создателей, отражает традиционные установки и предпочтения данного общества [27]. Группу людей, поддерживающих общение и ведущих совместную деятель-

ность при помощи социальных медиа, реализованных в рамках подхода Web 2.0., определяют как сетевое сообщество. Наука о сетях предлагает сужение определения сетевого сообщества до группы участников, связанных между собой большим числом связей, чем с участниками из других сообществ. При таком подходе сетевые сообщества определяются как локально плотно связанные подграфы в сети, где отдельные аккаунты – узлы, а их коммуникативные действия – рёбра графа. Объектом эмпирического исследования при изучении сетевых сообществ выступает пользовательский контент, генерируемый участниками сетевых сообществ, и сведения о характере взаимосвязей аккаунтов [1].

Наиболее адекватным психологическим подходом для изучения контента сетевых сообществ представляется дискурсивная парадигма, предусматривающая изучение реальной коммуникативной практики в различных ситуациях и социокультурных контекстах [11; 26]. Проблема исследования субъектности сетевого сообщества в рамках дискурса сводится к выделению адекватных *дискурсивных признаков*, связанных с теми или иными характеристиками субъектности. При этом возможно использование разноуровневых дискурсивных признаков (лексическо-грамматических показателей, процессуальных и семантических), связанных с различными признаками субъектности сообществ разного размера. Так, *маркерами субъектности* могут выступать многие лексические единицы, такие, как *лексика совместности, побудительные глаголы, парольные слова, жаргонная, обценная, эмоционально-оценочная лексика* и др. Крайне важны дискурсивные характеристики процесса коммуникации, разворачивающегося в ходе дискуссий: *нарастание сходства обсуждаемых тем, наличие цепочек комментариев, их длина, пространность* и пр. Среди процессуальных характеристик значимыми представляются такие, которые относятся к особенностям общения и выступают важнейшим проявлением субъектности сообщества. Не менее значимое место в перечне дискурсивных характеристик субъектности занимают семантические категории, которые не получают конкретной формы реализации, но могут быть надёжно идентифицированы экспертами по смыслу: *способность следовать организационным и управляющим воздействиям, отображение группового образа цели, информирование о текущем состоянии дела или проблемы* и пр.

Выбор фрагментов контента для анализа субъектности существенным образом зависит от того, как субъектность проявляется в дискурсе сетевого сообщества¹. Можно высказать несколько предположений о характере такого проявления субъектности в дискурсе сетевого сообщества [1].

¹ Подробное описание дискурсивных маркеров субъектности, способов их выделения и последующего структурирования в обобщённые показатели представлено в работе «Субъектность сетевого сообщества: сравнение психометрических моделей проявления дискурсивных маркеров в контенте» [15].

1. Предполагается, что субъектность – атрибут любого сетевого сообщества, и она так или иначе всегда проявляется в контенте.

2. Субъектность как феномен присуща сообществу лишь в определённые периоды его существования, и возможна фиксация лишь её «всплесков», поэтому следует оценивать максимальные проявления субъектности по разным дискурсивным признакам в разные периоды. Как вариант такого подхода можно рассмотреть субъектность сообщества в период максимальной спонтанной активности.

3. Субъектность проявляется как ответ сетевого сообщества на то или иное событие внешней социальной среды, либо событие «внутренней» жизни сетевого сообщества. Субъектность, в данном случае, рассматривается, как самопроизвольно разворачивающаяся активность, и её оценка напрямую связана с точной локализацией события и созданием выборки контента, инициированным в ответ на него.

Выделение дискурсивных маркеров открывает возможности оценки свойств сетевых сообществ, особенностей протекающих в них групповых процессов и их динамики [11; 28]. Социальная динамика в сетевой интернет-среде является сегодня предметом множества научных дисциплин, связанных с изучением человека информационной эпохи. Привлечение к социально-психологическим и дискурсивным исследованиям сетевых сообществ математических методов дает возможность осуществлять анализ больших данных, позволяющий обнаруживать ранее трудно выявляемые закономерности [12; 24].

При этом одним из приоритетных направлений исследований остаётся разработка методов анализа интернет-дискурса, осуществление которого возможно на разных уровнях и с разными задачами. Для выделения лингвистических маркеров психологических характеристик используются специальные инструменты, например, Linguistic Inquiry and Word Count [25] или Text Analysis, Crawling and Interpretation Tool [21]. По результатам, с помощью семантического анализа сообщений, интернет-запросов и постов в сетях с учётом «цифровых следов» были получены более точные оценки некоторых психологических характеристик человека, чем с помощью стандартизированных психологических опросников [18; 23], показаны возможности выявления личностных ценностей [31]. Технологии анализа цифровых следов как маркеров психологических характеристик разработаны с опорой преимущественно на компьютерную лингвистику при изучении сообщений блоггеров в Twitter [30; 32]. Сегодня анализ контента социальных сетей позволяет определять различные психические заболевания, суицидальные состояния, тяжёлые эмоциональные расстройства [17; 20; 22], в частности, выявлять уровень депрессии по текстовым сообщениям, как было сделано на материале, полученном из Facebook [29]. На основании используемой лексики возможно прогнозирование непо-

средственно поведения, такого, как, например, совершение повторных преступных действий [19].

Предлагаемый в данном исследовании подход автоматического анализа контента отличается от реализованных ранее подходов привлечением методов искусственного интеллекта, глубокого лингвистического анализа, преодолевающего рамки относительно легко формализуемых компонентов текста (преимущественно лексических, грамматических и морфологических), и частотного анализа, которые выступают в качестве основных средств извлечения информации. Для анализа семантико-синтаксической структуры контента в нашем исследовании применяется метод реляционно-ситуационного анализа (РСА) [8]. Реляционно-ситуационный анализ позволяет выявлять семантику текста, ставя в соответствие логической структуре действий, описанных в предложении, синтаксемную структуру предложения. Для выявления реляционно-ситуационной структуры высказываний выполняется семантико-синтаксический анализ текстов [13], в результате которого строится дерево полного синтаксического разбора: определяются предикаты и их аргументы, для последних устанавливаются семантические роли (синтаксические значения). Реляционно-ситуационное представление текста, учитывающее все уровни языка, показало свою эффективность в решении многих задач интеллектуального анализа текстов и информационного поиска. Так, установлено, что выявляемые с помощью метода РСА предикатно-синтаксемные структуры с психологической точки зрения отражают глубинные структуры, соотносимые с языковой картиной мира личности, давая доступ к её смысловой сфере [14], определены текстовые проявления агрессивности и фрустрированности [7; 16].

В проводимых нами исследованиях объединение социально-психологического и дискурсивного подходов к изучению субъектности сетевого сообщества с математическими методами анализа (РСА текста) позволяло раскрыть психологические механизмы функционирования сетевых сообществ любой размерности, представляющих собой группы людей, объединённых особыми связями и отношениями, способных к совместной активности и саморефлексии, взаимодействие которых осуществляется в дискурсивном пространстве интернета и динамично меняется в режиме реального времени.

В ранее проведённых исследованиях было выявлено значительное количество (больше 250) соответствий между параметрами субъектности и показателями РСА, при этом часть из них была теоретически предсказуема и вполне объяснима в рамках семантического анализа при сопоставлении показателей РСА и психологических конструкторов субъектности [9]. В рамках данной статьи предпринята попытка дальнейшего исследования субъектности сетевых сообществ путём расширения эмпирической базы исследования до нескольких десятков сообществ, определения регрессионных

моделей субъектности по показателям PCA, что позволит в дальнейшем осуществлять автоматическую оценку субъектности сетевых сообществ различной направленности и тематики. Соответственно **целью данного исследования** является разработка регрессионных моделей субъектности по автоматически определяемым показателям PCA и определение наиболее значимых предикторов различных показателей субъектности сетевых сообществ.

ПРОЦЕДУРА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для построения регрессионных моделей субъектности по показателям PCA был проанализирован контент 64 сетевых сообществ различной тематической направленности с различным уровнем проявления офлайн активности. Для исследования выбирались группы из открытого сегмента социальных сетей, в том числе:

- группа «Синие ведёрки» в Facebook (FB) – площадка для обсуждения проблем равноправия и нарушения прав граждан на российских дорогах;
- оппозиционный политический форум Politota;
- сообщество с лидером,
- страница в FB известного кинокритика;
- групповой чат в Telegramm «Прогрессоры», посвящённый отношениям между людьми и личностному росту;
- группа в VK «Страдающее Средневековье», площадка для обсуждения проблем «современной России» в саркастической форме;
- сообщество «Архнадзор» в FB, которое объединяет граждан, желающих способствовать сохранению культурного наследия Москвы;
- сообщество любителей игры «Detroit: Become Human»;
- сообщество мастеров кукол на BJDClub;
- сообщество «Крыса не подарок» на Pikabu;
- сообщество поиска пропавших с помощью нейросетевой программы «Лакмус» на LizaAlert и др.

Объём контента каждого из сообществ определялся обсуждением некоторой актуальной для сообщества проблемы и находился в пределах от 6040 до 30794 знаков. Все тексты подверглись психолингвистическому и реляционно-ситуационному анализу.

Психолингвистический анализ корпуса текстов сетевых сообществ и их кодирование осуществлялось с помощью перечня дискурсивных маркеров субъектности [15]. Тексты сетевых сообществ размечались 4 экспертами-психолингвистами путём выделения дискурсивных маркеров. Субъектность рассчитывалась как относительная частота дискурсивных маркеров, обнаруженных в текстах сетевых сообществ. В качестве единицы анализа использовались отдельные предложения. Показатели субъектности рассчитывались в соответствии с кумулятивно-аддитивной моделью с винзориро-

ванным усреднением с усечением 5% наибольших значений и последующей конволюцией среднего арифметического. Использование именно этой модели проявления конструкта «субъектность» в дискурсивных маркерах была признана наиболее адекватной [15]. Ранее было показано, что психометрика субъектности сетевого сообщества базируется на приоритете разнообразия различных её составляющих над уровнем их проявления [2; 15]. Вследствие этого для оценки субъектности использовались все возможные обобщенные характеристики субъектности сетевого сообщества: *девять* показателей субъектности первого уровня (*языковая и понятийная идентификация, готовность действовать, поддержка тематики сетевого сообщества, групповые нормы и ценности, планирование и результаты совместных действий, отстранение «других», защита целостности сообщества гражданская идентичность*), два показателя субъектности второго уровня (*обсуждение совместной деятельности, «свои» – «чужие»*) и показатель общей субъектности как среднее по всем показателям.

Автоматический реляционно-ситуационный анализ текстов сетевых сообществ осуществлялся с помощью машины РСА. Показатели РСА включали синтаксические, основные психолингвистические данные – семантические роли, семантические связи, показатели наличия в текстах сетевых сообществ лексики из словарей различной тематики – всего 202 показателя [13]. Поскольку тексты сообществ различались по объёму, то применялись относительные величины. В качестве единицы анализа использовалось предложение как наиболее адекватная единица среди множества возможных (реплики, клаузы, слова и др.) [9].

Для **статистических расчётов** использовался пакет PASW Statistics 18. Конкретные статистики и критерии приведены при описании результатов исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Для выявления предикторов субъектности был проведён множественный регрессионный анализ данных методом Stepwise. В качестве зависимой переменной последовательно выступали показатели субъектности сетевого сообщества, в качестве независимых переменных – показатели автоматического реляционно-ситуационного анализа. Так, для показателя «Общая субъектность» было подобрано 33 модели (табл. 1), при этом, начиная с 8 модели, скорректированный $R^2 > 0,8$, что говорит о её приемлемости и приемлемости всех последующих моделей с большим количеством независимых переменных [3].

Таблица 1 / Table 1

Сводная таблица регрессионных моделей общей субъектности /
Regression models of general subjectivity. Summary

Модель	R2	Скорректированный R2	Стд. ошибка оценки
8	0,875	0,856	0,005
9	0,909	0,894	0,004
10	0,93	0,917	0,004
11	0,942	0,93	0,003
12	0,96	0,951	0,003
13	0,977	0,971	0,002
14	0,982	0,977	0,002
15	0,986	0,982	0,002
16	0,991	0,987	0,001
17	0,993	0,991	0,001
18	0,996	0,995	0,001
19	0,998	0,997	0,001
20	0,999	0,999	0,000
21	1	0,999	0,000

Начиная с 21-ой модели R2 становится равным 1, и последующее увеличение количества независимых переменных не приводит к повышению точности регрессионной модели. Оценка эффекта мультиколлинеарности осуществлялась с помощью коэффициента разброса дисперсии (VIF). С 1-ой по 17-ую модель VIF для предикторов находится в пределах от 1.002 до 5.162, однако у моделей с большим количеством предикторов появляется коэффициент $VIF > 10$, что ограничивает количество приемлемых моделей до 17-ти. При этом наблюдается хорошее согласование гистограммы остатков с нормальным распределением у всех моделей из этого списка (на рис. 1 в качестве примера приведена гистограмма остатков для 17-ой модели). Автокорреляция остатков регрессионной модели, оценённая с помощью теста Дарбина-Ватсона (Durbin-Watson), составляет 2,436, что говорит об её отсутствии.

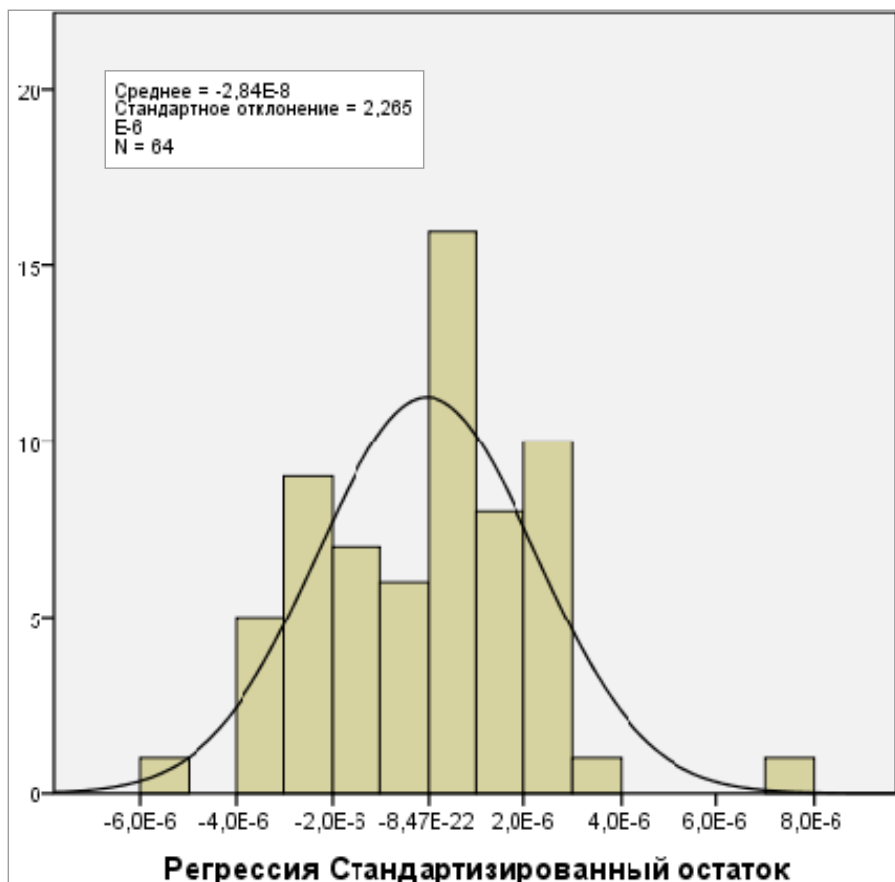

Рис. 1. / Fig. 1. Гистограмма остатков и кривая нормального распределения для 17-ой модели / Residual histogram and normal distribution curve for the 17th model

Примечание: изображение сгенерировано пакетом PASW Statistics 18 при проведении регрессионного анализа.

В результате проведения регрессионного анализа были выявлены основные предикторы *общей субъектности* и оценен вносимый ими вклад. В таблице 2 приведён перечень независимых переменных – показателей PCA – и указаны регрессионные коэффициенты, указывающие на важность этих переменных в регрессионном уравнении.

Таблица 2 / Table 2

Показатели PCA, выступающие предикторами общей субъектности /
Relational situational analysis indicators functioning as predictors of general
subjectivity

Модель 17. Скорректированный R ² = ,997		
	β	Знач.
Сем. роль: социальная_категория	-,678	,000
Сем. роль: объект	,651	,000
Словарь: Социальное неравенство и несправедливость	-,600	,000
Сем. связь: LOC	-,423	,000
Сем. роль: фабрикатив	,559	,000
Число символов	-,437	,000
Словарь: Тематическая_Власти	,375	,000
Сем. роль: квантитатив	,362	,000
Сем. роль: ликвидатив	,304	,000
Средняя длина слов (в количестве символов)	,302	,000
Сем. роль: оцениваемое_действие	,297	,000
Сем. связь: OBJ	-,273	,000
Число предложений	,253	,000
Словарь: Уголовный жаргон	,207	,000
Сем. роль: тематив	-,189	,000
Сем. роль: аблатив	,182	,000
Сем. роль: владелец_инф	-,059	,000

Анализ статистик согласия, в том числе скорректированного информационного критерия Акаике для ограниченных выборок (AICC) и информационного критерия Байеса (BIC), показывает, что они последовательно возрастают по мере увеличения количества предикторов в модели, соответственно, исходя из целей дальнейшего использования регрессионных моделей, имеет смысл ориентироваться либо на первую модель с приемлемым скорректированным R² (в нашем случае это модель 8), либо последнюю модель с допустимой мультиколлинеарностью (модель 17).

Поскольку целью исследования являлось предсказание субъектности сетевого сообщества по автоматически получаемым показателям PCA, вследствие наличия большого количества независимых переменных по сравнению с количеством анализируемых объектов (текстов сетевых сообществ), была проведена кросс-валидация данных по K блокам (K-fold cross-validation). Данные были разбиты случайным образом на 4 блока, 3 из которых путём перебора 4 раза выступали в качестве тренировочного набора и 1 оставшийся блок – в качестве контрольной выборки. В табл. 3 представ-

лены результаты оценки моделей при различных вариантах разбиения. Для всех моделей мультиколлинеарность и автокорреляция остатков находятся в допустимых пределах.

Таблица 3 / Table 3

Оценка качества модели при кросс-валидации данных / Assessing the quality of the model in data cross-validation

Показатели качества модели	Разбиение по блокам			
	1	2	3	4
Скорректированный R2	,860	,891	,781	,785
MSE	,002	,001	,004	,004
MAPE	2,813	1,258	8,531	9,297
Корреляция Спирмена между субъектностью по К-модели и уровнем субъектности по дискурсивным маркерам для контрольной выборкой К-разбиения	,732**	,750**	,483	,498*

**. Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторонняя).

*. Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторонняя).

Из табл. 3 следует, что для двух разбиений модель вполне адекватна и успешно предсказывает уровень субъектности сетевого сообщества при автоматическом анализе контента с помощью машины PCA ($R^2 > 0.8$, $MSE \leq 0.027$, $MAPE \leq 5\%$, значимый уровень корреляции). При двух других разбиениях качество модели находится на грани допустимого, и доля ошибок может достигать более 9%. Следует отметить, однако, что в трёх разбиениях из четырёх выявлена значимая корреляция в контрольной группе между уровнем субъектности, предсказанном по модели и показателем субъектности в ходе психолингвистического анализа по дискурсивным маркерам.

Аналогичным образом были рассчитаны регрессионные модели для *других показателей субъектности*. Для каждого из 11 оставшихся показателей субъектности удалось построить адекватные исчерпывающие регрессионные модели с R^2 , приближающимся к 1 с приемлемыми характеристиками качества. Обширность полученных результатов не позволяет в рамках статьи привести их все, вследствие этого укажем лишь наиболее популярные (встречающиеся во многих моделях) показатели религионно-ситуационного анализа, детерминирующие уровень субъектности сетевых сообществ. В первую очередь, к ним относится частота встречаемости специфической лексики: протестная лексика, молодежный жаргон, лексика, тематически связанная с «властью», лексика отрицательной рациональной оценки, уголовный жаргон, лексика «социального неравенства и несправедливости». Кроме того, в качестве предикторов часто выступают такие показатели религионно-ситуационного анализа, как относительная частота встречаемости семантических ролей и связей (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Наиболее значимые предикторы субъектности сетевых сообществ – показатели PCA (семантические роли и связи) / The most significant predictors of the subjectivity of network communities, i.e. the Relational situational analysis' indicators (semantic roles and connections)

Семантическая роль	Описание
аблатив	исходная точка движения
предикат	утверждение, высказанное о субъекте
каузат	объект каузирующего воздействия
субъект	компонент, которому приписывается предикативный признак
эстиматив	один из предикатов в авторизованных полипредикативных конструкциях с глаголами считать, называть, находить.
критерий_оценки	критерии оценки
поссесив	предикативный компонент со значением: а) поссесивного объекта или б) свойства, характеризующего субъект, при глаголе иметь.
тематив	компонент, называющий тему оцениваемой ситуации
темпоратив	компонент, выражающий временные характеристики
дименсив	размер, исчисляемая мера величины
социальная_категория	характеристика лица по принадлежности его к категории, группе лиц, обычно социально значимой)
объект	компонент с предметно-вещественным значением, подвергающийся действию или каузативному воздействию
квантитатив	количественный показатель изменения или соотношения признаков
ликвидатив	объект каузирующего воздействия; результатом каузирующего воздействия является прекращение существования объекта

Семантическая связь	Описание
TMP	темпоральная связь, в которой один компонент выражает временную локализацию признака, названного другим компонентом
ADR	адресатная связь, один компонент которой называет лицо или реже предмет, к которому обращено информативное, донативное или эмотивное действие лица, названного другим компонентом
LOC	локативная связь, один компонент которой называет местонахождение другого компонента
DLB	делиберативная связь, один компонент которой выражает содержание речемыслительного, социального действия или восприятия лица, названного другим компонентом
OBJ	объектная связь, один компонент которой называет объект действия субъекта, названного другим компонентом
SIT	ситуативная связь, в которой один компонент обозначает ситуацию, определяющую ситуацию или область действия другого компонента

Выявленные в результате регрессионного анализа предикторы субъектности согласуются с ранее описанными показателями субъектности сообществ. Они частично совпадают с характеристиками субъектности реальных социальных групп (например, совместная активность) [4; 6] и согласуются со специфичными для сетевых сообществ характеристиками: маркирование «чужих» и их отстранение, идентификация и поддержка «своих», гражданская идентичность [15]. Так, совместная активность, в различных формах которой, прежде всего, проявляется феномен субъектности [5], предполагает организацию и планирование деятельности, что релевантно *аблативу* и *каузату*, отражающему воздействие в дискурсе, *адресатной связи*, показывающей направленность действий, а также *темпоративу* и *темпоральной* связям, выражающим конкретизацию реальных планов. Кроме того, совместность выражается в языковой и понятийной идентификации участников, обнаруживающейся в специфической лексике контента сетевого сообщества. Реализовать совместную активность позволяет и взаимосвязанность участников сообщества, являющаяся базовой характеристикой субъектности. В контенте сообществ с более высоким уровнем субъектности реже встречается *тематив*, но чаще *критерий оценки*, что говорит о сформированности намерений действовать, так как уже известно, что следует делать, но важно определить, *как это нужно делать*. Совокупность перечисленных ролей позволяет говорить о некоей гиперроли, характерной для контента сетевых сообществ с повышенной субъектностью – «оперативность действия».

Взаимосвязанность проявляется и в коммуникативной направленности собеседников друг на друга, что соответствует *адресатной связи*. В то же время выявление предиктора *критерий оценки*, а также *оцениваемое действие* и *лексики отрицательной рациональной оценки*, можно объяснить оценкой в дискурсе сетевых сообществ, не только обсуждаемых топиков, но и маркированием «своих» – «чужих», которое специфично именно для сетевых сообществ.

Ещё одной специфичной характеристикой субъектности сетевых сообществ является выражение в дискурсе гражданской идентичности. Декларации активной позиции и установок на изменение существующего положения, критике власти соответствуют в качестве предикторов субъектности показатели РСА, относящиеся как к специфической лексике, связанной с властью и протестом, отрицательной рациональной оценкой, так и к семантической роли – *ликвидатив*, отражающей радикальные действия. Получается, что именно направленность на активные преобразования, а не просто обсуждение общественно значимых тем, социального неравенства и несправедливости, способствует повышению субъектности сетевого сообщества. С определёнными оговорками совокупность этих предикторов складывается в ещё одну гиперроль – «протестные радикальные действия».

Обнаружение предиктора субъектности *прецедентные тексты*, *архаизмы*, *междометия* и др. можно интерпретировать по-разному: рассмотреть

его как показатель языковой и понятийной общности, проявляющейся в *прецедентных текстах* и *архаизмах*, или объяснить изменением тональности дискурса, выражающейся, в том числе и в *междометиях*, которые сопутствуют эмоциональному побуждению к действию или эмоциональной поддержке, представляющими собой дискурсивные маркеры субъектности. В связи с этим данный показатель РСА требует уточнения и дифференциации.

Наконец, большее *число предложений* наряду с меньшим *числом символов* свидетельствует о «насыщенности» дискурса сообществ с высоким уровнем субъектности и переходе от открытой полемики к «деловому» дискурсу с включением эллиптических конструкций, указывающих на слаженность, понимание с полуслова, повышенную активность участников коммуникации и их готовность к совместным действиям.

ВЫВОДЫ

Показатели РСА на прецедентных текстах позволяют исчерпывающим образом предопределять уровень субъектности сетевого сообщества. Для всех 12 показателей субъектности СС, описывающих субъектность сетевого сообщества на 3 уровнях, удалось построить регрессионные модели со скорректированным коэффициентом детерминации, приближающимся к 1.

Семантические связи и роли в контенте сетевых сообществ с высоким уровнем субъектности в совокупности описывают деятельностный характер отношений, складывающийся в этих сообществах. Другой характеристикой контента более субъектных сетевых сообществ является протестный характер. Указанные характеристики находят своё выражение в двух гиперролях таких сообществ: «оперативность действия» и «протестные радикальные действия».

При повышении субъектности сетевого сообщества повышается «насыщенность» контента и наблюдается переход к «деловому» дискурсу с элементами эллиптичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронин А. Н. Методологические проблемы исследования субъектности сетевых сообществ // Психология и Психотехника. 2019. № 3 [Электронный ресурс]. URL: https://nbpublish.com/ptmag/contents_2019_3.html#30388 (дата обращения 09.04.2020).
2. Воронин А. Н., Ковалева Ю. В. Изменение субъектности сетевого сообщества в процессе троллинга // Социальная и экономическая психология. 2019. Т. 4. № 3 (15). С. 25–61.
3. Вучков И., Бояджиева Л., Солаков Е. Прикладной линейный регрессионный анализ / пер. с болг. Ю. П. Адлера. М.: Финансы и статистика, 1987. 239 с.
4. Емельянова Т. П., Журавлев А. Л. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.

5. Журавлев А. Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта / К. А. Абульханова, В. А. Барабанщиков, А. В. Брушлинский и др. М.: ПЕР СЭ, 2002. С. 51–81.
6. Журавлев А. Л. Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / отв. ред. А. Л. Журавлёв, Е. А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2018. С. 116–161.
7. Методы выявления по тексту психологических характеристик автора (на примере агрессивности) / А. К. Ковалёв, Ю. М. Кузнецова, А. Н. Минин, М. Ю. Пенкина, И. В. Смирнов, М. А. Станкевич, Н. В. Чудова. Вопросы кибербезопасности. 2019. № 4 (32). С. 72–79.
8. Осипов Г. С., Смирнов И. В., Тихомиров И. А. Реляционно-ситуационный метод поиска и анализа текстов и его приложения // Искусственный интеллект и принятие решений. 2008. № 2. С. 3–10.
9. Оценка субъектности сетевых сообществ: сопоставление дискурсивных маркеров и показателей PCA / А. Н. Воронин, Н. Д. Павлова, Т. А. Гребенщикова, Т. А. Кубрак, И. В. Смирнов // Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5. № 2 (18). С. 330–364.
10. Павлова Н. Д. Интерактивный аспект дискурса: подходы к исследованию // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 66–76.
11. Павлова Н. Д., Кубрак Т. А., Гребенщикова Т. А. Исследование динамики субъектности сетевых сообществ по её проявлению в дискурсе // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 70 [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n72/1782-pavlova72.html?fontstyle=f-larger> (дата обращения: 09.04.2020).
12. Погорский Э. К. Особенности цифровых гуманитарных наук // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 5 [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/5/Pogorskiy_Digital-Humanities (дата обращения: 09.04.2020).
13. Семантико-синтаксический анализ естественных языков. Часть II. Метод семантико-синтаксического анализа текстов / И. В. Смирнов, А. О. Шелманов, Е. С. Кузнецова, И. В. Храмоин // Искусственный интеллект и принятие решений. 2014. № 1. С. 11–24.
14. Создание инструмента автоматического анализа текста в интересах социо-гуманитарных исследований / С. Н. Ениколопов, Ю. М. Кузнецова, И. В. Смирнов, М. А. Станкевич, Н. В. Чудова // Искусственный интеллект и принятие решений. Ч. 1. Методические и методологические аспекты. 2019. № 2. С. 28–38.
15. Субъектность сетевого сообщества: сравнение психометрических моделей проявления дискурсивных маркеров в контенте / А. Н. Воронин, Т. А. Гребенщикова, Т. А. Кубрак, Н. Д. Павлова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 6–24.
16. Текстовые проявления фрустрированности пользователя социальных сетей / Ю. М. Кузнецова, И. А. Курузов, И. В. Смирнов, М. А. Станкевич, Е. В. Старостина, Н. В. Чудова // Медиалингвистика. 2020. № 7 (1). С. 4–15.

17. Al-Mosaiwi M., Johnstone T. In an Absolute State: Elevated Use of Absolutist Words Is a Marker Specific to Anxiety, Depression, and Suicidal Ideation // *Clinical Psychological Science*. 2018. № 6 (4). P. 529–542.
18. Azucar D., Marengo D., Settanni M. Predicting the big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis // *Personality and Individual Differences*. 2018. V. 124. P. 150–159.
19. Drouin M., Boyd R. L., Greidanus Romanelli M. Predicting recidivism among internet child sex sting offenders using psychological language analysis // *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. 2018. Vol. 21. P. 78–83.
20. Grunebaum M. F. Suicidology meets “Big Data” // *Journal of Clinical Psychiatry*. 2015. Vol. 76. № 3. P. e383–e384.
21. TACIT: An open-source text analysis, crawling, and interpretation tool / M. Dehghani, K. M. Johnson, J. Garten, R. Boghrati, J. Hoover, V. Balasubramanian, A. Singh, Y. Shankar, L. Pulickal, A. Rajkumar, N. J. Parmar // *Behavior Research Methods*. 2017. № 49 (2). P. 538–547.
22. Tracking suicide risk factors through Twitter in the US / J. Jashinsky, S. H. Burton, C. L. Hanson, J. West, C. Giraud-Carrier // *Crisis*. 2014. Vol. 35. P. 51–59.
23. Lambiotte R., Kosinski M. Tracking the Digital Footprints of Personality // *Proceedings of the Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE)*. 2014. № 102 (12). P. 1934–1939.
24. Manovich L. Cultural Data: Possibilities and Limitations of Digitized Archives // *Museum and Archive on the Move. Changing Cultural Institutions in the Digital Era*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2017. P. 259–276.
25. Pennebaker J. W. Campbell R. S. The effects of writing about traumatic experience // *Clinical Quarterly*. 2000. № 9. P. 17–21.
26. Potter J. Discursive psychology and the study of Naturally occurring Talk // *Qualitative Research*. SAGE Publications, 2011. P. 187–207.
27. Soffer O. The Internet and National Solidarity: A Theoretical Analysis // *Communication Theory*. 2013. Vol. 23. № 1. P. 48–66.
28. The Study of Network Community Capacity to be a Subject: Digital Discursive Footprints / A. N. Voronin, T. A. Grebenshikova, T. A. Kubrak, T. A. Nestik, N. D. Pavlova // *Behavioral Sciences*. 2019. № 9. URL: <https://doi.org/10.3390/bs9120119> (дата обращения: 09.04.2020).
29. Towards assessing changes in degree of depression through Facebook / A. H. Schwartz, J. Eichstaedt, M. Kern, G. Park, M. Sap, D. Stillwell, L. Ungar // *Proceedings of the Workshop on Computational Linguistics and Clinical Psychology*. Association for Computational Linguistics. 2014. P. 118–125.
30. Using Linguistic Cues for the Automatic Recognition of Personality in Conversation and Text / F. Mairesse, M. A. Walker, M. R. Mehl, R. K. Moore // *Journal of Artificial Intelligence Research*. 2007. № 30. P. 457–500.
31. Wilson S. R. Natural language processing for personal values and human activities: a dis. ... Doctor of Philosophy. Michigan, 2019. 146 p. URL: <https://deepblue.lib.umich.edu/handle/2027.42/150025> (дата обращения: 09.04.2020).
32. Yarkoni T. Personality in 100,000 words: A large-scale analysis of personality and word use among bloggers // *Journal of Research in Personality*. 2010. № 44. P. 363–373.

REFERENCES

1. Voronin A. N. [Methodological problems of studying the subjectivity of network communities]. In: *Psihologiya i Psihotekhnika* [Psychology and Psychotechnics], 2019, no. 3. Available at: https://nbpublish.com/ptmag/contents_2019_3.html#30388 (accessed: 09.04.2020).
2. Voronin A. N., Kovaleva Yu. V. [Changing the subjectivity of the network community in the process of trolling]. In: *Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya* [Social and Economic Psychology], 2019, vol. 4, no. 3 (15), pp. 25–61.
3. Vuchkov I., Boyadzhieva L., Solakov E. *Prikladnoj linejnyj regressionnyj analiz* [Applied Linear Regression Analysis; transl. from Bulg. by Yu. P. Adler]. Moscow, Finance and statistics, 1987. 239 p.
4. Emel'yanova T. P., Zhuravlev A. L. [Psychology of large social groups as collective subjects]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Magazine], 2009, vol. 30, no. 3, pp. 5–15.
5. Zhuravlev A. L. [Psychology of collective subject]. In: *Psihologiya individual'nogo i gruppovogo sub'ekta* [Psychology of the individual and group subject; K. A. Abul'hanova, V. A. Barabanshchikov, A. V. Brushlinskij and etc.]. Moscow, *Per Se*, 2002, pp. 51–81.
6. Zhuravlev A. L. [The collective subject as a phenomenon and concept in modern psychology]. In: Zhuravlev A. L., Sergienko E. A., eds. *Razrabotka ponyatii sovremennoj psikhologii* [Development of concepts of modern psychology]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publ., 2018, pp. 116–161.
7. Kovalyov A. K., Kuznecova Yu. M., Minin A. N., Penkina M. Yu., Smirnov I. V., Stankevich M. A., Chudova N. V. Methods for identifying psychological characteristics of the author in the text (on example of aggressiveness). In: *Voprosy kiberbezopasnosti* [Cybersecurity issues], 2019, no. 4 (32), pp. 72–79.
8. Osipov G. S., Smirnov I. V., Tihomirov I. A. [Relational-situational method of searching and analyzing texts and its applications]. In: *Iskusstvennyj intellekt i prinyatie reshenij* [Artificial intelligence and decision making], 2008, no. 2, pp. 3–10.
9. Voronin A. N., Pavlova N. D., Grebenshchikova T. A., Kubrak T. A., Smirnov I. V. [Assessment of subjectivity of network communities: comparison of discourse markers and PCA indicators]. In: *Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya* [Social and Economic Psychology], 2020, vol. 5, no. 2 (18), pp. 330–364.
10. Pavlova N. D. [The Interactive Aspect of Discourse: Approaches to Research]. In: *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 2005, vol. 26, no 4, pp. 66–76.
11. Pavlova N. D., Kubrak T. A., Grebenshchikova T. A. [Study of the dynamics of subjectivity of network communities by its manifestation in discourse]. In: *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2020, vol. 13, no 70. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n72/1782-pavlova72.html?fontstyle=f-larger> (accessed: 09.04.2020).
12. Pogorskiy E. K. [Features of the digital humanities]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2014, no. 5. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/5/Pogorskiy_Digital-Humanities (accessed: 09.04.2020).

13. Smirnov I. V., Shelmanov A. O., Kuznecova E. S., Hramoin I. V. [Semantic-syntactic analysis of natural languages. Part II. The method of semantic-syntactic analysis of texts]. In: *Iskusstvennyj intellekt i prinyatie reshenij* [Artificial intelligence and decision making], 2014, no. 1, pp. 11–24.
14. Enikolopov S. N., Kuznecova Yu. M., Smirnov I. V., Stankevich M. A., Chudova N. V. [Creation of a tool for automatic text analysis in the interests of socio-humanitarian research. Part 1. Methodological and methodological aspects]. In: *Iskusstvennyj intellekt i prinyatie reshenij* [Artificial intelligence and decision making], 2019, no. 2, pp. 28–38.
15. Voronin A. N., Grebenshikova T. A., Kubrak T. A., Pavlova N. D. The subjectness of the network community: a comparison of psychometric models of the discursive markers manifestation in content. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology], 2019, no. 3, pp. 6–24.
16. Kuznecova Yu. M., Kuruzov I. A., Smirnov I. V., Stankevich M. A., Starostina E. V., Chudova N. V. [Textual manifestations of frustration of a user of social networks]. In: *Medialingvistika* [Media linguistics], 2020. № 7 (1), pp. 4–15.
17. Al-Mosaiwi M., Johnstone T. In an Absolute State: Elevated Use of Absolutist Words Is a Marker Specific to Anxiety, Depression, and Suicidal Ideation. In: *Clinical Psychological Science*, 2018, no. 6 (4), pp. 529–542.
18. Azucar D., Marengo D., Settanni M. Predicting the big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis. In: *Personality and Individual Differences*, 2018, vol. 124, pp. 150–159.
19. Drouin M., Boyd R. L., Greidanus Romanelli M. Predicting recidivism among internet child sex sting offenders using psychological language analysis. In: *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2018, vol. 21, pp. 78–83.
20. Grunebaum M. F. Suicidology meets “Big Data”. In: *Journal of Clinical Psychiatry*, 2015, vol. 76, no. 3, pp. e383–e384.
21. Dehghani M., Johnson K. M., Garten J., Boghrati R., Hoover J., Balasubramanian V., Singh A., Shankar Y., Pulickal L., Rajkumar A., Parmar N. J. TACIT: An open-source text analysis, crawling, and interpretation tool. In: *Behavior Research Methods*, 2017, no. 49 (2), pp. 538–547.
22. Jashinsky J., Burton S. H., Hanson C. L., West J., Giraud-Carrier C. Tracking suicide risk factors through Twitter in the US. In: *Crisis*. 2014, vol. 35, pp. 51–59.
23. Lambiotte R., Kosinski M. Tracking the Digital Footprints of Personality. In: *Proceedings of the Institute of Electrical and Electronics Engineers (IEEE)*, 2014, no. 102 (12), pp. 1934–1939.
24. Manovich L. Cultural Data: Possibilities and Limitations of Digitized Archives. In: *Museum and Archive on the Move. Changing Cultural Institutions in the Digital Era*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2017. P. 259–276.
25. Pennebaker J. W. Campbell R. S. The effects of writing about traumatic experience. In: *Clinical Quarterly*, 2000, no. 9, pp. 17–21.
26. Potter J. Discursive psychology and the study of Naturally occurring Talk. In: *Qualitative Research*. SAGE Publications, 2011, pp. 187–207.
27. Soffer O. The Internet and National Solidarity: A Theoretical Analysis. In: *Communication Theory*, 2013, vol. 23, no. 1, pp. 48–66.

28. Voronin A. N., Grebenshchikova T. A., Kubrak T. A., Nestik T. A., Pavlova N. D. The Study of Network Community Capacity to be a Subject: Digital Discursive Footprints. In: *Behavioral Sciences*, 2019, no. 9. Available at: <https://doi.org/10.3390/bs9120119> (accessed: 09.04.2020).
29. Schwartz A. H., Eichstaedt J., Kern M., Park G., Sap M., Stillwell D., Ungar L. Towards assessing changes in degree of depression through Facebook. In: *Proceedings of the Workshop on Computational Linguistics and Clinical Psychology. Association for Computational Linguistics*, 2014, pp. 118–125.
30. Mairesse F., Walker M. A., Mehl M. R., Moore R. K. Using Linguistic Cues for the Automatic Recognition of Personality in Conversation and Text. In: *Journal of Artificial Intelligence Research*, 2007, no. 30, pp. 457–500.
31. Wilson S. R. Natural language processing for personal values and human activities: a dis. ... Doctor of Philosophy. Michigan, 2019. 146 p. University of Michigan. 2019. Available at: <https://deepblue.lib.umich.edu/handle/2027.42/150025> (accessed: 09.04.2020).
32. Yarkoni T. Personality in 100,000 words: A large-scale analysis of personality and word use among bloggers. In: *Journal of Research in Personality*, 2010, no. 44, pp. 363–373.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 23.08.2020

Статья размещена на сайте: 28.09.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Воронин Анатолий Николаевич – доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии Российской академии наук; e-mail: voroninan@bk.ru

Кубрак Тина Анатольевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник лаборатории психологии речи и психолингвистики Института психологии Российской академии наук; e-mail: kubrak.tina@gmail.com

Смирнов Иван Валентинович – кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий отделом Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук; e-mail: ivs@isa.ru

Станкевич Максим Алексеевич – инженер-исследователь Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» Российской академии наук; e-mail: stankevich@isa.ru

Anatoly N. Voronin – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Chief Researcher, Laboratory of Psychology of Speech and Psycholinguistics, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; e-mail: voroninan@bk.ru

Tina A. Kubrak – Cand. Sci. (Psychology), Researcher, Laboratory of Psychology of Speech and Psycholinguistics, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; e-mail: kubrak.tina@gmail.com

Ivan V. Smirnov – Cand. Sci. (Phys.-Math.), Assoc. Prof., Departmental Head, Federal Research Center “Computer Science and Management” of Russian Academy of Sciences; e-mail: ivs@isa.ru

Maxim A. Stankevich – Research Engineer, Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences; e-mail: stankevich@isa.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Оценка субъектности сетевого сообщества по показателям автоматического реляционно-ситуационного анализа его контента / А. Н. Воронин, Т. А. Кубрак, И. В. Смирнов, М. А. Станкевич // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Voronin A. N., Kubrak T. A., Smirnov I. V., Stankevich M. A. Assessment of the Network Community Subjectivity by Indicators of Content Automatic Relational-Situational Analysis. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 159.9.072

Горькая Ж. В.

Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ВРЕМЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ ШКОЛЬНИКОВ РАЗНОГО ПРОФИЛЯ ОБУЧЕНИЯ

АННОТАЦИЯ

Цель. Изучение влияния цифровых технологий на эффективность, удовлетворённость и особенности временных ориентаций школьников.

Процедура и методы. Анализируются психологические модели цифровой компетенции. Рассматривается применение инновационных методов при углублённом изучении предметов учебной программы старшей школы МОУ СОШ № 36 в 2018 г. Исследуется влияние цифровых технологий, применяемых при изучении предметов физико-математического, химико-биологического и гуманитарного профилей на развитие компетенций учащихся, особенностей мышления и временных ориентаций. Оценивается значимость различий данных, полученных с помощью методов: 16 PF Р. Кеттелла, опросника ZPTI, шкалы общей самооффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема.

Результаты. Анализ полученных данных доказывает, что использование цифровых технологий в старших классах повышает самооффективность, оперативность мышления, активность, креативность, независимость суждений, предприимчивость, уверенность в себе, ориентацию на будущее. Организация обучения отражается в профиле временной перспективы: в низких значениях факторов «негативного прошлого» и «фаталистического настоящего», в высоких показателях факторов «будущего» и «позитивного прошлого».

Теоретическая значимость. Раскрыты психологическое содержание и структура цифровой компетенции школьников, показана её взаимосвязь с самооффективностью и прошлым опытом учащихся.

Практическая значимость. Выявленная взаимосвязь цифровых технологий с уровнем компетенций и особенностями временной перспективы школьников позволяет повысить качество обучения и может быть использована при организации учебного процесса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

учебные компетенции, цифровые технологии, временная перспектива, временные ориентации, самооффективность

СТРУКТУРА

Введение

Методы исследования

Результаты

Обсуждение результатов

Выводы

Zh. Gorkaya

*Federal state Autonomous educational institution of higher education "Peoples' Friendship University of Russia»
6 Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation*

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF TIME ORIENTATION OF SCHOOL STUDENTS OF DIFFERENT EDUCATIONAL PROFILES

ABSTRACT

Aim. Study of the impact of digital technologies on the effectiveness, satisfaction and time orientation of schoolchildren.

Methodology. Psychological models of digital competence are analyzed. The article considers the application of innovative methods in the in-depth study of subjects in the curriculum of the high school of MOE SOSH No. 36 in 2018. The article examines the influence of digital technologies used in physical and mathematical, chemical and biological and humanitarian profiles on the development of students' competencies, modes of thinking and time orientation. The significance of differences in the data obtained with the following methods: 16 PF P. Kettell, the ZPTI questionnaire, the General self-efficacy scale by R. Schwarzer and M. Yerusalem – is estimated.

Results. The analysis of the obtained data proves that the use of digital technologies in high school increases self-effectiveness, efficiency of thinking, activity, creativity, independence of judgment, entrepreneurship, self-confidence, and orientation to the future. The organization of training is reflected in the time perspective profile: low values of the "negative past" and "fatalistic present" factors, high indicators of the "future" and "positive past" factors.

Research implications. The psychological content and structure of digital competence of schoolchildren are revealed, and its relationship with self-efficacy and past experience of students is shown. The revealed relationship of digital technologies with the level of competence and features of the time perspective of students allows to improve the quality of education and can be used in the organization of the educational process.

KEYWORDS

educational competencies, digital technologies, time perspective, time orientations, self-efficacy

ВВЕДЕНИЕ

Современный мир невозможно представить без цифровых технологий, социальных сетей и электронного оборота документов, фактов, сообщений. При этом, согласно данным Международного исследования компьютерной и информационной грамотности (ICILS), меньше половины молодых людей обладают необходимым уровнем цифровых умений [18, р. 87]. Современная школа становится одним из важных оснований будущего своих учеников – развития лидерства, профессионализма, социальной успешности и личного благополучия [14]. Полученные знания, сформированные компетенции и уверенность в себе и своих силах рассматриваются нами как фундамент дальнейших успехов [3, с. 80].

Какой бы жизненный путь не выбрал школьник – ему потребуется способность искать и анализировать информацию, применять цифровые технологии для сотрудничества и общения с другими людьми, использовать информационные сети для достижения результата [13, р. 124–131]. Необходимо учитывать, что приобретаемые компетенции не только определяют инструментальные возможности учащихся. Они связаны со сложными когнитивными процессами, личностными структурами, системами построения отношений, навыками обучения и социальной интеграции [19, р. 2–15].

Одними из ключевых требований, предъявляемых к образованию в эпоху бурного развития информационных технологий, становятся создание атмосферы лидерства в школе, развитие цифровой компетенции, умения искать и анализировать информацию с использованием информационных технологий посредством коммуникации [15, р. 326]. Цифровая компетентность как сложное интегративное образование включает операциональные, инструментальные, когнитивные факторы [9]. В её структуре могут быть выделены количественные результативные и субъективные качественные критерии [17].

Психологические модели цифровой компетенции учитывают, что её показатели зависят от мотивации, знаний, умений, ответственности, коммуникативной, технической, потребительской, медиакомпетентности [7, с. 25]. Для её успешного развития необходимы не только знание адекватных способов использования информационных технологий в личных целях, но и видение перспектив, умение выстроить траекторию личного и профессионального развития. Максимальное влияние цифровой компетентности на результативность образовательной деятельности опосредованно самооэффективностью, ожиданиями, аффективными факторами, такими как беспокойство и опыт, полученный от использования сетевых технологий для решения практических задач [22].

Таким образом, **цифровая компетентность** – это прежде всего навыки использования интернет-пространства для эффективного достижения целей и реализации траектории развития в соответствии с личными ценностями и интересами. Её успешное формирование зависит от использования сетевых онлайн-технологий в обучении, повышающих уровень информационной, компьютерной грамотности и социальных компетенций школьников.

Цель исследования – изучение взаимосвязи использования цифровых технологий в образовании с оценкой самооэффективности и временной ориентацией школьников. Нам важно понимать, как развитие сетевых компетенций с помощью современных методов школьного обучения отражается на субъективной оценке личной эффективности и результативности, как оно связано со структурой временной перспективы и представлениями о будущем молодого человека.

Исследование Дж. М. Твенж (J. M. Twenge) и У. К. Кэмпбелл (W. K. Campbell) [24] показывает, что с каждым годом субъективные оценки учащихся в отношении своих настоящих и будущих результатов повышаются: чем моложе поколение старшеклассников, тем больше они довольны собой, своим интеллектуальным развитием, результатами, баллами по предметам. При этом позитивное представление о способностях не соответствует объективным показателям самостоятельности и эффективности. Одним из возможных методов повышения адекватности и снижения расхождения между субъективными и реальными показателями успешности является использование онлайн-технологий в образовательном процессе.

Цифровые технологии повышают гибкость и эффективность обучения за счёт возможности учитывать уровень знаний и зону ближайшего развития ученика, предпочтения и видение перспектив дальнейшего применения учебных действий. Принципиально важным моментом является возможность обеспечить поддержку при возникновении сложностей и обратную связь при оценке выполняемых учебных действий. Кроме того, совмещение процесса обучения в школе с использованием информационных сетей расширяет и углубляет компетенции за счёт межпредметных связей, что формирует устойчивую мотивацию и позволяет повысить уверенность в использовании получаемых знаний за пределами учебного процесса.

Таким образом, включение цифровых технологий в образовательный процесс повышает актуальность и субъективную значимость приобретаемых умений за счёт постановки целей и задач, выходящих за рамки учебной деятельности, что расширяет временную перспективу будущего [16]. Наличие глубокой временной перспективы и повышение информационной компетентности усиливает мотивацию, настойчивость в преодолении проблем, продуктивность деятельности и глубину понимания [5]. Особенности временных ориентаций, в свою очередь, отражаются на системе мотивов подростков и особенностях постановки конкретных целей.

Общая мотивация, характеризующая понимание важности обучения и информационной грамотности, и учебная мотивация, связанная с освоением узких предметных действий, входят в состав цифровой компетентности [6]. Дисбаланс между ними в структуре мотивации отражается на развитии цифровой компетенции, результативности и субъективной эффективности действий.

Особенности сформированности цифровой компетенции могут быть определены с помощью индекса, включающего знания, умения, мотивацию, ответственность, безопасность действий при работе с контентом, коммуникациями, потреблением и информационной средой [4, с. 47]. Концепция цифровой компетенции Г. У. Солдатовой и Е. И. Рассказовой [5] описывает компетенцию как специфическую систему представлений подростков о своих возможностях и желаниях в современном технологичном мире. Их реали-

стичность и адекватность зависят от особенностей мотивации и структуры деятельности в интернет-сетях [7, с. 56]. Р. Саволайнен (R. Savolainen) добавляет к значимым факторам самооффективность, тревожность и опыт использования интернета [22, р. 211].

Необходимо подчеркнуть, что сама по себе доступность информационной и цифровой среды является недостаточной для развития навыков цифровой компетенции и устойчивой мотивации. Для обеспечения эффективности образовательного процесса необходимо предоставить возможность самостоятельной постановки целей и построения маршрута навигации в цифровой среде. А конкретные цели и устойчивая мотивация позволяют сформировать навыки работы с ресурсом библиотек, умения использовать цифровое пространство для социальной коммуникации [19, р. 203].

Современные образовательные технологии должны быть комплексными, системными, гибкими, включающими онлайн-ресурсы [11, р. 104]. Это позволит повысить эффективность обучения за счёт рационального распределения времени между учебным процессом и самостоятельной учебной деятельностью [23, р. 5]. Учёт интересов ученика при постановке учебных целей и опора на его ценности при выборе профиля подготовки позволяют повысить уровень цифровой компетенции и качество образовательного процесса [10, р. 827].

Ожидания, воплощающие значимые для человека цели, зависят от самооценки способностей и осуществляемых действий [12, р. 103]. Высокая самооффективность определяет силу мотивации, привлекательность ожидаемого результата и обеспечивает готовность следовать поставленной цели независимо от возможных препятствий [8]. Низкая самооффективность проявляется в склонности объяснять неудачи недостатком личных способностей для достижения цели.

Рассматривая особенности формирования компетенций в процессе обучения, Е. Элстад (E. Elstad) и К. А. Кристоферсен (K. A. Christophersen) [12] выделяют в структуре самооффективности уровень саморегуляции, обеспечивающий непрерывность и эффективность процесса самообучения за счёт дисциплины и поддержания мотивации, и уровень самооффективности, позволяющий использовать информационные технологии для решения учебных задач и достижения личных целей. М. Саланова (M. Salanova), Дж. М. Пейро (J. M. Peiró), В. Б. Шауфели (W. B. Schaufeli) [21] отмечают, что самооффективность определяет конкретность и адекватность постановки целей в процессе обучения, а также влияет на представление о будущем профессиональном и личном успехе.

Успех в представлении подростков напрямую связан с постановкой и достижением целей, возможностью самореализации и переживанием радости и заслуженного счастья от проделанной работы [1, с. 31]. В целом представления школьников о будущем отличаются глубиной, насыщен-

ностью и позитивом [2, с. 127]. Глубокая перспектива будущего повышает успешность в обучении за счёт повышенной мотивации, настойчивости и упорства [16].

Полное представление человека о своих успехах в будущем, возможностях в настоящем и достижениях прошлого позволяет оценить временная перспектива личности [20, р. 1]. Как психологическая категория она представляет собой единство мотивационной, эмоциональной, когнитивной и социальной составляющих, описывающих картину жизни человека. Являясь относительно стабильной характеристикой личности, временная перспектива становится основой для построения порядка совершаемых действий, выбираемых целей и используемых технологий.

Мы хотим знать, как развитие компетенций в процессе обучения влияет на самооценку школьников и структуру временной перспективы. Мы полагаем, что использование информационных и цифровых технологий повышает уровень самоэффективности и уменьшает значение временных ориентаций на «негативное прошлое» и «фаталистическое настоящее».

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в 2018 г. на базе МОУ СОШ № 36 города Самары. В школе реализуется компетентностно-ориентированный подход, целью которого является формирование предметных, социальных и цифровых компетенций школьников. Программа предполагает углублённое изучение отдельных учебных дисциплин по выбору учащегося и иностранного языка для любого направления подготовки. Образовательная среда школы отличается доступностью цифровых и информационных технологий в обучении, что позволяет ученикам использовать их не только на занятиях, но и вне учебных аудиторий. В учреждении обеспечен свободный доступ к информационным библиотечным базам, организованы лаборатории для выполнения индивидуальных и групповых проектных заданий, создана система электронной обратной связи, объединяющая учеников разных классов, учителей и консультантов из вузов, читающих элективные курсы.

Система организации дополнительных курсов и занятий построена таким образом, чтобы обеспечить максимально благоприятные условия для развития творческих, организационных, интеллектуальных и цифровых компетенций школьников. В основе организации инновационной образовательной среды школы лежат принципы «индивидуализации», «самоактуализации способностей», «выбора», «творчества и успеха».

Психодиагностическое исследование проводилось с тремя одиннадцатыми классами по направлениям подготовки «Гуманитарное», «Физико-

математическое», «Химико-биологическое». Дифференциация на классы с углублённым изучением предметов в старшей школе основана на личных предпочтениях и учебных возможностях старшеклассников. Под возможностями понимается реальный уровень компетенции, который определяется с помощью учебных тестов и предметных задач. Важно отметить, что учащиеся могут посещать занятия параллельного профиля. Кроме того, по итогам обучения может быть осуществлён переход на другое направление подготовки.

Ученики «гуманитарного» класса ориентированы на погружение в предметы гуманитарного профиля – русский язык, литературу, историю, обществознание. В классе 24 человека. Он является гетерохромным – 12 девушек и 12 юношей в возрасте от 17 до 18 лет.

В классе «физико-математического» профиля увеличено количество часов и элективных курсов по математике, информатике, физике. В классе 21 человек. Класс является гетерохромным – 7 девушек и 14 юношей в возрасте от 17 до 18 лет.

В программе третьего, «химико-биологического» профиля углублённо изучаются предметы естественно-научного цикла. В классе 24 человека. Он является гетерохромным – 12 девушек и 12 юношей в возрасте от 16 до 18 лет.

Выпускники всех учебных классов используют информационные технологии при выполнении учебных заданий, подготовке и защите проектов. В процессе обучения школьники участвуют в дискуссиях, дебатах, круглых столах, деловых играх и т. п. На основании достигнутых результатов участвуют в конкурсах и конференциях школьного и городского уровней. Отличительной особенностью подготовки по «физико-математическому» профилю является выполнение междисциплинарного проекта, тема которого полностью зависит от интересов школьника. Работа над ним требует временных затрат, поскольку выполняется в течение полугода, и цифровых компетенций – умение формулировать цели и задачи в соответствии с личными ценностями и интересами, искать и анализировать информацию, поддерживать общение и сотрудничать с другими людьми с помощью онлайн-сетей, использовать интернет-пространство для достижения результата.

Для выявления влияния информационных технологий на оценку самоэффективности и профиль временной перспективы школьников использовались методы: многофакторный личностный опросник 16 PF Р. Кеттелла, опросник временной перспективы ZPTI, шкала общей самоэффективности Р. Шварцера и М. Ерусалема, методы математической статистики (программа SPSS).

Исследование проходило в обычном, привычном для учеников классе вместо уроков, в комфортных условиях. Урок был не первым и не последним. После представления и описания целей и задач исследования обсуждался порядок тестирования, читались инструкции, разбирались возникшие вопросы. Учащиеся проявили интерес, задавали вопросы, которые обсуждались совместно.

Шкала общей самооценки Р. Шварцера и М. Ерусалема состоит из 10 вопросов, направленных на оценку субъективного ощущения личной эффективности. Опросник временной перспективы ZPTI (Zimbardo Time Perspective Inventory) состоит из 56 утверждений, которые испытуемый может оценить по шкале от 1 до 5. Опросник позволяет построить профиль временной перспективы личности в пяти временных ориентациях: позитивное и негативное прошлое, гедонистическое и фаталистическое настоящее, будущее. Многофакторный личностный опросник 16 PF Р. Кеттелла состоит из 187 вопросов и характеризует ценностные и поведенческие установки личности. Позволяет оценить эмоциональные и личностные проблемы, творческий потенциал, уверенность в себе, особенности эмоционально-волевой и коммуникативной сферы.

Оценка достоверности и надёжности полученных результатов проводилась с помощью программы SPSS Statistics.

Каждый класс расценивался как отдельная группа: первая группа – химико-биологический класс; вторая группа – физико-математический класс; третья группа – гуманитарный класс. Полученные результаты оценивались с помощью первичной статистики. Для сравнения средних значений полученных выборок, на основании которого можно сделать вывод о соотношении средних генеральных совокупностей, использовался однофакторный дисперсионный анализ. Для конкретизации различий между группами использовался критерий Дж. Тьюки.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Данные по психодиагностическим методикам были обработаны с помощью программы SPSS Statistics. На первом этапе анализа сырые баллы по тесту Кеттелла были переведены в Стены. Результаты тестов ZPTI и «Шкалы самооценки» обработаны с помощью описательной статистики. Полученные средние значения, стандартные отклонения и показатели статистической значимости различий для учащихся разного профиля представлены в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Значения факторов Кеттелла, временных ориентаций и самооэффективности учащихся разного профиля обучения / Values of Cattell factors, temporal orientations and self-efficacy of students in different learning profiles

Фактор	Значения ($M \pm \sigma$) для групп разного профиля обучения			F	Знч.
	Химико-биологический	Физико-математический	Гуманитарный		
A	4,333 $\pm$ 2,140	4,242 $\pm$ 2,255	5,152 $\pm$ 1,814	1,833	0,168
B	6,417 $\pm$ 1,839	7,653 $\pm$ 2,223	6,827 $\pm$ 2,107	6,715	0,002
C	6,514 $\pm$ 2,301	6,324 $\pm$ 2,901	6,762 $\pm$ 2,417	0,75	0,477
E	5,750 $\pm$ 1,7998	6,127 $\pm$ 2,173	4,539 $\pm$ 2,025	4,893	0,01
F	5,262 $\pm$ 2,541	5,683 $\pm$ 2,349	5,417 $\pm$ 2,462	1,028	0,363
G	6,083 $\pm$ 2,019	6,749 $\pm$ 1,802	6,374 $\pm$ 2,310	0,397	0,674
H	6,208 $\pm$ 2,265	7,250 $\pm$ 2,744	6,847 $\pm$ 2,653	3,371	0,04
I	4,958 $\pm$ 2,136	4,546 $\pm$ 2,581	4,677 $\pm$ 2,296	0,145	0,866
L	4,917 $\pm$ 2,339	4,109 $\pm$ 2,546	4,466 $\pm$ 2,374	0,432	0,651
M	3,833 $\pm$ 1,711	5,379 $\pm$ 2,653	4,476 $\pm$ 1,918	3,48	0,037
N	6,375 $\pm$ 2,2996	5,824 $\pm$ 2,716	5,812 $\pm$ 2,831	0,772	0,466
O	5,792 $\pm$ 2,043	4,217 $\pm$ 2,339	4,958 $\pm$ 2,136	4,1	0,021
Q1	6,250 $\pm$ 1,675	6,120 $\pm$ 1,905	6,002 $\pm$ 1,653	0,716	0,492
Q2	3,917 $\pm$ 2,653	3,419 $\pm$ 2,560	3,709 $\pm$ 2,107	1,057	0,353
Q3	6,125 $\pm$ 2,419	6,129 $\pm$ 2,379	6,269 $\pm$ 1,964	1,055	0,354
Q4	5,667 $\pm$ 2,3896	3,833 $\pm$ 2,711	4,675 $\pm$ 2,2996	4,281	0,018
MD	5,473 $\pm$ 3,276	5,140 $\pm$ 2,735	5,017 $\pm$ 2,414	0,718	0,492
FB	3,500 $\pm$ 1,2158	3,143 $\pm$ 1,703	3,261 $\pm$ 1,718	2,674	0,076
F1	5,054 $\pm$ 2,331	5,274 $\pm$ 2,637	5,138 $\pm$ 2,194	2,334	0,105
F2	6,033 $\pm$ 2,175	5,937 $\pm$ 2,478	6,146 $\pm$ 2,635	2,625	0,08
F3	6,850 $\pm$ 1,618	6,353 $\pm$ 1,644	6,178 $\pm$ 1,765	0,677	0,512
F4	4,733 $\pm$ 2,280	4,962 $\pm$ 2,238	4,219 $\pm$ 2,119	0,268	0,766
PAST -(n)	2,835 $\pm$ 0,643	2,654 $\pm$ 0,919	2,713 $\pm$ 0,830	1,851	0,165
PRES H(n)	3,178 $\pm$ 0,454	3,229 $\pm$ 0,817	3,744 $\pm$ 0,753	4,996	0,01
FUTURE(n)	3,584 $\pm$ 0,883	3,482 $\pm$ 0,802	3,516 $\pm$ 0,820	0,453	0,638
PAST +(n)	3,650 $\pm$ 0,586	3,961 $\pm$ 0,578	4,115 $\pm$ 0,517	6,459	0,003
PRES F(n)	2,274 $\pm$ 0,611	2,440 $\pm$ 0,680	2,384 $\pm$ 0,654	0,293	0,747
Само-эф-фектив-ность	31,708 $\pm$ 4,697	31,083 $\pm$ 3,525	32,429 $\pm$ 3,763	2,583	0,083

Различия в показателях самооффективности учащихся разных профилей статистически не значимы, но для всех групп они выше средних (31,708; 31,083; 32,429), что говорит об уверенности в собственных силах и способностях. Профиль обучения не отражается существенно на самооффективности школьников, потому что наиболее значимым фактором в данном случае является учебная успеваемость. Опыт успеха, полученный в процессе обучения, формирует высокие ожидания и ориентацию на будущее (FUTURE(n)=3,584±0,883; 3,482±0,802; 3,516±0,820). Школьники знают себя и приоритеты, свои преимущества и недостатки, что является основой для адекватной самооценки (MD=5,473±3,276; 5,140±2,735; 5,017±2,414).

На основании полученных результатов можно построить «психологический портрет» учащихся химико-биологического профиля. Их отличают: критичность, склонность к объективности, строгости в оценке (A=4,333±2,140), высокий уровень интеллектуального развития и абстрактного мышления (B=6,417±1,839), эмоциональная устойчивость, высокая способность к соблюдению моральных норм (C=6,514±2,301), конформность, мягкий, корректный стиль общения (E=4,539±2,025), ситуативность реагирования, что подтверждают результаты статистического отклонения фактора F «озабоченность – беззаботность» (5,262±2,541). Разброс значений фактора G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» (6,083±2,019) говорит о том, что особенности регуляции социального поведения зависят от индивидуальных особенностей школьников. Значения фактора H «тректя – пармия» (6,208±2,265) говорят о необходимости учитывать индивидуальные особенности, несмотря на то, что в общем учеников химико-биологического профиля характеризуют смелость, предприимчивость и активность. Учащихся отличают логичность, практичность, гибкость в суждениях (I=4,958±2,136), высокая скорость решения практических задач (M=3,833±1,711), выдержанность и осторожность (N=6,375±2,2996), ориентация на социальное одобрение (Q2=3,917±2,653), целенаправленность и стремление контролировать свои эмоции (Q3=6,125±2,419), быстрая реакция на возникающие трудности (F3=6,850±1,618). При решении возникающих проблем они склонны не замечать деталей и нюансов, направляя действия на явное и очевидное.

Во временном профиле учащихся химико-биологического класса доминируют ориентации будущего (3,584±0,883) и позитивного прошлого (3,650±0,586). Школьники планируют будущее, ставят цели, определяют перспективы профессионального развития. Высокие значения фактора подкреплены добросовестностью и ответственностью, характерными для учащихся химико-биологического профиля. Более низкие значения по сравнению с позитивным прошлым, вероятно, можно объяснить достаточно высокой тревожностью, эмоциональностью и импульсивностью. Позитивное принятие прошлого связано с эмпатией и низкой агрессивностью учащихся данного

профиля, что обеспечивает возможность максимального погружения в учёбу и получения удовольствия от общения.

Учащихся «физико-математического» профиля можно описать как сдержанных и рассудительных в установлении социальных контактов ($A=4,242\pm 2,255$), им присущи социальная смелость, активность и готовность вступать в новые группы ($H=7,250\pm 2,744$), развитое чувство долга и ответственность ($G=6,749\pm 1,802$), умение принимать самостоятельные и оригинальные решения ($Q2=3,419\pm 2,560$). Психозэмоциональные особенности учеников отражаются в профиле временной перспективы: в низких значениях факторов «негативного прошлого» и «фаталистического настоящего»; в высоких показателях факторов «будущего» и «позитивного прошлого». Особенности эмоциональной регуляции, тревожность и напряжённость, характерные для учеников физико-математического класса, уменьшают временную направленность на планирование будущего и постановку долгосрочных, выходящих за пределы настоящего целей. Высокий интеллект, смелость в социальных контактах, успешность в учебной и проектной деятельности позволяют позитивно оценивать прошлое, что является мощным ресурсом для личного развития и построения дружелюбных, конструктивных отношений с окружающими.

Ученики «гуманитарного» профиля более открыты и общительны ($A=5,152\pm 1,814$), склонны к экстраверсии ($F=5,417\pm 2,462$), уверены в себе ($C=6,762\pm 2,417$), стрессоустойчивы. Они умеют контролировать своё поведение ($Q3=6,269\pm 1,964$), собраны, энергичны, но недостаточно мотивированы ($Q4=4,675\pm 2,2996$). Их отличают подвижность и гибкость мышления, хорошая эрудированность, самостоятельность и оригинальность ($E=6,325\pm 2,025$). Особенностью профиля временных ориентаций учащихся гуманитарного профиля является доминирование фактора «гедонистического настоящего», что можно объяснить эмоциональностью, импульсивностью, конформизмом, ориентацией на социальные нормы и направленностью на социальное взаимодействие.

Обработка результатов с помощью дисперсионного анализа выявила статистически значимые различия по факторам: «интеллект В» ($0,002$, $p\leq 0,05$), «конформность – доминантность» Е ($0,010$, $p\leq 0,05$), «тректия – пармия» Н ($0,040$, $p\leq 0,05$), «аутия – праксерния» М ($0,037$, $p\leq 0,05$), «гипотимия – гипертимия» О ($0,021$, $p\leq 0,05$), «фрустрированность» Q4 ($0,018$, $p\leq 0,05$), «гедонистическое настоящее» PresH ($0,010$, $p\leq 0,05$), «позитивное прошлое» Past+ ($0,003$, $p\leq 0,05$). Значения статистических параметров по выделенным факторам для учащихся разного профиля подготовки представлены в таблице 2.

Таблица 2 / Table 2

Значимые различия в личностных особенностях и временной перспективе старшеклассников физико-математического, химико-биологического и гуманитарного профилей обучения / Significant differences in personality traits and time perspectives of senior school students in physics and mathematics, chemistry and biology, and humanities

Факторы	(I) Группа	(J) Группа	Статистические значения		
			(I-J)	Стд. Ошибка	Знач.
В	химико-биологический	гуманитарный	1,62500*	0,5696	0,016
	химико-биологический	физико-математический	-0,375	0,58959	0,801
	гуманитарный	физико-математический	-2,0000*	0,58959	0,003
Е	химико-биологический	гуманитарный	-2,25	1,00157	0,071
	химико-биологический	физико-математический	-3,1012*	1,03672	0,011
	гуманитарный	физико-математический	-0,85119	1,03672	0,691
Н	химико-биологический	гуманитарный	-2,70833	1,63836	0,231
	химико-биологический	физико-математический	-4,3273*	1,69587	0,034
	гуманитарный	физико-математический	-1,61905	1,69587	0,608
М	химико-биологический	гуманитарный	-0,66667	0,80257	0,685
	химико-биологический	физико-математический	-2,1547*	0,83074	0,031
	гуманитарный	физико-математический	-1,4881	0,83074	0,18
О	химико-биологический	гуманитарный	2,25	1,18544	0,147
	химико-биологический	физико-математический	3,42857*	1,22705	0,018
	гуманитарный	физико-математический	1,17857	1,22705	0,604
Q4	химико-биологический	гуманитарный	1	1,77059	0,839
	химико-биологический	физико-математический	5,10714*	1,83273	0,019
	гуманитарный	физико-математический	4,107	1,83273	0,072
PRH(n)	химико-биологический	гуманитарный	-,56618*	0,17912	0,007
	химико-биологический	физико-математический	-0,28852	0,1854	0,272
	гуманитарный	физико-математический	0,27766	0,1854	0,299
PA +(n)	химико-биологический	гуманитарный	-,38426*	0,15763	0,045
	химико-биологический	физико-математический	0,18519	0,16316	0,496
	гуманитарный	физико-математический	,56944*	0,16316	0,002

*. Разность средних значима на уровне 0.05.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Фактор «Интеллект» В оценивает оперативность, гибкость, абстрактность мышления, общий уровень вербальной культуры. Более низкие значения данного фактора у учащихся гуманитарного профиля ($6,417 \pm 1,839$) вероятно, связаны с доминированием предметов, не требующих решения

математических задач и оперативного принятия решений. Результаты учащихся физико-математического ($7,653 \pm 2,223$) и химико-биологического ($6,827 \pm 2,107$) профилей можно объяснить большим количеством курсов, требующих выбора алгоритмов действий, связанных с анализом учебной информации и математическими расчётами.

Фактор «конформности (подчинённости) – доминантности» Е фиксирует низкие показатели самостоятельности и напористости у учеников гуманитарного класса ($4,539 \pm 2,025$), в отличие от физико-математического ($6,127 \pm 2,173$). Учащиеся гуманитарного профиля чаще участвуют в социальных проектах, проводят дискуссии и круглые столы в рамках учебных дисциплин. Это требует умения подстраиваться, проявлять тактичность, адаптивность. При решении задач физико-математического профиля необходимы цифровые компетенции, способность совершать самостоятельные действия и формировать автономное мнение.

По фактору «пармия – третия» Н выявлено значимое различие между результатами учеников физико-математического ($7,250 \pm 2,744$) и химико-биологического профилей ($6,208 \pm 2,265$). Это можно объяснить особенностями углублённого изучения предметов физико-математического профиля, который требует от школьников наличия навыков работы с поиском и анализом информации, умения принимать решения и обосновывать выбор алгоритма выполнения учебной задачи. Кроме того, ученики физико-математического класса часто участвуют в предметных олимпиадах и межпредметных исследовательских проектах, требующих смелости, предприимчивости и готовности к риску.

Фактор «аутия – праксерния» М выявляет склонность учеников химико-биологического класса ($3,833 \pm 1,711$) ориентироваться на практичность, нормы и правила. Требования в рамках проектной деятельности решать нестандартные задачи формируют большую креативность и развивают воображение у школьников физико-математического профиля ($5,379 \pm 2,653$).

Фактор «гипотимия – гипертимия» О говорит о большей самоуверенности выпускников физико-математического класса ($4,217 \pm 2,339$). Их отличают большая безмятежность и отсутствие чувства вины. Они спокойнее относятся к ошибкам и неудачам, что можно объяснить тем, что они их чаще совершают. Наиболее тревожными оказались ученики химико-биологического профиля ($5,792 \pm 2,043$). Вероятно, это связано с методами углублённого изучения предметов, требующих от школьников запоминания и точного воспроизведения большого объёма информации.

Фактор «фрустрированность» Q4 подтверждает более высокий уровень напряжения и тревожности у учеников химико-биологического профиля ($5,667 \pm 2,3896$). Необходимо учитывать, что повышение тревожности характерно для выпускников школы и связано с необходимостью выбора дальнейшего пути. Но, вероятно, углублённое изучение предметов химико-биологического профиля не снижает волнений учеников.

Анализируя статистически значимые различия в профиле временных ориентаций школьников, можно говорить о том, что ученики гуманитарного класса больше ориентированы на «гедонистическое настоящее» PresH ($3,744 \pm 0,753$) и «позитивное прошлое» Past+ ($4,115 \pm 0,517$). Данные особенности, вероятно, связаны с большей долей курсов и предметов, в рамках которых школьники развивают социальные и коммуникативные компетенции. Углублённое изучение гуманитарных курсов требует внимания к деталям, эмоциям, нюансам построения отношений между людьми. В результате они умеют реконструировать и объяснять поведение в прошлом, исходя из интересов настоящего. Они отличаются более тёплым, ностальгическим и радужным восприятием свершившихся событий, что позволяет им ярче и позитивнее переживать возможности настоящего.

ВЫВОДЫ

1. Использование цифровых и информационных технологий при углублённом изучении предметов в старших классах влияет на развитие компетенций учащихся: повышает самооффективность, оперативность мышления, активность, креативность, независимость суждений, предприимчивость, уверенность в себе, ориентацию на будущее.

2. Качества и компетенции, формируемые в процессе обучения с использованием цифровых технологий, отражаются в профиле временной перспективы: в низких значениях факторов «негативного прошлого» и «фаталистического настоящего», в высоких показателях факторов «будущего» и «позитивного прошлого». Опыт успеха, полученный в процессе обучения, добросовестность, ответственность, умение планировать формируют высокие ожидания и ориентацию на будущее. Высокая тревожность, эмоциональность, импульсивность в сочетании с высоким интеллектом, смелостью в социальных контактах, успешностью в учебной и проектной деятельности обеспечивают устойчивое позитивное отношение к прошлому, что является основой будущих достижений в социальных отношениях и профессиональной деятельности.

3. Трансформация временной перспективы при углублённом изучении предметов гуманитарного профиля с применением цифровых технологий ориентирует старшеклассников на «гедонистическое настоящее» и «позитивную историю жизни», что способствует наибольшей удовлетворённости, готовности ярко проявлять свою индивидуальность и уникальность. Ученики менее всего склонны воспринимать ход событий как «фаталистический» и негативный, развитие которого не зависит от их усилий. Они ориентированы на социальные проекты и развитие отношений.

4. Углублённое изучение предметов образовательного профиля в сочетании с цифровыми технологиями влияет на формирование психологических особенностей и временных ориентаций учащихся:

– физико-математический профиль обучения способствует формированию информационных компетенций, гибкости и аналитичности мышления, самостоятельности при принятии решений, открытости к восприятию нового, развитию креативности и воображения, предприимчивости и готовности к риску;

– гуманитарный профиль обучения повышает уровень коммуникативных компетенций, социальную активность, умение вести дискуссии и эффективно взаимодействовать с людьми. Способность позитивно реконструировать прошлые события, ориентируясь на интересы настоящего, усиливает временную ориентацию на «гедонистическое настоящее» и «позитивное прошлое», что проявляется в тёплом и ностальгическом отношении к прошлому и более ярком восприятии настоящего;

– химико-биологический профиль способствует формированию высокого уровня учебных компетенций, ответственности, аналитичности, настойчивости, деликатности и внимательности к деталям, поощряет практичность и деловую направленность.

Результаты проведённого психодиагностического исследования подтверждают влияние профиля подготовки на развитие способностей учеников, профиля временной перспективы и позволяют рассматривать цифровую компетенцию как составляющую социальной компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бухаленкова Д. А. Представления современных подростков об успехе // Национальный психологический журнал. 2013. № 4 (12). С. 31–35.
2. Вартанова И. И. Мотивация и временная перспектива старшеклассников // Национальный психологический журнал. 2013. № 2 (10). С. 127–133.
3. Погожина И. Н., Сергеева М. В., Егорова В. А. Цифровая компетентность и детство – уникальный вызов 21 века (анализ современных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2019. № 4. С. 80–106.
4. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Краткая и скрининговая версии индекса цифровой компетентности: верификация и возможности применения // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 (31). С. 47–56.
5. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Модели цифровой компетентности и деятельность российских подростков онлайн // Национальный психологический журнал. 2016. № 2 (22). С. 50–60.
6. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Мотивация в структуре цифровой компетентности российских подростков // Национальный психологический журнал. 2017. № 1. С. 3–14.
7. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей // Национальный психологический журнал. 2014. № 2 (14). С. 25–31.
8. Bandura A., Ramachaudran V. S. Self-efficacy // Encyclopedia of human behavior : in 4 vol. Vol. 4. San Diego: Academic Press, 1998. P. 71–81.

9. Choi S. Y. A Study on the Digital Competency for the Fourth Industrial Revolution // The Journal of Korean Association of Computer Education. 2018. Vol. 21. № 5. P. 25–35.
10. Duncan-Howell J. Digital mismatch: Expectations and realities of digital competency amongst pre-service education students // Australasian Journal of Educational Technology. 2012. № 28 (5). P. 827–840.
11. Ellis L. A. Approaches to teaching through digital reference // Reference Services Review. 2004. Vol. 32. № 2. P. 103–119.
12. Elstad E., Christophersen K. A. Perceptions of Digital Competency among Student Teachers: Contributing to the Development of Student Teachers' Instructional Self-Efficacy in Technology-Rich Classrooms [Электронный ресурс] // Education Sciences. 2017. № 7 (1). URL: <https://www.mdpi.com/2227-7102/7/1/27> (дата обращения: 21.04.2020).
13. Nyikes Z. Contemporary digital competency review // Interdisciplinary Description of Complex Systems. 2018. № 16 (1). P. 124–131.
14. Orphanos S., Orr M. T. Learning leadership matters: The influence of innovative school leadership preparation on teachers' experiences and outcomes // Educational Management Administration & Leadership. 2014. Vol. 42 (5). P. 680–700.
15. Pinto M., Fernandez-Pascual R., Sales D. Communication of information in the digital age among social sciences students: Uncovering a synthetic indicator of performance // Aslib Journal of Information Management. 2018. Vol. 70. № 4. P. 326–343.
16. Placing Motivation and Future Time Perspective Theory in a Temporal Perspective / J. Simons, M. Vansteenkiste, W. Lens, M. Lacante // Educational Psychology Review. 2004. № 16. P. 121–139.
17. Pons P. J. de. Higher Education and the Knowledge Society. Information and Digital Competencies // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2010. Vol. 7. P. 6–15.
18. Preparing for life in a digital world: the IEA International Computer and Information Literacy Study 2018 International Report / J. Fraillon, J. Ainley, W. Schulz, T. Friedman, D. Duckworth. Amsterdam: International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA), 2019. 321 p.
19. Rafi M., Jianming Z., Ahmad K. Technology integration for students' information and digital literacy education in academic libraries // Information Discovery and Delivery. 2019. Vol. 47. № 4. P. 2–16.
20. Romero M., Usart M. The Temporal Perspective in Higher Education Learners: Comparisons between Online and Onsite Learning // European Journal of Open, Distance and e-Learning, 2014, Vol. 17. № 1. P. 190–209. DOI: <https://doi.org/10.2478/eurodl-2014-0013>.
21. Salanova M., Peiró J. M., Schaufeli W. B. Self-efficacy specificity and burnout among information technology workers: An extension of the job demand-control model // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2002. Vol. 11(1). P. 1–25. DOI: 10.1080/13594320143000735.
22. Savolainen R. Network competence and information seeking on the Internet: From definitions towards a social cognitive model // Journal of Documentation. 2002. Vol. 58. № 2. P. 211–226.

23. Serdyukov P. Innovation in education: what works, what doesn't, and what to do about it? // *Journal of Research in Innovative Teaching & Learning*. 2017. Vol. 10. № 1. P. 4–33.
24. Twenge J. M., Campbell W. K. Increases in Positive Self-Views Among High School Students: Birth-Cohort Changes in Anticipated Performance, Self-Satisfaction, Self-Liking, and Self-Competence // *Psychological science*. 2008. № 19 (11). P. 1082–1086.

REFERENCES

1. Bukhalenkova D. A. [Representations of success in today's adolescents]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2013, no. 4 (12), pp. 31–35.
2. Vartanova I. I. [Motivation and time perspective of high school students]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2013, no. 2 (10), pp. 127–133.
3. Pogozhina I. N., Sergeeva M. V., Egorova V. A. [Digital competence and childhood – a unique challenge of the 21st century (analysis of modern research)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2019, no. 4, pp. 80–106.
4. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. [Brief and screening versions of the digital competence index: verification and application possibilities]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2018, no. 3 (31), pp. 47–56.
5. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. [Models of digital competence and online activity of Russian adolescents]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2016, no. 2 (22), pp. 50–60.
6. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. [Motivation in the structure of digital competence of Russian adolescents]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2017, no. 1, pp. 3–14.
7. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. [Psychological models of digital competence in Russian adolescents and parents]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2014, no. 2 (14), pp. 25–31.
8. Bandura A., Ramachaudran V. S. Self-efficacy. In: *Encyclopedia of human behavior* : 4 vol. Vol. 4. San Diego, Academic Press, 1998, pp. 71–81.
9. Choi S. Y. A Study on the Digital Competency for the Fourth Industrial Revolution. In: *The Journal of Korean Association of Computer Education*, 2018, vol. 21, no. 5, pp. 25–35.
10. Duncan-Howell J. Digital mismatch: Expectations and realities of digital competency amongst pre-service education students. In: *Australasian Journal of Educational Technology*, 2012, no. 28 (5), pp. 827–840.
11. Ellis L. A. Approaches to teaching through digital reference. In: *Reference Services Review*, 2004, vol. 32, no. 2, pp. 103–119.
12. Elstad E., Christophersen K. A. Perceptions of Digital Competency among Student Teachers: Contributing to the Development of Student Teachers' Instructional Self-Efficacy in Technology-Rich Classrooms. In: *Education Sciences*, 2017, no. 7 (1). Available at: <https://www.mdpi.com/2227-7102/7/1/27> (accessed: 21.04.2020).

13. Nyikes Z. Contemporary digital competency review. In: *Interdisciplinary Description of Complex Systems*, 2018, no. 16 (1), pp. 124–131.
14. Orphanos S., Orr M. T. Learning leadership matters: The influence of innovative school leadership preparation on teachers' experiences and outcomes. In: *Educational Management Administration & Leadership*, 2014, vol. 42 (5), pp. 680–700.
15. Pinto M., Fernandez-Pascual R., Sales D. Communication of information in the digital age among social sciences students: Uncovering a synthetic indicator of performance. In: *Aslib Journal of Information Management*, 2018, vol. 70, no. 4, pp. 326–343.
16. Simons J., Vansteenkiste M., Lens W., Lacante M. Placing Motivation and Future Time Perspective Theory in a Temporal Perspective. In: *Educational Psychology Review*, 2004, no. 16, pp. 121–139.
17. Pons P. J. de. Higher Education and the Knowledge Society. Information and Digital Competencies. In: *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 2010, vol. 7, pp. 6–15.
18. Fraillon J., Ainley J., Schulz W., Friedman T., Duckworth D. Preparing for life in a digital world: the IEA International Computer and Information Literacy Study 2018 International Report. Amsterdam, International Association for the Evaluation of Educational Achievement (IEA), 2019. 321 p.
19. Rafi M., Jianming Z., Ahmad K. Technology integration for students' information and digital literacy education in academic libraries. In: *Information Discovery and Delivery*, 2019, vol. 47, no. 4, pp. 2–16.
20. Romero M., Usart M. The Temporal Perspective in Higher Education Learners: Comparisons between Online and Onsite Learning. In: *European Journal of Open, Distance and e-Learning*, 2014, vol. 17, no. 1, pp. 190–209. DOI: <https://doi.org/10.2478/eurodl-2014-0013>.
21. Salanova M., Peiró J. M., Schaufeli W. B. Self-efficacy specificity and burnout among information technology workers: An extension of the job demand-control model. In: *European Journal of Work and Organizational Psychology*, 2002, vol. 11 (1), pp. 1–25. DOI: 10.1080/13594320143000735.
22. Savolainen R. Network competence and information seeking on the Internet: From definitions towards a social cognitive model. In: *Journal of Documentation*, 2002, vol. 58, no. 2, pp. 211–226.
23. Serdyukov P. Innovation in education: what works, what doesn't, and what to do about it? *Journal of Research in Innovative Teaching & Learning*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 4–33.
24. Twenge J. M., Campbell W. K. Increases in Positive Self-Views Among High School Students: Birth-Cohort Changes in Anticipated Performance, Self-Satisfaction, Self-Liking, and Self-Competence. In: *Psychological science*, 2008, no. 19 (11), pp. 1082–1086.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 19.05.2020

Статья размещена на сайте: 30.09.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Горькая Жанна Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной педагогики Российского университета дружбы народов; e-mail: zhannagorkaya@gmail.com

Zhanna V. Gorkaya – Cand. Sci. (Psychology), Assos. Prof., the Department of Social Pedagogy of the Federal state Autonomous educational institution of higher education Peoples' Friendship University of Russia; e-mail: zhannagorkaya@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Горькая Ж. В. Цифровые технологии как фактор трансформации временных ориентаций школьников разного профиля обучения // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Gorkaya Zh. V. Digital technologies as a factor in the transformation of time orientation of school students of different educational profiles. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 159.9

Горьковая И.А., Микляева А.В.*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48, Российская Федерация*

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА БЕЗОПАСНОСТИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ КАК ПРЕДИКТОР ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ МОЛОДЁЖИ

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является анализ вклада оценок безопасности городской среды в показатели жизнеспособности молодёжи.

Процедура и методы. Проанализированы результаты опроса 207 юношей и девушек 17–23 лет из разных регионов России, проведённого с помощью Опросника жизнеспособности детей и молодёжи, а также анкеты на основе Шкал социальной и медицинской оценки.

Результаты. Анализ показал, что конструкт «безопасность городской среды» представлен в сознании молодёжи преимущественно угрозами, связанными с возможностью виктимизации со стороны людей, не входящих в ближайшее окружение. Оценка безопасности городской среды является значимым предиктором жизнеспособности молодёжи.

Теоретическая и/или практическая значимость. В заключении сформулированы предложения по разработке программ укрепления жизнеспособности молодежи: анализ установок в отношении безопасности городского пространства и формирование навыков безопасного поведения в городской среде.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

жизнеспособность, молодёжь, оценка безопасности городской среды, предикторы жизнеспособности, гендерные различия

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы благодарны нашим коллегам, руководителям проекта – доктору М. Унгару (Университет Далхаузи, Канада), профессору Л. Терон (Университет Претории, Южная Африка) и А. В. Махначу (Институт психологии РАН, Москва), разработавшим концепцию проекта.

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-513-60001 «Жизнеспособность подростков в условиях экологических и социально-экономических вызовов: исследование в рамках нескольких систем».

СТРУКТУРА

[Введение](#)[Постановка проблемы исследования](#)[Материалы и методы](#)[Результаты исследования и их обсуждение](#)[Заключение](#)

I. Gorkovaya, A. Miklyaeva

Herzen State Pedagogical University of Russia

48 naberezhnaya reki Moiki, 191186, Saint-Petersburg, Russian Federation

SUBJECTIVE ASSESSMENT OF URBAN ENVIRONMENT SECURITY AS A PREDICTOR OF YOUTH RESILIENCE

ABSTRACT

Aim. Analysis of the contribution of urban safety assessments to youth resilience.

Methodology. The authors analyzed the results of a survey of 207 male and female respondents aged 17–23 years from different regions of Russia, which was conducted with Child and Youth Resilience Measure and questionnaire on the basis of Social and Health Assessment Scales.

Results. The “safety of the urban environment” construct for young people is represented mainly by threats associated with the possibility of victimization by people who are not in the immediate environment. The assessment of urban environment safety is a significant predictor of the youth resilience.

Research implications. Proposals for the development of programs for strengthening the resilience of youth are formulated: the analysis of attitudes regarding the safety of urban space and the formation of safe behavior skills in an urban environment is presented.

KEYWORDS

resilience, youth, urban environment safety assessment, predictors of resilience, gender differences

ACKNOWLEDGMENTS

We are grateful to our colleagues, project leaders – Dr. M. Ungar (Dalhousie University, Canada), Professor L. Theron (University of Pretoria, South Africa) and A. V. Makhnach (Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Moscow), who developed the concept of the project.

This study was funded by Russian Foundation of Basic Research, project no. 19-513-60001 “Adolescent Resilience to Environmental and Socioeconomic Challenges: A Study of Multiple Systems”.

ВВЕДЕНИЕ

В современной психологии большое распространение получают исследования жизнеспособности молодёжи и определяющих её факторов. Этот интерес обусловлен как значимой ролью жизнеспособности в структуре психологических переменных, обуславливающих адаптацию личности к изменяющемуся контексту жизненных обстоятельств, так и критической важностью данного этапа личностного становления для формирования и укрепления жизнеспособности юношей и девушек [5; 6; 8].

Жизнеспособность определяется как индивидуальная способность человека управлять своими мотивационными, эмоционально-волевыми и когнитивными ресурсами в контексте динамичных средовых и социальных условий осуществления жизнедеятельности [9]. В различных исследованиях продемонстрированы взаимосвязи жизнеспособности с такими компонентами адаптационного потенциала личности, как адекватная самооценка, продуктивные копинг-стратегии и эффективное целеполагание [5], способность к эмоциональной саморегуляции в контексте управления отрицательными эмоциями [11], а также взаимосвязи с позитивным опытом преодоления трудностей и субъективно оцениваемыми ресурсами социальной поддержки [14]. При этом жизнеспособность, согласно современным трактовкам, не является результирующей характеристикой (то есть устойчивым качеством человека), а представляет собой процессуальную переменную, выполняющую функцию координации взаимодействия между биологическими, психологическими и социальными особенностями человека, с одной стороны, и особенностями среды его жизнедеятельности, с другой стороны [8].

Так, согласно подходу С. Фергуса и М. Зиммермана, жизнеспособность должна рассматриваться как процесс преодоления негативных последствий неблагоприятных воздействий, избегания связанных с ними негативных траекторий и преодоления травматических переживаний [15]. М. Унгар и соавторы в рамках предложенного ими дифференциального подхода к анализу жизнеспособности сформулировали и эмпирически подтвердили тезис о том, что взаимосвязь между жизнеспособностью и поведенческими результатами личности на различных этапах её становления опосредована влиянием средовых условий жизнедеятельности («социальных экологий») [24]. А. Мастен отмечает, что становление жизнеспособности человека в контексте его психического и личностного развития определяется взаимодействием адаптационных систем, функционирующих на разных уровнях организации человека (от физиологического до социокультурного), что определяет изменчивость показателей жизнеспособности человека, обусловленную динамикой взаимодействия человека и среды его жизнедеятельности (в широком смысле) [20]. Ф. Шульце-Люттер и соавторы подчёркивают, что жизнеспособность является функцией взаимодействия между индивидами и окружающей их средой, в процессе которого посредством поведенческих и/или физиологических изменений достигается и поддерживается стабильность в контексте существующих или возможных стрессоров, что позволяет концептуализировать жизнеспособность как характе-

ристику, определяемую соотношением факторов риска и факторов защиты (протективных факторов) [23].

В контексте процессуальной трактовки жизнеспособности особую актуальность приобретают исследования, направленные на выявление факторов риска, оказывающих влияние на становление жизнеспособности молодёжи. Опираясь на результаты эмпирических исследований, представленные в литературе, можно констатировать, что в число этих факторов входит безопасность, представляющая собой одну из базовых потребностей человека [19; 21]. Как отмечает Р. М. Шамионов, удовлетворение потребности в безопасности находит отражение в субъективном благополучии человека, его удовлетворённости собственной жизнью [13]. Психологические трактовки безопасности предполагают необходимость оценки данного фактора во взаимодействии трёх взаимосвязанных аспектов: наличия/отсутствия объективных угрожающих факторов, наличия/отсутствия опыта преодоления потенциально опасных ситуаций и субъективная оценка опасности/безопасности тех или иных аспектов жизнедеятельности [7]. Для психологических исследований безопасности принципиально важно, что чувство безопасности как результат удовлетворения соответствующей потребности представляет собой продукт психического отражения и является субъективным образом объективной ситуации жизнедеятельности, в котором преломляются объективные условия физического и социального функционирования [1; 4].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данной статье представлены результаты эмпирического исследования, направленного на изучение вклада оценок безопасности городской среды в показатели жизнеспособности молодёжи. В литературе имеются убедительные данные о том, что высокие субъективные оценки безопасности среды взаимосвязаны с удовлетворенностью качеством жизни и психологическим благополучием личности [2; 3; 12]. Эти факты позволяют предположить наличие определённого вклада психологической безопасности в показатели жизнеспособности личности. Тем не менее в исследованиях показано, что значимость безопасности места жительства не входит в число главных характеристик качества жизни молодых людей в условиях современной российской действительности [17]. В связи с этим возникает вопрос о размере и характере вклада субъективных оценок безопасности городской среды. Исходя из представлений о многоаспектности оценок безопасности среды проживания, которая проявляется в тесной взаимосвязанности реального жизненного опыта и субъективных представлений о возможных угрозах, можно сформулировать предположение о том, что в

основе противоречивости имеющихся эмпирических данных лежат разные по своей природе сведения об оценках безопасности. Кроме того, описана гендерная специфичность оценок безопасности жизненного пространства [12], которая, вероятно связана с магистральными социальными представлениями о различиях потенциальных угроз для женщин и мужчин в среде проживания [10]. В связи с этим возникает вопрос о том, различается ли характер взаимосвязей жизнеспособности и субъективных оценок среды безопасности для юношей и девушек.

Суммируя сказанное выше, перечислим основные исследовательские вопросы, поиск ответов на которые осуществлялся в ходе эмпирического исследования:

- 1) Каково содержание конструкта «безопасность городской среды» для молодёжи?
- 2) Каков характер взаимосвязей между жизнеспособностью молодых людей и их оценками безопасности среды проживания?
- 3) Характеризуются ли взаимосвязи между жизнеспособностью молодых людей и их оценками безопасности среды проживания гендерной специфичностью, и, в случае положительного ответа на этот вопрос, в чём проявляется гендерная специфичность?

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Эмпирические материалы, представленные в статье, получены в ходе международного исследования по программе “Resilient Youth in stressed environments” («Жизнеспособная молодёжь в стрессовых условиях», RYSE). Оценка жизнеспособности осуществлялась с помощью Опросника жизнеспособности детей и молодёжи (CYRM-28) [25], адаптированного для русскоязычных респондентов. Опросник включает 28 утверждений, образующих 3 шкалы: индивидуальная жизнеспособность (индивидуальные ресурсы, включая личные навыки, такие как способность решать проблемы, сотрудничество и осознание своих сильных сторон, поддержка сверстников и социальные навыки; диапазон значений от 7 до 35 баллов), семейная жизнеспособность (ресурсы семейной поддержки, определяемые качеством отношений с родителями или заменяющими их лицами; диапазон оценок – 7–35 баллов) и контекстуальная жизнеспособность (ресурсы культуры, религиозных и духовных убеждений, образования; диапазон оценок – 14–70 баллов). Суммарный показатель жизнеспособности рассчитывается как совокупное значение всех пунктов опросника.

Для анализа оценок безопасности на улицах города использовалось анкетирование. Структура анкеты приведена в таблице 1.

Таблица 1 / Table 1

Структура анкеты, направленной на изучение оценок безопасности на улицах города / Structure of a questionnaire aimed at studying safety assessments on city streets

Основные домены	Методики/шкалы	Диапазон значений
Опыт переживания событий, угрожающих безопасности, и его оценка	Вопросы из шкалы «Социальная и медицинская оценка» (Social and Health Assessment, SAHA*): 1) «Вспомните самое неприятное или пугающее событие, произошедшее с Вами за последний год. Где это случилось?» (в школе; дома; в Вашем районе; в другом месте); 2) «Думая об ответе на первый вопрос, скажите, насколько сильно это событие задело Вас, в то время, когда оно случилось?»	1) Дихотомическая шкала, 0–1; фиксировались ответы «в Вашем районе» или «Другое» («на улице», «в парке» и т. д.) 2) 0–4
Опыт виктимизации	Шкала «Виктимизация сообществом», входящая в Опросник подверженности насилию* [22]	0–28
Степень травматизации пережитыми угрожающими событиями	Дополнительные пункты Индекса посттравматической стрессовой реакции ребенка (CPTS-RI) [18], связанные с оценкой влияния угрожающего события на повседневную жизнь*	0–12
Субъективная оценка безопасности социальных отношений в районе проживания	Шкалы восприятия соседства*	10–40
Субъективная оценка безопасности среды проживания	Предложено авторами статьи: «Оцените уровень безопасности на улицах Вашего города». Помимо этого, респондентам был предложен открытый вопрос: «Перечислите угрозы безопасности, с которыми сталкиваются жители Вашего города»	1–10

Примечание: * Ruchkin V., Schwab-Stone M., Vermeiren R. Social and Health Assessment (SAHA): Psychometric development summary. New Haven, CT: Yale University. 2004. URL: <https://www.scienceopen.com/document?vid=25ea2912-527c-41fc-bfc2-a5d2558694cc> (дата обращения: 20.05.2020).

В исследовании приняли участие 207 респондентов в возрасте 17–23 года (средний возраст $18,18 \pm 1,39$ лет, 57,5% женщин), обучающиеся в средних специальных и высших учебных заведениях в различных регионах

России (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Смоленск, Череповец). Респонденты принимали участие в исследовании добровольно на основе информированного согласия. Сбор эмпирических данных осуществлялся с помощью онлайн-инструмента Google Forms.

Для обработки эмпирических данных применялся пакет прикладных статистических программ "Statistica12.0", с помощью которого рассчитывались описательные статистики ($M \pm \sigma$), осуществлялся сравнительный (T -критерий Стьюдента; φ^* -критерий Фишера), корреляционный (r -коэффициент Пирсона), дисперсионный (F) и регрессионный (β) анализ. Обработка качественных данных осуществлялась с помощью индуктивного контент-анализа с последующим расчётом устойчивости выделенных семантических единиц.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в содержании конструкта «безопасность городской среды» у молодёжи доминирует оценка угроз, связанных с возможной виктимизацией людьми, не входящими в ближайшее социальное окружение. Именно эти угрозы составляют более двух третей в ответах респондентов (независимо от пола) на открытый вопрос «Перечислите угрозы безопасности, с которыми сталкиваются жители вашего города» (рис. 1).

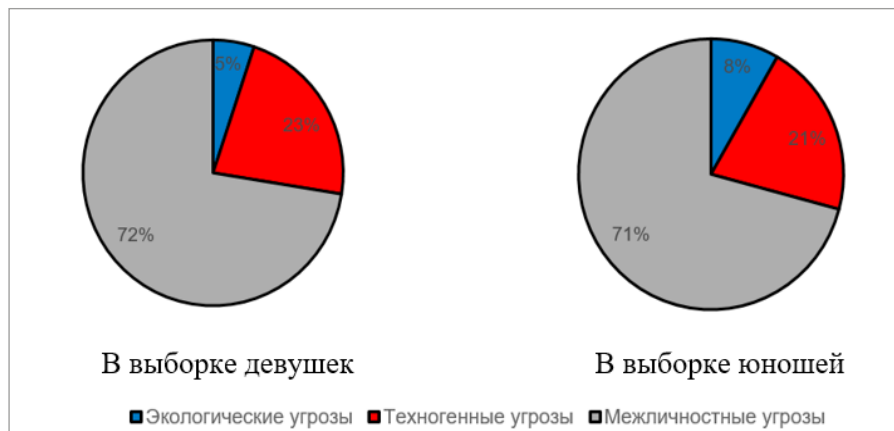

Рис. 1 / Fig. 1. Содержание конструкта «безопасность городской среды» в выборках юношей и девушек / The content of the construct "safety of the urban environment" in samples of boys and girls

Представленные на рисунке 1 данные получены в ходе контент-анализа свободных высказываний респондентов, осуществлённого по основанию «источник угрозы». Чаще других в качестве потенциальных источников угрозы респонденты упоминали других людей («неадекватных», «в состоянии ал-

когольного опьянения», «гопников» и т. д.) или же указывали на возможность стать жертвой преступления («мошенничества», «воровства», «побоев», «изнасилования»). Техногенные и экологические угрозы в общей совокупности ответов встречались достоверно реже ($\varphi^*=7,75$, $p<0,01$). Ответы, не относящиеся к категориям «межличностные угрозы», «экологические угрозы» и «техногенные угрозы», встречались в единичных случаях, частота их появления не превышала порог статистической устойчивости.

Анализ показателей, характеризующих оценки безопасности района проживания, свидетельствует о том, что девушки воспринимают окружающее социальное пространство как несколько более опасное, в сравнении с юношами, несмотря на то, что реальный опыт переживания событий, угрожающих безопасности, в выборках юношей и девушек практически не различается. Такие события упоминают 45,8% девушек и 40,0 % юношей (различия статистически недостоверны, $\varphi^*=0,82$, $p>0,05$). Согласно результатам шкалы «Последствия посттравматического стресса», интенсивность воздействия упоминаемых респондентами событий на их жизненное благополучие в выборках юношей и девушек было соизмеримо, при этом в большинстве случаев влияние угрожающих безопасности событий было локальным и не сказалось существенно на повседневном функционировании ($1,40\pm 2,19$ в выборке юношей и $1,78\pm 2,16$ в выборке девушек, учтены данные только тех респондентов, которые упомянули опыт переживания события, угрожающего безопасности, произошедшего в районе их проживания или на улице). Юноши и девушки примерно одинаково (с преобладанием умеренных показателей) оценивают степень потенциальной опасности со стороны окружающих людей ($27,47\pm 3,98$ и $26,87\pm 3,16$ соответственно, $T=1,12$, $p>0,05$), а также степень виктимизации ($0,89\pm 1,80$ и $0,46\pm 1,35$ соответственно, $T=1,90$, $p>0,05$), в целом демонстрируя низкие показатели по данному параметру. Однако, девушки достоверно чаще, чем юноши, указывают на то, что в районе их проживания присутствуют потенциально опасные места, которых они стараются избегать (39,8% против 20,0%, $\varphi^*=3,09$, $p<0,01$) и достоверно ниже оценивают степень безопасности в городе в целом ($6,10\pm 1,63$ против $6,92\pm 2,04$, $T=2,16$, $p<0,05$). На основании этих данных можно предположить, что субъективные оценки безопасности в выборке юношей в большей степени детерминированы их реальным жизненным опытом, в том числе опытом переживания событий, угрожающих безопасности, тогда как в выборке девушек эти оценки, вероятно, в меньшей степени связаны с их реальным жизненным опытом, опираются на социальные представления о большей потенциальной уязвимости женщин в сравнении с мужчинами [10].

Результаты дисперсионного анализа подтверждают правомерность вывода о разной детерминированности субъективных оценок безопасности в регионе проживания, полученных в выборках юношей и девушек. Как можно увидеть на рисунке 2, субъективные оценки безопасности среды

проживания в выборке юношей определяются наличием или отсутствием реального опыта переживания событий, представляющих угрозу безопасности, тогда как оценки девушек не зависят от тех событий, которые происходили в их жизни.

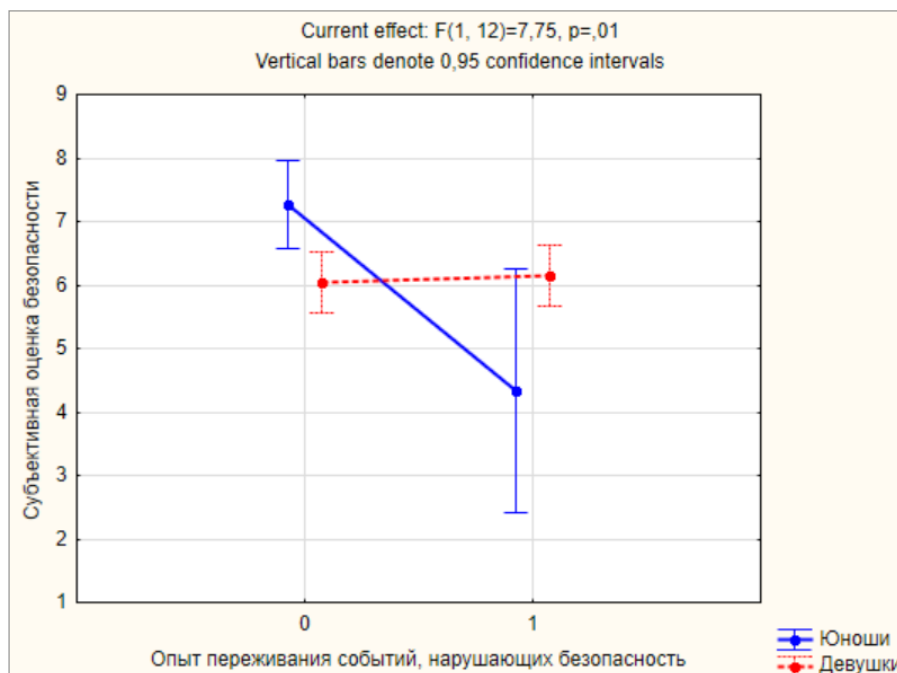

Рис. 2 / Fig. 2. Результаты дисперсионного анализа, иллюстрирующие зависимость субъективных оценок безопасности среды проживания девушками и юношами с разным опытом переживания событий, нарушающих безопасность / Analysis of variance results illustrating the dependence of the living environment safety subjective assessments by girls and boys with different experiences of events that violate safety

Примечание: 0 – угрожающие безопасности события не упоминались; 1 – угрожающие безопасности события упоминались

В целом, результаты, характеризующие оценки безопасности городской среды, не совпадают с данными, представленными в литературе ранее, согласно которым женщины склонны оценивать безопасность жизненного пространства несколько выше, чем мужчины [12]. Вероятно, отмеченное расхождение результатов связано с различиями в подходах к измерению оценок безопасности, что еще раз подчеркивает сложность и многоаспектность данного феномена.

Отметим, что в подавляющем большинстве случаев (205 из 207) юноши и девушки в качестве угрожающих событий, которые им пришлось пережить на улицах города, упоминали события с лёгкой или средней степенью угрозы (субъективная оценка значимости – $1,47 \pm 1,04$ при максимально возможной оценке в 4 балла, и, следовательно, с относительно низкой степенью потенциальной травматичности). Вероятно, именно этим обусловлен тот факт, что в обследованной выборке преобладают респонденты с высоким уровнем жизнеспособности: их количество составило 59,9% от общего числа участников исследования. У 39,6% респондентов отмечается средний уровень жизнеспособности, респонденты с низким уровнем жизнеспособности составляют менее 1%. Анализ средних значений не позволил выявить достоверных различий суммарного показателя жизнеспособности, а также его составляющих, в выборках юношей и девушек (табл. 2). Несмотря на то, что в выборке девушек высокие показатели жизнеспособности встречаются несколько чаще, чем в выборке юношей, уровневые различия показателя жизнеспособности также оказались статистически недостоверными (61,7% против 52,9%, $\phi^*=1,27$, $p>0,05$).

Таблица 2 / Table 2

Средние значения и стандартные отклонения показателей жизнеспособности и его составляющих в выборках юношей и девушек / Average values and standard deviations of vitality indicators and its components in samples of boys and girls

Параметры	M $\pm$ σ			T (p)
	По выборке в целом	В выборке юношей	В выборке девушек	
Жизнеспособность (сумм.)	104,68 $\pm$ 19,62	103,82 $\pm$ 23,28	105,29 $\pm$ 16,60	0,53 (0,60)
Индивидуальная жизнеспособность	27,66 $\pm$ 5,13	27,26 $\pm$ 6,28	27,94 $\pm$ 4,12	0,94 (0,35)
Семейная жизнеспособность	27,06 $\pm$ 6,09	27,01 $\pm$ 6,69	27,10 $\pm$ 5,66	0,10 (0,92)
Контекстуальная жизнеспособность	49,96 $\pm$ 9,81	49,55 $\pm$ 11,44	50,25 $\pm$ 8,49	0,50 (0,62)

В результате анализа корреляционных взаимосвязей между показателем жизнеспособности и его отдельных составляющих, с одной стороны, и оценками безопасности на улицах города, с другой стороны, в обеих выборках были получены вполне объяснимые отрицательные взаимосвязи жизнеспособности с оценками травматических последствий переживания ситуаций реальной угрозы безопасности ($-0,34 \leq r \leq -0,28$, $p \leq 0,05$ в выборке девушек и $-0,56 \leq r \leq -0,54$, $p \leq 0,01$ в выборке юношей), а также положительные взаимосвязи жизнеспособности, оценок воспринимаемого социального соседства и безопасности среды проживания ($0,23 \leq r \leq 0,42$, $p \leq 0,05$ в выборке девушек).

и $0,27 \leq r \leq 0,67$, $p \leq 0,05$ в выборке юношей). Эти взаимосвязи указывают на правомерность гипотезы о том, что воспринимаемая безопасность среды проживания вносит вклад в формирование и укрепление жизнеспособности молодых людей. При этом оценки виктимизации сообществом обнаружили отрицательные связи с показателями жизнеспособности только в выборке девушек ($-0,37 \leq r \leq -0,29$, $p \leq 0,05$), а не в выборке юношей, что, вероятно, указывает на большую нормативность этого опыта для юношей, в сравнении с девушками, и, как следствие, на меньшее влияние опыта виктимизации (безусловно, в случае, если он не слишком существенен) на показатели жизнеспособности. В целом корреляционная плеяда, построенная на материале эмпирических данных, полученных в выборке юношей, отличается значительно меньшей плотностью, в сравнении с выборкой девушек (12 статистически значимых корреляционных взаимосвязей против 25 из 28 потенциально возможных), что может интерпретироваться как большая вариативность опыта проживания потенциальных угроз юношами, в сравнении с девушками, в аспекте вклада этого опыта в становление их жизнеспособности.

Регрессионный анализ позволил уточнить направленность взаимосвязей, обнаруженных при анализе корреляционных матриц (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Результаты регрессионного анализа: вклад оценок безопасности среды проживания в жизнеспособность юношей и девушек / Regression analysis results: the contribution of assessments of the living environment safety to the viability of boys and girls

Зависимая переменная	Выборка	Предикторы	β	Std.Err. of β	p	Характеристики модели
Жизнеспособность (сумм.)	девушки	Виктимизация сообществом	-3,72	1,13	0,001	R ² =0,33
		Восприятие соседства	1,64	0,46	0,01	
	юноши	Травматические последствия	-3,96	2,07	0,05	R ² =0,45 F(7,18)=2,10
Индивидуальная жизнеспособность	девушки	Виктимизация сообществом	-0,78	0,30	0,01	R ² =0,23
		Восприятие соседства	0,27	0,12	0,05	
	юноши	Травматические последствия	-2,11	0,70	0,01	R ² =0,39

Продолжение таблицы 3 на следующей странице

Зависимая переменная	Выборка	Предикторы	β	Std.Err. of β	p	Характеристики модели
Семейная жизнеспособность	девушки	Травматические последствия	-0,67	0,25	0,001	R ² =0,17
		Виктимизация сообществом	-0,79	0,15	0,05	
		Восприятие соседства	0,28	0,14	0,05	
	Юноши	Травматические последствия	-1,82	0,41	0,001	R ² =0,33

Результаты регрессионного анализа свидетельствуют о том, что наиболее чувствительными к оценкам безопасности городской среды являются такие компоненты жизнеспособности, как индивидуальная и семейная жизнеспособность. Этот результат, на наш взгляд, довольно интересен, поскольку на фоне вполне объяснимого негативного влияния высоких оценок безопасности на индивидуальную жизнеспособность, связанную с личными навыками, обеспечивающими адаптацию к различным сторонам жизни, свою уязвимость к реальным или потенциальным угрозам продемонстрировали показатели семейной жизнеспособности, которые характеризуют качество взаимоотношений молодёжи с близкими, в том числе объём семейной поддержки. Вероятно, в этом находит отражение тот факт, что молодые люди не всегда готовы сообщать своим родным об имеющемся опыте переживания угрожающих событий или потенциальных угрозах, в силу чего такой опыт может оказывать негативное влияние на характер отношений с родителями. В пользу этого предположения, в частности, говорит значительно более высокий коэффициент детерминации для показателя семейной жизнеспособности, полученный в выборке юношей (в сравнении с выборкой девушек), что может быть связано с большей закрытостью соответствующих тем именно в коммуникации юношей с родителями, и, как следствие, более негативное влияние на семейную жизнеспособность реального или потенциального опыта угрожающих событий. Девушки, которые могут быть в большей степени открытыми для обсуждения проблематики, связанной с безопасностью, оказываются в этой связи в более благоприятной ситуации, связанной с возможностью сохранения поддержки со стороны семьи, что согласуется с результатами ранее опубликованных исследований [16].

Характер взаимосвязей показателя жизнеспособности и её отдельных компонентов с оценками безопасности городской среды в выборках деву-

шек и юношей довольно существенно различается. В выборке юношей вклад в показатели жизнеспособности вносит только показатель травматических последствий реально пережитого события, угрожавшего безопасности: полученный травматический опыт в этом случае выступает отрицательным предиктором показателей жизнеспособности. В выборке девушек наблюдается иная картина: здесь отрицательным предиктором жизнеспособности является показатель виктимизации сообществом, а положительным – показатель субъективной оценки безопасности социальных отношений в районе проживания. Учитывая, что в структуру показателя виктимизации сообществом в выборке девушек основной вклад вносит субъективная оценка частоты ситуаций преследований и угроз, но не реального причинения вреда, можно отметить, что жизнеспособность девушек определяется преимущественно их субъективными представлениями о степени опасности-безопасности в среде проживания, и в меньшей степени, чем в случае юношей, определяется реальным опытом переживания угрожающих ситуаций. Эти предположения соотносятся с выводами других исследователей о вкладе социальных установок в формировании психологической безопасности личности [2]. Возможно также, что в описанном факте проявляется значительно больший акцент на проблемах безопасности, который родители и другие взрослые делают в процессе воспитания девушек, в сравнении с юношами, который, согласно полученным в нашем исследовании результатам, может наносить некоторый ущерб их жизнеспособности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, сформулируем ответы на исследовательские вопросы, представленные в разделе «Постановка проблемы исследования». Согласно полученным результатам, содержание конструкта «безопасность городской среды» в сознании молодёжи включает в себя преимущественно угрозы, связанные с возможностью виктимизации со стороны людей, не входящих в ближайшее социальное окружение. Субъективная оценка безопасности городской среды является значимым предиктором жизнеспособности юношей и девушек, прежде всего в аспектах индивидуальной и семейной жизнеспособности. При этом, в случае юношей наибольшее значение имеют оценки, основанные на реальном опыте переживания угрожающих событий, произошедших с ними на улицах города, тогда как жизнеспособность девушек определяется, прежде всего, субъективными оценками городского пространства по шкале «опасное – безопасное», которые не обязательно подкреплены реальным опытом переживания угроз.

Важно отметить, что сформулированные нами выводы получены на материале выборки, состоящей преимущественно из молодых людей, имеющих опыт переживания повседневных угроз незначительной или умеренной интенсивности, но не событий, которые по силе воздействия можно было бы назвать экстраординарными, поэтому сделанные нами выводы не могут

быть экстраполированы на анализ жизнеспособности молодых людей, столкнувшихся с высокочисленными событиями, угрожающими их жизни и благополучию. В то же время именно выводы, полученные на материале анализа повседневных угроз, переживание которых широко представлено в опыте молодых людей, могут использоваться для разработки программ содействия укреплению жизнеспособности молодёжи, в которых необходимо фокусировать внимание не только на создании условий для проработки травмирующего опыта, но и на содержании установок в отношении безопасности городского пространства, а также программ, направленных на формирование навыков безопасного поведения в городской среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богомаз С. А., Козлова Н. В. Психологическая безопасность как условие развития личности (аналитический обзор современного состояния проблемы психологической безопасности) // Материалы всероссийской конференции «Синтез теории и практики управления регионом»: региональная научно-практическая конференция. Томск, 2009. С. 27–35.
2. Богомаз С. А., Козлова Н. В. Модель личностного развития подростков и юношей с учетом переживаемого ими чувства собственной безопасности в условиях трансформации российского общества // Сибирский психологический журнал. 2010. № 36. С. 14–19.
3. Влияние психологической безопасности на оценку качества жизни / Н. В. Козлова, О. В. Панферова, И. В. Атаманова, Э. И. Мещерякова, Т. Е. Левицкая, Д. Е. Зуева // Сборник научных статей по материалам конгресса «Психическое здоровье человека XXI века». М.: Городец, 2016. С. 119–122.
4. Зотова О. Ю. Психологическая безопасность: субъективный образ объективной реальности? // Векторы психологической безопасности современного общества: доверие и субъективное благополучие: Материалы VII международного симпозиума. Екатеринбург: Издательство «Гуманитарный университет», 2016. С. 28–32.
5. Куфтяк Е. В. Возрастные и гендерные особенности жизнеспособности в юношеском возрасте // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23. № 4. С. 31–33.
6. Лактионова А. И. Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2017. 236 с.
7. Лызь Н. А. Безопасность человека в зеркале науки // Известия Таганрогского государственного радиотехнического университета. 2004. № 1. С. 138–142.
8. Махнач А. В. Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2016. 459 с.
9. Махнач А. В. Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 5–16. DOI: 10.7868/S0205959217040018.

10. Микляева А. В., Румянцева П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска? СПб.: Речь, 2011. 160 с.
11. Наличаева С. А., Дячук А. К. Жизнеспособность как фактор устойчивости к дезадаптационным проявлениям у молодежи // Институт психологии Российской Академии Наук. Организационная психология и психология труда. 2019. Том 4. № 2. С. 44–91.
12. Предикторы оценки личностью степени безопасности жизненного пространства / Е. Б. Перелыгина, О. Ю. Зотова, Л. В. Тарасова, Н. А. Белоусова // Человеческий капитал. 2018. № 3 (111). С. 67–78.
13. Шамионов Р. М. Субъективное благополучие и психологическая безопасность личности // Дружининские чтения : Сборник материалов XV Всероссийской научно-практической конференции / под ред. И. Б. Шуванова, В. П. Шувановой, С. А. Барановой, Ю. Э. Макаревской. Сочи: Издательство Сочинского государственного университета, 2016. С. 171–175.
14. Depressive Symptoms, Social Support, and Violence Exposure Among Urban Youth: A Longitudinal Study of Resilience / A. B. Eisman, S. A. Stoddard, J. Heinze, C. H. Caldwell, M. A. Zimmerman // *Developmental Psychology*. 2015. Vol. 51 (9). P. 1307–1316. DOI: 10.1037/a0039501.
15. Fergus S., Zimmerman M. A. Adolescent resilience: A framework for understanding healthy development in the face of risk // *Annual Review of Public Health*. 2005. Vol. 26. P. 399–419. DOI: annurev.publhealth.26.021304.144357.
16. Frey C. U., Röthlisberger C. Social support in healthy adolescents // *Journal of Youth and Adolescence*. 1996. Vol. 25. P. 17–31.
17. Interdisciplinary study of safety perception of urban environment as a factor contributing to development of contemporary urbanization processes typology / I. A. Drobyshhev, S. N. Lykova, N. D. Makushkina, I. P. Vorontsova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2017. Vol. 10. № 1. P. 1876–1882. DOI: 10.17516/1997-1370-0188.
18. Life threat and posttraumatic stress in school-age children / R. S. Pynoos, C. Frederick, K. Nader et al. // *Archives of General Psychiatry*. 1987. Vol. 44 (12). P. 1057–1063.
19. Marley C., Mauki B. Resilience and protective factors among refugee children post-migration to high-income countries: a systematic review // *European Journal of Public Health*. 2019. Vol. 29 (4). Pp. 706–713. DOI: 10.1093/eurpub/cky232.
20. Masten A. S. Global perspectives on resilience in children and youth // *Child Development*. 2014. Vol. 85. P. 6–20. DOI: 10.1111/cdev.12205.
21. Nurius P., LaValley K., Kim M.-H. Victimization, Poverty, and Resilience Resources: Stress Process Considerations for Adolescent Mental Health // *School Mental Health*. 2020. Vol. 12 (1). P. 124–135. DOI: 10.1007/s12310-019-09335-z.
22. Richters J. E., Martinez P. The NIMH community violence project: I. Children as victims of and witnesses to violence // *Psychiatry*. 1993. Vol. 56 (1). P. 7–21.
23. Schultze-Lutter F., Schimmelmann B. G., Schmidt S. J. Resilience, risk, mental health and well-being: Associations and conceptual differences // *European Journal of Child and Adolescent Psychiatry*. 2016. Vol. 25. P. 459–466. DOI: 10.1007/s00787-016-0851-4.

24. Ungar M., Hadfield K. Canadian The Differential Impact of Environment and Resilience on Youth Outcomes // Journal of Behavioural Science. 2019. Vol. 51. P. 135–146. DOI: 10.1037/cbs0000128.

25. Ungar M., Liebenberg L. Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure // Journal of Mixed Methods Research. 2011. Vol. 5(2). P. 126–149. DOI: 10.1177/1558689811400607.

REFERENCES

1. Bogomaz S. A., Kozlova N. V. [Psychological safety as a condition for personality development (analytical review of the current state of psychological safety)]. In: *Materialy vserossiiskoi konferentsii «Sintez teorii i praktiki upravleniya regionom» : regional'naya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Proceedings of the All-Russian conference "Synthesis of the regional management theory and practice": regional scientific and practical conference]. Tomsk, 2009, pp. 27–35.

2. Bogomaz S. A., Kozlova N. V. [A model of personal development of adolescents and young men, taking into account their sense of their own security in the context of the transformation of Russian society]. In: *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Psychological Journal], 2010, no. 36, pp. 14–19.

3. Kozlova N. V., Panferova O. V., Atamanova I. V., Meshcheryakova E. I., Levitskaya T. E., Zueva D. E. [The influence of psychological safety on the assessment of the quality of life]. In: *Sbornik nauchnykh statei po materialam kongressa «Psikhicheskoe zdorov'e cheloveka XXI veka»* [Collection of scientific articles based on the materials of the congress "Mental health of the person of the XXI century"]. Moscow, Gorodets Publ., 2016, pp. 119–122.

4. Zotova O. Yu. [Psychological safety: a subjective image of objective reality?]. In: *Vektory psikhologicheskoi bezopasnosti sovremennogo obshchestva: doverie i subektivnoe blagopoluchie : Materialy VII mezhdunarodnogo simpoziuma* [Vectors of psychological safety of modern society: trust and subjective well-being : Proceedings of the VII international symposium]. Ekaterinburg, Publishing House "Humanitarian University" Publ., 2016, pp. 28–32.

5. Kuftyak E. V. [Age and gender characteristics of vitality in adolescence]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2017, vol. 23, no. 4, pp. 31–33.

6. Laktionova A. I. *Zhiznesposobnost' i sotsial'naya adaptatsiya podrostkov* [Vitality and social adaptation of adolescents]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publishing House Publ., 2017. 236 p.

7. Lyz' N. A. [Human safety in the mirror of science]. In: *Izvestiya Taganrogskogo gosudarstvennogo radiotekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Taganrog State Radio Engineering University], 2004, no. 1, pp. 138–142.

8. Makhnach A. V. *Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: sotsial'no-psikhologicheskaya paradigma* [Human and family vitality: social and psychological paradigm]. Moscow, Institute of Psychology RAS Publishing House Publ., 2016. 459 p.

9. Makhnach A. V. [Human vitality as a subject of study in psychological science]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2017, vol. 38, no. 4, pp. 5–16. DOI: 10.7868/S0205959217040018.
10. Miklyaeva A. V., Rumyantseva P. V. *Gorodskaya identichnost' zhatelyasovremennogo megapolisa: resurs lichnostnogo blagopoluchiya ili zona povyshennogo riska?* [Urban identity of a modern metropolis inhabitant: a resource for personal well-being or a high-risk area?]. St. Petersburg, Speech Publ., 2011. 160 p.
11. Nalichaeva S. A., Dyachuk A. K. [Vitality as a factor of resistance to maladaptive manifestations in young people]. In: *Institut psikhologii Rossiiskoi Akademii Nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology], 2019, vol. 4, no. 2, pp. 44–91.
12. Perelygina E. B., Zotova O. Yu., Tarasova L. V., Belousova N. A. [Predictors of an individual assessment of safety]. In: *Chelovecheskii kapital* [Human capital], 2018, no. 3 (111), pp. 67–78.
13. Shamionov R. M. [Subjective well-being and psychological safety of a person]. In: Shuvanov I. B., Shuvanova V. P., Baranova S. A., Makarevskaya Yu. E. *Druzhininskie chteniya: Sbornik materialov XV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Druzhinin Readings: Proceedings of the XV All-Russian Scientific and Practical Conference]. Sochi, Sochi State University Publishing House Publ., 2016, pp. 171–175.
14. Eisman A. B., Stoddard S. A., Heinze J., Caldwell C. H., Zimmerman M. A. Depressive Symptoms, Social Support, and Violence Exposure Among Urban Youth: A Longitudinal Study of Resilience. In: *Developmental Psychology*, 2015, vol. 51 (9), pp. 1307–1316. DOI: 10.1037/a0039501.
15. Fergus S., Zimmerman M. A. Adolescent resilience: A framework for understanding healthy development in the face of risk. In: *Annual Review of Public Health*, 2005, vol. 26, pp. 399–419. DOI: annurev.publhealth.26.021304.144357.
16. Frey C. U., Röthlisberger C. Social support in healthy adolescents. In: *Journal of Youth and Adolescence*, 1996, vol. 25, pp. 17–31.
17. Drobyshev I. A., Lykova S. N., Makushkina N. D., Vorontsova I. P. Interdisciplinary study of safety perception of urban environment as a factor contributing to development of contemporary urbanization processes typology. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2017, vol. 10, no. 1, pp. 1876–1882. DOI: 10.17516/1997-1370-0188.
18. Pynoos R. S., Frederick C., Nader K. et al. Life threat and posttraumatic stress in school-age children. In: *Archives of General Psychiatry*, 1987, vol. 44 (12), pp. 1057–1063.
19. Marley C., Mauki B. Resilience and protective factors among refugee children post-migration to high-income countries: a systematic review. In: *European Journal of Public Health*, 2019, vol. 29 (4), pp. 706–713. DOI: 10.1093/eurpub/cky232.
20. Masten A. S. Global perspectives on resilience in children and youth. In: *Child Development*, 2014, vol. 85, pp. 6–20. DOI: 10.1111/cdev.12205.
21. Nurius P., LaValley K., Kim M.-H. Victimization, Poverty, and Resilience Resources: Stress Process Considerations for Adolescent Mental Health. In:

School Mental Health, 2020, vol. 12 (1), pp. 124–135. DOI: 10.1007/s12310-019-09335-z.

22. Richters J. E., Martinez P. The NIMH community violence project: I. Children as victims of and witnesses to violence. In: *Psychiatry*, 1993, vol. 56 (1), pp. 7–21.

23. Schultze-Lutter F., Schimmelmann B. G., Schmidt S. J. Resilience, risk, mental health and well-being: Associations and conceptual differences. In: *European Journal of Child and Adolescent Psychiatry*, 2016, vol. 25, pp. 459–466. DOI: 10.1007/s00787-016-0851-4.

24. Ungar M., Hadfield K. Canadian The Differential Impact of Environment and Resilience on Youth Outcomes. In: *Journal of Behavioural Science*, 2019, vol. 51, pp. 135–146. DOI: 10.1037/cbs0000128.

25. Ungar M., Liebenberg L. Assessing resilience across cultures using mixed methods: Construction of the child and youth resilience measure. In: *Journal of Mixed Methods Research*, 2011, vol. 5(2), pp. 126–149. DOI: 10.1177/1558689811400607.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 01.06.2020

Статья размещена на сайте: 25.09.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Горьковая Ирина Алексеевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; e-mail: iralgork@mail.ru

Микляева Анастасия Владимировна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Irina A. Gorkovaya – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Human psychology department, Herzen State Pedagogical University of Russia, e-mail: iralgork@mail.ru

Anastasia V. Miklyaeva – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Human psychology department, Herzen State Pedagogical University of Russia, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Горьковая И. А., Микляева А. В. Субъективная оценка безопасности городской среды как предиктор жизнеспособности молодёжи // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Gorkovaya I. A., Miklyaeva A. V. Subjective assessment of urban environment security as a predictor of youth resilience. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 159.9

Крамаренко Н.С.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В НОВОЙ ЭКОСИСТЕМЕ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ

АННОТАЦИЯ

Цель статьи – сформулировать основные позиции концепции, обосновывающей необходимость учета психологических аспектов работы с детьми при переходе на дистанционные формы обучения, и учета этих аспектов при разработке программ повышения квалификации педагогов.

Процедура и методы. Анализ результатов анкетирования работников сферы образования Московской области, направленного на выявление проблемных вопросов, возникших в ситуации перехода на дистанционные форматы обучения школьников.

Результаты. Сделан вывод о том, что новая экосистема цифрового образования меняет лишь средства, форматы, технологии обучения. Человеческий фактор, учет психологических составляющих учебного процесса, остаются ключевой позицией достижения образовательного результата.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье сформулированы предложения по повышению уровня психолого-педагогических компетенций педагога, по включению в программы повышения квалификации блоков (модулей), позволяющих учителю решать задачи обучения современных детей в новых цифровых условиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

непрерывное образование педагога, цифровая образовательная среда, цифровизация образования, психологические аспекты обучения, дистанционное обучение, экосистема цифрового образования, цифровые компетенции

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-29-14180 «Модель и цифровая платформа образовательной экосистемы преадаптации школьников к инновационной деятельности».

СТРУКТУРА

Постановка проблемы

К вопросу о содержательных аспектах программ обучения педагогов.

Результаты опроса

Об опыте реализации программы повышения квалификации

«Дистанционные образовательные технологии в организации учебного процесса»

Закключение

N. Kramarenko

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoi, Mytishi 141014, Moscow Region, Russian Federation

THE DIGITAL ENVIRONMENT AND THE HUMAN FACTOR OF DISTANCE LEARNING

ABSTRACT

Aim. The aim is to define the principals of the concept proving that when switching to distance learning, it is necessary to pay special attention to the psychological aspects of working with children and to take these aspects into account when developing teacher training programs.

Methodology. Analysis of the results of a survey of educators in the Moscow region aimed at identifying problems that have arisen in their work during distance learning.

Results. It is concluded that the new digital education ecosystem changes only the means, formats, and teaching technologies. The human factor, the psychological components of the educational process, remain the key components for achieving the result.

Research implications. The article formulates proposals to improve the level of psychological and pedagogical competencies of a teacher, to include blocks (modules) in advanced training programs that allow the teacher to solve the problems of motivating Trchildren to learn.

KEYWORDS

continuing education of a teacher, digital educational environment, digitalization of education, psychological aspects of education, distance learning, digital education ecosystem, digital competencies

ACKNOWLEDGMENTS

This research was supported by an RFBR grant No. 19-29-14180 «Model and digital platform of the educational ecosystem for the pre-adaptation of schoolchildren to innovation».

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

О проблемах, связанных с переходом всей системы образования в удалённый формат, о допущенных ошибках и поисках путей их решения, сегодня ведутся активные дебаты как на законодательном уровне, так и среди тех, кто непосредственно побывал в почти «полугодовом дальнем плавании в бушующем море» непривычных форм, методов и средств реализации образовательного процесса, находился в неустанных поисках способов решения рутинных образовательных задач новыми цифровыми средствами. Нередко слышны и хвалы, и хулы «дистанту». Да и «плавание» это, скорее всего, ещё нельзя назвать оконченным. Вероятно, мы наблюдаем временный пере-

рыв, «отпуск с высадкой не берег для передышки и пополнения запасов», поскольку ситуация с распространением вируса в мире остаётся очень неоднозначной.

В этой связи, рассматриваются различные пути возможного развития событий в сфере образования. Среди них, – работа над активным включением новых форматов обучения в реализацию образовательных программ, уже начиная с начала нового учебного года (смешанное обучение, сетевые формы, др.). Полным ходом идёт работа над обеспечением готовности вновь перейти на полный «дистант» в связи с возможным наступлением второй волны «ковидной истории». Принимаются меры для осуществления любого из вариантов развития событий с учётом полученных отзывов от учителей, детей, родителей, заинтересованной общественности, всех, кто имел опыт всеобщего перехода в цифровые реалии нового формата обучения.

Как бы ни развивались события дальше, становится совершенно ясным понимание невозможности возврата к системе образования «доковидной эпохи». По всей видимости, ситуация 2020 г., будет анализироваться и изучаться как один из революционных периодов в истории педагогики, оказавший кардинальное влияние на дальнейшее развитие всей системы образования XXI в., на выбор её ключевого вектора.

Как оказалось, несмотря на многочисленные сетования на разнообразные причины, по которым результаты дистанционного обучения нельзя было назвать успешными, на первый план, в случае продолжения всеобщего «дистанта», вышли вовсе не опасения недостаточной технической оснащённости или слабой «цифровой» подготовки (хотя они также являются насущными), а вопросы, связанные с нарушением привычного взаимодействия, полноценной коммуникации между участниками образовательного процесса¹.

Иными словами, обнаружилась разорвавшаяся нить так называемого человеческого фактора, когда недовольство преподавателя работой ученика в классе, а также её объяснения у доски, как выяснилось, дорогого стоят. Да и сам ученик, спустя некоторое время пребывания на уроках онлайн, испытал невероятное желание войти в свой любимый класс. Многочисленные видеозаписи детей, заполонившие интернет в пору санитарных ограничений, по-разному отображали эту ситуацию, пытались выразить ставший невероятно острым дефицит привычных традиционных офлайн форматов взаимодействия «учитель – ученик». То же касается и родителей обучающихся, переживавших не самый простой период своего родительства.

Именно на эту ситуацию обращают внимание и сами участники образовательного процесса, и специалисты, занимающиеся вопросами образо-

¹ Российские школы могут потерять доверие детей, педагогов, родителей [Электронный ресурс] // Вести образования : [сайт]. URL: https://vogazeta.ru/articles/2020/7/21/quality_of_education/13976-rossiyskie_shkoly_mogut_poteryat_doverie_detey_pedagogov_i_roditeley?fbclid=IwAR1fLY79E0OK1tKxUV_1BvmpNzVKDO8n-rFsz3uqe22yA9NiPKNT2MVxYcC (дата обращения 30.07.2020).

вательной политики, и законодателя². Этот вопрос во многом становится камнем преткновения между сторонниками и противниками продолжения внедрения онлайн-обучения. Иными словами, ситуация «всеобщего дистан-та» явно и чётко зафиксировала в качестве наиболее слабого звена, психологический аспект использования цифровой образовательной среды и инструментария в процессе обучения онлайн.

Безусловно, вышесказанное необходимо не просто принять во внимание, но и проработать новые и совершенствовать имеющиеся апробированные методы и приёмы дистанционного обучения, которые обеспечили бы полноценную систему взаимодействия субъектов образовательного процесса, прежде всего, системы «учитель – ученик». В новом формате учитель продолжает работать всё с теми же детьми, обладающими индивидуально-типологическими особенностями, и согласно закономерностям психического развития, свойственным их возрасту; с родителями, желающими получить помощь и поддержку учителя в вопросах обучения своего ребёнка. Технологии являются лишь проводниками, новыми средствами обучения. Сама система взаимодействия «человек – человек», пусть даже и опосредованная цифровыми технологиями, остаётся неизменной. Учитель продолжает ориентироваться на работу не с машиной или роботом, а с человеком!

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ПРОГРАММ ОБУЧЕНИЯ ПЕДАГОГОВ. РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА

В этой связи, во главу угла программ обучения учителя работе в новых условиях, наряду с обучением самим цифровым технологиям и навыкам работы в онлайн-режиме, должно ставиться обучение психологическим аспектам реализации дистанционного обучения. Обучающие программы (повышения квалификации и переподготовки) должны строиться с обязательным учётом вопросов психологической составляющей онлайн-обучения: особенностей взаимодействия со школьниками и их родителями, психологических особенностей детей при построении онлайн-урока, включая вопросы оптимального времени, проводимого за компьютером, времени, отведённого на выполнение домашних заданий, соблюдения санитарно-эпидемиологических требований³, психологической безопасности и т. п.

² Российские школы могут потерять доверие детей, педагогов, родителей [Электронный ресурс] // Вести образования : [сайт]. URL: https://vogazeta.ru/articles/2020/7/21/quality_of_education/13976-rossiyskie_shkoly_mogut_poteryat_doverie_detey_pedagogov_i_roditeley?fbclid=IwAR1fLy79E0OK1tKxUV_1BvmpNzVKDO8n-rFsz3uqe22yA9NiPKNT2MVxYCs (дата обращения 30.07.2020).

³ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 29.12.2010 № 189 (ред. от 22.05.2019) «Об утверждении СанПиН 2.4.2.2821-10 “Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных учреждениях”» (вместе с «СанПиН 2.4.2.2821-10. Санитарно-эпидемиологические требования к условиям и организации обучения в общеобразовательных организациях. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы») (Зарегистрировано в Минюсте России 03.03.2011 № 19993) // Российская газета,

В целях изучения проблем, возникших в работе педагогов, столкнувшихся с ситуацией «дистанта», нами был проведён опрос, в котором приняли участие работники сферы образования Московской области, являющиеся слушателями курса повышения квалификации «Дистанционные образовательные технологии в организации учебного процесса», проводимого в дистанционном формате в период пандемии⁴. Опрос проводился в апреле 2020 г. дистанционно, с использованием Google-формы. Количество опрошенных – 451 человек. Возраст опрошенных – от 21 до 68 лет. Выборку составили учителя-предметники, учителя начальной школы, заместители директоров по учебно-воспитательной работе, педагоги-организаторы, педагоги дополнительного образования с опытом работы в образовательной сфере от 1 года до 45 лет. 95,6% составили женщины, 4,4% – мужчины.

Отметим, что на момент начала обучения у 38% опрошенных полностью отсутствовал опыт работы в дистанционном формате (рис. 1).

Рис. 1 / Fig. 1. Результаты, полученные в ходе опроса: «Оцените себя как дистанционного педагога на момент начала прохождения курса» / Results of the survey "Evaluate your competence as a teacher of distance learning before the course"

Уровень владения информационно-коммуникационными технологиями также различался (свой уровень владения ИКТ-технологиями большинство оценило как средний) (рис. 2).

2011. 16 марта. № 54.

⁴ Дополнительная профессиональная программа (повышение квалификации), реализованная Московским государственным областным университетом (МГОУ) Институтом повышения квалификации и профессиональной переподготовки, кафедрой непрерывного образования. Программа разработана преподавателями – д. психол. н., доцентом Крамаренко Н.С., к. пед. н., доцентом Шитовой В.А. Программа представлена на сайте МГОУ: <https://mgou.ru/>.

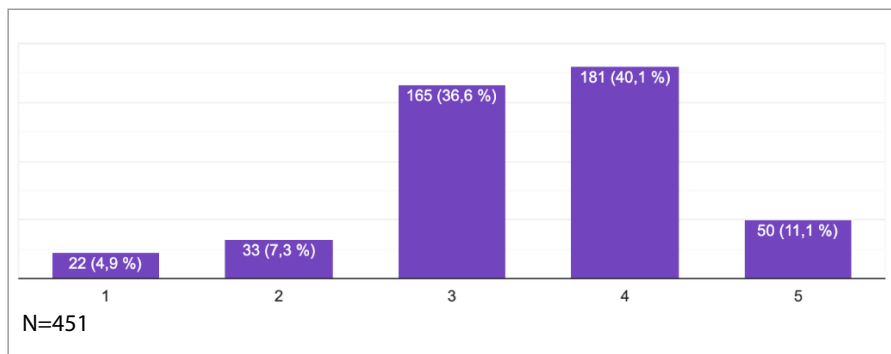

Рис. 2 / Fig. 2. Результаты, полученные в ходе опроса: «Оцените свой уровень владения информационно-коммуникационными технологиями» / The results of the survey "Evaluate your level of competence in IT"

На вопрос: «Являетесь ли вы активным пользователем интернета?», большинство опрошенных ответили положительно (81,1%), отрицательные ответы были получены от 10,2%. Небольшой процент остальных опрошенных дали другие ответы – «по необходимости», «иногда», др.

Отметим, что в целом, на момент всеобщего перехода на дистанционный формат обучения, почти у 40% учителей опыт работы в таком формате полностью отсутствовал. Необходимо было и учиться самому, и одновременно обучать учеников.

Наряду с недостатком и/или полным отсутствием цифровых компетенций, навыков работы в цифровой среде, результаты опроса показали, что наиболее сложными для учителей остаются темы, связанные с психологическими аспектами онлайн-обучения. В числе самых острых проблем – мотивация детей к обучению, вопросы концентрации внимания и получения обратной связи, контроля образовательного движения обучающихся, освоения ими материалов образовательной программы и организация взаимодействия всех субъектов образовательного процесса. Отметим, что вопросы работы с родителями являются также чрезвычайно актуальными и злободневными для педагогов. Данный аспект заслуживает отдельного анализа и обсуждения в рамках отдельной статьи.

Ниже представлены обобщённые результаты ответов на вопрос о том, что для учителя является наиболее сложным в работе в современных условиях. Ответы были иерархизированы по степени частоты упоминания (от большего к меньшему). Вне зависимости от наличия опыта работы педагога в дистанционном формате, на первых трех позициях оказались следующие ответы:

1. Повышение мотивации детей к обучению
2. Работа с родителями обучающихся, коммуникация

3. Грамотная организация учебной работы в онлайн-режиме, с учетом психологических особенностей обучающихся (как удержать внимание, как повысить интерес к уроку, как развить самостоятельность, как работать с детьми с особенностями развития, как организовать групповую работу, др.).

Среди остальных ответов были указаны вопросы построения онлайн-урока, выбор обучающей платформы, конкретных приемов и методов обучения.

Таким образом, как показали результаты опроса, вне зависимости от наличия или отсутствия у педагога опыта реализации программ в дистанционном формате, ключевыми и наиболее значимыми и актуальными для педагога оказываются вопросы работы не только с техническими средствами и цифровыми инструментами, а вопросы организации взаимодействия и коммуникации, вопросы учета психологических особенностей детей, вопросы отлаженной работы системы «человек-человек».

Сегодня мы говорим об изменении образа детства в цифровую эпоху, о современном подрастающем поколении как о «цифровом поколении», о поколении «социальных сетей», «поколении Z», одним из главных отличий которого является то, что они не помнят времени, когда не было интернета. Исследователями отмечается, что ключевой линией социализации детей цифровой эпохи является информационная социализация, киберсоциализация [3; 4; 5] и это, безусловно, накладывает отпечаток на процессы развития ребёнка и должно учитываться при организации процесса обучения. Цифровая эпоха направляет внимание всех субъектов образовательного процесса в сторону решения вопросов, связанных с информационными перегрузками детей и подростков, их деятельности в условиях многозадачного и медиамногозадачного мира [4; 6], гигиены работы с информацией, обеспечения психологической безопасности подрастающего поколения, живущего и развивающегося в век интернет-технологий.

Несмотря на новые социокультурные условия жизни в цифровую эпоху, именно функциональные возможности организма ребёнка, его возрастные психологические особенности остаются важнейшими параметрами, которые необходимо учитывать в работе с детьми, в вопросах их обучения. Это основа, условие сохранения здоровья ребёнка, его психологического благополучия. Как точно было отмечено М. М. Безруких, «технические новинки не делают ребёнка более творческим и самостоятельным» [2]. С точки зрения психологии развития и психофизиологии, цифровая среда, скорее, наделяет ребёнка дополнительными информационными и технологическими возможностями и при грамотном, умелом и взвешенном использовании является потенциалом для его развития.

Практика показала, что экосистема цифрового образования, по сути, меняет лишь средства, форматы обучения. Работа с «чисто человеческими», не цифровыми психологическими составляющими учебного процесса – неизменно ключевая позиция обеспечения образовательного результата. Вопрос

сы коммуникации, развития мотивационно-потребностной сферы, мотивации к обучению и получению новых знаний ребёнком и др. аспекты остаются ключевыми вопросами построения работы в современных условиях.

В этой связи, программы повышения квалификации учителей, обучающие методам работы в дистанционном формате, должны включать в себя психолого-педагогические блоки, в которых будут отражены психолого-педагогические аспекты дистанционного обучения. Среди важнейших – вопросы психологии развития ребёнка цифрового века, развития его мотивационно-потребностной сферы, особенности работы с информацией, проблемы сохранения психологической безопасности и здоровья детей.

ОБ ОПЫТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОГРАММЫ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ «ДИСТАНЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА»

В качестве практического решения этих важнейших задач в период пандемии нами была разработана и успешно реализована программа повышения квалификации учителей «Дистанционные образовательные технологии в организации учебного процесса»⁵. Главной целью программы было обеспечение учителя необходимыми цифровыми инструментами и компетенциями, а также знаниями психолого-педагогических особенностей реализации образовательных программ в дистанционном формате. Свою задачу мы видели в том, чтобы не только поддержать учителя в резко изменившейся привычной и устоявшейся для него ситуации обучения школьников, но и помочь в освоении основ дистанционного обучения, необходимых для приобретения новых навыков, позволяющих осуществить реализацию процесса обучения в новом (полностью дистанционном) формате (программа была разработана и реализовывалась в пик пандемии, в апреле – июне 2020 г).

Структура программы включала в себя основные блоки (модули), разработанные с учётом вышеназванных критериев. Модули, направленные на обучение практическим (цифровым) навыкам, формирование знаний психологических аспектов реализации программ в дистанционном формате (учёт закономерностей функционирования когнитивных процессов, вопросы восприятия информации в дистанционном формате, вопросы психологической безопасности, учёта эмоционально-личностных особенностей современного ребёнка и др.), вопросы нормативно-правовых основ обучения с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

Модуль 1. Нормативно-правовые основы применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

⁵ Дополнительная профессиональная программа (повышение квалификации), реализованная Московским государственным областным университетом (МГОУ) Институтом повышения квалификации и профессиональной переподготовки, кафедрой непрерывного образования. Программа разработана преподавателями – д. психол. н., доцентом Крамаренко Н.С., к. пед. н., доцентом Шитовой В.А. Программа представлена на сайте МГОУ: <https://mgou.ru/>.

Модуль 2. Психологические аспекты реализации образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий.

Модуль 3. Практика реализации дистанционного обучения (обучение цифровым компетенциям).

Результатом обучения (итоговой работой слушателей) стала разработка технологической карты внедрения дистанционного обучения в практику преподавания, где особое место уделялось вопросам осуществления обратной связи с обучающимися. Программа получила множество положительных отзывов от слушателей и, на наш взгляд, может быть использована в качестве ориентира для организации работы коллег, занимающихся вопросами непрерывного образования и обучения учителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Существующий запрос от педагогического сообщества на совершенствование компетенций по работе в складывающейся новой экосистеме цифрового образования, выявил потребность не только в обучении самим цифровым инструментам и в навыках их использования, но и в решении вопросов организации взаимодействия со всеми участниками образовательного процесса в цифровой среде. В этой связи ключевыми аспектами содержания программ обучения педагогов должны стать психолого-педагогические модули (блоки), дающие ответ на актуальные вопросы педагогической практики: какие особенности и закономерности функционирования когнитивных процессов необходимо учитывать при построении онлайн-урока, каковы особенности восприятия школьником учебной информации в дистанционном формате, на что обращать внимание в вопросах обеспечения психологической безопасности в цифровой среде, как учитывать эмоционально-личностные особенности ребенка при осуществлении онлайн-коммуникации, как грамотно выстроить систему взаимодействия с родителями обучающихся. Эти и другие вопросы должны лечь в основу новых образовательных программ современной практики непрерывного образования педагога.

В заключение отметим, что темп происходящих изменений никому не оставляет времени на раскачку. Ситуация «изменения изменений» [1], в которой мы сегодня находимся, задаёт свои правила игры и правила жизни в новых условиях цифровой эпохи. Однако не стоит забывать, что главными ценностными основаниями цифрового образования остаются ценности человеческого взаимодействия, которые необходимо сохранить и находясь в «дистанте». Как показала жизнь, «человеческий фактор» был и остаётся ключевым в обеспечении образовательного процесса, а учёт психологической составляющей является важнейшим элементом обеспечения качества образовательного процесса и его результата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html#e3> (дата обращения: 15.07.2020).
2. Безруких М. М. Технические новинки не делают ребенка более творческим и самостоятельным» [Электронный ресурс] // Журнал «Дети в информационном обществе»: [сайт]. URL: http://detionline.com/assets/files/journal/28/28_gost_nomera.pdf (дата обращения: 01.07.2020).
3. Белинская Е. П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 30. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858-belinskaya30.html> (дата обращения: 01.07.2020).
4. Крамаренко Н. С. Проблемы «цифровой потребности» и информационной перегруженности обучающихся поколения Z // Педагогика. 2020. № 4. С. 37–42.
5. Крамаренко Н. С. Социокультурная среда цифровой эпохи: от психологических рисков к возможностям развития личности // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2016. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 01.07.2020).
6. Многозадачность как ответ на вызовы сложности: доклад Галины Солдатовой [Электронный ресурс] // Психологическая газета : [сайт]. URL: <https://psy.su/feed/8331/> (дата обращения: 01.07.2020).

REFERENCES

1. Asmolov A. G. [Contemporary psychology: challenges of uncertainty, complexity and diversity]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies], 2015, vol. 8, no. 40. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1109-asmolov40.html#e3> (accessed: 15.07.2020).
2. Bezrukih M. M. [Technical innovations do not make a child more creative and independent"]. In: *Zhurnal «Deti v informatsionnom obshchestve»* [Journal "Children in the Information Society"]. Available at: http://detionline.com/assets/files/journal/28/28_gost_nomera.pdf (accessed: 01.07.2020).
3. Belinskaya E. P. [Informational socialization of adolescents: social networks usage and psychological well-being]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies], 2013, vol. 6, no. 30. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n30/858-belinskaya30.html> (accessed: 01.07.2020).
4. Kramarenko N. S. [Problems of "digital needs" and information overload of generation Z students]. In: *Pedagogika* [Pedagogics], 2020, no. 4, pp. 37–42.
5. Kramarenko N. S. [Social and Cultural Environment of the Digital Age: from Psychological Risks to the Possibility of a Personality Development]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2016, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 01.07.2020).
6. [Multitasking as a response to the challenges of complexity: report by Galina Soldatova]. In: *Psikhologicheskaya gazeta* [Psychology newspaper]. Available at: <https://psy.su/feed/8331/> (accessed: 01.07.2020).

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 31.07.2020

Статья размещена на сайте: 15.09.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Крамаренко Наталья Станиславовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии Московского государственного областного университета; e-mail: ns.kramarenko@mgou.ru

Natalia S. Kramarenko – Dr. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Prof., Department of General and Educational Psychology, Moscow Region State University; e-mail: ns.kramarenko@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Крамаренко Н. С. Человеческий фактор в новой экосистеме цифрового образования // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru

Kramarenko N. S. The digital environment and the human factor of distance learning. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 159.9.072.422

Селезнева Е. В., Чирковская Е. Г.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1, Российская Федерация*

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНЧЕСКОМ ТАЛАНТЕ

АННОТАЦИЯ

Цель. Выявить содержание и структуру представлений об управленческом таланте.

Процедура и методы. Эмпирическое исследование с использованием специально разработанного опросника; контент-анализ; лексический анализ.

Результаты. В результате анализа эмпирических данных показано, что в представлениях участников исследования управленческий талант является специфическим видом таланта, проявляющимся в форме достижений в сфере управления, которые в определённый момент времени хотя бы частью общества оцениваются как существенный вклад в развитие страны, региона, организации. Выявлены особенности представлений о сторонах и масштабе проявления управленческого таланта, а также о качествах талантливой управленца. Установлено, что, с точки зрения респондентов, наиболее значимыми сторонами проявления управленческого таланта являются сфера взаимодействия руководителя и коллектива и интеллектуальная сфера, а наиболее значимыми для талантливой управленца качествами – коммуникативные и интеллектуальные.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в нём впервые раскрыты особенности представлений об управленческом таланте.

Практическая значимость связана с тем, что полученные в результате опроса данные могут быть использованы при разработке технологий отбора высокопотенциальных кадров в сфере государственного управления и комплексной модели работы с талантами в Российской Федерации на основе личностно-ориентированного подхода в управлении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

талант, управленческий талант, стороны проявления управленческого таланта, качества талантливой управленца, социальные представления

БЛАГОДАРНОСТИ

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

СТРУКТУРА

Введение

Выборка и методы

Обсуждение результатов

Выводы

E. Selezneva, E. Chirkovskaya

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
82, str. 1 prospekt Vernadskogo, Moscow 119571, Russian Federation*

REPRESENTATIONS ABOUT MANAGERIAL TALENT

ABSTRACT

Aim. To identify the content and structure of representations about managerial talent.

Methodology. Empirical research with the use of a specially designed questionnaire; content analysis; lexical analysis.

Results. As a result of the analysis of empirical data, it is shown that in the views of the study participants, managerial talent is a specific type of talent, which manifests itself in the form of achievements in the field of management, which at a certain point in time and at least part of society are assessed as a significant contribution to the development of a country, region, organization. The features of ideas about the parties and the scale of manifestation of managerial talent, as well as the qualities of a talented manager, are revealed. It was established that from the point of view of respondents, the most significant aspects of the manifestation of managerial talent are the sphere of interaction between the leader and the team and the intellectual sphere, and the most significant for a talented manager qualities are communicative and intellectual.

Research implications. Are determined by the fact that it reveals the features of ideas about managerial talent for the first time.

The practical significance of the study is due to the fact that the data obtained as a result of the survey can be used to develop technologies for selecting high-potential personnel in the field of public administration and an integrated model for working with talents in the Russian Federation based on a personality-oriented approach to management.

KEYWORDS

talent, managerial talent, aspects of the manifestation of managerial talent, qualities of a talented manager, social representations

ACKNOWLEDGMENTS

The article was prepared as a part of the research work of the state assignment of the RANEPa.

ВВЕДЕНИЕ

Качество процессов функционирования и развития любой социальной группы как системы в значительной степени определяется качеством процессов функционирования и развития подсистемы управления этой группой. В свою очередь, качество и продуктивность процессов управления определяется результативностью и эффективностью управленческой деятельности как инструмента реализации целей управления.

Если в научных публикациях, опирающихся на традиционную методологию (поведенческий, ситуативный, деятельностный подходы), при описании факторов результативности и эффективности управленческой деятельности использовались понятия «профессионализм», «компетентность», «мастерство» и т. п., то в публикациях, которые опираются на современную методологию (компетентностный, ресурсный, личностно-ориентированный подход

ды), наряду с этими понятиями используются понятия «ресурсы», «потенциал» и «талант». Интересно, что понятие «талант», несмотря на значительную неопределённость своего содержания, постепенно приобретает характер родовой категории по отношению ко всем остальным перечисленным выше понятиям. Это проявляется и в том, что в рамках теории и практики управления персоналом последовательно формируются такие понятия, как «управление талантами» [9; 16] и «война за таланты» [6; 24].

Как показывает социально-экономическая практика, именно управленческие таланты оказываются особо востребованными не только в экономической сфере, но и в сфере государственного управления, качество и продуктивность процессов которого и, соответственно, результативность и эффективность деятельности кадров управления имеют особое значение для развития общества [2; 5; 8; 14; 19; 21–23; 25].

В то же время сущность управленческого таланта как социально-психологического явления до сих пор по-настоящему не выявлена эмпирически и не осмыслена теоретически.

Наиболее известно определение управленческого таланта, которое было дано Э. Майклзом с соавторами. Рассматривая талант в целом как характерную для человека совокупность «дарований, умений, знаний, опыта, интеллекта, рассудительности, характера и энергии», а также способности к обучению и развитию [6, с. 20], авторы так определяют управленческий талант: «сочетание острого стратегического ума, лидерских способностей, эмоциональной зрелости, навыков общения, предпринимательских инстинктов, функциональных навыков, умения достигать результатов, а также способности привлекать и вдохновлять другие таланты» [6, с. 20]. Безусловно, все эти особенности важны для руководителя, но вряд ли их можно рассматривать как равнозначные по той роли, которую они играют в реализации управленческого таланта. Кроме того, в этом определении управленческий талант выступает как характеристика, описывающая только потенциал руководителя. Однако любой талант всегда характеризует человека не только в плане его возможностей, но и в плане его реальных достижений в той или иной сфере деятельности. Таким образом, можно говорить о том, что понятие «управленческий талант» должно, с одной стороны, описывать содержание и структуру личностных ресурсов руководителя, которые выступают как его потенциал, а с другой стороны, фиксировать области, в которых руководитель, обладающий талантом, преимущественно достигает сверхнормативных результатов.

Одним из продуктивных направлений в исследовании содержания и структуры управленческого таланта является изучение представлений об этом социально-психологическом явлении.

Сформированные на основе жизненного опыта и имеющие форму понятий, суждений и мнений, социальные представления в структуре сознания действуют как сложный фильтр, с помощью которого человек упорядочивает,

интерпретирует и осмысливает поступающую к нему из внешнего и внутреннего пространства информацию, а затем выстраивает стратегию своей активности относительно себя самого или других субъектов и объектов [1]. При этом в своей совокупности представления о том или ином социально-психологическом явлении обнаруживают его сущностные стороны, внутренние противоречия, функции в структуре деятельности и жизнедеятельности человека и общества и т. п.

Так, в рамках социальной психологии, психологии управления и теории менеджмента активно исследуются проблемы влияния представлений на процесс руководства. С позиций атрибутивного (Ф. Хайдер, Г. Келли, Т. Митчелл и Р. Вуд, С. Грин и др.) и социально-когнитивного подходов (Б. Калдер, Р. Лорд, Дж. Филлипс, Дж. Фотис, Г. Аллигер и К. дэ Вадер и др.) было показано, что представления участников организационного взаимодействия о самих себе и друг о друге играют значительную роль во взаимодействии руководителя с его подчинёнными. В настоящее время исследования представлений о тех или иных аспектах личности и деятельности руководителя проводятся в основном с опорой на теорию социальных представлений. При этом объектом исследования чаще всего становится «эффективный» или «идеальный» руководитель, а предметом – представления о личностных и деятельностных характеристиках, которые и обеспечивают это восприятие руководителя как эффективного или идеального [7; 10; 11; 13; 15; 17; 18; 20].

В то же время представления об управленческом таланте как интегративной характеристике высокоэффективного и высокорезультативного руководителя до сих пор не были предметом научных исследований, хотя именно результаты изучения этих представлений могут не только расширить и углубить понимание содержания и структуры личностного потенциала талантливого руководителя, а также областей проявления его таланта, но и стать основой для совершенствования технологий работы с талантами в сфере управления.

В научно-исследовательской лаборатории «Диагностика и оценка руководителей» Института ВШГУ РАНХиГС при Президенте РФ представления об управленческом таланте изучаются в рамках разработки концепции и комплексной модели работы с талантами в Российской Федерации на основе личностно-ориентированного подхода в управлении.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить содержание и структуру представлений об управленческом таланте.

В соответствии с целью исследования необходимо решить следующие задачи:

- определить общий характер представлений об управленческом таланте как об отдельном виде таланта;
- выявить представления о сторонах и масштабе проявления управленческого таланта;
- раскрыть содержание и структуру представлений о качествах, характерных для талантливого управленца.

ВЫБОРКА И МЕТОДЫ

В исследовании участвовали 517 слушателей программы подготовки управленческих кадров «Управление в сфере культуры / образования / здравоохранения», т. е. действующих руководителей, которые в своих представлениях об управленческом таланте могут опираться на собственный профессиональный опыт, и 100 участников открытого конкурса по формированию Молодёжной платформы Тульской области «Команда развития: таланты», т. е. молодых людей, представления которых об управленческом таланте строятся на общих знаниях о сущности управленческой деятельности и на опыте взаимодействия с руководителями в тех или иных сферах.

Участники исследования должны были ответить на три открытых вопроса.

Целью вопроса «Как Вы считаете, существуют ли управленческие таланты?» было определение общего отношения респондентов к возможности применения понятия «талант» к людям, работающим в сфере управления.

Целью вопроса «В чем проявляется управленческий талант?» было выявление представлений респондентов, с одной стороны, о сторонах управленческого таланта, т. е. об аспектах его проявления, а с другой стороны, о масштабе, т. е. об областях, в которых он обнаруживается в той или иной форме.

Целью вопроса «Какими качествами обладает талантливый управленец?» было установление содержания представлений респондентов о личностных особенностях управленца, которые выступают как его внутренний потенциал и проявляются в деятельности, обеспечивая не просто её исполнение, а выход на сверхнормативный уровень.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Анализ ответов на вопрос о том, существует ли управленческий талант, показал, что подавляющее большинство респондентов безусловно рассматривают его как отдельный, самостоятельный вид таланта (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Представления участников опроса о существовании управленческого таланта (n = 617) / Representatives of survey participants about the existence of managerial talent (n = 617)

Варианты ответов	Абсолютная частота встречаемости (кол-во упоминаний)	Индекс встречаемости (ИВ)
Безусловно ДА	563	0,9125
Скорее ДА	22	0,0357
Скорее НЕТ	1	0,0016
Безусловно НЕТ	14	0,0227
Описательные формулировки	7	0,0113
Затруднение с ответом	5	0,0081
Отказ от ответа	5	0,0081
ИТОГО	617	1,0

Так как вопрос был открытым, у участников исследования была возможность не просто ответить «да» или «нет», но и при желании обосновать свой ответ. Попытка обосновать невозможность существования управленческого таланта была сделана только в одном случае – за счёт подмены понятия «талантливый» понятием «идеальный» (*«Идеального руководителя не существует в принципе»*); в остальных случаях высказывалось так или иначе обоснованное мнение о его существовании (*«Конечно, существуют. Для того, чтобы эффективно управлять кадрами, необходимо таковыми обладать»*; *«Разумеется существуют, не каждый человек сможет стать хорошим руководителем»*; *«Талант по сути представляет собой выдающуюся способность, т.е. способность которая имеет нестандартный уровень. Не исключением является способность к управлению – она также может «выходить на первый план». Поэтому можно сказать, что управленческие таланты существуют»*; *«Я считаю, что существуют, так как есть успешные организации»*; *«Да, быть хорошим руководителем – это безусловно талант»*; *«Управлять людьми, организацией и т. д. – это великое искусство. Конечно же, несомненно, управленческие таланты существуют»* и т. п.).

В комментариях также подчёркиваются две сущностные особенности любого таланта, в том числе и управленческого:

– необходимость его постоянного развития (*«Да, но как и любой талант он требует развития»*; *«Да, существуют, однако их определенно необходимо развивать, улучшать, корректировать»*; *«Безусловно. Навыки эффективного управления присущи людям в совершенной разной мере и степени, однако лежат в прямой зависимости не только от личностных характеристик управляющего, но и от его целенаправленной работы по улучшению и развитию этих навыков»* и т. п.);

– преимущество руководителя, обладающего управленческим талантом, перед другими как с точки зрения собственного развития, так и с точки зрения возможных результативности и эффективности его деятельности (*«Есть люди, обладающие качествами, благодаря которым им удаётся мастерски организовать работу, а также людей вокруг себя и получить в результате эффективную работу и достижение всех поставленных целей. Также управленческие компетенции с опытом можно развивать, но не до уровня людей, которые предназначены для управления»* и т. п.).

Таким образом, можно говорить о том, что в сознании участников исследования в целом понятие «талант» органично соотносится с понятиями «управление» и «управленческая деятельность».

При этом, с точки зрения респондентов, управленческий талант может проявляться с самых разных сторон и в самом разном масштабе (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Стороны и масштаб проявления управленческого таланта в представлениях участников опроса (n = 617) / The sides and scale of the manifestation of managerial talent in the views of survey participants (n = 617)

Стороны проявления управленческого таланта	Абсолютная частота встречаемости (кол-во упоминаний)	Индекс встречаемости (ИВ)
1. В масштабе страны, региона, организации		
Реализация социально значимых проектов	7	0,0061
Достижение целей (результатов) организации / подразделения	85	0,0736
Успешное развитие организации	47	0,0407
Общая эффективность управления	29	0,0251
Баланс интересов организации как целого и ее сотрудников	10	0,0087
Итого	178	0,1542
2. В масштабе выполнения руководителем управленческих функций в целом		
Организация работы коллектива	110	0,0952
Подбор, расстановка и сохранение кадров	65	0,0563
Мотивирование сотрудников	26	0,0225
Контроль за исполнением	15	0,0130
Способность к кризисному управлению	10	0,0087
Итого	226	0,1957
3. В масштабе отношений руководителя и коллектива организации		
Высокий уровень общения и взаимодействия	70	0,0606
Лидерство и командная работа	175	0,1515
Создание благоприятного психологического климата	22	0,0190
Требовательность	4	0,0035
Справедливость	1	0,0009
Итого	272	0,2355
4. В масштабе реализации управленческого потенциала		
Профессионализм / компетентность руководителя в целом	30	0,0260
Умение принимать решения	63	0,0546

Продолжение Таблицы 2 на следующей странице

Продолжение Таблицы 2

Стороны проявления управленческого таланта	Абсолютная частота встречаемости (кол-во упоминаний)	Индекс встречаемости (ИВ)
Высокий уровень и специфический интеллектуальных способностей, навыков, умений	180	0,1558
Творчество	45	0,0390
Высокий уровень ответственности	17	0,0147
Собственная эффективность руководителя	15	0,0130
Итого	350	0,3031
5. В масштабе активности руководителя как личности		
Активная жизненная позиция	2	0,0017
Самоорганизация	3	0,0026
Потребность в постоянном саморазвитии	8	0,0069
Оптимизм	2	0,0017
Стрессоустойчивость	2	0,0017
Честность	3	0,0026
Трудолюбие	4	0,0035
Управление временем	5	0,0043
Итого	29	0,025
6. Другое		
Обобщенные формулировки	81	0,0701
Управленческого таланта не существует	5	0,0043
Затруднение с ответом	14	0,0121
Итого	100	0,0865
ВСЕГО	1155	1,0

Как видно из таблицы 2, участники исследования связывают управленческий талант не столько с достижением неких общесоциальных (в масштабе страны, региона, организации и т. п.) целей, сколько с происходящими на разных уровнях управления процессами, которые в своём единстве обеспечивают достижение этих целей, а также с внутренними и внешними действиями управленца, через которые процесс управления реализуется. Следует отметить также, что основная часть выделенных участниками исследования процессов и действий обеспечивает руководителю исполнение роли лидера и/или эксперта. Исполнение роли менеджера, по мнению респондентов, в основном не требует проявления управленческого таланта.

Анализ показывает, что в представлениях участников исследования наиболее часто фиксируются две стороны проявления управленческого таланта.

Первая – это формальное (на уровне руководства, выполнения управленческих функций) и неформальное (на уровне лидерства) взаимодействие руководителя с коллективом. По мнению респондентов, управленческий талант проявляется прежде всего в качестве организации работы коллектива, подбора, расстановки и сохранения кадров, мотивирования сотрудников, в высоком уровне общения и взаимодействия, лидерстве и командной работе, создании благоприятного психологического климата, требовательности и справедливости (всего 40,95% упоминаний). Это свидетельствует о том, что именно взаимодействие с коллективом является в представлениях участников исследования наиболее значимой стороной проявления управленческого таланта. Такой результат согласуется с выводами признанных специалистов в области теории и практики управления, которые считают, что главной задачей управления в целом являются «интеграция людей в единое предприятие» [4, с. 29] и поддержание системы кооперативных усилий [3, с. 214], а это предполагает, что руководитель как субъект управления должен обеспечивать «совместную и эффективную работу людей, давая им возможность реализовать в максимальной степени свои сильные стороны и нейтрализуя их недостатки» [4, с. 28].

Вторая наиболее значимая, с точки зрения участников исследования, сторона проявления управленческого таланта – это интеллектуальная сфера самого руководителя (26,06% упоминаний). Управленческий талант в этой сфере изначально проявляется, по мнению респондентов, в высоком уровне и специфическом характере интеллектуальных способностей, навыков, умений (15,58% упоминаний), а также в потребности в постоянном саморазвитии, а затем – в умении принимать решения, творчестве, управлении временем. Таким образом, в представлениях участников исследования интеллект и высокий уровень знаний выступают как внутренние ресурсы руководителя, которые «указывают на границы потенциально достижимого» [4, с. 233], и могут быть реализованы в управленческих решениях, эффективность которых, в свою очередь, измеряется продуктивностью работы коллектива [4, с. 233].

Можно говорить о том, что процессы взаимодействия руководителя с коллективом и интеллектуальные процессы рассматриваются участниками исследования как наиболее значимые стороны проявления управленческого таланта, а суждения об этих сторонах в совокупности составляют ядро представлений.

Как показал лексический анализ, в формулировках своих ответов, обозначая особенности проявления управленческого таланта в его предметном и динамическом аспектах, респонденты наиболее часто использовали существительные и глаголы: *вдохновлять, видение, видеть, взаимодействие, взаимоотношения, влияние, влиять, возможности, дипломатичность, достигать, достижения, единство, задачи, заинтересовывать, идеи, инициативы, инновационность, интересы, коллектив, команда, коммуникабельность, компромисс, креативность, лидер, лидерство, любовь, максимизи-*

ровать, минимизировать, мотивировать, мышление, навыки, направлять, находить, нестандартность, общение, объединять, опыт, организовать, ответственность, отношения, перспективы, планировать, подбирать, поддерживать, последователи, потенциал, предвидеть, привлекать, пример, приоритеты, проблемы, прогнозировать, проекты, профессионализм, процесс, работа, развитие, распределять, расставлять, реализовывать, результат, ресурсы, решения, риски, руководить, самосовершенствоваться, сгенерировать, ситуации, слушать, создание, сотрудники, сохранить, сплотить, способности, стратегии, талант, убеждения, увлечься, умение, управление, управлять, успех, цели, человек, эффективность.

В то же время для обозначения особенностей проявления управленческого таланта в его качественном аспекте использовались прилагательные: быстрый, высокий, грамотный, качественный, командный, комфортные, лидерские, личностные, личные, лучший, максимальный, наилучший, наименьший, нестандартные, нужные, оптимальный, ответственные, отличный, позитивный, правильный, продуктивные, рабочий, сильные, сложенный, сложные, способные, стратегические, талантливый, творческий, умеющий, успешный, хороший, человеческий, чёткая, эмоциональный, эффективные.

Таким образом, и на уровне лексики фиксируются представления участников исследования, с одной стороны, о сверхнормативности как сущности управленческого таланта, а с другой стороны, о наиболее важных сторонах его проявления.

Следует отметить, что участники исследования в своих ответах опираются как на собственный опыт, так и на теоретические знания, что позволяет им делать достаточно глубокие и точные выводы не только о сторонах и масштабе проявления управленческого таланта, но и о качествах талантливого управленца (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Качества талантливого управленца в представлениях участников опроса (n = 617) / The qualities of a talented manager as perceived by survey participants (n = 617)

Качества талантливого управленца	Абсолютная частота встречаемости (кол-во упоминаний)	Индекс встречаемости (ИВ)
1. Общие профессиональные и управленческие качества		
Ценностное отношение к своему делу	23	0,0097
Профессионализм /компетентность	146	0,0619
Итого	169	0,0716
2. Сфера субъектности		
Активность	43	0,0182

Продолжение Таблицы 3 на следующей странице

Продолжение Таблицы 3

Качества талантливого управленца	Абсолютная частота встречаемости (кол-во упоминаний)	Индекс встречаемости (ИВ)
Мобильность	13	0,0055
Самоорганизация и самоуправление	37	0,0157
Самостоятельность	4	0,0017
Уверенность	28	0,0119
Готовность и способность к саморазвитию	29	0,0123
Итого	154	0,0653
3. Сфера целеполагания и целедостижения		
Высокая направленность на достижения	116	0,0492
Прагматичность	5	0,0021
Решительность	24	0,0102
Адекватная самооценка	5	0,0021
Итого	150	0,0636
4. Интеллектуальная сфера		
Общие особенности мышления	126	0,0534
Интуиция	9	0,0038
Логика и аналитические способности	74	0,0314
Стратегическое мышление	56	0,0237
Системное мышление	39	0,0165
Прогностические способности	49	0,0208
Тактическое мышление и умение планировать	33	0,0140
Умение решать задачи и проблемы	81	0,0343
Творческое мышление и креативность	157	0,0666
Проявления интеллекта	96	0,0407
Итого	720	0,3052
5. Сфера общения		
Ценностное отношение к людям	53	0,0225
Коммуникабельность	119	0,0505
Организаторские способности	116	0,0492
Открытость	8	0,0034
Эмоциональный интеллект	22	0,0093
Психологическая компетентность	41	0,0174
Умение слушать и слышать	20	0,0085
Терпимость	15	0,0064
Тактичность	40	0,0170
Ораторские способности и умение вести переговоры	30	0,0127

Продолжение Таблицы 3 на следующей странице

Продолжение Таблицы 3

Качества талантливого управленца	Абсолютная частота встречаемости (кол-во упоминаний)	Индекс встречаемости (ИВ)
Чувство юмора	6	0,0025
Итого	470	0,1994
6. Сфера лидерства и командной работы		
Лидерские качества	173	0,0733
Умение создавать команду и работать в ней	28	0,0119
Педагогические способности	17	0,0072
Стиль лидерства, в том числе:		
Требовательность	20	0,0085
Справедливость	42	0,0178
Твердость	13	0,0055
Итого	293	0,1242
7. Моральные качества		
Ответственность	112	0,0475
Честность	39	0,0165
Скромность	2	0,0008
Итого	153	0,0648
8. Волевые качества		
Общий уровень самоконтроля	20	0,0085
Настойчивость	14	0,0059
Стойкость	1	0,0004
Итого	35	0,0148
9. Психофизиологические и эмоциональные качества		
Здоровье	3	0,0013
Работоспособность	12	0,0051
Эмоциональная стабильность	89	0,0377
Оптимизм	14	0,0059
Итого	118	0,05
10. Другое		
Обобщенные формулировки	87	0,0369
Затруднение с ответом	10	0,0042
Итого	97	0,0411
ВСЕГО	2359	1,0

Из таблицы 3 видно, что ядро представлений о качествах талантливое управленца составляют представления о личностных и поведенческих характеристиках, обеспечивающих процессы формального и неформального взаимодействия руководителя с коллективом, в частности, в сфере организации работы коллектива и сфере лидерства и командной работы (в целом 32,36% упоминаний), и интеллектуальные качества и процессы (30,52% упоминаний), что соотносится с представлениями о наиболее значимых сторонах проявления управленческого таланта.

Лексический анализ показал при этом, что для описания личностных и поведенческих особенностей, характеризующих взаимодействие талантливого управленца в его предметном, динамическом и качественном аспектах, респонденты чаще всего используют существительные, глаголы и прилагательные: *авторитет, адекватная, вдохновитель, видение, видеть, влиять, выдержка, дипломат, доброжелательность, коммуникабельность, конфликты, лидер, мотивировать, мотиватор, оратор, организатор, психолог, тактичность, убеждать, уважение, увлечь, харизматичность, человечность, эмпатия, юмор*, – а для описания интеллектуальных характеристик – существительные, глаголы и прилагательные: *анализировать, быстрота, внимательность, генерировать, гибкость, грамотный, дальновидность, знания, идеи, инноватор, интеллект, креативность, критичность, логика, масштабное, мудрость, мышление, наблюдательность, нестандартность, новатор, обучаемость, перспективы, планировать, понимание, предвидеть, прогнозировать, рассудительность, рациональность, решать, решение, рисковать, самоанализ, саморазвитие, системность, стратег, тактик, творческий, ум, умный, чёткость, эрудиция*.

Полупериферию представлений о качествах талантливого управленца составляют профессионализм / компетентность (6,19% упоминаний), высокая направленность на достижения (4,92% упоминаний), ответственность (4,75% упоминаний) и эмоциональная стабильность (3,77% упоминаний).

Сравнительный анализ показал, что содержание и структура представлений о качествах талантливого управленца во многом совпадают с содержанием и структурой моделей компетенций, которые используются в системах управления талантами в государственном секторе в США и Сингапуре [12]. Модели качеств талантливого руководителя системы государственного управления, лежащие в основе систем отбора кандидатов на должности в государственном секторе в этих странах, включают три компонента: интеллектуальную сферу, сферу взаимодействий и сферу достижений. От претендентов на руководящие должности ожидают:

- в интеллектуальной сфере – выдающихся аналитических способностей, способности видеть общую картину в настоящем и возможные долгосрочные перспективы, стратегического мышления, гибкости, креативности, сочетающейся с умением сохранять чувство реальности;

– в сфере взаимодействий – способности объединять людей в команды, партнёрские сети и альянсы, умений мотивировать и делегировать, управлять конфликтами, эффективно убеждать и вести переговоры, способности консультировать коллег и способствовать их развитию, умения извлекать выгоду из разнообразия;

– в сфере достижений – ориентации на клиента, предприимчивости, решительности, мотивации достижения, ответственности, способности решать возникающие задачи.

Как мы видим, в моделях компетенций, на которые опираются кадровые службы органов государственного управления США и Сингапура при отборе кандидатов на руководящие должности, в тех или иных терминах представлены фактически все качества талантливоего управленца, входящие в ядро и полупериферию представлений участников нашего исследования. Это не только ещё раз подтверждает сделанный выше вывод о глубине и точности представлений участников исследования о качествах, характерных для талантливоего управленца, но и свидетельствует о высокой степени объективности суждений респондентов о сущности управленческого таланта.

ВЫВОДЫ

Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие выводы.

В сознании участников исследования закреплёно представление об управленческом таланте как о специфическом, отличном от других виде таланта, который обеспечивает эффективность управленческой деятельности и результативность процессов управления. Наличие управленческого таланта респонденты связывают, с одной стороны, со сверхнормативностью результатов деятельности руководителя, а с другой стороны, с необходимостью для него постоянно развивать свой личностный потенциал.

В представлениях участников исследования управленческий талант может проявляться как в социальном пространстве, на уровне страны, региона, организации или её отдельных подразделений, так и в психологическом пространстве, на уровне взаимодействия руководителя с его окружением или на уровне его внутренней, интеллектуальной, эмоциональной и волевой активности. Наиболее значимыми сторонами проявления управленческого таланта, с точки зрения респондентов, являются сфера формального и неформального взаимодействия руководителя с коллективом и интеллектуальная сфера.

Ядро представлений о качествах талантливоего управленца составляют личностные и поведенческие характеристики, наличие которых обеспечивает руководителю эффективность и результативность процессов общения и интеллектуальных процессов. Таким образом, сформированность на высоком уровне определённых коммуникативных и интеллектуальных качеств

делает возможной реализацию управленческого таланта в сфере организации целенаправленной и скоординированной работы коллектива и при решении возникающих управленческих проблем.

Данные, полученные в ходе исследования, могут служить ориентирами при разработке комплексной модели работы с талантами в Российской Федерации на основе личностно-ориентированного подхода в управлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Г. М. Социальное познание и социальные проблемы // Национальный психологический журнал. 2013. № 1 (9). С. 39–49.
2. Андрейчук А. А. Система работы с талантами на государственной гражданской службе в России и за рубежом // Социально-экономические явления и процессы. 2018. Т. 13. № 104. С. 75–82. DOI: 10.20310/1819-8813-2018-13-104-75-82.
3. Барнард Ч. Функции руководителя: власть, стимулы и ценности в организации / пер. с англ. В. Кошкина. М., Челябинск: Социум, ИРИСЭН, 2009. 333 с.
4. Друкер П. Ф. Энциклопедия менеджмента / пер. с англ. О. Л. Пелявского. М.: Вильямс, 2004. 432 с.
5. Климова А. В. Управление талантами: современные тенденции и подходы к применению в государственном секторе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. № 3 (43). С. 26–37.
6. Майклз Э., Хэндфилд-Джонс Х., Экселрод Э. Война за таланты / пер. с англ. 5-е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 280 с.
7. Мустафаева Э. М. Ассоциативный метод в диагностике представления подчиненных о стилях управления британских и российских руководителей // Российский психологический журнал. 2015. Т. 12. № 4. С. 193–202.
8. Опарина Н. Н. Государственная служба: современные тенденции в управлении преемственностью и талантами // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 72. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/72_2019andryushina_panova_oparina.htm (дата обращения: 20.02.2020).
9. Робертсон А., Эбби Г. Управление талантами. Как извлечь выгоду из таланта ваших подчинённых / пер. с англ. М.: Баланс-Клуб, 2004. 184 с.
10. Селезнева Е. В. Представления о лидере и руководителе: общее и особенное // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 30.06.2020). DOI: 10.18384/2224-0209-2018-3-909.
11. Смирнова Н. П. Представления об идеальном руководителе как основание психологической типологии подчиненных: дис. ... канд. психол. наук. М., 2003. 187 с.
12. Управление талантами: опыт бизнеса и государства [Электронный ресурс]. URL: <https://wardhowell.com/upload/iblock/2fc/2fc49acef1318163ca8f2baef5ccaa2.pdf> (дата обращения: 25.02.2020).
13. Хухлаев О. Е., Балашова Е. А. Социальные представления об отношениях руководства и подчинения: кросскультурные различия // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 91–105.

14. Шарин В. И. Привлечение на государственную и муниципальную службу талантливой молодежи // Вопросы управления. 2019. № 1 (56). С. 136–142.
15. Яковлев Е. А. Образ руководителя как фактор эффективности деятельности группы // Вестник Чувашского университета. 2009. № 3. С. 543–548.
16. Ansar N., Akhtar B. Talent and Talent Management: Definition and Issues // IBT Journal of Business Studies. 2018. Vol. 14 (2). P. 213–230.
17. Cook S. The Effective Manager. Management skills for high performance. Cambridgeshire: IT Governance Publishing, 2009. 153 p.
18. Cortada J.W. The Essential Manager. How to Thrive in the Global Information Jungle. Hoboken: John Wiley & Sons Limited, 2015. 262 p.
19. Devine M., Powell M. Talent management in the public sector // 3600 – The Ashridge Journal: [сайт]. 2008. Autumn. URL: www.ashridge.org.uk/360 (дата обращения: 10.02.2020).
20. Hortsman M. The Effective Manager. Hoboken: John Wiley & Sons Limited, 2017. 208 p.
21. O'Brien Sh. Talent Management Initiatives in the Irish Public Service – how State Agencies under one Government Department are using Talent Management to respond to skills shortages in a tight labour market: Submitted for the degree of MA in Human Resource Management. Dublin, 2017. 82 p.
22. Petersone M., Ketners K., Krastins A. V. Talent Management In Public Administration Institutions: The Case Of Latvian Customs [Электронный ресурс] // 8th International Scientific Conference “Business and Management 2014”, Vilnius, May 15th–16th, 2014. Section: Enterprise Management. URL: <http://www.bm.vgtu.lt> (дата обращения: 15.02.2020). DOI: 10.3846/bm.2014.019.
23. Talent management in public services in Scotland / K. Grant et al. Edinburg, 2017. 49 p.
24. The War for Talent / E. G. Chambers et al. // McKinsey Quarterly. 1998. № 3. P. 44–57.
25. Thunnissen M., Buttiens D. Talent Management in Public Sector Organizations: A Study on the Impact of Contextual Factors on the TM Approach in Flemish and Dutch Public Sector Organizations // Public Personnel Management. 2017. Vol. 46. P. 391–418. DOI: 10.1177/0091026017721570.

REFERENCES

1. Andreeva G. M. [Social cognition and social issues] In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 2013, no. 1 (9), pp. 39–49.
2. Andrejchuk A. A. [The system of work with talented people at the state civil service in Russia and abroad]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy* [Social-economic phenomena and processes], 2018, vol. 13, no. 104, pp. 75–82. DOI: 10.20310/1819-8813-2018-13-104-75-82.
3. Barnard Ch. The functions of the executive (Russ. ed.: Koshkin V., transl. *Funkcii rukovoditelya: vlast', stimuly` i cennosti v organizacii*. Moscow, Chelyabinsk, Socium, IRISEN Publ., 2009. 333 p.).

4. Drucker P. F. The Essential Drucker: The Best of Sixty Years of Peter Drucker's Essential Writings on Management (Collins Business Essentials) (Russ. ed.: Pelyavsky O. L., transl. *Entsiklopediya menedzhmenta*. Moscow, Williams Publ., 2004. 432 p.).
5. Klimova A. V. [Talent management: modern tendencies and approaches to its use in the public sector]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki* [Bulletin of N. I. Lobachevsky Nizhny Novgorod University. Series: Social Sciences], 2016, no. 3 (43), pp. 26–37.
6. Michaels E., Handfield-Jones H., Axelrod B. The War for Talent (Russ. ed.: *Voina za talanty*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2017. 280 p.).
7. Mustafaeva E. M. [The associative method in the diagnosis of subordinates' views on management styles of British and Russian leaders]. In: *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal* [Russian psychological journal], 2015, vol. 12, no. 4, pp. 193–202.
8. Oparina N. N. [Civil Service: Current Trends in Succession and Talent Management]. In: *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* [Public Administration. E-journal], 2019, no. 72. Available at: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/72_2019andryushina_panova_oparina.htm (accessed: 20.02.2020).
9. Robertson A., Abbey G. Managing Talented People (Russ. ed.: *Upravlenie talantami. Kak izvlech' vygodu iz talanta vashikh podchinennykh*. Moscow, Balans-Club Publ., 2004. 184 p.).
10. Selezneva E. V. Representations about leader and manager: general and special. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2018, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 30.06.2020) DOI: 10.18384/2224-0209-2018-3-909.
11. Smirnova N. P. *Predstavleniya ob ideal'nom rukovoditele kak osnovanie psikhologicheskoi tipologii podchinennykh : dis. ... kand. psikh. nauk* [Ideas of the ideal leader as the basis of the psychological typology of subordinates: PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2003. 187 p.
12. *Upravlenie talantami: opyt biznesa i gosudarstva* [Talent Management: Business and Government Experience]. Available at: <https://wardhowell.com/upload/iblock/2fc/2fc49acef1318163ca48f2baef5ccaa2.pdf> (accessed: 25.02.2020).
13. Khukhlaev O. E., Balashova E. A. [Social representations of leadership and subordination relationships: cross-cultural differences]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society], 2010, no. 1, pp. 91–105.
14. Sharin V. I. [Attracting talented youth to public and municipal service]. In: *Voprosy upravleniya* [Management issues], 2019, no. 1 (56), pp. 136–142.
15. Yakovlev E. A. [Image of the chief, as the factor of efficiency of activity of group]. In: *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University], 2009, no. 3, pp. 543–548.
16. Ansar N., Akhtar B. Talent and Talent Management: Definition and Issues. In: *IBT Journal of Business Studies*, 2018, vol. 14 (2), pp. 213–230.
17. Cook S. The Effective Manager. Management skills for high performance. Cambridgeshire, IT Governance Publishing, 2009. 153 p.
18. Cortada J. W. The Essential Manager. How to Thrive in the Global Information Jungle. Hoboken, John Wiley & Sons Limited, 2015. 262 p.

19. Devine M., Powell M. Talent management in the public sector. In: *360° – The Ashridge Journal*, 2008, Autumn. Available at: www.ashridge.org.uk/360 (accessed: 10.02.2020).
20. Hortsman M. *The Effective Manager*. Hoboken, John Wiley & Sons Limited, 2017. 208 p.
21. O'Brien Sh. Talent Management Initiatives in the Irish Public Service – how State Agencies under one Government Department are using Talent Management to respond to skills shortages in a tight labour market: Submitted for the degree of MA in Human Resource Management. Dublin, 2017. 82 p.
22. Petersone M., Ketners K., Krastins A. V. Talent management In Public Administration Institutions: The Case Of Latvian Customs. In: *8th International Scientific Conference "Business and Management 2014"*, Vilnius, May 15th–16th, 2014. Section: Enterprise Management. Available at: <http://www.bm.vgtu.lt> (accessed: 15.02.2020). DOI: 10.3846/bm.2014.019.
23. Grant K. et al. Talent management in public services in Scotland: Practitioner Report. Edinburg, 2017. 49 p.
24. Chambers E. G. et al. The War for Talent. In: *McKinsey Quarterly*, 1998, no. 3, pp. 44–57.
25. Thunnissen M., Buttiens D. Talent Management in Public Sector Organizations: A Study on the Impact of Contextual Factors on the TM Approach in Flemish and Dutch Public Sector Organizations. In: *Public Personnel Management*, 2017, vol. 46, pp. 391–418. DOI: 10.1177/0091026017721570.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 02.07.2020

Статья размещена на сайте: 29.09.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Селезнева Елена Владимировна – доктор психологических наук, профессор, заведующий научно-исследовательским сектором научно-исследовательской лаборатории «Диагностика и оценка руководителей» факультета оценки и развития управленческих кадров Института «Высшая школа государственного управления» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: selezneva-ev@ranepa.ru

Чирковская Елена Георгиевна – кандидат психологических наук, доцент, директор центра современных кадровых технологий факультета оценки и развития управленческих кадров Института «Высшая школа государственного управления» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; e-mail: tchirkovskaya@mail.ru

Elena V. Selezneva – Dr. Sci. (Psychology), Prof., Sector Head, the Research and Development Sector, Scientific Laboratory for Diagnostics and Assessment of Managers, the Graduate School of Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: selezneva-ev@ranepa.ru

Elena G. Chirkovskaya – Cand. Sci. (Psychology), Assoc. Prof., Director, Center for Modern Personnel Technologies, the Graduate School of Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: tchirkovskaya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Селезнева Е. В., Чирковская Е. Г. Представления об управленческом таланте // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Selezneva E. V., Chirkovskaya E. G. Representations about managerial talent. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 81.33

Беляков М. В.*Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации**119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

КВАНТИТАТИВНО-ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕЙ В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ООН (РУССКИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС)

АННОТАЦИЯ

Цель. Анализ выступлений Постоянных представителей Российской Федерации в Совете Безопасности ООН с позиций лингвоаксиологии и квантитативной лингвистики для выявления формальных и аксиологических характеристик речей, с одной стороны, и прагматических экстралингвистических целей выступления – с другой.

Процедура и методы. В статье рассмотрен аксиологический подход к текстам в целом и способам выражения оценки в дипломатических выступлениях, языковым и понятийным проблемам, возникающим при интерпретации оценочных слов и конструкций при восприятии текстов дипломатического дискурса. Исследование проводится методом компьютерного контент-анализа. Проанализирована выборка речей С. В. Лаврова из архива Совета Безопасности ООН средствами компьютерного контент-анализа, по каждому тексту выступления получен конкорданс, позволяющий осуществлять семантический и лингвоаксиологический анализ с последующей лемматизацией словоформ и списком гиперлексем.

Результаты. Сделан вывод о степени оценочной эмотивности речей в Совете Безопасности ООН, использовании коммуникативных стратегий и тактик для достижения прагматической цели решения сложных конфликтных вопросов в рамках дипломатического дискурса.

Теоретическая и практическая значимость. Предложенный алгоритм анализа позволяет осуществлять обработку больших текстовых массивов речей для последовательного изучения дипломатического дискурса за большие периоды времени. В заключение статьи сформулированы предложения по расширению способов исследования текстов речей иными компьютерными средствами, в частности средствами автоматизированного извлечения мнений, для более полного и объективного анализа данного типа дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ООН, Совет Безопасности, количественный анализ, аксиология, оценка, Постоянный представитель, дипломатический дискурс

СТРУКТУРА

Введение

Описание материала и методов исследования

Обсуждение результатов

Выводы

M. Belyakov

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76 Vernadskogo prospekt, Moscow 119454, Russian Federation

QUANTITATIVE AND LINGUOAXIOLOGIC ANALYSIS OF SPEECHES IN THE UN SECURITY COUNCIL (RUSSIAN DIPLOMATIC DISCOURSE)

ABSTRACT

Aim. Analysis of some speeches of Permanent representatives of the Russian Federation to the UN Security Council from the view of linguoaxiology and quantitative linguistics for revealing formal and axiologic characteristics of speeches, on the one hand, and the pragmatic extralinguistic purposes of the speeches on the other.

Methodology. The article considers the axiological approach to texts in general and ways of expressing evaluation in diplomatic speeches, linguistic and conceptual problems arising from the interpretation of evaluation words and constructions in the perception of diplomatic discourse texts. The study is conducted by computer content analysis. The sample of speeches by S.V. Lavrov from the archive of the UN Security Council was studied by means of computer content analysis, a concordance was obtained for each text of the speech, allowing semantic and linguo-axiological analysis, followed by lemmatization of word forms and a list of hyperlexemes.

Results. The conclusion is made about the degree of evaluative emotion of speeches in the UN Security Council, the use of communicative strategies and tactics to achieve the pragmatic goal of resolving complex conflict issues within the framework of diplomatic discourse.

Research implications. The suggested analysis algorithm allows processing of the big text files of speeches for consecutive studying a diplomatic discourse of long periods of time. In the final part of the article views on other ways of text

computer research, in particular, automated sentiment-analysis, for more full and objective analysis of diplomatic discourse are formulated.

KEYWORDS

UN, Security Council, quantitative analysis, axiology, estimation, Permanent Representative, diplomatic discourse

Дипломатия – процесс постепенный
С. В. Лавров

ВВЕДЕНИЕ

Организация Объединённых Наций – международная структура, без которой трудно представить современные международные отношения и которая в 2020 г. будет отмечать очередной юбилей – 75 лет с момента создания. Это 75 лет без глобальных войн. Совет Безопасности (СБ) ООН как площадка для решения наиболее острых мировых проблем начал свою работу в январе 1946 г. С этого момента прошло порядка 9 тыс. заседаний Совета Безопасности, на которых обсуждалась масса наиболее важных для поддержания мира тем – более 500. На рисунке 1 приводятся наиболее часто обсуждавшиеся за этот период темы. И, как видно, наиболее болезненной и, соответственно, самой частой остаётся проблематика Ближнего Востока. Обсуждение каждой из тем – это, как правило, речь, построенная по определённому принципу, структурированная, аргументированная, характеризующаяся минимальной эмотивностью. Формировавшиеся столетиями правила поведения дипломатов приняты в том числе и в СБ ООН. Однако с выходом дипломатии в медиaprостранство многое изменилось. Выступления как мировых политических лидеров, так и крупных дипломатов на Генеральной ассамблее ООН и в Совете Безопасности ООН с определённого времени стали попадать в кинохронику, а с появлением глобальной сети эти заседания можно просматривать как онлайн, так и в записи. Всё это, безусловно, накладывает отпечаток как на вербальное, так и на невербальное поведение выступающих, фактически вынуждая их переходить с клишированного дипломатического стиля речи на более свободный стиль открытой дипломатии. Учитывая тот факт, что выступления доступны в цифровой форме, их можно анализировать количественными методами с использованием компьютерных программ, впоследствии анализируя результаты с позиций теории интерпретации, лингвопрагматики, семантики, лингвистической аксиологии.

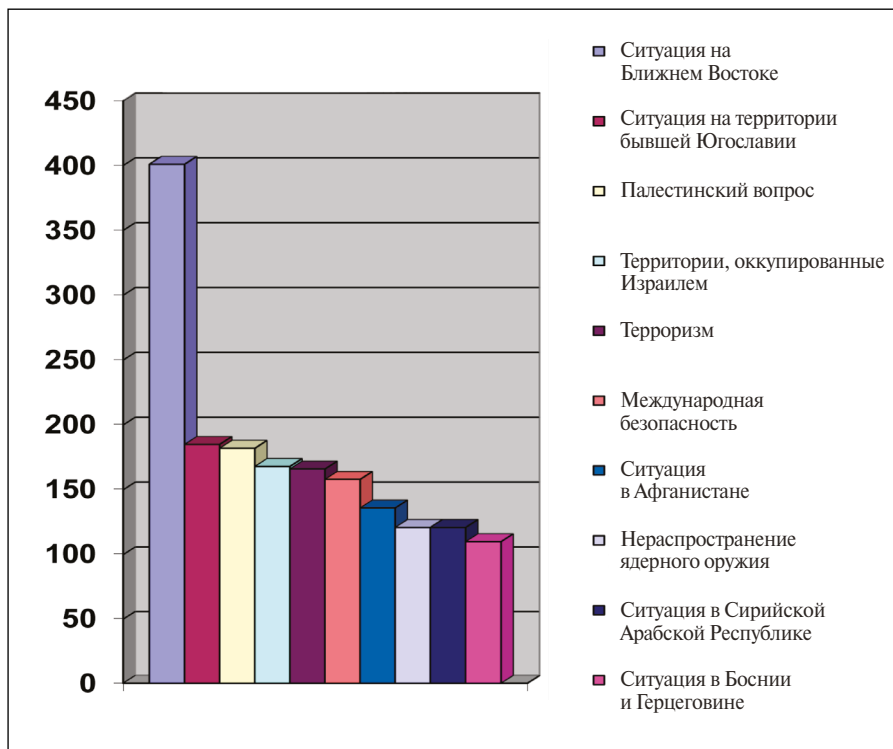

Рис. 1 / Fig. 1. Темы, наиболее часто обсуждаемые в СБ ООН, с 1946 г. / The topics most frequently discussed in the UN Security Council since 1946

Примечание: вертикальная шкала — это число обсуждений указанных тем с 1946 г. Например, самая частая тема — ситуация на Ближнем Востоке — более 400 раз за 75 лет.

Источник: составлено автором по материалам сайта Объединённые Нации. Цифровая библиотека.
URL: <https://digitallibrary.un.org/> (дата обращения: 15.01.2020)

Дипломатия всегда относилась к самым закрытым сферам деятельности государства [8]. С лингвистической точки зрения особенностью дипломатии является то, что основным «оружием» дипломата служит язык, причём как известные правила риторики и коммуникативные стратегии и тактики, так и язык в самом широком понимании этого слова, включая не только вербальные, но и паравербальные и невербальные его стороны. Тем самым оценивать можно всё указанное, причём как минимум с двух сторон – как само речевое поведение коммуниканта (в нашем случае дипломата), так и те оценочные категории, которые он использует в своей речи при выступлении на разные по остроте и важности для Российской Федерации темы.

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА И МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Категория оценки рассматривается, как правило, с позиций аксиологии, однако в последнее время оценочность стала объектом большого числа лингвистических исследований [1; 2; 10]. Сформировался так называемый аксиологический подход к языку. Аксиологический подход применяется к разным типам дискурса, при этом изучаются ценности, обладающие не только положительной значимостью, но и отрицательной и нулевой значимостью также. Подобные исследования имеют очевидную прагматическую ценность, поскольку при аксиологическом анализе определяется тип мнений, а извлечение мнений (сентимент-анализ) стало в наши дни одним из самых востребованных видов анализа текста. Аксиологическая методология и сентимент-анализ применимы к такому традиционно считавшемуся лишённым эксплицитной оценочности дискурсу, как дипломатический дискурс.

Дипломатический дискурс относится к наименее изученным типам институционального дискурса [5], хотя в последнее время привлекает всё большее внимание исследователей. Термин «дипломатия» в современном понимании утвердился в VIII в., пройдя длительный путь развития от Античности в период создания новых империй до Средневековья. Дипломатия воспринималась в Новое время как искусство сокрытия истины ради пользы своего государства [8]. Но всё же основной целью дипломатии и дипломатического дискурса было и остаётся решение межгосударственных проблем мирным путём. Британский учёный и дипломат Э. Сатоу писал, что дипломатия – это применение ума и такта к ведению официальных сношений между правительствами независимых государств, а ещё короче – ведение дел между государствами с помощью мирных средств [9]. В речи давно закрепилось выражение «искусство дипломатии», что также отражает суть этой деятельности – умение использовать в процессе дипломатической коммуникации правильные стратегии и тактики, вербальные средства выражения, с помощью которых можно как скрывать свои намерения, так и добиваться прагматически оправданных результатов. Искусство дипломатии предполагает мастерское использование риторических приёмов для ухода от прямых оценок в речи во избежание потенциально конфликтных ситуаций, однако совершенно избежать оценочности в силу природной эмоциональности языковой личности не представляется возможным.

Аксиология как теория ценностей неизбежно связана с теорией оценочности, которая считается особой языковой категорией, выражающей в речи эмоциональное отношение, вызванное сложившимся мнением о предмете высказывания [1; 6]. Оценочность напрямую связана с эмоциональностью, поэтому нередко их объединяют в один эмоционально-оценочный компонент. Объектом оценки, как правило, становится только то, что имеет какую-то значимость, ценность для субъекта. Всё незначительное и несуществен-

ное обычно игнорируется, что принципиально важно для дипломатического дискурса. Соотнесённость оценки с конкретной коммуникативно-речевой ситуацией создаёт особый тип высказывания – оценочное высказывание, построенное на базе оценочного суждения [3]. Однако в разных типах дискурса сами оценочные высказывания могут существенно различаться.

Оценка носит, как правило, субъективный характер, поскольку опирается прежде всего на субъективное восприятие универсальных аксиологических ценностей, таких как *добро*, *зло* и пр. Однако в дипломатическом дискурсе, в отличие от многих других типов институционального дискурса [4], участник дискурса, как правило, выступает от имени государства, а не как самостоятельный независимый субъект, имеющий право независимого суждения. Скорее, это «делегированный субъект». Соответственно, оценочность речи можно разделять на внешне субъектную (где в большинстве случаев формально внешним, остающимся за рамками прямого дискурса субъектом является государство) и, намного реже, собственно субъективную (личную). Чем выше уровень профессионализма дипломата, тем меньше в официальных речах можно встретить субъективной оценки.

Тем не менее выход ранее находившегося в информационной тени дипломатического дискурса в медиапространство, в частности трансляции заседаний Совета Безопасности ООН, давшие резкое увеличение числа реципиентов, привёл к тому, что в выступлениях Постоянных представителей появился дополнительный компонент «театральности», резкость высказываний и закамуфлированная субъективность оценок стали нередки, поскольку именно целевая аудитория определяет допустимый уровень оценочности, и при смене аудитории необходима смена аксиологических вербальных кодов.

Однако высказывания как во внешнеполитическом, так и в дипломатическом дискурсах обусловлены прагматическими факторами [7; 12], а именно стремлением избегать конфликтности в общении, свести к минимуму возможность постороннего контроля над своими действиями, желанием избежать ответственности за происходящее, сохранить лицо и т. д. Здесь наблюдаются общие черты дипломатического и внешнеполитического дискурсов по форме, по языковым средствам, используемым участниками в ходе решения коммуникативных задач, поставленных в процессе общения. Постоянные представители в СБ ООН, кроме вышесказанного, ещё и ограничены по времени, что создаёт дополнительные сложности в донесении позиции государства до международного сообщества.

Постоянными представителями СССР и РФ в СБ ООН за 75 лет последовательно были 14 выдающихся дипломатов, включая А. А. Громыко, Я. А. Малика, В. А. Зорина, О. И. Трояновского, С. В. Лаврова, В. И. Чуркина и др. Каждый из них в самые сложные времена (год создания СБ ООН – это год начала «холодной войны») должен был доносить точку зрения государства и после-

довательно находить пути для принятия мирных решений в конфликтных ситуациях во всём мире дипломатическими вербальными средствами, что является основной целью СБ ООН.

Речи Постоянных представителей, как правило, краткие, аргументированные, семантически наполненные и прагматически нацеленные [11]. Соответственно, выступления, в которых необходимо оценить поведение и заявления другой стороны, требуют особой осторожности в подборе оценочной лексики [10], при этом оценочность может быть эксплицитной и имплицитной.

Для количественного анализа речей в СБ ООН с последующей лингвоаксиологической интерпретацией использовалась компьютерная программа автоматической обработки текста Yoshicoder 0.6.5.0, позволяющая получить словарь-конкорданс текста выступления (табл. 1; 2), что, в свою очередь, упрощает рассмотрение дистрибуции встречающихся в тексте словоформ, способствующее проведению лингвоаксиологического анализа. Одновременно можно получить частотные характеристики текста, провести лемматизацию словоформ, ранжировать словоупотребления по частоте, т. е. получить комплексную количественную характеристику текста. Тексты всех открытых заседаний СБ ООН оцифрованы (с 1964 г.) и хранятся в архиве электронной библиотеки Security Council¹, что позволяет проводить их компьютерную обработку.

В качестве языкового материала для анализа были отобраны речи С. В. Лаврова в разные периоды его работы в качестве Постоянного представителя РФ в Совете Безопасности ООН. С. В. Лавров работал в этой должности с 1994 по 2004 гг. Этот период был одним из самых непростых в истории постсоветской России, на международной арене происходило множество конфликтов, одним из наиболее болезненных для Европы был Балканский конфликт (Югославский кризис). Эта тематика остаётся второй по частоте обсуждения в СБ ООН после проблем на Ближнем Востоке (рис. 1). Отобранные речи посвящены именно этой теме. Мы придерживаемся точки зрения В. И. Карасика: «Тематический подход к дискурсу сосредоточен на анализе текста как данности филологического исследования, ситуативные характеристики общения в этом случае реконструируются на основе соответствующего текста» [5, с. 57–58]. В качестве примера приведём результаты анализа двух речей С. В. Лаврова на одну и ту же тему в разные периоды времени (рис. 2; 3).

¹ Портал United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/161915?ln=en> (дата обращения: 18.12.2019).

Организация Объединённых Наций S/PV.3428

Совет Безопасности

Сорок девятый год

3428-е заседание

Пятница, 23 сентября 1994 года, 16 ч. 30 м.
Нью-Йорк

Полное описание

Оратор	Lavrov, Sergei Viktorovich
Страна / Организация	Russian Federation
Повестка дня	S/49 [60] FORMER YUGOSLAVIA SITUATION S/49 [62] BOSNIA AND HERZEGOVINA SITUATION S/49 [64] UN PROTECTION FORCE
Дата	1994-09-23
Отчет о заседании	S/PV.3428
Фонды	Органы ООН > Совет Безопасности Тип ресурса > Выступления

Рис. 2 / Fig. 2. Полное описание выступления С. В. Лаврова от 23.09.1994/ Full description of S. V. Lavrov speech 23.09.1994

Источник: составлено автором по материалам сайта Объединённые Нации. Цифровая библиотека.
URL: <https://digitallibrary.un.org/> (дата обращения: 15.01.2020)

Фрагмент речи С. В. Лаврова от 23.09.1994:

Г-н Лавров (Российская Федерация) Г-н Председатель, ... Принятые сегодня Советом Безопасности три резолюции отражают новый, поворотный этап в усилиях международного сообщества по мирному урегулированию кровопролитного конфликта на территории бывшей Югославии.

Новизна ситуации заключается в том, что Совет Безопасности признал четкий водораздел между теми, кто готов практическими делами способствовать прекращению кровопролития, и теми, кто препятствует достижению мира, делая ставку на силу оружия.

Такое развитие событий во многом обусловлено позитивной реакцией правительства Союзной Республики Югославии на подготовленный Контактной группой план территориального урегулирования для Боснии и Герцеговины. Эта позитивная реакция была подкреплена конкретными шагами: решением закрыть границу с районами Боснии и Герцеговины под контролем боснийских сербов для всех грузов, кроме гуманитарных, а также пригласить

международную помощь в целях прохождения через границу основных гуманитарных поставок.

Принятая резолюция о частичном ослаблении санкций в отношении Союзной Республики Югославии посылает четкий сигнал о том, что Совет Безопасности не находится в плену стереотипов, готов адекватно переосмыслить ситуацию с учетом изменений в политике сторон и поощрить тех, кто практическими делами способствует достижению мира. Одновременно она призвана усилить изоляцию боснийских сербов...

Цель принятия резолюции об ужесточении санкций против боснийских сербов мы видим прежде всего в том, чтобы добиться осознания ими безальтернативности политического решения. Ближайший путь к нему – через поддержку плана территориального устройства как необходимого первого шага к всеобъемлющему урегулированию. Упрямая линия на конфронтацию ставит боснийско-сербскую сторону в полную внешнюю изоляцию, тогда как согласие с этим планом откроет широкие возможности приступить к восстановлению мирной жизни.

Россия расценивает как позорную практику “этнической чистки”. Вместе с другими членами Совета мы требуем немедленного её прекращения. Исходя из этого, российская делегация поддержала принятие резолюции с осуждением проводимой боснийско-сербской стороной политики изгнания с территории под ее контролем несербского населения, грубых и вопиющих нарушений международного гуманитарного права. К сожалению, такая практика характерна и для других сторон в конфликте, поэтому Россия особо отмечает положение резолюции об осуждении любых “этнических чисток”, где бы они ни происходили и кем бы они ни совершались.

В связи с призывами к отмене эмбарго на поставки оружия Боснии и Герцеговине мы исходим из принципиальной позиции о том, что любая предлагаемая Совету мера должна оцениваться в общем контексте процесса урегулирования. Россия неоднократно высказывала решительное несогласие с требованием о снятии эмбарго, поскольку такой шаг толкнул бы Боснию и Герцеговину в пучину еще большего кровопролития. Мы продолжаем исходить из того, что это крайняя и нежелательная мера, чреватая целым рядом тяжелых последствий, одно из которых – свертывание миротворческой операции Организации Объединенных Наций.

В заключение разрешите от имени российской делегации выразить убеждение, что принятые сегодня резолюции явятся весомым и важным вкладом в достижение мирного урегулирования в бывшей Югославии.

Выделенное по результатам компьютерного анализа семантическое ядро текста показало, что максимальной частотой обладают слова, наделённые положительной коннотацией: совет, урегулирование (9), резолюция (8), безопасность, международный, совет безопасности (6), гуманитарный, мирный (5).

Таблица 1 / Table 1
Конкорданс текста (фрагмент 1) /
Concordance of the text (fragment 1)

Контекст слева	Словоформа	Контекст справа	Гиперлексема
которые сегодня звучали в Ваш	адрес	а также искренне поблагодарить всех	адрес
которые передали добрые пожелания в	адрес	моего предшественника посла Юлия Воронцова	
группой план территориального урегулирования для	Боснии	и Герцеговины Эта позитивная реакция	Босн
решением закрыть границу с районами	Боснии	и Герцеговины под контролем боснийских	
за последние месяцы Положение в	Боснии	и Герцеговине остается опасным продолжают	
отмене эмбарго на поставки оружия	Боснии	и Герцеговине мы исходим из	
Боснии и Герцеговины под контролем	боснийских	сербов для всех грузов кроме	
Одновременно она призвана усилить изоляция	боснийских	сербов Надеемся что в ближайшее	
резолюции об ужесточении санкций против	боснийских	сербов мы видим прежде всего	
принятие резолюции с осуждением проводи мой	боснийско- сербской	стороной политики изгнания с территории	
Упрямая линия на конфронтацию ставит	боснийско- сербскую	сторону в полную внешнюю изоляцию	
поскольку такой шаг толкнул бы	Боснию	и Герцеговину в пучину еще	
между теми кто готов практическими	делами	способствовать прекращению кровапролития и теми	дел
и поощрить тех кто практическими	делами	способствует достижению мира Одновременно она	
теми кто препятствует достижению мира	делая	ставку на силу оружия Такое	

Слова с потенциально негативной *бывший* и негативной коннотацией *конфликт* (4) также частотны, что однозначно маркирует как тему выступления, так и оценки России, выраженные в речи её постпреда. Общую частоту употребления также позволяет получить конкорданс, в котором есть возможность выделить гиперлексеми на основе вхождения словоформ (см. табл. 1, стб. 4).

Стоит отметить, что рассматриваемая речь – это первая речь С. В. Лаврова в качестве Постоянного представителя в СБ ООН, поэтому одной из имплицитных задач выступления была самопрезентация С. В. Лаврова. Как следствие, количество дипломатических клише (*важный вклад, способствовать достижению всеобъемлющего мирного урегулирования, мирный вклад* и т. п.) и того, что можно назвать оценочными клише (*вопиющие нарушения, позорная практика, позитивная реакция* и пр.) сбалансировано.

Для корректного сопоставления было отобрано ещё одно выступление С. В. Лаврова, также посвящённое проблеме бывшей Югославии, но проходившее 6 лет спустя, в 2000 г.² В нём оценивается работа Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), созданного в 1993 г. для расследования военных преступлений, совершённых на Балканах. В момент создания этого органа председательствующий на заседании СБ ООН постпред РФ Ю. М. Воронцов сказал о его задачах: «Виновные в массовых преступлениях... в нарушениях законов и обычаев войны, преступлениях геноцида, а также против человечности, должны понести заслуженное наказание. Особенно важным представляется тот факт, что впервые в истории не победитель судит побеждённого, а всё международное сообщество в лице Трибунала вынесет свой вердикт тем, кто грубо попирает не только нормы международного права, но и просто человеческие представления о нравственности и гуманности»³. Как видно из лингвистического анализа речи С. В. Лаврова, деятельность МТБЮ заявленным целям не соответствовала.

Фрагмент речи С. В. Лаврова от 20.06.2000:

Г-н Лавров (Российская Федерация) *Мы благодарим судью Клода Жорду за представление доклада, который находится на нашем рассмотрении.*

Мы приветствуем усилия судей Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ), направленные на совершенствование работы этого органа международного уголовного правосудия. Нам понятна их неудовлетворенность темпами и методами функционирования Трибунала.

В свою очередь, у нас тоже есть серьезные претензии к работе этого международного органа. Создавая трибунал, Совет Безопасности исходил

² Портал United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/416670?ln=en> (дата обращения: 18.12.2019)

³ Портал United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/169089?ln=en> (дата обращения: 18.12.2019)

Организация Объединенных Наций S/PV.4161

Совет Безопасности

Пятьдесят пятый год

4161-е заседание

Вторник, 20 июня 2000 года, 10 ч. 30 м.

Нью-Йорк

Details	
Speaker	Lavrov, Sergei Viktorovich
Country / Organization	Russian Federation
Agenda information	S/55 [76] INTERNATIONAL TRIBUNAL--FORMER YUGOSLAVIA
Date	2000-06-20
Meeting record	S/PV.4161
Collections	UN Bodies > Security Council Resource Type > Speeches

Рис. 3 / Fig. 3. Полное описание выступления С. В. Лаврова от 20.06. 2000 / Full description of S. V. Lavrov speech 20.06.2000

Источник: составлено автором по материалам сайта Объединённые Нации. Цифровая библиотека.

URL: <https://digitallibrary.un.org/> (дата обращения: 15.01.2020)

из того, что МТБЮ внесет важный вклад в урегулирование югославского кризиса и будет выполнять эту задачу независимо от политических соображений. Однако, к сожалению, в деятельности Трибунала стали проявляться политические амбиции. Был взят явный «антисербский крен». Заранее определив для себя главного виновника в югославской трагедии, Трибунал вместе с тем нередко закрывает глаза на случаи несоблюдения норм международного гуманитарного права другими участниками конфликтов. Когда речь идет о сообщениях относительно нарушений со стороны Союзной Республики Югославии, то югославский Трибунал с ходу выдвигает обвинения и приступает к работе, как это было, например, в связи с ситуацией в Косово. Если же возникают вопросы, такие, например, как относительно действий Организации Североатлантического договора (НАТО), то Трибунал даже перед лицом очевидных фактов гибели мирного населения и разрушения гражданских объектов в результате авиационных ударов не находит оснований для проведения расследования. Одиозно выглядит и бездействие Трибунала перед лицом продолжающихся этнических чисток в отношении сербов и иных национальных меньшинств в Косово. Говоря о судебной деятельности Трибунала, нельзя не упомянуть и о

том, что, когда шла подготовка Устава этого органа, предполагалось, что МТБЮ станет лишь строго применять существующие нормы международного гуманитарного права. В Уставе не предусмотрено право МТБЮ создавать новое право. На практике же получилась совершенно иная картина. В последние годы Трибунал неоднократно «исправлял» в нужном ему направлении нормы и правила международного гуманитарного права, давал им удобные для себя трактовки. Кроме того, пользуясь отсутствием реального контроля со стороны международного сообщества за выработкой Правил процедуры и доказывания, Трибунал заложил в эти документы весьма сомнительную с юридической точки зрения практику так называемых «закрытых ордеров» и их передачи международным органам.

Неправомерным было и заключение Трибуналом в 1996 году за спиной Совета Безопасности Меморандума о взаимопонимании с НАТО, который, фактически, санкционировал специальные операции натовских контингентов в Боснии с целью «охоты» за обвиняемыми. Это противоречит мандату Сил по стабилизации в Боснии и Герцеговине, и, кстати, напомним, что этот Меморандум до сих пор считается секретным и до сих пор не был представлен членам Совета Безопасности...

Таблица 2 / Table 2

Конкорданс текста (фрагмент 2) / Concordance of the text (fragment 2)

Контекст слева	Словоформа	Контекст справа	Гиперлексема
МТБЮ а также естественно и	внесение	в них изменений должны получать	внес
документах А если возникнет необходимость	внесения	изменений в Статут Трибунала как	
исходил из того что МТБЮ	внесет	важный вклад в урегулирование югославского	
длительного функционирования этого в общем-то	временного	органа Предлагаемый же выход из	врем
Безопасности Если этого в ближайшее	время	не сделать то Трибунал перестанет	
то югославский Трибунал с ходу	выдвигает	обвинения и приступает к работе	выдвиг
ответственности тех против кого уже	выдвинуты	обвинения и тех против кого	
эта мера существенно ускорит процесс	выполнения	Трибуналом своего мандата Но упомянутая	выполн

Продолжение таблицы 2.

Контекст слева	Словоформа	Контекст справа	Гиперлексема
урегулирование югославского кризиса и будет	выполнять	эту задачу независимо от политических	
Трибунал вместе с тем нередко	закрывает	глаза на случаи несоблюдения норм	закры
точки зрения практику так называемых	закрытых	ордеров и их передачи международным	
неоднократно исправлял в нужном ему	направлении	нормы и правила международного гуманитарного	направ
трибунала по бывшей Югославии МТБЮ	направленные	на совершенствование работы этого органа	

Выделенное по результатам анализа семантическое ядро текста показало, что наиболее частотным в данной речи является слово *трибунал* (23). Слова *безопасность*, *международный*, *МТБЮ*, *совет безопасности* (9) и такие частотные слова, как *судья* (8), *деятельность* (7), отражают содержание текста, однако негативная оценка деятельности МТБЮ со стороны России в данной речи выражена совершенно эксплицитно.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Для дипломатического дискурса в целом предпочтительна имплицитная оценочность [2; 3], что подтверждает анализ проведённых речей. Мы предлагаем различать устойчивые клише, относящиеся к официальному стилю речи, в том числе присущие и дипломатическому дискурсу, и дипломатические клише с имплицитной оценкой, как правило, негативной. Вторые позволяют выказать отношение страны к происходящим событиям, но в то же время остаться в рамках дипломатического дискурса. К таким дипломатическим клише с имплицитной оценкой относятся, на наш взгляд, клише следующих типов:

– выраженные адъективными и адвербиальными словосочетаниями, где каждый из членов словосочетания либо обладает негативной коннотацией, либо имеет отрицательное значение (*серьёзные претензии*, *антисербский крен*, *главный виновник югославской трагедии*, *этнические чистки*, *сомнительная практика*, *одиозное бездействие*, *с ходу выдвигать обвинение*, *неоднозначный характер*, *одиозно выглядит* и пр.). Нередко экспрессия оценки выражается формами превосходной степени в элятивном значении: *острейшие* (противоречия), *самые решительные* (меры), *жесточайший* (кризис);

– выраженные субстантивными словосочетаниями, где главный член словосочетания обладает отрицательным значением (*неудовлетворенность темпами, несоблюдение норм международного права, гибель мирного населения, за спиной Совета Безопасности и пр.*);

– выраженные глагольными конструкциями, в том числе устойчивыми словосочетаниями: *закрывать глаза, воздержаться от действия, перестанет восприниматься, не доработаны до конца, не дала результата и пр.*).

В тексте речи встречаются слова и словосочетания, которые выделяются в устной речи на уровне паравербальных средств, а именно-логического ударения и просодики, а в письменном варианте речи оформлены кавычками, что меняет значение использованных слов на противоположное или смягчает контекст: *трибунал неоднократно «исправлял» в нужном ему направлении...; практика «закрытых ордеров»; специальные операции натовских контингентов в Боснии с целью «охоты» за обвиняемыми и пр.*

Синтаксические конструкции с частотными наречиями, что свойственно разговорной речи, также позволяют выразить смягчённую негативную оценку: **Примечательно**, что два года назад Совет Безопасности по просьбе Трибунала уже увеличивал количество его судей ... Такой прогноз, **естественно**, заставляет серьезно задуматься о целесообразности **столь** длительного функционирования этого, в общем-то, временного органа.

Рассматриваемая речь отличается от многих проанализированных речей С. В. Лаврова тем, что в ней есть фрагмент эксплицитной оценки деятельности серьёзного международного органа:

Таким образом, по нашей оценке, МТБЮ не оказывает должного содействия нормализации политического процесса в бывшей Югославии. Более того, последствия деятельности Трибунала **оказываются деструктивными** для целей урегулирования на Балканах. Сложившееся положение **не может не настораживать** и, на наш взгляд, **требует всестороннего и тщательного рассмотрения** в Совете Безопасности...

ВЫВОДЫ

Квантитативный и лингвоаксиологический анализ ряда выступлений Постоянных представителей РФ в Совете Безопасности ООН показал, что соотношение клишированной и оценочной лексики зависит от обсуждаемой в СБ темы – чем тема острее и ближе по интересам Российской Федерации, тем выше как количество оценочной лексики, так и её накал.

Таким образом, несмотря на объективную ограниченность возможности выражения оценочности в дипломатическом дискурсе, определяемую его особенностями, в выступлениях в Совете Безопасности ООН используется достаточный арсенал средств вербального выражения оценочности, позволяющий донести мнение государства другой стороне, не нарушив указан-

ных принципов. Лингвоаксиология как одно из современных направлений лингвистических исследований позволяет глубже проникнуть в многокомпонентный мир дипломатического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Беляков М. В. Характер эмотивности дипломатического дискурса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2015. № 2. С. 124–132.
3. Беляков М. В., Максименко О. И. Академический аспект дипломатического дискурса // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. Т. 16. № 1. С. 61–67.
4. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
5. Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 56–77.
6. Кожин А. Н., Крылова О. А. Функциональные типы русской речи. М.: Высшая школа, 1982. 224 с.
7. Красина Е. А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 91–103.
8. Никольсон Г. Дипломатия. М.: ОГИЗ политической литературы, 1941. 154 с.
9. Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике / пер. С. А. Панафидина, Ф. А. Кублицкина. М.: Госполитиздат, 1961. 496 с.
10. Brown P., Levinson S. C. Politeness: some universals on language usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 346 p.
11. Huang Y. Pragmatics: Language use in context // Routledge Handbook of Linguistics / ed. A. Keith. London, New York: Routledge, 2016. P. 205–220.
12. Johnstone B. Discourse Analysis. 2nd ed. Oxford: Oxford Blackwell Publishing, 2008. 336 p.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of language meanings. Assessment. Event. The fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 p.
2. Belyakov M. V. [The emotive nature of diplomatic discourse]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics. Vestnik of Peoples' Friendship University of Russia], 2015, no. 2, pp. 124–132.
3. Belyakov M. V., Maksimenko O. I. [The academic aspect of the diplomatic discourse]. In: *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [The Humanities and Social Studies in the Far East], 2019, vol. 16, no. 1, pp. 61–67.
4. Vodak R. *Yazyk. Diskurs. Politika* [Language. Discourse. Policy]. Volgograd, Peremena Publ., 1997. 139 p.

5. Karasik V. I. [The discursive manifestation of personality]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics. Vestnik of Peoples' Friendship University of Russia], 2016, vol. 20, no. 4, pp. 56–77.
6. Kozhin A. N., Krylova O. A. *Funktsional'nye tipy russkoi rechi* [Functional types of Russian speech]. Moscow, Higher School Publ., 1982. 224 p.
7. Krasina E. A. [Discourse, statement and speech act]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics. Vestnik of Peoples' Friendship University of Russia.], 2016, vol. 20, no. 4, pp. 91–103.
8. Nickolson G. *Diplomatiya* [Diplomacy]. Moscow, OGIZ politicheskoi literatury Publ., 1941. 154 p.
9. Satow E. A guide to diplomatic practice (Russ. ed.: Panafidina S. A., Kublitskin F. A., transls. *Rukovodstvo po diplomaticheskoi praktike*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961. 496 p.).
10. Brown P., Levinson S. C. Politeness: some universals on language usage. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 346 p.
11. Huang Y. Pragmatics: Language use in context. In: Keith A., ed. *Routledge Handbook of Linguistics*. London, New York, Routledge, 2016, pp. 205–220.
12. Johnstone B. *Discourse Analysis*. Oxford, Oxford Blackwell Publishing, 2008. 336 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 23.01.2020

Статья размещена на сайте: 03.08.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Беляков Михаил Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации; e-mail: belmax007@hotmail.com

Mikhail V. Belyakov – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; e-mail: belmax007@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Беляков М. В. Квантитативно-лингвоаксиологический анализ речей в совете безопасности ООН (русский дипломатический дискурс) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Belyakov M. V. Quantitative and linguoaxiologic analysis of speeches in the UN Security Council (Russian diplomatic discourse). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru

УДК 81.33

Варова В. В., Максименко О. И.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ВСЕМИРНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФОРУМЕ (ДАВОС 2018–2019 гг.)

АННОТАЦИЯ

Целью работы является анализ выступлений ключевых политических лидеров на Давосском экономическом форуме с позиций лингвостатистики для выявления формальных характеристик речей выступающих, с одной стороны, и прагматических экстралингвистических целей выступления, с другой.

Процедура и методы. Авторами проанализирована выборка речей (транскриптов) на уровне медиатекста как единицы анализа дискурса экономических форумов. Исследование проводится средствами SEO-анализа с последующей интерпретацией результатов лингвостатистической обработки текстов.

Результаты. Сделан вывод о механизмах воздействия и способах донесения информации до мировой общественности, а также о том, что SEO анализ речей не позволяет полностью раскрыть семантическую сущность и интенции говорящего.

Теоретическая и/или практическая значимость. В заключение статьи сформулированы предложения по расширению изучения медиафайлов экономических форумов средствами двух видов дискурс-анализа – формального и функционального, что даст возможность более полного и комплексного исследования данного типа дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Давос, экономический форум, лингвистические характеристики, лингвостатистика, дискурс, семантический анализ

СТРУКТУРА

Введение

Описание материала и методов исследования

Давосский форум как лингвистический феномен

Обсуждение результатов

Лингвостатистический анализ выступления Президента США Д. Трампа (2018 г.)

Лингвостатистический анализ выступлений канцлера ФРГ А. Меркель (2018, 2019 гг.)

Лингвостатистический анализ выступления Министра экономического развития РФ М. С. Орешкина (2019 г.)

Выводы

V. Varova, O. Maksimenko

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoi, Mytishi 141014, Moscow Region, Russian Federation

LINGUOSTATISTIC ANALYSIS OF SPEECHES AT THE DAVOS ECONOMIC FORUM 2018-2019

ABSTRACT

Aim. Linguostatistic analysis of speeches at the Davos Economic Forum, to define formal characteristics of speeches as well as pragmatic extralinguistic goals of the speakers.

Methodology. The authors analyzed selected texts (transcripts) at the level of media text as a unit of economic forums discourse. The study is carried out by means of SEO-analysis with subsequent interpretation of the results of linguistic-statistical processing of texts.

Results. Mechanisms of influence and ways of conveying information to the world community are defined. It is noted that the SEO-analysis of speeches does not allow to fully reveal the semantic essence and intentions of the speaker.

Research implications. The article contains some proposals to expand the study of media files of economic forums using two types of discourse analysis – formal and functional, which will allow a more full and comprehensive study of this type of discourse.

KEYWORDS

Davos, economic forum, linguistic characteristics, linguistic statistics, discourse, semantic analysis

ВВЕДЕНИЕ

Теме экономики посвящено немало работ: и в рамках экономики как науки, и в рамках многих других специальностей. Экономический дискурс также не мог остаться без внимания лингвистов [1]. «Тематический подход к дискурсу сосредоточен на анализе текста как данности филологического исследования, ситуативные характеристики общения в этом случае реконструируются на основе соответствующего текста» [2, с. 57–58]. Полностью соглашаясь с мнением В. И. Карасика, рассмотрим с этой позиции тексты дискурса экономических форумов, в данном случае – Давосского экономического форума. Изучение языкового материала разного типа дискурса с целью выявления моделей и способов управления как личным, так и общественным сознанием вербальными средствами является одной из наиболее актуальных задач современной лингвистики [6]. Учитывая экспоненциально возрастающее количество ‘fake news’, основной целью которых как раз и является такого рода манипуляция, целесообразно рассмотреть тексты, где информация подаётся по-иному, поскольку люди, генерирующие такие тексты, – это представите-

ли высших экономических и политических структур. Одной из площадок, где предлагаются подобные тексты, служат международные экономические форумы. Цель данного исследования – выявить, можно ли средствами автоматического SEO-анализа (т. е. объективно, без эксперта-лингвиста) выявить семантическую сущность и интенции спикера на экономических форумах международного уровня.

Экономический форум – это площадка обсуждения наиболее значимых экономических, политических, социальных и гуманитарных проблем. «Форум – это одновременно экспертная сеть, аналитический центр, консалтинг, некоммерческая организация и платформа для воздействия. Вместе с нашими заинтересованными сторонами мы создаём пространство для слушания и место, чтобы быть услышанным. Форум – это место, где люди внедряют новые подходы и стратегии, бросают вызов старым и изучают новые. Это ориентировано на будущее и предпринимательство – стимулирующая среда обучения для наших талантов»¹.

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА И МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Языковым источником данного исследования послужили архивные материалы выступлений и медиатекстов Давосского экономического форума. Медиатекст является, по нашему мнению, основной единицей анализа в подобном типе дискурса. Хронологические рамки для случайной выборки 2018–2019 гг. определяются очередным этапом экономической нестабильности, поиском путей решения основных экономических и политических вопросов, волнующих мировую общественность. Языковой материал, подвергшийся анализу, – это полученные авторами транскрипты фрагментов медиатекста: аудиовидеозаписей прямых трансляций выступлений, представленных на порталах форума, а также порталах Davos Russia House и Euronews, общая продолжительность анализируемых фрагментов более 20 минут.

Для решения поставленной задачи применялся метод критического контент-анализа, опирающийся на результаты обработки текста прикладной программой Advengo, позволяющей получить лингвостатистический и семантический анализ текста после его обработки.

ДАВОССКИЙ ФОРУМ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Обратимся непосредственно к материалам исследования. В 1971 г. в Давосе, Швейцария, был создан Всемирный экономический форум (ВЭФ) с целью обсуждения текущих проблем мировой экономики и выработки стратегий её развития. Участники Давосского форума – это, как правило, лидеры государств, бизнеса, ведущие учёные-экономисты, представители СМИ. Предметом обсуждений становятся наиболее острые мировые про-

¹ Портал Всемирного Экономического форума (ВЭФ) в Давосе. URL: <https://www.weforum.org/forum-careers/why-the-forum> (дата обращения: 13.10.2019).

блемы – от конкретно экономических до проблем гуманитарного блока (миграция, экология, здравоохранение и пр.). Основатель и бессменный руководитель ВЭФ – профессор Клаус Шваб. Россия (СССР) стала участвовать в работе ВЭФ в 1986 г., кроме того, в России проводятся выездные сессии ВЭФ. По традиции накануне форума публикуется ежегодный доклад ВЭФ «Глобальные риски». В его подготовке принимают участие около тысячи экспертов. Авторы одного из последних докладов пришли к выводу, что мир вступает в новую тревожную геополитическую фазу, когда он становится не только многополярным, но и мультиконцептуальным [4, с. 51].

На Давосском форуме 2018 г. было зарегистрировано около 3000 участников из почти 110 стран мира, которые работали в 400 сессиях. Представительство, безусловно, широкое – более 340 общественных деятелей, включая 70 глав государств и правительств и 45 руководителей международных организаций, а также представители СМИ и деятели культуры (табл. 1). В 2019 г. в Давос приехали 3000 участников из 110 стран мира и 1700 компаний (табл. 2).

Таблица 1 / Table 1

Давосский экономический форум 2018 г. / Davos World Economic Forum 2018

Период проведения	Девиз форума	Ключевые представители форума	Основные темы дискуссий
23–26 января 2018 г.	«Создание совместного будущего в разрозненном мире»	Президент США Дональд Трамп; Премьер-министр Индии Нарендра Моди; Президент Франции Эммануэль Макрон; Канцлер ФРГ Ангела Меркель; вице-премьер Аркадий Дворкович; министр экономического развития Максим Орешкин; министр связи и массовых коммуникаций Николай Никифоров; министр энергетики Александр Новак.	1. Экологические угрозы; 2. Проблемы экономического первенства; 3. Оценка вероятности кризиса IT системы; 4. Свободное движение рабочей силы; 5. Россия и глобальная повестка дня; 6. Новые социально-экономические вызовы и успешные практики их преодоления

Таблица 2 / Table 2

Давосский экономический форум 2019 г. / Davos World Economic Forum 2019

Период проведения	Девиз форума	Ключевые представители форума	Основные темы дискуссий
22–25 января 2019 г.	«Глобализация 4.0: создавая глобальную архитектуру в эпоху 4-ой промышленной революции».	министр экономического развития Максим Орешкин; неисполнительный председатель совета директоров Яндекс Джон Бойнтон; советник премьер-министра по экономическим вопросам государства Катар шейх Али Аль Тани; председатель фонда «Сколково» Аркадий Дворкович; бывший премьер-министр Великобритании Тони Блэр; еврокомиссар по финансовым и экономическим вопросам Пьер Московиси; руководитель Сбербанка Герман Греф; вице-председатель КНР Ван Цишанем; Канцлер ФРГ Ангела Меркель.	1. Перспективы экономического развития России; 2. Призыв к сотрудничеству: частный сектор против киберпреступности; 3. Россия – на шаг впереди; 4. Брексит 5. Миграция – проблема Европы

Лингвистической особенностью всех Давосских форумов разных лет является наличие заданного девиза форума, определяющего основную направленность его работы. В 2018 г. таким девизом было «Создание совместного будущего в разрозненном мире» (*Creating a Shared Future in a Fractured World*), тем самым на вербальном уровне была признана раздробленность, буквально раскол (англ. *fracture* – перелом) современного мирового устройства, и тематика обсуждений была соответствующей (см. табл. 1) – в названиях тем доминируют конфликтоносодержащие лексемы – *угрозы, проблемы, кризис*.

В 2019 г. девиз форума был иным: «Глобализация 4.0: создавая глобальную архитектуру в эпоху 4-ой промышленной революции» (*Globalization 4.0: creating global architecture in the era of 4th industrial revolution*) – что показывает, на наш взгляд, с одной стороны, желание решать конкретные проблемы, а с другой стороны, отражает усталость от перманентной конфликтной ситуации в мировой экономике. Тем не менее речь шла не собственно о заявленном создании новой архитектуры экономических отношений, а о киберпреступности, миграции в Европе, сохранении и защите персональных данных, торговых конфликтах, санкциях, Брексите, глобальной нестабильности, что видно по результатам лингвостатистического и семантического анализа выступлений ряда спикеров.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Для анализа были отобраны речи двух ключевых фигур в современном внешнеполитическом пространстве – Президента США Д. Трампа (2018; в 2019 г. Д. Трамп в Давос не приехал) и канцлера ФРГ А. Меркель (2018, 2019), – а также министра экономического развития РФ М. С. Орешкина (2019), что позволило получить максимально объективные данные для лингвистического анализа.

После обработки медиафайлов и записи транскриптов указанных речей (транскрипты записывались при прослушивании синхронного перевода речей) языковой материал был подвергнут обработке компьютерной системой анализа текста Advego (advego.ru). Сервисов, позволяющих проводить так называемый SEO-анализ (Search Engine Optimization), немало: Text.ru, PR-CY, Miratext, Textus PRO, Istio и ряд других. Основная задача обработки текста этими сервисами – оценка поисковых характеристик текста, однако, по сути, современные компьютерные лингвистические программы позволяют проводить лингвостатистический анализ текстов в онлайн-режиме, при этом диапазон параметров достаточно широк и объективен. Кратко поясним значение основных критериев количественного и семантического анализа текста: программа позволяет автоматически получать статистические данные о количестве символов в анализируемом тексте, общем числе использованных слов, количестве уникальных слов, значимых слов, количестве стоп-слов, оценить водность, классическую и академическую тошноту текста, определить и подсчитать число грамматических ошибок (где под грамматической ошибкой понимается не только таковая, но и некоторые имена собственные и неизвестные системе слова), также позволяет выделить слова и фразы, составляющие семантическое ядро текста. К стоп-словам относятся слова, не несущие смысловой нагрузки, – это, как правило, служебные слова (союзы и союзные слова (*и, а, что, который* и пр.)), предлоги (*в, с, по, к, на, для, у* и пр.), местоимения личные, притяжательные, указательные и пр. (*вы, мы, этот, он, наш,*

свой и пр.), частицы (*уж, ещё, же* и пр.). Значимые слова определяют смысл текста (в расчёт берутся только существительные); вода (водность текста) – процентное соотношение незначимых слов к общему количеству слов текста, нормальный показатель колеблется в пределах 55–75% в зависимости от длины текста. Классическая тошнота (заспамленность текста) представляет собой квадратный корень из частоты самого частого слова текста, причём её показатель зависит от объёма текста. Академическая тошнота определяется как отношение наиболее частотных и значимых слов по специальной формуле, нормальное значение в пределах 5–15%. Всё это в целом представляет собой автоматический семантический анализ текста – онлайн-SEO-анализ.

Фрагмент 1. Выступление Президента США Д. Трампа на Давосском экономическом форуме 2018 г. (транскрипт синхронного перевода с 13 секунды до 2 минуты 43 секунды речи):

«...Спасибо вам Клаус.

Для меня большая честь быть здесь на этом форуме, здесь, где лидеры стран мира, лидеры бизнеса, и интересы американского народа. И я подтверждаю намерение, поддерживать дружбу со странами мира и партнерства со странами мира. Как и все страны, которые представлены на этом форуме, Америка надеется создать будущее, в котором все страны будут процветать, где все люди будут процветать, где каждый ребёнок может вырасти вдали от страха бедности и других проблем. В прошлом году мы добились больших успехов в США, мы создали много возможностей, помогли многим людям, помогли каждому американцу найти свой путь к американской мечте. Это места о безопасном мире, надёжной работе и уверенном будущем для своих детей. После многих лет стагнации США вновь переживает сильный значительный экономический рост, и мы видим прогресс на фондовой бирже, значительный прогресс со времен моего избрания. Благодаря этому, сейчас в индустрии промышленности, во многих сферах жизни поднялась уверенность в будущем, после выборов мы создали 2,4 миллиона новых рабочих мест – это очень большой показатель. Малый бизнес настроен очень оптимистично, смотрит с оптимизмом в будущее. Показатели безработицы самые низкие за последние 50 лет. Мы ведём страну к процветанию. Я пришёл для того, чтобы донести до вас очень простую мысль – сейчас очень лучшее время для того, чтобы вкладываться в США. Мы открыты бизнесу, мы готовы выйти на рынок справедливой конкуренции...»² (см. табл. 3.1., 3.2).

² Прямая трансляция выступления Дональда Трампа на Всемирном экономическом форуме в Давосе 2018 г. // YouTube: [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=HkW-U4UOc0w> (дата обращения: 13.10.2019).

ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА США Д. ТРАМПА (2018 Г.)

Таблица 3.1 / Table 3.1
Статистика текста / Text statistics

Наименование показателя	Значение
Количество символов	1455
Количество символов без пробелов	1238
Количество слов	214
Количество уникальных слов	130
Количество значимых слов	49
Количество стоп-слов	95
Вода	77.1%
Количество грамматических ошибок	0
Классическая тошнота документа	2.45
Академическая тошнота документа	10.3%

Семантическое ядро текста составляют слова или словосочетания, определяющие пертинентность и релевантность поискового образа запроса. По сути, этот тот вербальный компонент, «тематические слова», по которому человек может определить, нужен ли ему этот текст. Этот важный момент должен учитывать автор текста, будь это спичрайтер выступающего или сам спикер.

Таблица 3.2 / Table 3.2
Семантическое ядро / Semantic nucleus

Фраза/слово	Количество	Частота, %
страна	6	2.80
будущий	4	1.87
мировой	4	1.87
бизнес	3	1.40
все	3	1.40
много	3	1.40
партнерства странами мира	3	1.40 / 4.21
создать	3	1.40
странами мира	3	1.40 / 2.80
США	3	1.40
американский	2	0.93

Анализ показателей позволяет сделать вывод, что начало речи Д. Трампа представляет собой традиционное введение в проблематику, показатели

водности и академической тошноты укладываются в норму. Наиболее частые слова этого фрагмента, по сути, ключевыми не являются – *страна, будущий, мировой, бизнес* – это слова в определённом смысле «пустые», они отражают самое общее направление тематики речи, и как сам человек, так и поисковая машина такие слова в качестве значимой вербальной составляющей поискового запроса воспринимать не будут.

ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ КАНЦЛЕРА ФРГ А. МЕРКЕЛЬ (2018, 2019 ГГ.)

Совсем другие показатели характеризуют выступление А. Меркель.

Фрагмент 2. Выступление канцлера ФРГ А. Меркель на Давосском экономическом форуме 2018 г. (транскрипт синхронного перевода с 1 минуты 15 секунды до 1 минуты 54 секунды речи):

«...Мы уверены, что изоляционизм нас никуда не приведёт. Мы должны сотрудничать друг с другом. Протекционизм – неверный ответ. Мы уверены, что мы согласны с тем, что дела ведутся на не справедливой основе и действующие механизмы не взаимны, то мы должны искать многосторонние, а не односторонние решения, которые лишь поощряют изоляционизм и протекционизм. Поэтому так важно, чтобы Германия быстрее сформировала Правительство. Надеюсь, что нам удастся это сделать...»³ (см. табл. 4.1., 4.2).

Таблица 4.1 / Table 4.1
Статистика текста / Text statistics

Наименование показателя	Значение
Количество символов	459
Количество символов без пробелов	394
Количество слов	65
Количество уникальных слов	46
Количество значимых слов	14
Количество стоп-слов	31
Вода	78.5%
Количество грамматических ошибок	0
Классическая тошнота документа	1.41
Академическая тошнота документа	10.2%

³ Прямая трансляция выступления канцлера ФРГ Ангелы Меркель на Всемирном экономическом форуме в Давосе 2018 г. // Euronews: [сайт]. URL: <https://ru.euronews.com/2018/01/24/davos-2018-climate-change-europe-s-future-protectionism-and-globalisation-top> (дата обращения: 13.10.2019).

Таблица 4.2 / Table 4.2
Семантическое ядро / Semantic nucleus

Фраза/слово	Количество	Частота, %
изоляциялизм	2	3.08
протекционизм	2	3.08
уверенный	2	3.08

Данный фрагмент показателен тем, что это уже не вводная часть речи (как у Д. Трампа), а текст со второй минуты выступления, когда А. Меркель перешла от этикетного вступления и общих вводных слов к сути речи: семантическое ядро, включающее наиболее значимые ключевые слова, отражает тематику выступления – *изоляциялизм, протекционизм, уверенный*. Однако водность текста (78,5%) превышает максимально допустимый показатель – 75%. При этом канцлер ФРГ не только говорит о международных проблемах, но и затрагивает сугубо внутренние проблемы своей страны – на момент речи в ФРГ не было сформировано новое правительство.

Фрагмент 3. Выступление канцлера ФРГ А. Меркель на Давосском экономическом форуме 2019 г. (транскрипт синхронного перевода с 45 секунды до 2 минуты 33 секунды речи):

«...Уважаемый г-н профессор Шваб!

Уважаемые дамы и господа!

...Рада приветствовать всех вас, особенно коллег по кабинету ... И рада вам сказать, что в Германии снова работает стабильное правительство, и мы можем, несмотря на любые трудности, хорошо работать ... В Давосе в качестве темы мы определили ... 2 аспекта: 1-ый это глобальный риск, и Давосский форум говорит, что есть целый ряд различных вызовов очень серьёзных, это и изменение климата, природные катастрофы, кибератаки и террористические нападения. Вместе с тем, наблюдаются многочисленные нарушения в работе многочисленных систем, а это означает, что прогнозы по росту экономики понижаются ... можно сказать, что ВЭФ может внести свою роль в обеспечение большей безопасности, уверенности и в то, чтобы убрать неуверенность, которая возникает в такой дискуссии...»⁴ (см. табл. 5.1., 5.2).

⁴ Прямая трансляция выступления канцлера ФРГ Ангелы Меркель на Всемирном экономическом форуме в Давосе 2019 г. // WEF: [сайт]. URL: <https://webcasts.weforum.org/widget/1/davos2019?p=1&hl=russian&id=a0W0X00000EXCF1UAP&auto=1> (дата обращения: 13.10.2019).

Таблица 5.1 / Table 5.1
Статистика текста / Text statistics

Наименование показателя	Значение
Количество символов	819
Количество символов без пробелов	702
Количество слов	113
Количество уникальных слов	88
Количество значимых слов	32
Количество стоп-слов	44
Вода	71.7%
Количество грамматических ошибок	2
Классическая тошнота документа	1.41
Академическая тошнота документа	5.8%

Таблица 5.2 / Table 5.2
Семантическое ядро / Semantic nucleus

Фраза/слово	Количество	Частота, %
многочисленный	2	1.77
нарушения работе многочисленных	2	1.77 / 5.31
работать	2	1.77
рад	2	1.77
уважаемый	2	1.77

Данный фрагмент показателен тем, что, пройдя временной интервал этикетного вступления (транскрипт начинается с 45-ой секунды), автор только обозначает основные проблемы Давосского форума 2019 г., поэтому в семантическое ядро попадают лексемы, не отражающие сути выступления, следовательно, входить, например, в поисковый запрос не могут.

ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ МИНИСТРА ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РФ М. С. ОРЕШКИНА (2019 Г.)

Фрагмент 4. Выступление Министра экономического развития РФ М. С. Орешкина на Давосском экономическом форуме 2019 г. (транскрипт с 3 минуты 06 секунды до 6 минуты 16 секунды речи):

Вопрос от модератора секции «Россия – на шаг впереди» Томаса Блэквелла М. С. Орешкину: Как вы измеряете важность технологий, именно как составляющую общей русской инвестиционной истории? Как вы это измеряете?

М. С. Орешкин: «Спасибо ... Хотелось бы отметить, что многие российские компании не стояли на месте, а шли вперёд. И в разных секторах. В секторах инфор-

мационных технологий и в секторах традиционных отраслей. На самом деле традиционные компании – это высокотехнологические компании. Нам есть, чем гордиться, практически в каждой отрасли. Возьмём, к примеру, компанию с мировым именем ROSATOM. Это компания является мировым лидером с точки зрения технологии ядерных реакторов. Россия строит ядерные реакторы в таких странах как Турция, Индия, Финляндия, Венгрия, участвует в совместных проектах по всему миру ... Экстенсивный рост экономики для России невозможен, рост может основываться только на вовлечении, отдаче на каждого занятого в российской экономике, это возможно только за счёт применения новых технологий, производительности труда, оптимизации процессов. Только через такое движение вперёд будет и двигаться вся российская экономика»⁵ (см. табл. 6.1., 6.2).

Таблица 6.1 / Table 6.1
Статистика текста / Text statistics

Наименование показателя	Значение
Количество символов	939
Количество символов без пробелов	810
Количество слов	127
Количество уникальных слов	85
Количество значимых слов	37
Количество стоп-слов	49
Вода	70.9 %
Количество грамматических ошибок	1
Классическая тошнота документа	2.24
Академическая тошнота документа	12.4 %

Таблица 6.2 / Table 6.2
Семантическое ядро / Semantic nucleus

Фраза/слово	Количество	Частота, %
компания	5	3.94
российский	3	2.36
сектор	3	2.36
технология	3	2.36
экономика	3	2.36
вперед	2	1.57
высокотехнологические компании	2	1.57 / 3.15
информационных технологий секторах	2	1.57 / 4.72
мировой	2	1.57

Продолжение таблицы 6.2 на следующей стр.

⁵ Экономика России – шаг вперёд: конференция [трансляция] // Портал Русский Дом (DAVOS RUSSIA HOUSE 2019). URL: <https://houserussia.com/archive/2019/business-programme/?day=24.01.2019&lang=ru&year=2019%3Fb&rand%3D1592830186532> (дата обращения: 13.10.2019).

Фраза/слово	Количество	Частота, %
отрасль	2	1.57
реактор	2	1.57
российская экономика	2	1.57 / 3.15
Россия	2	1.57
рост	2	1.57
традиционный	2	1.57
экономики России невозможен рост	2	1.57 / 6.30
ядерные реакторы	2	1.57 / 3.15

Анализируемый фрагмент выступления М. С. Орешкина наиболее длинный по продолжительности – порядка 3 минут, – и за это время автору удалось донести до слушателя суть своего выступления. Показатели тем не менее неровные – водность текста (70,9%) находится в оптимальных рамках, однако академическая тошнота (12,4%) заметно превышает желательный уровень, что говорит о «заспамленности» выступления высокочастотным словом «компания».

ВЫВОДЫ

Общий обзор лингвостатистических показателей рассмотренных речей спикеров Давосского экономического форума 2018–2019 гг. говорит о том, что все фрагменты речей независимо от того, какая часть выступления (согласно транскрипту) стала материалом анализа, оказались малоинформативными, за исключением выступления А. Меркель 2018 г. Наиболее частотными оказались слова, хотя и входящие в семантическое ядро, но плохо коррелирующие с понятием «ключевые слова» – *страна, компания, будущий, бизнес, экономика* и ряд других.

Таким образом, дискурс экономического форума, в данном случае Давосского, необходимо рассматривать как компонент социокультурного взаимодействия, «который представляет собой сложное единство языковой формы, значения и действия» [3, с. 91–103]. Цель проведённого исследования достигнута – результаты показали, что SEO-анализ речей не позволяет полностью раскрыть семантическую сущность и интенции говорящего. Рассмотренные речи политиков высшего уровня, по сути, лишь задают тон всему форуму, не предлагая никаких конкретных действий, что SEO-анализ и показывает.

Основным механизмом воздействия и донесения важной экономики-социальной информации до мировой общественности, ради чего и проводятся экономические форумы, является метод дискуссионного влияния, в процессе которого оказывается воздействие на социум разных стран путём употре-

бления соответствующей тематике научной, экономической, политической, профессиональной терминологической лексики, использование которой определяется прагматическими задачами говорящего [5]. Изучение меди-афайлов позволяет средствами критического дискурс-анализа выделить и невербальную составляющую выступления, интонационные контуры речи, элементы невербального синтаксиса, особенности кинесики говорящего в зависимости от этнокультурной принадлежности и пр., что в целом воздействует на разные каналы восприятия слушающего и следящего за выступлением. Все эти факторы дают возможность изучать дискурс экономических форумов в рамках двух видов дискурс-анализа – формального, в частности, на основе лингвостатистических наблюдений, как предлагается в данной статье, и функционального, что вкупе даст возможность более полного и комплексного исследования разных видов дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евтушина Т. А., Ковальская Н. А. Экономический дискурс как объект лингвистического исследования // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2014. № 6 (335). С. 42–46.
2. Карасик В. И. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 56–77.
3. Красина Е. А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 4. С. 91–102.
4. Подвойский Г. Л. Давос-2018: глобализация меняет лицо // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8 № 3 (33). С. 50–58.
5. Huang Y. Pragmatics: Language use in context // Routledge handbook of linguistics / ed. A. Keith. London, New-York: Routledge, 2016. P. 205–220.
6. Johnstone B. Discourse Analysis. 2nd ed. Oxford: Oxford Blackwell Publishing, 2008. 336 p.

REFERENCES

1. Evtushina T. A., Koval'skaya N. A. [Economic discourse as object of linguistic research]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history], 2014, no. 6 (335), pp. 42–46.
2. Karasik V. I. [The discursive manifestation of personality]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian journal of linguistics], 2016, vol. 20, no. 4, pp. 56–77.
3. Krasina E. A. [Discourse, statement and speech act]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian journal of linguistics], 2016, vol. 20, no. 4, pp. 91–102.
4. Podvoisky G. L. [Davos–2018: globalization changes its face]. In: *Gumanitarne nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University], 2018, vol. 8, no. 3 (33), pp. 50–58.

5. Huang Y. Pragmatics: Language use in context. In: Keith A., ed. *Routledge handbook of linguistics*. London, New-York, Routledge, 2016, pp. 205–220.
6. Johnstone B. *Discourse Analysis*. Oxford, Oxford Blackwell Publishing, 2008. 336 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 27.11.2019

Статья размещена на сайте: 14.06.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Варова Вера Витальевна – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета; e-mail: varova2013@yandex.ru

Максименко Ольга Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета; e-mail: maxbel7@yandex.ru

Vera V. Varova – Postgraduate Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow Region State University; e-mail: varova2013@yandex.ru

Olga I. Maksimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow Region State University; e-mail: maxbel7@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Варова В. В., Максименко О. И. Лингвостатистический анализ выступлений на всемирном экономическом форуме (Давос 2018–2019 гг.) // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Varova V. V., Maksimenko O. I. Linguostatistic analysis of speeches at the Davos economic forum 2018–2019. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 81'37

Евграфова Ю. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ В ДИНАМИКЕ ГЕТЕРОГЕННОГО ЭКРАННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ КИНОТЕКСТА “MIDNIGHT IN PARIS” И ТЕЛЕТЕКСТА «УТРО ПЯТНИЦЫ»)

АННОТАЦИЯ

Целью работы является описание особенностей взаимодействия вербальных и невербальных единиц при образовании смысла во временном развёртывании гетерогенного экранного текста.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ текстов массовой культуры – кинотекстов и телетекстов. Ход проводимого исследования демонстрируется на примерах художественного фильма “Midnight in Paris” («Полночь в Париже») и телевизионной передачи «Утро пятницы» (6 сезон, 38 серия) на уровне нескольких кадров. Выбранные отрезки текстов раскладываются на структурные элементы и анализируются. Затем рассматриваются особенности образования новых значений в ходе их констелляции друг с другом на разных отрезках повествования. Для внутренней организации и регулирования процесса исследования и преобразования полученных результатов использовались философско-общелогические методы и приёмы, общенаучные эмпирические методы и дисциплинарные методики.

Результаты. Автор приходит к выводу, что в пространственно-временном континууме текста значение вербальных и невербальных единиц зависит не только от их положения в рамках одного или двух кадров, но и от соположения в синтагматике экранной «речи» – цепочке кадров, что обозначается как констелляция. Делается также вывод, что в ходе констелляции вербальных и невербальных единиц создаётся миметический пласт текста – мир воображаемого универсума, область действия аудио-визуального повествования, который зритель воспринимает напрямую.

Теоретическая значимость. В заключение статьи указывается, что дальнейшее исследование констелляции вербальных и невербальных единиц поликодового-полимодального текста позволит лингвистам более подробно описать механизмы манипуляции сознанием зрителя в экранных текстах массовой культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

поликодовый-полимодальный текст, экранная «речь», «язык» экранности, невербальные единицы, вербальные единицы, кинотекст, телетекст

Введение

Описание материала и методов исследования

Вербальные и невербальные единицы в динамическом развёртывании экранной «речи» текста

Выводы

Заключение

Yu. Evgrafova

Moscow Region State University

24 ul. Very Voloshinoi, Mytishi 141014, Moscow Region, Russian Federation

REPRESENTATION OF REALITY IN THE DYNAMIC SCOPE OF THE HETEROGENEOUS SCREEN TEXT (CASE STUDY OF FILM TEXT “MIDNIGHT IN PARIS” AND THE TELETEXT “MORNING OF THE FRIDAY”)

ABSTRACT

Aim. The aim is to describe the interaction between verbal and non-verbal units generating meaning in the dynamic scope of the screen heterogeneous text.

Methodology. The main bulk of the work is the analysis of the mass culture texts – film texts and teletexts. The research is based on feature film “Midnight in Paris” and TV show “Morning of the Friday” (season 6, episode 38) at the level of several shots. Chosen fragments are divided into structural units and their meanings as separate components of the text and then the ways of generating new meanings by the means of their constellation with each other in different fragments of the narration are analysed. To structure and regulate the process of the study the following methods are used: philosophical general-logical; general scientific and empirical; disciplinary methods.

Results. The author comes to the conclusion that in space-time continuum of the text the meaning of verbal and non-verbal units depends not only on their position within one or two shots but also on juxtaposition in syntagmatic of screen speech – in the chain of shots, which is named “constellation” in this work. Besides, it is concluded that constellation of verbal and non-verbal units creates the mimetic layer of the text – the world of the imaginary universum, the field of action of audio-visual narration, which is perceived by the viewer directly.

Research implications. In the conclusion it is stated that the perspectives of the further study of the constellation of the polycode-multimodal text verbal and non-verbal units will allow linguists to gain deeper insight in the mechanisms of the mass culture screen texts manipulation with the viewer consciousness.

KEYWORDS

polycode-multimodal text, the screen speech, screen language, non-verbal units, audial units, verbal units, film text, teletext

ВВЕДЕНИЕ

Гетерогенный экранный текст является независимой семиотической и коммуникативной единицей, содержащей модель реальности, объекты и явления которой сами по себе несут некое значение. В связи с этим при переносе предметного мира в текст ставится вопрос о его структурировании и ритмической организации динамического пространственно-временного континуума экранной «речи».

Первыми поликодовыми-полимодальными экранными текстами были кинотексты, вопрос о синтагматической структуре которых в разное время ставился учёными таких направлений, как русский формализм – в рамках киноэстетики и поэтики кино [1; 4; 16; 22; 23; 26], феноменологический подход [3; 15], семиотическое направление [11; 17; 27; 28; 29; 32; 33], а также К. Метцем [19; 34; 35], П. Уоллен [38], П. Уорд [24], П. П. Пасолини [37], Дж. Монако [36] и французскими постмодернистами [5–8; 30; 31].

В современной лингвистической науке исследования гетерогенных текстов представлены в работах таких учёных, как Е. В. Бабич, Е. В. Кобзева и др. [2; 12; 13; 14; 18; 20; 21; 25]. Гетерогенные тексты рассматриваются учёными как сложное семиотически неоднородное образование. В них изучаются структура, функционирование и их языковые особенности, семантические и прагматические характеристики. Однако «синтаксическая» организация подобного рода текстов и её влияние на порождение значения в ходе аудио-визуального повествования не затрагиваются современными учёными-лингвистами.

В настоящей работе ставится цель описать особенности порождения смысла в синтаксическом пространстве поликодового-полимодального текста, продемонстрировать взаимодействие вербальных и невербальных единиц не только на уровне статики, но и на уровне динамики текста.

ОПИСАНИЕ МАТЕРИАЛА И МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование проводится на такой семиотически «предельной» форме гетерогенных экранных текстов, как поликодовые-полимодальные тексты, под которыми понимается «техно-сенсорное единство, поддающееся перцептивному восприятию при помощи различных модальностей (каналов восприятия информации), сочетающее аудиальные и визуальные семиотические средства и передающееся проецированием на экран. В нём обнаруживается синкретическое единство движущегося изображения, фонетического звука (речь), шумов, музыкального сопровождения и письма (вступительные титры, субтитры и т. п.)» [10]. Как уже отмечалось нами ранее, «...конкретный экранный текст имеет свою уникальную структуру и конфигурацию, непохожую на остальные. На глубинном уровне функционируют

единицы “языка” экранности – пространственные и временные базисные элементы, выражающиеся на поверхностном уровне в виде конкретных единиц текста – экранной “речи”» [9]. Экранная «речь» текста динамична и разворачивается вместе с ходом повествования, единицы её организуются не только в пространстве, но и во времени, порождая значение на уровнях и одной фотографии, и цепочки фотографий.

Опираясь на труды учёных, работавших над проблемой образования значения в кинотексте [11; 17; 27; 28], а также учитывая тот факт, что кинотекст был первым видом поликодовых-полимодальных текстов и дальнейшее их развитие, связанное с актуализацией на других типах экрана (телевизионного и цифрового), не привнесло в их структуру ничего принципиально нового – любой поликодовый-полимодальный текст представляет собой линейное аудио-визуальное повествование, сложенное из цепочки фотографий и дорожки звука, – в данной работе мы полагаем, что в любом поликодовом-полимодальном тексте вне зависимости от типа экрана, на котором предназначена актуализация, создаётся некий *кинематографический код*, ритмически организующий пространственно-временной континуум текста в синтагматическую структуру по определённым правилам, которые были выделены и подробно описаны К. Метцем [34]. Визуально их можно изобразить следующим образом (рис. 1).

Рис. 1 / Fig. 1. Синтагматическая организация кинотекста / Syntagmatic organization of the film text
Источник: [34, p. 146].

Таким образом, базисные элементы «языка» экранности, воплощаясь в конкретных единицах поликодового-полимодального текста, организуются по мере развёртывания его экранной «речи» в синтагматические единицы – автономные кадры и синтагмы. В данной работе ставятся задачи описать особенности репрезентации реальности и порождения значения в синтагматической организации поликодовых-полимодальных текстов, а также продемонстрировать взаимодействие вербальных и невербальных единиц во временном развёртывании экранной «речи» в цепочке кадров.

Ход проводимого исследования демонстрируется на примерах художественного фильма “Midnight in Paris” (Полночь в Париже)¹ и телевизионной передачи «Утро пятницы» (6 сезон, 38 серия)². Сначала выбранные отрезки текстов подвергаются разложению на структурные элементы и анализу их значений как самостоятельных единиц, а затем рассматриваются особенности образования новых значений в тексте в ходе их констелляции друг с другом на разных отрезках повествования.

Для внутренней организации и регулирования процесса исследования и преобразования полученных результатов использовались философско-общелогические методы и приёмы: абсолютизация, абстрагирование, идеализация, анализ, синтез, – общенаучные эмпирические методы наблюдения и описания, дисциплинарные методики: наблюдение, обобщение, интерпретация результатов наблюдения.

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ДИНАМИЧЕСКОМ РАЗВЁРТЫВАНИИ ЭКРАННОЙ «РЕЧИ» ТЕКСТА

Одним из примеров поликодового-полимодального текста, организованного в синтагмах, является кинотекст “Midnight in Paris”, рассказывающий о приключениях писателя Гилберта, попавшего из современности в Париж 1920-х гг., в экранной «речи» которого временные отношения между демонстрируемыми объектами и явлениями как определены, т. е. реальность моделируется хронологически, так и не определены. Примером организации единиц текста *нехронологически* могут служить следующие кадры, в которых рассказывается о первом путешествии Гилберта во времени после совместного ужина со своей невестой и её друзьями, Полом и Кэрл. Он отказывается идти на танцы, куда его настойчиво зовут, и решает прогуляться до отеля, в результате чего теряется в ночном Париже. В момент, когда Гилберт в отчаянии присаживается на пороге одной церкви, к нему подъезжает автомобиль марки Peugeot модели начала XX в., из которого раздаются голоса, пригла-

¹ Midnight in Paris. Полночь в Париже / реж. В. Аллен. США, Испания: Sony Pictures, 2011. 94 мин. Фильм вышел на экраны в 2011 г. (мир), в 2011 г. (Россия).

² Утро пятницы. Сезон 6. Серия 38 [Электронный ресурс] // Пятница. [09.12.2019]. URL: <https://utro.friday.ru/videos/s6/e38> (дата обращения: 20.12.2019).

шающие присоединиться к ним. С неохотой Гилберт соглашается, и вся компания уезжает в ресторан. Представим экранную «речь» описанного эпизода в виде таблицы (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Базисные элементы в экранной «речи» киноматериала “Midnight in Paris” / Basic elements in the screen “speech” of the film text “Midnight in Paris”

	Временной базисный элемент			Пространственный базисный элемент
	Зрительный	Слуховой		Зрительный
	Кинеморфы	Знаки-символы	Аудиальные знаки	Изобразительные знаки
1.	Гилберт отказывается идти на танцы и решает прогуляться до отеля			
	–	GILBERT: If that's ok with you, I think I just want to take a little walk, go to bed and then we'll do it another night. <...> INEZ: Ok, but you should take a cab. GILBERT: No, I'm not taking a cab. I'm walking. INEZ: No, you'll get lost. GILBERT: Ok, I'm gonna walk	–	–
2.	Инес и её друзья едут в такси на танцы			
3.	Гилберт бродит по ночному Парижу			
	Гилберт оглядывается, смотрит по сторонам, всматриваясь в названия улиц	–	“Bistro Fada” Стефан Рембел (Stephane Wrembel)	
4.	Гилберт присаживается отдохнуть на пороге церкви			
	К герою подъезжает автомобиль марки Peugeot модели начала XX в., из которого раздаются голоса	STRANGERS: Hey! Get in! Come on! We are going to leave you! GILBERT: What? STRANGERS: Come on, guy! GILBERT: I didn't hear you, what? STRANGERS: Come on! Come on, guy, get in the car! <...> GILBERT: What is this? An old Peugeot? I have a friend who collects these in Beverly Hills. STRANGERS: Come on, buddy! Come on! GILBERT: Ok.	Звук часов, бьющих двенадцать раз	

Продолжение таблицы 1.

	Временной базисный элемент			Пространственный базисный элемент
	Зрительный	Слуховой		Зрительный
	Кинеморфы	Знаки-символы	Аудиальные знаки	Изобразительные знаки
5.	Гилберт уезжает с незнакомцами в ресторан. Зайдя в него, он видит людей, одетых в стиле 20-х гг. XX в.			
	Peugeot уезжает с улицы, на которой припаркован современный автомобиль, и приезжает к ресторану, рядом с которым стоит уже машина начала XX в.	–	“Bistro Fada” Стефан Рэмбел (Stephane Wrembel) “Let’s do it. Let’s fall in love” К. Портера (популярная в 1920-х гг.)	

В экранной «речи» приведённого выше эпизода присутствуют пространственный и временный базисные элементы (слуховые и зрительные), образующие смысл как на денотативном, так и на коннотативном уровнях. Пространственный базисный элемент воплощается в данном эпизоде в индексально-иконических знаках. Так, современные модели машин, припаркованные у церкви, где Гилберт встречает незнакомцев, напрямую означают, что он находится в современном ему Париже, тогда как их отсутствие у ресторана, куда они приезжают, говорит о том, что перемещение во времени состоялось. Ретро-автомобиль Peugeot, на котором Гилберта увозит компания молодых людей, и одежда стиля 1920-х гг. на людях в ресторане также являются индексально-иконическими знаками, намекающими на путешествие во временному пространству. К ключевому слуховому (вербальному) базисному элементу можно отнести следующие реплики: – *I’m walking*. – No, *you’ll get lost*, – поскольку именно из них зритель понимает, что Гилберта предупреждают о возможности заблудиться, что в результате и происходит в прямом смысле и в переносном – он теряется во времени. Далее слова Гилберта: *An old Peugeot? I have a friend who collects these...* – в разговоре с незнакомцами не только описывают старый автомобиль, но и являются первым намёком на то, что они из прошлого. К слуховому временному базисному элементу, выраженному невербально, можно отнести аудиальный знак «часы, бьющие двенадцать раз», имеющий как прямое значение «полночь», так и косвенное – «остановка течения времени и возможность перехода в другое», а также аудиальный знак «мелодия из песни “Let’s do it. Let’s fall in love”», в прямом смысле обозначающий музыку, сочинённую К. Портером, и в переносном отсылающий ко времени, в котором она была популярна, – к 1920-м гг. В дан-

ном эпизоде также присутствует ещё один временный базисный элемент – это кинеморф «поездка на старом автомобиле через улицу с современными автомобилями к улице с автомобилями 1920-х гг.», имеющий, кроме денотативного значения «передвижение на транспорте в физическом пространстве», также и коннотативное – «путешествие во временном пространстве».

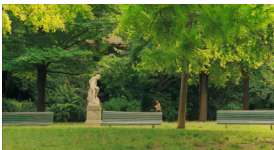
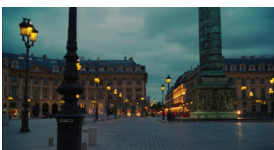
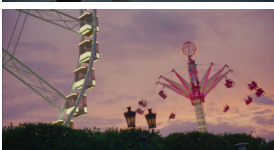
Таким образом, моделируется перемещение главного героя во времени: хронологически непоследовательные временные отрезки, современность и Париж начала XX в., соединяются между собой вербально и невербально. В них демонстрируются реалии одного порядка, не соположенные во времени, смысловая связь которых определяется на слуховом и зрительном уровнях с помощью оптических эффектов, что позволяет потребителю текста воспринимать образы как единое целое, хотя между комплексным означаемым приведённых кадров на уровне денотации нет никакой связи.

При моделировании событий и явлений реальности в *хронологическом* порядке они могут быть представлены через отношения одновременности или последовательности. Рассмотрим на примере вступительного эпизода кинотекста “Midnight in Paris”: он открывается кадрами Парижа, на которых демонстрируются различные уголки города в разную погоду в дневное и вечернее время, далее появляются титры и на их фоне звучит беседа между мужчиной и женщиной о Париже, его неповторимости и уникальности в любое время года, в которую “вклинивается” кадр загородного пейзажа. Диалог продолжается, дальний план сменяется крупным, и демонстрируется источник звука – мужчина (Гилберт) и женщина (Инес), продолжающие разговор о Париже, в ходе которого вспоминают о встрече с родителями Инес, кадрами с которой завершается обсуждение города. Представим экранную «речь» описанного эпизода в виде таблицы (табл. 2).

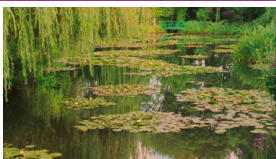
Таблица 2 / Table 2
Базисные элементы в экранной «речи» кинотекста “Midnight in Paris” / Basic elements in the screen “speech” of the film text “Midnight in Paris”

	Временной базисный элемент			Пространственный базисный элемент
	Зрительный	Слуховой		Зрительный
	Кинеморфы	Знаки-символы	Аудиальные знаки	Изобразительные знаки
1.	Демонстрируется Париж в разную погоду в дневное и вечернее время			
	–	–	МУЗЫКА...	

Продолжение таблицы 2.

	Временной базисный элемент			Пространственный базисный элемент
	Зрительный	Слуховой		Зрительный
	Кинеморфы	Знаки-символы	Аудиальные знаки	Изобразительные знаки
				

Продолжение таблицы 2.

	Временной базисный элемент			Пространственный базисный элемент
	Зрительный	Слуховой		Зрительный
	Кинеморфы	Знаки-символы	Аудиальные знаки	Изобразительные знаки
				
2.	Гилберт разговаривает с Инес о Париже			
	–	GILBERT: This is unbelievable! Look at this! There is no city like this in the world. There never was! INEZ: You act as like you have never been here before. GILBERT: I don't get here often enough. That's the problem. Can you picture how drop-dead gorgeous this city is in the rain? Imagine this town in the 20s. Paris in the 20s, in the rain; the artists and writers ... I mean, look.	–	

Продолжение таблицы 2.

	Временной базисный элемент			Пространственный базисный элемент
	Зрительный	Слуховой		Зрительный
	Кинеморфы	Знаки-символы	Аудиальные знаки	Изобразительные знаки
		<i>This is where Monet lived and painted</i> ... We're 30 minutes from town. Imagine two of us settling here. We could do it. I mean if my book turns out. INEZ: You're in love with fantasy. GILBERT: I'm in love with you. INEZ: We should get back to town. <i>We're meeting Mom and Dad for dinner.</i> GILBERT: <i>Let's meet 'em</i>		
3.	Гилберт встречается с родителями Инес			

Экранная «речь» приведённого выше эпизода чередует употребление пространственного и временного (слухового) базисных элементов. Демонстрация Парижа в утреннее, вечернее и ночное время, в дождливую и солнечную погоду вместе с музыкальным сопровождением, с одной стороны, отображает внешний вид города и, с другой стороны, подразумевает значение «Париж такой, какой он есть», в изображениях которого каждый найдёт что-то своё и для себя, привнесёт только ему понятный смысл. Значимость акцентов, расставляемых пространственным базисным элементом (индексально-иконическим), прослеживается также и во время беседы Гилберта и Инес о Париже: сначала зритель слышит только их речь, потом появляется кадр с дальним планом пейзажа, напоминающего те, что пи-

сал К. Моне в своём поместье в Живерни, например «Белые кувшинки» (рис. 2).

Рис. 2 / Fig. 2. Стоп-кадр из кинотекста “Midnight in Paris” (а) и картина К. Моне «Белые кувшинки». 1899. Холст, масло (б) / A shot from “Midnight in Paris” (a) and C. Monet “The Waterlily Pond”. 1899. Oil on canvas (б)
 Источник: Белые кувшинки. Клод Моне [Электронный ресурс] // ARTEFACT. URL: <https://ar.culture.ru/ru/subject/belye-kuvshinki> (дата обращения: 02.02.2020).

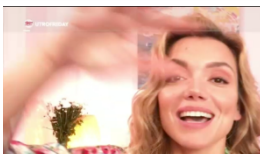
К ключевому временному слуховому (вербальному) базисному элементу можно отнести следующие реплики: ***no city like this in the world; drop-dead gorgeous this city is in the rain; Paris in the 20s, in the rain; This is where Monet lived and painted; – We’re meeting Mom and Dad for dinner. –Let’s meet ‘em.*** Временный слуховой (аудиальный) базисный элемент отсылает к определённым музыкальным произведениям, ассоциирующимся с Парижем, что задаёт настроение текста и вектор его интерпретации.

Таким образом, три обособленных временных события: демонстрация Парижа, открывающая кинотекст, беседа между героями в парке, виды которого отсылают к произведениям художника К. Моне, и встреча героев с родителями – соединяются между собой через диалог персонажей, обсуждающих Париж и произносящих ключевые для понимания и логической связи кадров текста фразы. Именно вербальный компонент экранной «речи» данного поликодового-полимодалного текста позволяет репрезентировать временную последовательность между тремя событиями, визуально друг с другом никак не связанными, выстраивая временные связи не только на уровне денотации, но и на уровне коннотации.

Примером организации поликодового-полимодалного текста в автономных кадрах является телевизионная передача «Утро пятницы», сезон 6, серия 38. Представим первые 10 минут экранной «речи» указанного эпизода в виде таблицы (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

Базисные элементы в экранной «речи» телетекста «Утро пятницы». 6 сезон, 38 серия (первые 10 минут) / Basic elements in the on-screen "speech" of teletext "Friday morning". Season 6, Episode 38 (first 10 minutes)

	Временной базисный элемент			Пространственный базисный элемент
	Зрительный	Слуховой		Зрительный
	Кинеморфы	Знаки-символы	Аудиальные знаки	
1.	Вводная часть от ведущей			
	Ведущая убирает руку от экрана перед тем, как начать монолог Ведущая подносит руку к экрану после того, как монолог закончен	Последнее время просыпаюсь в позе морской звезды. Я где прочитала, что такая королевская поза говорит о потребности всё контролировать и об излишнем высокомерии. Но это ж всё теория. Валерия Прекрасная желает вам замечательного утра. Да будет так. Я прослежу.	Звонит будильник перед монологом ведущей Едва слышный динамичный джингл Звонит будильник в конце монолога ведущей	
2.	Содержание программы: даётся нарезка кадров			
3.	Монолог ведущей			
	Ведущая убирает руку от экрана перед тем, как начать монолог Ведущая показывает glitter Ведущая прожигает важный диск, пытается его задуть	Я теперь не только быти-маньяк, но и экоактивист. Делюсь знаниями. Используйте только биоразлагаемый glitter, ну а если такой не нашли, сотрите макияж влажным диском и сожгите его. Эффектная история в Instagram обеспечена, и в океан не попадёт ничего лишнего.	Едва слышный динамичный джингл	

Продолжение таблицы 3.

	Временной базисный элемент			Пространственный базисный элемент
	Зрительный	Слуховой		Зрительный
	Кинеморфы	Знаки-символы	Аудиальные знаки	
	Ведущая подносит руку к экрану после того, как монолог закончен			
4.	Инструкция от стилиста, как сделать новогоднюю укладку			
	<стилист произносит монолог стоя> <происходит укладка волос с подробной инструкцией>	Всем привет! Моё имя Таха Сафари. Моя стихия красота. Моё призвание – менять этот мир к лучшему. И сейчас я покажу, как быстро сделать классную новогоднюю укладку. Сегодня у нас идеально гладкие волосы...	Динамичный джингл	
5.	Макияж			
6.	Ведущая убирает руку от экрана перед тем, как начать монолог Ведущая подносит руку к экрану после того, как монолог закончен	Быть блондинкой эффектно, модно, сложно и дорого: фиолетовый шампунь для поддержания правильного оттенка, бальзам с гиалуронкой и кератином для здоровой структуры волос, спрей жемчужный для блеска. И это только минимальный набор. Какие там у нас скоро праздники? Вы знаете, что мне дарить.	Едва слышный динамичный джингл Звонит будильник в конце монолога ведущей	

Продолжение таблицы 3.

	Временной базисный элемент			Пространственный базисный элемент
	Зрительный	Слуховой		Зрительный
	Кинеморфы	Знаки-символы	Аудиальные знаки	
7.	–	Всем привет! Я – Катя Бобкова, и сегодня я поделюсь с вами своими бьюти-лайфхаками. Я расскажу вам, как выбрать BB-крем – средство, которое скрывает несовершенства и ухаживает за кожей одновременно. Что может быть лучше? <далее Катя даёт подробную инструкцию>	–	–

В приведённой 38 серии 6 сезона утренней телевизионной передачи «Утро пятницы» информация о красоте и здоровье представлена в формате аудиовизуального журнала, рубрики которого соединяются между собой монологом ведущей. Причём поток текста выстроен таким образом, что не ведущая «вторгается» в пространство повествования очередного раздела, а рубрики как бы вплетаются в её жизнь, которую она запечатлевает на мобильный телефон. Экранная «речь» данного эпизода состоит из пространственного и временного базисных элементов. К пространственному базисному элементу относятся такие изобразительные единицы текста, как антураж и одежда ведущей. Так, кровать, одеяло, подушка, шкаф, трюмо, вешалки с одеждой, косметика, а также пижама и одетые на смену ей брюки и блуза являются иконически-символическими знаками, с одной стороны, предметов реальной действительности и, с другой стороны, пробуждения и начала дня. Перед тем как ведущая начинает и после того как заканчивает свой монолог, она, соответственно, убирает руку от экрана и подносит её к экрану, что является кинеморфом, обозначающим съёмку на видеокамеру телефона. Сам монолог является ключевым для понимания происходящего, поскольку именно он связывает разнородные компоненты повествования воедино благодаря таким фразам, как: *просыпаюсь; желает вам замечательного утра; Я теперь не только бьюти-маньяк; Быть блондинкой эффектно, модно, сложно и дорого.* Данные слова толкуют происходящее на экране, помогая соединить

разнородные компоненты текста в единое комплексное означающее. Таким образом моделируется псевдореальная действительность, в которой девушка снимает себя и свою жизнь на камеру, и непрерывное течение которой разбивается некой вставкой с целью сообщить об определённом явлении из сферы красоты или здоровья, за чем и наблюдает зритель. Вербальные и невербальные единицы текста в таком типе связи элементов комплементарны, т. е. передают сопоставимые значения и взаимодополняют друг друга, однако смыслообразующая роль достаётся вербальным единицам.

ВЫВОДЫ

Проведённый анализ позволяет заключить, что в поликодовом-полимодалном тексте правдоподобная модель реальности порождается в синтаксическом пространстве текста, а именно через демонстрацию тех или иных аспектов, выбранных автором, в задуманной им последовательности, т. е. реальность репрезентируется синтагматически. Синтаксическая организация пространственно-временного континуума является неотъемлемой характеристикой экранной «речи» поликодового-полимодалного текста, предназначенного для воспроизведения на любом типе экрана, а также любого жанра. В его поверхностной структуре моделируется реальность, в континууме которой при применении кода могут быть выделены знаки различной природы, которые структурно организуются и вступают во взаимодействие друг с другом, что приводит к зависимости значений единиц текста не только от их положения в континууме движения, но и от их соположения с другими единицами в ходе развёртывания повествования, что можно обозначить таким термином, как *конstellляция* (данный термин заимствован у Л. Ельмслева [11]). В экранной «речи» гетерогенных текстов конstellляция вербальных и невербальных единиц создаёт мир воображаемого универсума, ту реальную область действия, которую зритель воспринимает напрямую, так называемый *миметический пласт текста*, в котором осуществляется переход с уровня комплексного означающего на уровень комплексного означаемого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При моделировании реальности в поликодовом-полимодалном тексте действительность расщепляется на образы, которые фиксируются в вербальных и невербальных единицах, сочетание которых является продуктом сознательного структурирования предметного мира на экране и которые, будучи организованы синтаксически в единое целое, несут в себе определённый смысл.

Практическая значимость дальнейшего исследования конstellляции вербальных и невербальных единиц и миметического пласта поликодово-

го-полимодального текста позволит лингвистам более подробно описать механизмы порождения симулякративности и симулякров, а также аудио-визуальные способы манипуляции сознанием зрителя в экранных текстах, не только кино и телевидения, но и интернета на базе таких онлайн-платформ, как Instagram и YouTube.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. Москва: Архитектура-С, 2012. 392 с.
2. Бабич Е. В. Смыслорождающий потенциал иконического аттрактора в структуре поликодового художественного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7–3 (61). С. 64–67.
3. Базен А. Что такое кино?: сборник статей. Москва: Искусство, 1972. 384 с.
4. Балаш Б. Дух фильма / пер. с нем. Н. Фридланд; под ред. Н. А. Лебедева. Москва: Гослитиздат, 1935. 200 с.
5. Барт Р. Проблема значения в кино // Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст., сост. С. Н. Зенкина. Москва, 2004. С. 195–199.
6. Барт Р. S/Z / пер. с фр. Г. К. Костикова, В. П. Мурат; под ред. Г. К. Костикова. 3-е изд. Москва: Академический проект, 2009. 373 с.
7. Беллур Р. Недостигаемый текст // Строение фильма: сборник статей / сост. К. Разлогов. М.: Радуга, 1984. С. 221–229.
8. Делёз Ж. Кино / пер. с фр. Б. Скуратова; вступ. ст. О. Аронсон. Москва: Ад Маргинем, 2004. 622 с.
9. Евграфова Ю. А. «Язык» экранности и экранная «речь» в статике гетерогенных текстов: дискретные единицы континуума движения // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 2. URL: <https://vestnik-mgou.ru> (дата обращения: 25.01.2020).
10. Евграфова Ю. А., Новикова М. Г. Вербальный и звуковой компонент экранной «речи» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2019. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 25.01.2020).
11. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / пер. с англ.; сост. В. Д. Мазо. Москва: КомКнига, 2006. 248 с.
12. Кобзева Е. В. Поликодовый текст как объект филологического анализа // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 10 (123). С. 58–62.
13. Коньков В. И., Маевская М. И. Документальный фильм: история формирования поликодового текста // Век информации. 2016. № 2. С. 80–83.
14. Корчагин С. С. Транслатологическая специфика локализации экранного текста в телесериале «Шерлок» // Филология и человек. 2017. № 1. С. 145–151.

15. Кракауэр З. Природа фильма: Реабилитация физической реальности. Москва: Искусство, 1974. 387 с.
16. Кулешов Л. В. Искусство кино. Мой опыт: собр. соч.: в 3 т. Т. 1. Москва: Искусство, 1987. 448 с.
17. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Об искусстве. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2005. С. 288–372.
18. Максименко О. И. Семиотика (вербальная и невербальная) мультифандомного мира (на примере комиксов издательств Marvel, DC и Bubble) // Военно-гуманитарный альманах. Т. 1. Вып. 2. Язык. Коммуникация. Перевод. Серия: Лингвистика. Москва: Международные отношения, 2017. С. 36–47.
19. Метц К. Воображаемое означающее. Психоанализ и кино / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной; науч. ред. А. Черноглазова. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. 336 с.
20. Миньяр-Белоручева А. П. Поликодовость искусствоведческого дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14. № 4. С. 16–20.
21. Некрасова Е. Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 45–48.
22. Пудовкин В. Избранные статьи / ред.-сост., прим. И. Долинский. Москва: Искусство, 1955. 464 с.
23. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / отв. ред. В. А. Каверин, А. С. Мясников; подг. изд. Е. А. Тоддес, А. П. Чудакова, М. О. Чудаковой. Москва: Наука, 1977. 575 с.
24. Уорд П. Композиция кадра в кино и на телевидении / пер. с англ. А. М. Амуровой, Ю. В. Волковой; под ред. С. И. Ждановой. Москва: Гуманитарный институт телевидения и радиовещания, 2005. 196 с.
25. Ухова Л. В. Визуальный язык пользователей социальных сетей // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 4. С. 97–100.
26. Шкловский В. Б. За 60 лет: Работы о кино. Москва: Искусство, 1985. 573 с.
27. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Г. Резник, А. Г. Погоняйло. Санкт-Петербург: Симпозиум, 2006. 544 с.
28. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. С. Сербянского. Москва: АСТ: CORPUS, 2016. 640 с.
29. Якобсон Р. Избранные работы / пер. с англ., нем., фр.; сост., общ. ред. В. А. Звегинцева; предисл. Вяч. Вс. Иванова. Москва: Прогресс, 1985. 453 с.
30. Barthes R. *Système de la mode*. Paris, Éditions du Seuil, 1983. 352 p.
31. Deleuze G. *Синьма: dans 2 livres. Cinéma 1. L'Image-Mouvement. Cinéma 2. L'Image-Temps*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1983.
32. Eco U. *La struttura assente: La ricerca semiotica e il metodo strutturale*. 8ª ed. Milan: Bompiani, 2015. 464 p.
33. Eco U. *Semiotics and the philosophy of language (Advances in semiotics)* / ed. T. A. Sebeok. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 242 p.
34. Metz Ch. *Film Language. A semiotics of the cinema* / transl. M. Taylor. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. 268 p.

1. Arnkheim R. *Iskusstvo i vizual'noe vospriyatiye* [Art and visual perception]. Moscow, Arkhitektura-S Publ., 2012. 392 p.
2. Babich E. V. [Sense-generating potential of the iconic attractor in the structure of polycode literary text]. In: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and practice], 2016, no. 7–3 (61), pp. 64–67.
3. Bazen A. *Chto takoe kino?* [What is cinema?]. Moscow, Art Publ., 1972. 384 s.
4. Balázs B. The Spirit of Film (Russ. ed.: Fridland N., transl. *Dukh fil'my*. Moscow, Goslitizdat Publ., 1935. 200 p.).
5. Barthes R. [The problem of meaning in cinema]. In: Zenkin S. N., transl., comp. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [Fashion system. Articles on the semi-otics of culture]. Moscow, 2004, pp. 195–199.
6. Barthes R. S/Z (Russ. ed.: Kostikov G. K., Murat V. P., transl. *S/Z*. Moscow, Academic project Publ., 2009. 373 p.).
7. Bellur R. [Unreachable text]. In: Razlogov K., comp. *Stroenie fil'ma* [Film structure]. Moscow, Raduga Publ., 1984, pp. 221–229.
8. Deleuze G. Cinema (Russ. ed.: Skuratov B., transl. *Kino*. Moscow, Ad Marginem Publ., 2004. 622 p.).
9. Evgrafova Yu. A. Screen “language” and screen “speech” in the static scope of the heterogeneous texts: discrete units of the movement continuum. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2019, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 25.01.2020).
10. Evgrafova Yu. A., Novikova M. G. Verbal and audial components of the screen “speech”. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)* [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2019, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 25.01.2020).
11. El'mislev L. Prolegomena to a Theory of Language (Russ. ed.: Mazo V. D., comp. *Prolegomeny k teorii yazyka* Moscow, KomKniga Publ., 2006. 248 p.).
12. Kobzeva E. V. [Polycode text as an object of philological analysis]. In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 2017, no. 10 (123), pp. 58–62.
13. Kon'kov V. I., Maevskaya M. I. [Documentary: the history of polycode text formation]. In: *Vek informatsii* [Information age], 2016, no. 2, pp. 80–83.

14. Korchagin S. S. [Translatological specificity of on-screen text localization in the television series "Sherlock"]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology and man], 2017, no. 1, pp. 145–151.
15. Krakauer Z. *Priroda fil'ma: Reabilitatsiya fizicheskoi real'nosti* [The Nature of Film: Rehabilitation of Physical Reality]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1974. 387 p.
16. Kuleshov L. V. *Iskusstvo kino. Moi opyt. T. 1* [The art of cinema. My Experience. Vol. 1]. Moscow, Art Publ., 1987. 448 p.
17. Lotman Yu. M. [Semiotics of cinema and problems of cinema aesthetics]. In: *Ob iskusstve* [About art]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2005, pp. 288–372.
18. Maksimenko O. I. [Semiotics (verbal and non-verbal) of multi-fandom world (based on Marvel, DC and Bubble comics)]. In: *Voenno-gumanitarnyi al'manakh T. 1. Vyp. 2. Yazyk. Kommunikatsiya. Pervod. Seriya: Lingvistika* [Military-humanitarian almanac. Vol. 1. Iss. 2. Language. Communication. Translation. Series: Linguistics]. Moscow, International Relations Publ., 2017, pp. 36–47.
19. Metz C. The Imaginary Signifier: Psychoanalysis and the Cinema (Russ. ed.: Kalugin D., Movnina N., transl. *Voobrazhaemoe oznachayushchee. Psikhooanaliz i kino*. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2010. 336 p.).
20. Min'yar-Beloruicheva A. P. [The polycode of art criticism discourse]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics], 2017, vol. 14, no. 4, pp. 16–20.
21. Nekrasova E. D. [On the question of the perception of polymodal texts]. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2014, no. 378, pp. 45–48.
22. Pudovkin V. *Izbrannye stat'i* [Featured Articles]. Moscow, Art Publ., 1955. 464 p.
23. Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. Literature history. Cinema]. Moscow, Science Publ., 1977. 575 p.
24. Ward P. Picture Composition for Film and Video (Russ. ed.: Amurova A. M., Volkova Yu. V., transl. *Kompozitsiya kadra v kino i na televidenii*. Moscow, Humanitarian Institute of Television and Radio Broadcasting Publ., 2005. 196 p.).
25. Ukhova L. V. [The visual language of social nets users]. In: *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky philological bulletin], 2017, no. 4, pp. 97–100.
26. Shklovsky V. B. *Za 60 let: Raboty o kino* [Over 60 years: Works on cinema]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1985. 573 p.
27. Eco U. La estructura ausente. Introduccion a La Semiotica (Russ. ed.: Reznik V. G., Pogonyailo A. G., transl. *Otsutstvuyushchaya struktura. Vvedenie v semiologiyu*. St. Petersburg, Symposium Publ., 2006. 544 p.).
28. Eco U. Lector in fabula. La cooperazione interpretativa nei testi narrative (Russ. ed.: Serebryanyi S., transl. *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta*. Moscow, ACT Publ., CORPUS Publ., 2016. 640 p.).
29. Jakobson R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Progress, 1985. 453 p.
30. Barthes R. *Système de la mode*. Paris, Éditions du Seuil, 1983. 352 p.

31. Deleuze G. Cinéma. Cinéma 1. L'Image-Mouvement. Cinéma 2. L'Image-Temps. Paris: Les Éditions de Minuit, 1983.
32. Eco U. La struttura assente: La ricerca semiotica e il metodo strutturale. 8ª ed. Milan, Bompiani, 2015. 464 p.
33. Eco U. Semiotics and the philosophy of language (Advances in semiotics). Bloomington, Indiana University Press, 1986. 242 p.
34. Metz Ch. Film Language. A semiotics of the cinema. Chicago, The University of Chicago Press, 1992. 268 p.
35. Metz Ch. Le signifiant imaginaire. Psychanalyse et cinéma. Paris, Union générale d'éditions, 1977. 373 p.
36. Monaco J. How to read a film. Movies, media, multimedia. New York, Oxford, Oxford University Press, 2000. 672 p.
37. Pasolini P. P. Discorso sul piano-sequenza ovvero il cinema come semiologia della realtà. In: *Linguaggio e ideologia nel film*. Novara, 1968, pp. 135–137.
38. Wollen P. Signs and meaning in the cinema. Bloomington, Indiana University Press, 1969. 192 p.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 02.03.2020

Статья размещена на сайте: 14.08.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Евграфова Юлия Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков Московского государственного областного университета; e-mail: 212.155.04@mail.ru

Yulia A. Evgrafova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Indo-European and Oriental Languages, Moscow Region State University; e-mail: 212.155.04@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Евграфова Ю. А. Репрезентация реальности в динамике гетерогенного экранного текста (на примере кинотекста "Midnight in Paris" и телетекста «Утро пятницы») // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Evgrafova Yu. A. Representation of reality in the dynamic scope of the heterogeneous screen text (case study of film text "Midnight in Paris" and the teletext "Morning of the Friday"). In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

УДК 81-114.2

Семина Т. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

АНАЛИЗ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ В ПИСЬМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

АННОТАЦИЯ

Целью работы является описание особенностей выражения мнения в аналитических политических статьях для выделения тональности.

Процедура и методы. Проведены анализ языкового материала и статистический анализ взаимного расположения основных компонентов высказывания, содержащего мнение, рассмотрено взаимодействие тональности и контрфактивного значения, характеристики отсылки к чужому мнению, а также описан подход к поиску мнения автора по редким для коллекции документов словам.

Результаты. На основе анализа выражения мнения удалось выделить лексические и грамматические особенности выражения тональности в политическом медиадискурсе.

Практическая значимость. В статье сформулированы предложения по работе с указанными особенностями при выделении мнений в аналитических статьях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

анализ тональности, мнение, модальность, прямая речь, извлечение мнений

СТРУКТУРА

Введение

Материал исследования и методы

Обсуждение результатов

Выводы

T. Semina

Moscow Region State University

24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

ANALYSIS OF EXPRESSION OF OPINION IN WRITTEN POLITICAL MEDIA DISCOURSE

ABSTRACT

Aim is to describe the features of the expression of opinion in analytical articles on politics.

Methodology. The language and the arrangement of the text main components expressing opinion, were analyzed, the interaction of sentiment and counterfactual values, characteristics of referring to someone else's opinion have been considered, as well as the way to find the author's opinion using the words that are rare for a collection of documents.

Results. Identification of lexical and grammatical features used to express opinion in political media discourse.

Research implications. Suggestions for using these characteristics in identifying opinions.

KEYWORDS

sentiment analysis, opinion, modality, direct speech, opinion mining

ВВЕДЕНИЕ

Анализ тональности – область изучения мнений, оценок и эмоций людей по отношению к персонам, объектам или их атрибутам, иногда называется сентимент-анализом или извлечением мнений. Большинство исследователей выделяют во мнении несколько ключевых компонентов: объект или источник, т. е. тот, кому принадлежит мнение; объект или цель, к этому компоненту относится предмет или персона, мнение о котором высказывается; тональность. Под тональностью понимается полярность мнения. Она может быть бинарной, когда мнение признаётся только положительным или отрицательным, тернарной, если добавляется нейтральная оценка, или градуированной, когда вместо набора тэгов для определения тональности задаётся шкала оценивания.

Как правило, материалом для анализа тональности являются тексты из интернета, содержащие явную оценку автором текста некоторого объекта; к текстам такого рода относят рецензии, отзывы, блоги и микроблоги. В последнее время исследовательский интерес сместился в сторону новостных текстов и аналитических статей, так как они содержат не только мнение автора текста, но и мнения сущностей по отношению к другим именованным сущностям. Именованная сущность в современной лингвистике – слово или

словосочетание, обозначающее предмет или явление определённой категории. Примерами именованных сущностей являются персоны, локации, государства и т. д. Универсального перечня именованных сущностей, принятого среди исследователей, нет [3, с. 2].

Анализ тональности текстов на русском языке является широко известной проблематикой, тем не менее нельзя говорить даже о сравнении масштабов исследований в области русского и английского языков. Это связано с дефицитом доступных размеченных корпусов текстов для машинного обучения, что является необходимым фактором для создания прикладной системы [4, с. 55].

Анализ тональности имеет разнообразный спектр применения: он может проводиться на материале отзывов для получения информации о степени удовлетворённости товаром покупателями [7], может быть методом оценки репутации бренда или человека, материалом могут быть тексты твитов, блогов или СМИ [5], наряду с количественным контент-анализом может применяться для лингвистической оценки речей политиков [1, с. 455] или для предсказания вероятности успеха бизнес-стартапа [9].

Аналитические политические статьи являются непростым материалом для анализа тональности по ряду причин: во-первых, в соответствии с жанром информационной журналистики автор текста не имеет права открыто, эксплицитно выражать собственное мнение об обсуждаемых в статье персонах или событиях; во-вторых, большое количество именованных сущностей позволяет устанавливать тональные отношения между ними; в-третьих, тональность выражается не оценочной лексикой, а фактической [8]. В последнем случае можно говорить об изменении понимания термина «мнение», которое в современном анализе тональности включает в себя и так называемые *good for/ bad for events* – действия одного объекта по отношению к другому, которые положительно или отрицательно влияют на объект тональности [6].

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДЫ

Материалом исследования послужили статьи с сайта *inosmi.ru* – веб-ресурса, на котором публикуются переводы статей иноязычной прессы. Стоит отметить, что, несомненно, при переводе может искажаться смысл и даже меняться тональность текста или его фрагмента, тем не менее при рассмотрении формальных составляющих выражения мнения, таких как грамматические и лексические особенности, соотнесение текста с действительностью и текстом на языке оригинала не обязательно. Кроме того, грамматические и лексические особенности, выделенные в переводах, будут применимы и к русскоязычным статьям. В ходе исследования удалось вывести несколько характерных черт выражения мнения, которые следует учитывать при про-

ведении автоматического анализа тональности. Данные характерные черты можно разделить на лексические и синтаксические, хотя деление и является весьма условным.

К методам, использованным в данном исследовании, относятся *описание, статистический анализ, классификация*.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

К лексическим особенностям относится эксплицитное употребление тональных высказываний [10, р. 575], однако в аналитических политических статьях фактическая лексика по количеству будет превалировать над оценочной. Найти лексику такого рода несложно, возможно применение тонального лексикона, в котором она будет иметь маркировку полярности тонального отношения. Имея подобный лексикон, можно создать систему анализа тональности, которая будет считать количество положительных и отрицательных слов по заданному списку тональных высказываний и выдавать предположение о тональности. Создание такого рода системы не является трудной задачей. Более интересным случаем является поиск взаимной тональности, которую выражает некоторая лексика.

1) *В то время как Соединенные Штаты и Россия немного приблизились к расширению военного сотрудничества на земле в Сирии...*¹.

В примере 1 слово *сотрудничество*, несомненно, является положительным окрашенным тональным высказыванием, тем не менее оно показывает сразу два отношения, потому что в этом предложении говорится об улучшении как отношения России к США, так и наоборот. Учёт лексики, накладывающей на пару сущностей взаимную тональность, поможет в выявлении имплицитной тональности, т. е. тональности, не имеющей явного тонального высказывания. Подобной лексики немного, в настоящее время мы занимаемся сбором лексем-показателей взаимной тональности.

Другим важным лексическим фактором, связанным с выражением мнений, является нейтральная лексика, влияющая на тональность. Существует ряд лексем, которые невозможно отнести к ряду тональных, потому что они не выражают ни оценки, ни фактической информации, влияющей на некоторый объект. Однако данная лексика может менять степень тональности высказывания (усиливать или ослаблять) или менять полярность высказывания на противоположную.

2) *Как Россия будет использовать Брексит для отмены санкций*².

¹ Рогин Д. Керри похвалил позицию России в отношении группировок в Сирии // ИноСМИ. Ру. [2016]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20160713/237169965.html> (дата обращения: 13.11.2019).

² Таллиз Д. Как Россия будет использовать Брексит для отмены санкций // ИноСМИ.Ру. [2016]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20160706/237087099.html> (дата обращения: 13.11.2019).

В примере 2 *отмена* – нейтральная лексема, тем не менее она инвертирует негативную тональность лексемы *санкции*. Если случаи с усилением или ослаблением тональности могут не играть роли при бинарной (положительная и отрицательная) классификации, то в случаях градуальной оценки эти лексемы могли бы давать дополнительную информацию для анализа. В наших текстах только со словом *отмена* было 14 предложений, 13 из которых относятся к описываемой нами ситуации. В дальнейшем будет расширен список слов, инвертирующих, усиливающих или ослабляющих тональность.

В число лексических особенностей можно включить и выбор лексики для выражения своего мнения. Жанр информационной журналистики не позволяет автору эксплицитно высказывать свою позицию, кроме того, мнение автора в таких текстах высказывается в меньшем количестве случаев по сравнению с мнениями сущностей друг о друге. Тем не менее журналист может выразить своё мнение, выбирая специфическую лексику для описания некоторых событий или явлений.

3) Между тем резервы (1.2759) эти и так с **гулькин (2.1790) нос (1.7019)**, а перспектива (0.5258) резкой (0.6349) девальвации (1.5769) рубля (1.0998) после **деноминации (2.1790)**, призванной (0.9237) укрепить (0.3936) к нему доверие (0.7988), – это для белорусского (1.7019) руководства (0.5355) просто **ужас (1.7019)**, летящий (2.1790) на крыльях (2.1790) ночи (1.4800). Так что для спасения (1.4800) от обвала (1.4008) очередной (0.8568) конфликт (0.3728) с Москвой надо бы **уладить (2.1790)** как можно скорее (0.6349). ... Капитуляция (1.7019) в этом вопросе (0.1456) может лишь **раззадорить (2.1790)** Кремль, станут (0.0998) **дожимать (2.1790)** и в другом (0.0998)³.

В примере 3 выделена лексика, выражающая мнение автора по отношению к именованным сущностям. В приведённом примере (в корпусе встречались похожие данные) мнение выражено употреблением лексики, редкой для подобного жанра статей, и найти такую лексику, редкую в корпусе, можно при помощи метрики обратной частоты документа (idf). В примере после слов указаны показатели idf для всех слов, за исключением стоп-слов. Можно заметить, что у редкой лексики, выражающей мнение автора, этот показатель выше, чем у остальной. Максимальная idf = 2.1790 в наших расчётах (слово *гулькин*) встретилась в нашем корпусе только в одной статье. Подобный поиск подойдёт только для монотематического корпуса, например, максимальную idf в нашем корпусе получило слово *деноминация*, это обусловлено тематическим отклонением в той статье. Если бы мы учитывали и частоту использования термина в документе, этого можно было бы избежать [2].

За рамки оценки лексики выходят случаи, влияющие на поиск тональности и на сам факт необходимости установления тонального отношения. Для начала

³ Класковский А. Москва будет выбивать у Лукашенко газовый долг // ИноСМИ.Ру. [2016]. URL: <https://inosmi.ru/economic/20160714/237186452.html> (дата обращения: 13.11.2019).

стоит отметить вариации расположения субъекта и объекта тональности по отношению друг к другу. Чаще субъект предшествует объекту, при этом субъект и объект находятся в пределах одного предложения. В таблице 1 представлены результаты ручной разметки 10 статей: были найдены примеры, в которых эксплицитно выражено мнение одной сущности о другой, при этом, кроме порядка *субъект – объект* или *объект – субъект* учитывалось и расположение компонентов мнения в пределах одного предложения.

Таблица 1 / Table 1
Распределение мнений / Opinions distribution

	Субъект – объект	Объект – субъект
Пересекает границу предложения	12,99%	6,49%
Не пересекает границу предложения	57,14%	23,38%

Несмотря на превалирование порядка *субъект – объект*, обратное расположение компонентов встретилось примерно в 30% случаев, что является достаточно серьёзным количеством для анализа грамматических характеристик, объясняющих подобное расположение. До настоящего времени не был проведён глубокий анализ подобных примеров, тем не менее можно указать, что к ним часто относятся случаи прямой речи, так же как и использование предиката в страдательном залоге.

Прямая речь сама по себе является интересным явлением. В статьях нередко приводят цитаты официальных представителей или руководителей государств. Прямая речь также может содержать мнение именованной сущности о другой именованной сущности. В подобных ситуациях возникает вопрос о целесообразности установления тональных отношений между сущностями, ведь они могут не отражать реального расположения дел. В работе мы не делаем различий между реальными и нереальными событиями, однако при создании рабочей автоматической системы это может стать серьёзной проблемой, ведь автор цитаты может лишь высказывать своё мнение о тональных отношениях между двумя сущностями, но не объективно передавать его. Важной для анализа является ситуация, в которой субъектом мнения будет автор прямой речи, в качестве объекта будет представлена другая именованная сущность, подобные примеры попали в таблицу 1 в столбец «объект – субъект».

Кроме прямой речи, может быть и отсылка на мнение или слова другого человека, обычно выраженные при помощи косвенной речи. Можно сказать, это частный случай прямой речи, так как поиск, анализ и последующая правильная автоматическая обработка данных примеров позволят раскрыть те же аспекты мнений, что и прямая речь.

Модальность и условные предложения являются отдельными феноменами для изучения, так как в них выражается и мнение автора, и неуверенность в реальности отношения между сущностями. Сослагательное наклонение является полисемичным, в русском языке оно выражает события, не относящиеся к реальным, которые выражают предположения автора или именованной сущности об отношениях между сущностями.

4) *А если Турция активизирует борьбу с «Исламским государством»⁴ в Сирии, Вашингтон может снизить свою поддержку курдских группировок⁵.*

Контрфактивное высказывание в примере 4 выражает несколько мнений именованных сущностей (табл. 2). Мнения выписаны в виде кортежа <субъект тональности; объект тональности; тональность или изменения тональности; эксплицитное тональное высказывание, если оно выделяется в примере>. Вместо «курдских группировок» в таблице указана «Турция» – это связано с тем, что *курдские группировки* также должны являться возможным объектом тональности, поэтому для иллюстрации они заменены на эквивалентную именованную сущность.

Таблица 2 / Table 2
Тональная структура предложения / Sentiment structure of the sentence

Субъект	Объект	Тональность	Тональное высказывание
Турция	Исламское государство	Отрицательная тональность	Активизирует борьбу
Вашингтон	Турция	Снижение тональности по шкале	Может снизить свою поддержку

Первое отношение выражает негативное значение, второе отношение снижает положительную тональность в отношении пары *Вашингтон – Турция*. Снижение тональности было бы особо полезным при небинарной оценке тональности, тем не менее даже в случае классификации мнений на положительные и отрицательные эта информация имеет большое значение. Отдельно стоит отметить, что некоторые лексемы тональных высказываний в таблице 2 являются оценочными, они внесены в тональные лексиконы. Встаёт вопрос о необходимости выделения этих тональных отношений: они

⁴ Организация запрещена на территории Российской Федерации.

⁵ Бэндоу Д. Турция помирилась с Россией, Америке тоже надо прекратить новую холодную войну с Москвой // ИноСМИ.Ру. [2016]. URL: <https://inosmi.ru/politic/20160706/237092665.html> (дата обращения: 13.11.2019).

не связаны с реальным миром, компоненты высказывания не прошли бы проверки критериями истинности, следовательно, этих отношений нет. Модальность похожим образом влияет на тональность, однако эти случаи сложнее из-за большей многозначности модальности в языке. С одной стороны, модальность является категорией, выражающей отношение говорящего к содержанию высказывания, тем самым показывая тональность. С другой стороны, модальность может быть показателем отношения содержания высказывания к действительности, делая нежелательным выделение тональности в ситуациях ложного содержания.

ВЫВОДЫ

Особенности выражения мнений при проведении анализа тональности зависят от ряда факторов, в первую очередь от материала. Аналитические политические статьи обладают рядом особенностей, которые требуют особого внимания при обработке. Если некоторые особенности лишь затрудняют установление мнений, то другие меняют полярность оценки или в принципе делают выделение отдельного мнения нежелательным, как в случаях с несоответствием содержания действительности.

К лексическим особенностям можно отнести высказывания с взаимной тональностью и нейтральную лексику, влияющую на тональные высказывания. При предварительном анализе этой лексики можно расширить число тональных отношений, частично покрыв имплицитную тональность, и избежать части ошибок классификации тональных отношений.

Синтаксическими особенностями считаются вопросы прямой речи и отсылки к чужому мнению, а также модальность и условные предложения; последние относятся к контрфактивным высказываниям, ставящим под вопрос возможность выделения мнений с такими значениями.

Исследование особенностей выражения мнения в политическом дискурсе важно как для теоретической лингвистики, так и для автоматической обработки естественного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляков М. В., Максименко О. И. Прагматика метафоры в русском дипломатическом дискурсе // IV Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках: материалы докладов и сообщений Международной научно-практической конференции, Москва, 22–23 октября 2019 г. / под ред. А. С. Борисовой, А. В. Игнатенко, Т. В. Лариной, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2019. С. 453–459.
2. Семина Т. А. Извлечение мнения автора через обратную частоту документа // Вестник Московского государственного областного университета

(электронный журнал). 2019. № 2. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 04.10.2019).

3. Юсупов И. Распознавание именованных сущностей с использованием синтактико-семантических признаков и нейросетей [Электронный ресурс] // Диалог: труды Международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям, Москва, 1–4 июня 2016 г. Вып. 15 (22). [2016]. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3475/yusupov.pdf> (дата обращения: 04.10.2019).

4. Baymurzina D. R., Kuznetsov D. P., Burtsev M. S. Language model embeddings improve sentiment analysis in Russian // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог», Москва, 29 мая – 1 июня 2019 г. М.: Издательство РГГУ, 2019. С. 53–62.

5. Chiranjeevi P., Santosh D. T., Vishnuvardhan B. Survey on Sentiment Analysis Methods for Reputation Evaluation // Cognitive Informatics and Soft Computing. Singapore: Springer, 2019. P. 53–66.

6. Choi Y., Wiebe J., Mihalcea R. Coarse-grained +/- Effect Word Sense Disambiguation for Implicit Sentiment Analysis // The IEEE Transactions on Affective Computing. 2017. Vol. 8. № 4. P. 471–479.

7. Li X., Wu C., Mai F. The effect of online reviews on product sales: A joint sentiment-topic analysis // Information & Management. 2019. Vol. 56. № 2. P. 172–184.

8. Rusnachenko N., Loukachevitch N. V. Extracting Sentiment Attitudes from Analytical Texts via Piecewise Convolutional Neural Network // DAMDID/RCDL, October 9th–12th, 2018. Moscow, 2018. P. 186–192.

9. Saura J. R., Palos-Sanchez P., Grilo A. Detecting indicators for startup business success: Sentiment analysis using text data mining // Sustainability. 2019. Vol. 11. № 3. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/11/3/917> (дата обращения: 04.10.2019).

10. Zhang L., Liu B. Identifying noun product features that imply opinions // Proceedings of the 49th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies: short papers. Vol. 2. Shoumen, Bulgaria: Association for Computational Linguistics, 2011. P. 575–580.

REFERENCES

1. Belyakov M. V., Maksimenko O. I. [Pragmatics of metaphor in Russian diplomatic discourse]. In: Borisova A. S., Ignatenko A. V., Larina T. V., Lomakina O. V., eds. *IV Firsovskie chteniya. Yazyk v sovremennykh diskursivnykh praktikakh: materialy dokladov i soobshchenii Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moskva, 22–23 oktyabrya 2019 g.* [IV Firsov readings. Language in modern discourse practices: proceedings of the International scientific and practical conference, Moscow, October 22nd–23rd, 2019]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2019, pp. 453–459.

2. Semina T. A. [Author's opinion mining using inverse document frequency]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi*

- zhurnal) [Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)], 2019, no. 2. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 04.10.2019).
3. Yusupov I. [Named entity recognition using syntactic and semantic features and neural networks]. In: *Dialog: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii po komp'yuternoi lingvistike i intellektual'nykh tekhnologiyam*, Moskva, 1–4 iyunya 2016 g.) [Dialogue: Proceedings of the international conference on computational linguistics and intellectual technologies, Moscow, June 1st–4th, 2016], vol. 15 (22). Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/3475/yusupov.pdf> (accessed: 04.10.2019).
4. Baymurzina D. R., Kuznetsov D. P., Burtsev M. S. Language model embeddings improve sentiment analysis in Russian. In: *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog», Moskva, 29 maya – 1 iyunya 2019 g.* [Computational linguistics and intellectual technologies: Based on the materials of the annual international conference “Dialogue”, Moscow, May 29th – June 1st, 2019]. Moscow, Russian State Humanitarian University Publishing, 2019, pp. 53–62.
5. Chiranjeevi P., Santosh D. T., Vishnuvardhan B. Survey on Sentiment Analysis Methods for Reputation Evaluation. In: *Cognitive Informatics and Soft Computing*. Singapore, Springer, 2019, pp. 53–66.
6. Choi Y., Wiebe J., Mihalcea R. Coarse-grained +/- Effect Word Sense Disambiguation for Implicit Sentiment Analysis. In: *The IEEE Transactions on Affective Computing*, 2017, vol. 8, no. 4, pp. 471–479.
7. Li X., Wu C., Mai F. The effect of online reviews on product sales: A joint sentiment-topic analysis. In: *Information & Management*, 2019, vol. 56, no. 2, pp. 172–184.
8. Rusnachenko N., Loukachevitch N. V. Extracting Sentiment Attitudes from Analytical Texts via Piecewise Convolutional Neural Network. In: *DAMDID/RCDL, October 9th–12th, 2018*. Moscow, 2018, pp. 186–192.
9. Saura J. R., Palos-Sanchez P., Grilo A. Detecting indicators for startup business success: Sentiment analysis using text data mining. In: *Sustainability*, 2019, vol. 11, no. 3. Available at: <https://www.mdpi.com/2071-1050/11/3/917> (accessed: 04.10.2019).
10. Zhang L., Liu B. Identifying noun product features that imply opinions. In: *Proceedings of the 49th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies. Vol. 2*. Shoumen, Bulgaria, Association for Computational Linguistics, 2011, pp. 575–580.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 19.11.2019

Статья размещена на сайте: 22.07.2020

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Семина Татьяна Алексеевна – аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета; e-mail: taniasemina@gmail.com

Tat'yana A. Semina – Postgraduate Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow Region State University; e-mail: taniasemina@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Семина Т. А. Анализ выражения мнения в письменном политическом медиадискурсе // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Semina T. A. Analysis of expression of opinion in written political media discourse. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2020, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.

НАШИ АВТОРЫ

Варова Вера Витальевна	аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики	Московский государственный областной университет	varova2013@ yandex.ru
Максименко Ольга Ивановна	доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации	Московский государственный областной университет	maxbel7@yandex. ru
Семина Татьяна Алексеевна	магистр лингвистики, аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики	Московский государственный областной университет	taniasemina@ gmail.com
Беляков Михаил Васильевич	кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка для иностраных учащихся	Московский государственный институт международных отношений	belmax007@ hotmail.com
Евграфова (Закирова) Юлия Александровна	кандидат филологических наук, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков	Московский государственный областной университет	fox113105@mail. ru; 212.155.04@ mail.ru
Абрамян Артём Сергеевич	аспирант кафедры политологии и права	Московский государственный областной университет	artem.am@mail.ru
Бочарников Игорь Валентинович	доктор политических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, профессор кафедры политологии	Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана	nic.bezopasnost@ yandex.ru
Овсянникова Ольга Александровна	кандидат педагогических наук, доцент, исполнительный директор Научно- исследовательского центра проблем национальной безопасности, член- корреспондент	Академия военных наук	olga. owsyannickowa@ yandex.ru

Бабурова Надежда Борисовна	кандидат политических наук, доцент кафедры истории России средних веков и нового времени	Московский государственный областной университет	baburova.nadezhda@gmail.com
Кецба Валерий Игоревич	аспирант кафедры социологии и психологии политики	Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова	ketsba17061994@mail.ru
Кецба Бата Игоревич	кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела исследования проблем в теории и практике таможенного контроля, товарной номенклатуры, экспертизы и торговых ограничений научно-исследовательского института	Российская таможенная академия	ketsba94@mail.ru
Малышева Галина Анатольевна	научный сотрудник	Центр политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН	lamaga2007@yandex.ru
Крамаренко Наталья Станиславовна	доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общей и педагогической психологии	Московский государственный областной университет	ns.kramarenko@mgou.ru;contactsnsk@gmail.com
Манойло Андрей Викторович	доктор политических наук; член Научного совета при Совете Безопасности РФ, профессор кафедры российской политики	Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова	cyberhurricane@yandex.ru
Щенина Ольга Геннадьевна	Кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела исследования социально-политических отношений	Центр политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук	oschenina@mail.ru
Егоров Владимир Георгиевич	доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и права	Московский государственный областной университет	korrka@mail.ru;kaf-pprava@mgou.ru
Рекк Дмитрий Александрович	аспирант кафедры политологии и права	Московский государственный областной университет	100100200@bk.ru

Горьковая Ирина Алексеевна	доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека	Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена	iralgork@mail.ru
Микляева Анастасия Владимировна	доктор психологических наук, профессор кафедры психологии человека Института психологии	Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена	a.miklyaeva@gmail.com
Воронин Анатолий Николаевич	доктор психологических наук, главный научный сотрудник	Институт психологии Российской академии наук	voroninan@bk.ru
Кубрак Тина Анатольевна	кандидат психологических наук, научный сотрудник	Институт психологии Российской академии наук	kubrak.tina@gmail.com
Смирнов Иван Валентинович	кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий отделом	Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук	ivs@isa.ru
Станкевич Максим Алексеевич	инженер-исследователь	Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук	stankevich@isa.ru
Селезнева Елена Владимировна	доктор психологических наук, профессор, заведующий научно-исследовательским сектором научно-исследовательской лаборатории «Диагностика и оценка руководителей» факультета оценки и развития управленческих кадров Института «Высшая школа государственного управления»	Высшая школа государственного управления, РАНХиГС	selezneva-ev@ranepa.ru
Чирковская Елена Георгиевна	кандидат психологических наук, доцент, директор центра современных кадровых технологий факультета оценки и развития управленческих кадров Института «Высшая школа государственного управления»	Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)	tchirkovskaya@mail.ru
Горькая Жанна Владимировна	кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры социальной педагогики	Российский университет дружбы народов	zhannagorkaya@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Абрамян А. С.

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ ПОПУЛИЗМА..... 3

Бочарников И. В. Овсянникова О. А.

КИРГИЗИЯ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ 12

Егоров В. Г., Рекк Д. А.

КЛАНЫ В АКТУАЛЬНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 36

Кецба В. И. Кецба Б. И.

ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В МАССОВОМ
СОЗНАНИИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ 48

Малышева Г. А

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПАНДЕМИИ В ОБЩЕСТВЕ ЦИФРОВОЙ
СЕТЕВИЗАЦИИ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ 60

Манойло А. В.

ЦЕПНЫЕ РЕАКЦИИ КАСКАДНОГО ТИПА В СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЯХ
ВИРУСНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ «ФЕЙКОВЫХ НОВОСТЕЙ»..... 75

Щенина О. Г.

СО-ИНФОРМИРОВАННОСТЬ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ
COVID-19..... 108

ПСИХОЛОГИЯ

Бабурова Н.Б.

ЛИДЕР VS ЖЕРТВА: ФОРМИРОВАНИЕ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ У ЛИДЕРА
ПОСРЕДСТВОМ ГОНЕНИЙ..... 121

Воронин А. Н., Кубрак Т. А.Смирнов И. В., Станкевич М. А.

ОЦЕНКА СУБЪЕКТНОСТИ СЕТЕВОГО СООБЩЕСТВА ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ
АВТОМАТИЧЕСКОГО РЕЛЯЦИОННО-СИТУАЦИОННОГО
АНАЛИЗА ЕГО КОНТЕНТА 134

Горькая Ж. В.

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ВРЕМЕННЫХ
ОРИЕНТАЦИЙ ШКОЛЬНИКОВ РАЗНОГО ПРОФИЛЯ ОБУЧЕНИЯ 154

Горьковская И.А., Микляева А.В.

СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА БЕЗОПАСНОСТИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ КАК ПРЕДИКТОР
ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ МОЛОДЁЖИ 173

Крамаренко Н.С.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В НОВОЙ ЭКОСИСТЕМЕ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАНИЯ..... 191

Селезнева Е. В., Чирковская Е. Г.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ УПРАВЛЕНЧЕСКОМ ТАЛАНТЕ 202

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Беляков М. В.

КВАНТИТАТИВНО-ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕЙ В СОВЕТЕ
БЕЗОПАСНОСТИ ООН (РУССКИЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС) 221

Варова В. В., Максименко О. И.

ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ВСЕМИРНОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОМ ФОРУМЕ (ДАВОС 2018–2019 ГГ.) 238

Евграфова Ю. А.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РЕАЛЬНОСТИ В ДИНАМИКЕ ГЕТЕРОГЕННОГО ЭКРАННОГО ТЕКСТА
(НА ПРИМЕРЕ КИНОТЕКСТА “MIDNIGHT IN PARIS”
И ТЕЛЕТЕКСТА «УТРО ПЯТНИЦЫ») 253

Семина Т. А.

АНАЛИЗ ВЫРАЖЕНИЯ МНЕНИЯ В ПИСЬМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
МЕДИАДИСКУРСЕ 274

BULLETIN MRSU

Electronic scientific journal «Bulletin MRSU» was established in 2010.

Founder: Moscow Regional State University.

The journal is registered at the Federal Service for Supervision of Compliance with Legislation of Mass Media and Protection of Cultural Heritage. Registration Certificate ЭЛ № 0077-43477.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

ISSN (Online) 2224-0209.

Included in world's largest overseas databases of abstracts: open access journals DOAJ (Directory of Open Access Journal), Ulrichsweb, EBSCO.

Electronic scientific journal publishes results of scientific research in human sciences. The journal is intended for researchers, secondary and high school teachers, graduate and undergraduate students, anyone who is interested in the achievements of Russian science. The journal is published 4 times a year.

Editorial board

The editor-in-chief:

Abramov Andrey V. — Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor.

The deputy editors:

Levchenko Marina N. — Doctor of Philology, Professor of Moscow State Regional University;

Kramarenko Natalya S. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow State Regional University;

Section "Political Science"

Bagdasaryan Vardan E. — Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow State Regional University;

Vilkov Aleksandr A. — Doctor in Political Sciences, Professor, Saratov state University named after N. G. Chernyshevsky;

Egorov Vladimir G. — Doctor of History, Professor of Moscow State Regional University;

Manoilov Andrei V. — Doctor in political Sciences, Professor Moscow state University named after M. V. Lomonosov;

Komleva Natalya A. — Doctor of Political Sciences, Professor of the Urals Federal University named after Yeltsin B.N.;

Markarov Alexander A. — Doctor of Political Sciences, Professor of Yerevan State University (Armenia), Armenian branch of the Institute of the CIS (Yerevan);

Martynov Mikhail Y. — Doctor of Political Sciences, associate professor Surgut state University;

Sel'tser Dmitrii G. — Doctor of political Sciences, Professor Tambov state University named after G. R. Derzhavin;

Solov'ev Aleksandr I. — Doctor of political Sciences, Professor Moscow state University. M. V. Lomonosov;

Fedorchenko Sergei N. — PhD in Political Sciences, Associate Professor Moscow Region State University;

Feofanov Konstantin A. — Doctor of political Sciences, Professor, Diplomatic Academy of the MFA of Russia;

Shirinyants Aleksandr A. — Doctor of political Sciences, candidate of philosophical Sciences, head of chair of history of socio-political doctrines, faculty of political science of Moscow state University named M.V. Lomonosov;

Stoll Vladimir V. — Doctor of Political Sciences, Professor of Central European university in Skalitsa (Slovakia).

Section "Psychology"

Bauer Elena A. — Doctor of psychological Sciences, corresponding member of RAE;

Karabanova Olga A. — Doctor of psychological Sciences, Professor Moscow state University named after M. V. Lomonosov;

Noss Igor N. — doctor of psychological Sciences, Professor, Professor of Moscow State Regional University;

Skripkina Tat'yana P. — doctor of psychological Sciences, Professor Russian state University for the Humanities;

Stepanov Vladimir G. — candidate of psychological Sciences, Professor, Moscow state pedagogical University;

Tolstikova Svetlana P. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Moscow City Pedagogical University;

Tchvetkova Nadejda A. — Doctor of Psychology, Associate Professor of Saint Petersburg State Institute of Psychology and social work.

Section "Philology"

Aliferenko Nikolay F. — Doctor of Philology, Professor of Belgorod State National Research University;

Issers Oksana S. — Doctor of philological Sciences of Omsk state University n. a. F. M. Dostoevsky;

Ledeneva Valentina V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor Moscow State Regional University;

Markova Elena M. — Doctor of Philology, Professor of Moscow State Regional University, Giril and Methodius University in Triave, (Slovakia);

Mokienko Valery M. — Doctor of Philology, Professor of Saint Petersburg State University;

Nikitin Oleg V. — Doctor of philological Sciences, Professor, Professor Moscow state regional University;

Radchenko Marina V. — Doctor of Philology, Professor of Zadar university (Horvati);

Simashko Tatyana V. — Doctor of Philology, Professor of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Archangelsk);

Sipko Joseph — Ph. D. In Philology, Doctor, Professor (Preshov University (Slovakia).

COTACT US:

Our address: 105005, Moscow, Radio street, 10a, office 98.

Telephone: +7 (495) 780-09-42 add. 1740

<https://evestnik-mgou.ru/>

E-mail: info@evestnik-mgou.ru, e-mag@mgou.ru

Work schedule: Monday to Thursday from 10-00 to 17-30,

Friday from 10:00 to 16:00,

lunch break from 13:00 to 14:00.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство регистрации СМИ: Эл № ФС77-69267 от 29.03.2017 г.

Журнал включен в базы данных:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), EBSCO, DOAJ, Ulrichsweb, ROAD.
Включен в электронно-библиотечные системы «Киберленинка», ЭБС «Лань», «Знаниум».

К представленным в журнал материалам предъявляются следующие требования:

- статья должна быть написана на русском, английском языке;
- статья должна быть оформлена в соответствии с требованиями журнала, размещённых на сайте www.evestnik-mgou.ru;
- статья должна соответствовать одному из направлений (тематических рубрик) журнала и номенклатуре специальностей научных работников;
- материал, предлагаемый автором для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее, написан в контексте современной научной литературы, содержать очевидный элемент создания нового знания.

Статьи, поступившие в журнал, подлежат обязательному независимому рецензированию.

Подробная информация размещена на сайте издания <https://www.evestnik-mgou.ru>

Опубликованным статьям присваивается идентификатор DOI (Digital object identifier) – цифровой идентификатор объекта.

Материалы журнала размещаются на сайте www.evestnik-mgou.ru, а также имеют полнотекстовую сетевую версию на платформе Научной электронной библиотеки (Elibrary.ru).

При цитировании ссылка на журнал «Вестник Московского государственного областного университета» обязательна.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения автора.

Над номером работали:

Ответственный секретарь:

Германова А.Ф.

Технический редактор:

Ахриева Л.М.

Переводчик:

Приказчикова Е.В.

Корректор:

Гладунов И.К.

Компьютерная вёрстка и системное администрирование сайта:

Горбунов А.А.

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, каб. 98.

Тел.: +7 (495) 780-09-42 доб. 1740,

<https://evestnik-mgou.ru>, e-mail: info@evestnik-mgou.ru

Гарнитура «Myriad Pro».
